William C. Fuller, Jr.

The Foe Within:

FANTASIES OF TREASON AND THE END OF IMPERIAL RUSSIA

Cornell University Press
Ithaca and London

2006

Уильям Фуллер

Внутренний враг:

ШПИОНОМАНИЯ И ЗАКАТ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

Новое
Литературное
Обозрение

2009

УДК 323.28(470+571)"1915/1917"
ББК 63.3(2)53-361
Ф 94

Редакционная коллегия серии
HISTORIA ROSSICA
Е. Анисимов, В. Живов, А. Зорин,
А. Каменский, Ю. Слёзкин, Р. Уортман

Фуллер У.
Ф 94 **Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России** */Авторизованный пер. с английского М. Маликовой.* — М.: Новое литературное обозрение, 2009. — 376 с.

Уильям Фуллер, признанный специалист по российской военной истории, избрал темой своей новой книги печально знаменитое дело полковника С.Н. Мясоедова и генерала В.А. Сухомлинова. Привлекая еще не использованные историками следственные материалы, автор соединяет полный живых деталей биографический рассказ с анализом полицейских, разведывательных, судебных практик и предлагает проницательную реконструкцию шпиономании военных и политических элит позднеимперской России. Центральные вопросы, вокруг которых строится книга: как и почему оказалось возможным инкриминировать офицерам, пусть морально ущербным и нечистым на руку, но не склонявшимся никогда к государственной измене и небесталанным, наитягчайшее в военное время преступление и убедить в их виновности огромное число людей? Как отозвались эти «разоблачения» на престиже самой монархии? Фуллер доказывает, что в мышлении, риторике и псевдоюридических приемах устроителей судебных процессов 1915—1917 годов в зачаточной, но уже зловещей форме проявились главные черты будущих большевистских репрессий — одержимость поиском козлов отпущения и презумпция виновности.

УДК 323.28(470+571)"1915/1917"
ББК 63.3(2)53-361

ISBN 978-5-86793-729-4

Copyright©1992 by William C. Fuller, Jr.
Публикуется с разрешения издательства Cornell University Press (США) и Агентства Александра Корженевского (Россия)
© М. Маликова, пер. с английского, 2009
© «Новое литературное обозрение», 2009

Посвящаю эту книгу Ричарду и Ирен Пайпс

Благодарности

Исследование, результатом которого стала настоящая книга, основано прежде всего на материалах московских архивов — Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ).

Также я работал с архивными источниками в британском Public Record Office. Я благодарен сотрудникам всех названных учреждений. Также считаю своим долгом выразить признательность за помощь в осуществлении проекта работникам московской Российской государственной библиотеки, Библиотеки Уайденера в Гарвардском университете и библиотеки Военно-морского колледжа. Иллюстрации были подобраны Андреем Ганиным, замечательным историком, преподающим в Московском государственном университете. Карты подготовила Дарин Т. Граубергер из Канзасского университета. Я глубоко признателен им обоим.

С удовольствием назову имена коллег, помогавших мне советами. Майкл Станиславски из Колумбийского университета снабдил меня полезными указаниями на библиографические источники по истории еврейства. Томас Оуэн из Университета штата Луизиана щедро делился своими обширными познаниями в области истории капитализма в России и предоставил мне материалы из собранной им исчерпывающей базы данных о промышленных корпорациях, существовавших в России до революции. Весьма полезным было обсуждение многих тем моего исследования с Брюсом Меннингом (U.S. Army Command and General Staff College). Дэниел Орловски из Южного Методистского университета и Грегори Фриз из Университета Брандейса прочитали книгу в рукописи и поделились со мной чрезвычайно ценными замечаниями. Хотел бы также побла-

годарить Эрика Лора из Американского университета, позволившего мне ознакомиться с его на тот момент не опубликованной работой «Enemy Alien Politics within the Russian Empire during World War I». Во время моих исследовательских поездок в Москву неоценимую помощь мне оказал покойный Александр Георгиевич Кавтарадзе, выдающийся знаток российской императорской армии. Что касается возможных ошибок, все они на моей совести.

Небольшая часть текста 5-й и 7-й глав, касающегося опыта России в Первой мировой войне, первоначально была опубликована мною в статье «The Eastern Front», вошедшей в книгу: The Great War and the Twentieth Centure / Ed. by Jay Winter, Geoffrey Parker, and Mary Habeck. New Haven: Yale University Press, 2000. P. 30—68. Здесь она воспроизводится с разрешения издательства.

Введение

КАЗНЬ В ВАРШАВЕ

В 10 часов 35 минут утра 18 марта 1915 года в Варшавской цитадели приступил к работе особый военно-полевой суд. Заседание происходило в просторной неотапливаемой и практически пустой комнате. За покрытым зеленым сукном столом сидели судьи — полковник Лукирский и четыре его товарища. На скамье подсудимых — полковник Сергей Николаевич Мясоедов, сорока девяти лет от роду, переводчик при штабе 10-й армии, обвиняющийся в шпионаже в пользу Германии. Предусмотренное законом наказание — вплоть до смертной казни.

Внезапность ареста и поспешно предъявленное обвинение потрясли Мясоедова. Он успел написать записку матери, умоляя ее подать прошение генералу Н.В. Рузскому, командующему Северо-Западным фронтом. «Я безусловно ни делом, ни намерением не виноват, — написал он, — и не знаю, в чем меня обвиняют»[1]. Все происходящее представлялось Мясоедову диким недоразумением: суд — ошибка, все скоро разъяснится и его невиновность будет доказана. Но час за часом вызывали свидетелей, зачитывались показания отсутствующих, и Мясоедов стал терять самообладание. Узнав, что лишен права на всякую защиту, Мясоедов наконец осознал смертельную опасность.

В 6 часов 15 минут вечера суд объявил перерыв для обсуждения показаний свидетелей. Спустя менее двух часов судьи вернулись, чтобы огласить приговор. Мясоедов был признан виновным по пунктам 1а, 2 и 3 обвинения и приговорен к смертной казни через повешение. После объявления приговора председатель суда обратился к подсудимому с вопросом, имеет ли тот что-либо сказать.

Несколько секунд Мясоедов молчал. Потом вдруг закричал, что желает послать телеграмму императору, попрощаться с матерью... захлебнувшись, без чувств рухнул на пол[2]. Охрана поспешно схватила его и увела в камеру смертников, на третьем этаже размещавшуюся в крепости военной тюрьмы.

Следующие несколько часов Мясоедов жил надеждой на помилование. Он строчил телеграммы своей дочери Музе и матери, требуя, чтобы они от его имени подали прошение. «Я осужден полевым судом, — писал он дочери. — Клянусь, что невиновен. Умоляй Сухомлиновых [военного министра и его супругу. — *У.Ф.*] спасти. Просите Государя Императора помиловать»[3]. Однако время шло, и горячечные надежды сменились беспросветным отчаяньем.

В полночь Мясоедова в камере посетил православный священник отец В.В. Кристанер. Мясоедов попросил вывести его в туалет. Капитан Д.М. Еремев отпер дверь камеры и сопроводил осужденного в ватерклозет, находившийся в коридоре. Мясоедов захлопнул за собой дверь и закрыл ее на задвижку. Через несколько минут вдруг услышали его крик: «Сейчас! Сейчас!» Еремев поднял тревогу, дверь взломали. Мясоедов полулежал у стены, кровь текла по манишке — он разбил стекла пенсне и трижды резанул себя по горлу. Не вмешайся Еремев, острие дошло бы до сонной артерии.

Мясоедова водворили обратно в камеру, первую помощь ему оказал доктор М.Д. Войцеховский. Когда порезы были перевязаны, Мясоедов попросил снова позвать священника. Отец Кристанер выслушал его последнюю исповедь и причастил узника. Едва кончился обряд, в камеру вошло несколько конвойных, Мясоедова подняли, протащили по коридору и вывели к виселице, установленной на гласисе за внутренней стеной цитадели[4]. В 3 часа 13 минут утра на его шею набросили петлю[5]. Виселица была низкая — едва три с половиной метра высотой и без ската; говорили, что Мясоедов четверть часа дергался в петле, прежде чем умер[6]. Когда все кончилось, тело сняли, завернули в рогожу и погрузили в военный грузовик. Труп вывезли за черту города и похоронили в безымянной могиле.

Последствием этой варварской казни была захлестнувшая Российскую империю шпиономания. Повальные аресты, сотни обысканных квартир, тысячи страниц конфискованных документов.

Среди задержанных в первые дни арестов были жена Мясоедова (к тому времени не жившая с ним вместе), его зять, любовница, коллеги по службе, даже несколько случайных знакомых, включая хозяина магазина, который когда-то одолжил Мясоедову пишущую машинку, и директора станционного буфета, куда захаживал осужденный[7]. К двадцатым числам апреля 1915 года по делу проходило уже тридцать обвиняемых; готовились новые аресты[8].

Поздней весной 1915 года германские и австро-венгерские войска прорвали оборону российских войск между Горлице и Тарну-

Константиновские ворота Варшавской цитадели
В этой крепости судили и казнили Мясоедова

вом, вынудив русскую армию отступить в глубь страны более чем на триста километров. Стабилизации фронта удалось добиться только к концу года, потери составили убитыми сто пятьдесят тысяч, семьсот тысяч ранеными, более трехсот тысяч попали в плен[9]. Наступление немцев на севере докатилось до ворот Риги, а на юге до пригородов Тарнополя. В стране было почти два миллиона беженцев из числа гражданского населения. Вся российская часть Польши и практически вся Литва были оккупированы Германией. Призывы разобраться с «предателями», на которых возлагалась вина за Великое отступление, породили вторую волну арестов по делу Мясоедова в конце 1915 — начале 1916 года. К этому времени отзвук казни Мясоедова докатился до высших политических кругов Российской империи. 20 апреля 1916 года был бесцеремонно арестован и препровожден в Петропавловскую крепость генерал В.А. Сухомлинов, занимавший пост военного министра с 1909 до весны 1915 года. Ему предъявили обвинение в бездействии, должностных преступлениях и государственной измене. Среди вменявшихся ему в вину «преступлений» были личные отношения с Мясоедовым. Выпущенный в октябре 1916 года по приказу Николая II под домашний арест, Сухомлинов был вновь заключен в тюрьму

после Февральской революции 1917 года. Его судило Временное правительство и в сентябре 1917 года приговорило к пожизненной каторге.

В то время некоторые военные круги — и далеко не только либеральные — возлагали ответственность за катастрофические поражения, понесенные Россией с августа 1914 года, прежде всего на якобы раскрытую в связи с делом Мясоедова разветвленную шпионскую сеть, организованную Германией задолго до начала Первой мировой войны. Даже много лет спустя находились люди, по-прежнему убежденные, что военные неудачи России были вызваны изменническими связями Мясоедова с противником — от сокрушительного поражения при Танненберге в августе 1914 года до гибели 20-го корпуса в феврале 1915 года[10]. М.Д. Бонч-Бруевич, генерал царской армии, впоследствии служивший в генеральском звании и при советской власти, в опубликованных в 1956 году мемуарах заявлял о виновности Мясоедова и похвалялся собственным участием в раскрытии заговора[11]. Что касается представителей противоположного политического лагеря, то Антон Деникин, один из виднейших военачальников Белого движения, был безоговорочно уверен в том, что Мясоедов был шпионом[12].

Что касается лиц гражданских, то и либеральная и умеренная правая оппозиция как символ веры повторяла, что обвинение Мясоедова в предательстве и шпионаже является обоснованным. Общественность громко требовала сурового наказания для всякого, кто, пусть отдаленно, имел отношение к этой измене. Передавали, будто М.В. Родзянко, председатель Государственной думы, говорил: «Должны быть повешены даже те, которые чистили Мясоедову сапоги»[13]. Что касается Сухомлинова, то — несмотря на определенные сомнения в том, был ли он германским агентом «сознательно», — все сходились во мнении, что его «легкомыслие», небрежность и пристрастие к дурному обществу нанесли безопасности страны значительный урон[14].

В этих обстоятельствах не приходится удивляться тому, что многие дипломаты союзных держав и аккредитованные в России журналисты также винили в поражениях русской армии германских шпионов. Французский посол в Петрограде Морис Палеолог в марте 1915 года записал в дневнике, что «точные и непрерывные» сведения, которые Мясоедов передавал немцам, сыграли значительную роль в «серии поражений, в результате которых Россия была вынуждена оставить Восточную Пруссию»[15]. Роберт Уилтон,

бывший в годы войны корреспондентом лондонской «Таймс» в Петрограде, позже утверждал, что немцы были обязаны своими значительными военными успехами конца зимы 1915 года, когда они «практически смяли Неманский фронт», помощи, полученной ими от «Мясоедова, своего тайного агента в штабе корпуса, которым командовал генерал Сиверс»[16].

Поскольку первые работы по истории русской революции принадлежат перу русских эмигрантов-либералов или же английских, французских и американских исследователей, непосредственно связанных с либеральной или праволиберальной русской средой, предательство Мясоедова прочно вошло в анналы историографии России. Зачастую сообщения об этом деле расцвечивались ложными сведениями и беспочвенными слухами, простодушно принимавшимися за чистую монету. Так, ведущий британский авторитет в области русской истории Бернард Пеэрз в книге «Падение российской монархии» сообщает, что Мясоедов накануне казни сознался в измене, объяснив ее тем, что «только победа Германии могла спасти русское самодержавие»[17]. Павел Милюков, выдающийся историк и деятель кадетской партии, в своей изданной на французском трехтомной истории России (1932) с уверенностью сообщал, что казнь Мясоедова «подтвердила охватившие всю страну слухи об измене, проникнувшей в самое сердце армии»[18]. Специалист по истории шпионажа Ричард Уилмер Рован в книге, опубликованной в 1929 году, изобразил Россию периода Первой мировой войны как организм, сплошь изъеденный предателями и вражескими агентами, и восславил разоблачение и обвинение Мясоедова и Сухомлинова как блистательную победу российской контрразведки[19]. Виктор Каледин, племянник знаменитого казачьего генерала, в своих двухтомных квазимемуарах о деятельности дореволюционных секретных служб также уделил этой истории значительное внимание. В действительности его опус не имеет никакого отношения к мемуарному жанру и представляет собой мелодраматический вымысел, во многом восходящий к серии приключений Фу Манчи, сочиненным Саксом Ромером. Если верить Каледину, шпионами были оба, Мясоедов и Сухомлинов, а также их защитница российская императрица Александра Федоровна. Мясоедов все-таки сознался в измене во время эротического свидания, устроенного ему в камере смертников российской секретной службой, с графиней Г., «юной сладострастницей, неукротимой лесбиянкой-экстремисткой»[20].

Скабрезные бульварные вымыслы Каледина, конечно, способны увлечь только читателей безнадежно наивных, однако зачастую серьезные исторические исследования и подлинные мемуары отличаются от прямого искажения фактов лишь в степени, а не сути. Помимо упомянутых работ существует множество воспоминаний армейских и гражданских чиновников и политиков, посвященных последним дням старого режима, — все они утверждают, что Мясоедов действительно совершил те преступления, в которых был обвинен. Эти рассказы полны искаженных фактов, прямых ошибок и вопиюще неправдоподобных фантазий[21]. Антимясоедовский уклон такого рода литературы, вероятно, оказал влияние и на новейшие исследования, где мы также сталкиваемся с несколькими уже знакомыми мифами[22].

Однако мнение, что Мясоедов и, следовательно, Сухомлинов предатели, было широко распространенным, но не всеобщим. Еще осенью 1915 года в Ставке шепотом передавался слух, что Мясоедова оговорили[23]. Многие убежденные реакционеры и ультрамонархисты быстро пришли к выводу, что дела Мясоедова и Сухомлинова сфабрикованы — с целью отвлечь общественное внимание от очевидной некомпетентности военного руководства или как часть зловещего плана левых сил по дискредитации монархии[24]. Как писал генерал А.И. Спиридович, Мясоедов «явился искупительной жертвой за военные неудачи Ставки в Восточной Пруссии»[25]. Еще больший вес эти обвинения приобрели после публикации в 1918 году памфлета О.Г. Фрейната[26]. Фрейнат, чиновник Министерства внутренних дел, лично выступавший защитником на одном из судебных процессов, последовавших за казнью Мясоедова, убедительно доказывал, опираясь на целый ряд каким-то образом попавших ему в руки сенсационных документов, невиновность Мясоедова. В 1967 году историк Георгий Катков, следуя аргументации Фрейната, подчеркнул особое историческое значение этого дела, представив его как политически мотивированную судебную ошибку и одно из ключевых событий кануна Февральской революции[27]. В том же году вышла статья известного советского историка К.Ф. Шацилло, в которой автор, опираясь на некоторые архивные источники (но далеко не исчерпав их), также реабилитировал Мясоедова[28]. И, наконец, в 1969 году свет увидели «Четыре мифа» эмигрантского историка Александра Тарсаидзе — скрупулезный анализ всех опубликованных обвинений против Мясоедова и Сухомлинова, приводивший к выводу о невиновности обоих[29].

Сегодня, благодаря исследованиям Каткова, Шацилло и, в меньшей степени, Тарсаидзе, наибольшее распространение и вес получила версия о том, что обвинение Мясоедова в шпионаже в пользу Германии не может считаться убедительно доказанным[30]. Кроме того, в ряде монографий последних лет, посвященных истории русской армии, деятельность В.А. Сухомлинова на посту военного министра рисуется в нейтральном или даже благожелательном освещении, что, прямо или косвенно, заставляет пересмотреть события вокруг его ареста и суда[31].

Общие очертания дела Мясоедова (исключая скабрезные подробности) были известны специалистам достаточно давно, однако открытие в 1990-е годы российских архивов позволило вернуться к этой теме. Полностью и во всех деталях история ряда взаимосвязанных судебных процессов и шпиономании, охватившей царскую Россию во время Первой мировой войны, еще не раскрыта. Это удивительный, полный ярких эпизодов сюжет, разыгранный героями, представлявшими все слои европейского общества. Среди тех, кто прямо или косвенно оказался вовлечен в описываемые события, — российский и германский императоры, балтийские дворяне, высокопоставленные военные, куртизанки, торговцы оружием, крестьяне, лидеры нескольких политических партий, еврейские коммерсанты, царские министры, агенты политического сыска, германские шпионы, а также Григорий Распутин. Однако значение дела Мясоедова/Сухомлинова далеко не сводится к составу его участников и замысловатым перипетиям «сюжета». Важнее всего то, что это дело глубокими корнями[32] связано с политической и военной историей России. Кроме того, его исследование может оказаться значимым и в контексте социальной и культурной истории, поскольку позволяет увидеть самый процесс разложения и распада русского общества.

С политической точки зрения наиболее явный смысл дела Мясоедова/Сухомлинова состоит в том, что оно, в ряду многих других событий, подготовило почву для Февральской революции, содействуя девальвации авторитета и престижа императорской династии. Если Мясоедов был шпионом, то возможности для его злоумышленной деятельности были созданы прежде всего благодаря покровительству В.А. Сухомлинова. В таком случае можно предположить, что предателем был и сам Сухомлинов. А если главой Военного министерства его назначил лично Николай II, если император, доверяя своему министру, во всем с ним советовался,

то что же можно сказать о степени разумности монарха, о его способности управлять страной? А сотни тысяч погибших на фронте — получается, эти жертвы были бессмысленными, явились лишь следствием измены, которую по глупости пропустил или вероломно подстрекал кое-кто из высшего руководства страны? В 1915 и 1916 годах такого рода логические выводы получили широкое хождение как среди гражданского общества, так и на передовой, в окопах[33]. Дело Мясоедова/Сухомлинова, возможно, нанесло монархии еще более сокрушительный удар, чем темные и гнусные слухи о Распутине. Сами имена Мясоедова и Сухомлинова стали синонимами «предателя», как сорок лет спустя имя Квислинга. После захвата власти большевиками известный историк Ю.В. Готье оставил в своем дневнике откровенную запись: «Чем больше думаешь, тем все яснее становится, что общество, породившее Николая II с его Распутиным, Мясоедовых и Сухомлиновых... должно было кончить тем, чем оно кончило»[34]. Иными словами, Готье, который отнюдь не был радикалом, утверждал, что предательство военных продемонстрировало сплошное разложение самих основ системы, что могло служить оправданием ее кровавого революционного уничтожения. Как мы увидим далее, эта история создала особую грамматику измены, где традиционный монархизм, многие поколения сплачивавший империю, стал синонимом не преданности, а прямо противоположного.

В неменьшей степени это дело оказалось разоблачительным и для партийной политики и российской политической культуры — как накануне 1914 года, так и в эпоху войны. Возникновение в России политических партий, взаимная ненависть между всеми назначавшимися царем правительствами и Думами, окостенение политических позиций во время войны, постепенное формирование Прогрессивного блока — все эти темы были объектами множества монографических исследований как русских, так и иностранных авторов. Дело Мясоедова/Сухомлинова проливает свет на одно отвратительное обстоятельство: русская политика в эпоху так называемого конституционного эксперимента на деле была безгранично жестокой и абсолютно беспринципной борьбой за власть. Историки последних лет старого режима в России часто обращают внимание на неразборчивость большевиков в средствах («тактическую гибкость», на языке их поклонников), на продажность министров, на упадок нравов в высшем обществе и на неспособность Николая II управлять страной. Однако поведение некоторых политиков, как либеральных, так и консервативных, а также кое-

кого из генералитета в деле Мясоедова/Сухомлинова в нравственном смысле оказалось столь чудовищным, что невозможно не содрогнуться[35]. Принести в жертву политической целесообразности жизнь невинного человека — это подлость. Но еще большая подлость — разбить его семью, обесчестить страдальца и самое его имя смешать с грязью. Те, кто приложил к этому руку, вероятно, для успокоения собственной совести упирали на благородство цели или требования национальной безопасности, но в конечном счете совершённое ими было не только дурно, но и опасно. Созданная и распространившаяся их усилиями удушливая атмосфера ненависти и параноидальной подозрительности не рассеялась и после падения царского режима. Ее ядовитое влияние подтачивало как действия России на фронтах, так и попытки Временного правительства, сменившего царскую власть, управлять страной.

Обратимся к общественному мнению. Почему столь шаткие доказательства вины были восприняты широкими кругами гражданского общества с таким полным доверием? Конечно, во многих воюющих государствах опыт Первой мировой войны породил истерию на внутреннем фронте[36]. Вера в то, что почти во всех российских несчастьях виноваты козни коварных заговорщиков, вероятно, отвечала некой тайной психологической потребности. Однако те конкретные формы, которые приняла в России шпиономания в годы войны, были обусловлены также глубоко двойственным отношением к капитализму, открытым и тайным антисемитизмом и некоторыми культурными стереотипами в отношении женщины.

И, наконец, в деле Мясоедова/Сухомлинова неожиданным образом оказались высвечены некоторые черты будущих судебных практик сталинизма. Речь идет, конечно, не о масштабе и суровости репрессий. Непозволительно ставить знак равенства между несправедливостью, пусть ужасной, в отношении Мясоедова и террором и массовыми убийствами, учиненными в тридцатые годы Сталиным. Однако юридические и полицейские процедуры 1915 и 1937 годов имеют нечто общее — это презумпция виновности. В деле Мясоедова, как и впоследствии в годы сталинских репрессий, всякий, на кого падало подозрение, считался потенциальным преступником. Не нужно тратить силы на выяснение мотивов преступления, на поиск свидетелей, на исследование доказательств. Для установления виновности достаточно простой возможности (то есть физической возможности для обвиняемого совершить инкриминируемое ему преступление) и связей (контактов с подозрительными лицами).

Глава 1

ВЕРЖБОЛОВО

Этимология фамилии Мясоедов свидетельствует о достаточно высоком социальном статусе ее носителей — в Средние века в Восточной Европе мясо едва ли было доступно простолюдинам. Действительно, Мясоедовы — старый дворянский род, ведущий свое происхождение из Великого княжества Литовского. В 1464 году некий Яков Мясоедов пришел из Литвы в Московию и присягнул на верность великому князю Ивану Васильевичу. Упоминания его потомков встречаются в московских летописях — они занимали различные должности в войске, при дворе, были чиновниками. Несколько раз в награду за службу им даровались поместья[1]. Со временем род разделился на несколько ветвей — та, что интересует нас, проживала в северо-западных областях Российской империи[2].

Сергей Николаевич Мясоедов родился в Вильне, бывшей литовской столице, 5 июля 1865 года. Его отец Николай Мясоедов — помещик, владелец имения в Смоленской губернии. Не будучи состоятельными, родители Сергея Николаевича обладали неплохими связями: многочисленные родственники и друзья Мясоедовых занимали видные позиции в петербургском обществе и во власти. Сам Николай Мясоедов был тоже человек недюжинный и несколько раз избирался предводителем смоленского дворянства. И все же материальная недостаточность семьи обрекла Сергея с ранних лет на военную службу: для детей помещиков обучение в государственных военных заведениях было практически бесплатным, кроме того, жалованье, которое полагалось им по выпуску, вполне позволяло содержать себя.

Итак, Сергей поступил в Московский кадетский корпус (дававший общее среднее образование), а потом перешел в престижное Александровское пехотное училище, где прослушал дополнительный двухлетний курс военного искусства и наук. Весной 1885 года, за несколько месяцев до своего двадцатилетия, он был зачислен в чине подпоручика в 105-й Оренбургский пехотный полк. За выче-

том двух лет адъютантства при командире 17-го армейского корпуса (1888 и 1891 годы), Сергей Николаевич все время своей военной службы провел в Оренбурге, в пехотных войсках, где, очевидно, пользовался всеобщей любовью и уважением[3].

Молодым человеком Мясоедов производил приятное впечатление. Он был любезен, остроумен и имел способности к иностранным языкам, особенно отличился в немецком, на котором свободно говорил, читал и писал. Кроме того, природа наградила его высоким ростом, красивой и представительной внешностью, большой физической силой. Вспоминали, как Мясоедов демонстрировал свою мощь, ломая пальцами медные монеты[4]. Впрочем, у него было два физических изъяна — склонность к тучности (ставшая с годами заметнее) и очень слабое зрение (из-за которого армейское начальство разрешило ему носить очки).

Осенью 1892 года Мясоедов перешел на новую службу. Уволившись из армии, он поступил в Отдельный корпус жандармов, военизированное полицейское формирование, находившееся в подчинении Министерства внутренних дел[5]. Институт жандармов был создан в правление Николая I. К концу XIX века жандармский корпус, в рядах которого числилось чуть менее тысячи офицеров и немногим более ста тысяч рядовых, был единственным действительно общеимперским полицейским учреждением в России. Жандармские администрации работали во всех без исключения областях, в большинстве крупных городов и в ключевых крепостях. Особые жандармские отряды патрулировали улицы Петербурга, Москвы и Варшавы; специальные подразделения жандармов были приписаны к каждой железнодорожной ветке. Помимо этого, из жандармских офицеров составлялись городские охранные отделения — органы тайной политической полиции, в просторечии именовавшейся охранкой[6]. Вполне очевидно, что главной целью этого военного корпуса — при том, что на жандармов было возложено множество дополнительных обязанностей, в том числе проверка паспортов и обеспечение общественного порядка во время ярмарок, военных парадов и народных гуляний, — было выявление и расследование политических преступлений.

Переход Мясоедова в Отдельный корпус жандармов прошел, судя по всему, гладко. Несмотря на существенные различия между жандармами и армией в отношении внутреннего устройства и организационной культуры, все офицеры Отдельного корпуса, подобно Мясоедову, имели опыт службы в регулярных войсках. По зако-

Подполковник Сергей Мясоедов

ну жандармским офицером можно было стать, только отслужив три года в армии[7]. Жандармы, конечно, имели свою особую форму, однако их знаки отличия полностью совпадали с теми, что носила армейская кавалерия. Собственно, в случае войны эти корпуса переходили под управление армейских властей. Да и в мирное время жандармы официально числились в списках армейского резерва.

Вначале Мясоедов получил назначение в жандармское управление Олонецкой губернии, к северо-востоку от Петербурга, по соседству с Финляндией. Менее чем через год последовал перевод в Минск, четыре месяца спустя Мясоедов получил новое назначение, на этот раз в Вержболово, городок в Сувалкской губернии на границе с Восточной Пруссией. 17 января 1894 года Сергей Николаевич Мясоедов вступил в должность помощника начальника железнодорожного жандармского управления, официально именовавшегося Вержболовским жандармским отделением Санкт-Петербургско-Варшавской железной дороги[8]. Следующие шестнадцать лет Мясо-

едову было суждено провести в Вержболово, называвшемся по-немецки Wirballen, а по-литовски Virbalis.

Путешественники, попадавшие в Вержболово, находили его крайне непривлекательной дырой. По отзыву одного англичанина, запоминалась тут главным образом «сплошная грязь, да мотающиеся на ветру высокие деревья»[9]. Узкая речонка, через которую перекинут грубый деревянный мост, и несколько рядов колючей проволоки обозначали здесь российскую границу и отделяли Российскую империю от Германской. В городишке не было достойной упоминания промышленности, а местные лавки удовлетворяли лишь потребности окрестного сельского населения. Пожалуй, единственным, чем могло гордиться Вержболово (до того, как оно вошло в историю делом об измене Мясоедова), было то обстоятельство, что в соседней деревушке Кибарты в семье железнодорожного служащего родился великий русский пейзажист Исаак Левитан (1860—1900).

В должности помощника полковника Шпейера, главы вержболовских жандармов, Мясоедов нес ответственность за безопасность соответствующего участка Варшавско-Петербургской железной дороги. Ему также предписывалось оказывать содействие пограничникам и таможне в их бесконечной и безнадежной борьбе с контрабандистами[10]. С особой бдительностью следовало препятствовать ввозу из-за границы подрывной пропагандистской литературы и оружия. По большей же части его служебное время было занято деятельностью куда более рутинной и приземленной — регистрацией проезжающих и проверкой паспортов. В его обязанности входила проверка паспортов всех путешественников, желавших покинуть Россию через пограничный переход Вержболово. После того как в мае 1901 года Мясоедов был повышен до начальника вержболовских жандармов, он получил право своей властью выдавать российским подданным пропуска для краткосрочного пребывания за границей.

На первый взгляд может показаться, что это тоскливое захолустье было совсем неподходящим местом для такого светского и, вероятно, амбициозного человека, как Мясоедов. Однако свежеиспеченный жандармский поручик отнюдь не выражал недовольства своим назначением — он быстро устроил себе вполне приятную жизнь, заведя многочисленные знакомства как в Вержболово, так и по другую сторону границы, в прусском местечке Эйдткунен, а также в Сувалкской губернии (входившей в состав бывшего Царства Польского), в Ковно, Курляндии и Вильне. Своими связями

в обществе Мясоедов во многом был обязан умению обращаться с винтовкой и дробовиком. Страстный охотник, он был желанным гостем на многочисленных охотах, которые устраивали местные землевладельцы. Именно любовь к охоте сблизила его с Тильманами, семейством состоятельных русско-немецких промышленников, владевших фабриками по обе стороны границы, в сферу интересов которых входили сталь, медь, железо, цинк и промышленное оборудование. Охотничья страсть свела Мясоедова также с агрономом Эдвардом Фуксом и импортером Эдуардом Валентини. Оба были прусскими подданными, уже много лет жившими в России. И, наконец, именно это увлечение способствовало браку Мясоедова.

Давным-давно, когда Самуил Гольдштейн приехал в Россию, он был почти нищим немецко-еврейским эмигрантом. В 90-х годах XIX века, благодаря трудолюбию и деловой хватке, мы уже видим его владельцем крупного кожевенного завода в Вильне, российском центре производства кож. Финансовый вес фирмы Гольдштейна, оценивавшейся приблизительно в 400 тыс. рублей, сделал ее опорой экономической жизни города и губернии. Подобно многим успешным предпринимателям, Самуил был полон решимости дать своей семье все то, чего сам был лишен в юности. Было приобретено загородное имение. Сыновья промышленника, Павел и Альберт, по выходным часто устраивали в имении охоту, на которую приглашались местные армейские и жандармские офицеры. Очевидно, именно здесь Мясоедов познакомился с Кларой Самуиловной, одной из двух дочерей Гольдштейна, начал ухаживать и в 1895 году женился на ней[11].

Брак принес Мясоедову приданое Клары, составлявшее по тем временам весьма значительную сумму, 115 тыс. золотых рублей. Кроме того, молодой жандармский офицер стал вхож в обширный круг клиентов и родственников Гольдштейнов. Число людей, к которым он мог обратиться за советом и помощью, резко возросло, как, впрочем, и число тех, кто мог обратиться с соответствующей просьбой к нему. Одним из таких новых знакомых был Франц Ригерт, муж сестры Клары, Марии. В 1905 году Ригерт практически вынудил Мясоедова выступить его партнером и представителем в деле о покупке земли. Совместными усилиями Ригерт и Мясоедов приобрели имение в 932 десятины земли в Свенцянском уезде Виленской губернии. Хотя авансовый платеж полностью внес Ригерт, и он же являлся реальным собственником Сорокполя, во всех бумагах фигурировало только имя Мясоедова. Объяснялось это про-

сто: как дворянин, Мясоедов имел право взять в Дворянском земельном банке, финансировавшем сделку, кредит в 25 тыс. рублей под низкий процент[12]. Схема эта, хорошо известная, будет повторяться в жизни Мясоедова еще несколько раз, когда он фактически продавал свое имя, влияние или пост людям более низкого происхождения для совершения сделок.

Впрочем, благодаря браку Мясоедов получил и собственное немалое состояние и, не теряя времени, воспользовался переменой в судьбе. В Вильне был куплен большой дом, который сдавался армии под казармы и приносил ежегодно 3 тыс. рублей дохода[13]. Также был отстроен особняк с необычным и роскошным каменным фасадом, вызвавший в Вержболово много пересудов.

Обзаведясь супругой и домом, Мясоедов мог теперь отплатить за то гостеприимство, которым его дарили многие годы, и быстро приобрел известность своими богатыми и веселыми вечерами. Он активно искал дружбы офицерства; праздники, устраивавшиеся в его доме, привлекали как прусских, так и российских военных. Впоследствии князь П.П. Ишеев из 8-го драгунского императора Александра III полка объяснял, почему приглашение к Мясоедову считалось таким лестным: «Обворожительная хозяйка, интересные приезжие немки и широкое хлебосольство, все это, откровенно говоря, влекло нас, холостую молодежь, скучавшую в захолустной стоянке»[14]. Но Мясоедов не только разгонял гарнизонную скуку. Корнет П.М. Шуринов вспоминал, что Мясоедов постоянно оказывал ему и его товарищам разные любезности — к примеру, снабжал их бесплатными пропусками для перехода границы или использовал свои связи на железной дороге для улучшения их жилищных условий[15]. Всем было известно, что Мясоедов с легкостью выдает заграничные пропуска, не затягивая дела и не требуя взяток (в отличие от многих других царских чиновников), за что местное гражданское население относилось к нему с уважением[16].

Все вышесказанное рисует образ Мясоедова — заурядного чиновника, прозябающего в провинциальной глуши. Однако, несмотря на впечатление скучного захолустья, Вержболово далеко не было рядовым населенным пунктом, и мясоедовская служба там вовсе не сводилась к перекладыванию бумажек. Во-первых, Вержболово располагалось на пересечении основных путей въезда и выезда из России. Во-вторых, следует учесть близость северо-западных окраин империи — областей, чей этнический, культурный и экономический облик разительно отличался от великорусского. И,

наконец (хотя большинство не имело об этом ни малейшего представления), Вержболово играло важную стратегическую роль — оно было главным плацдармом российской разведки на германском направлении. Эти особые свойства Вержболово и прилегающих областей определили те три разные жизни, которые вел здесь Мясоедов: он был жандармским офицером, коммерсантом и агентом разведки. Мясоедов прекрасно осознал и в полной мере использовал те возможности, которые предоставило ему место службы. Но именно тут были посеяны семена его будущих несчастий.

Ворота в Россию

На рубеже веков Россию связывало с Европой лишь два удобных железнодорожных переезда. Первый — пограничная станция Александрово, где сходились железнодорожные пути на Варшаву, Украину и Москву. Второй — Вержболово, куда прибывали пассажиры, направлявшиеся в Петербург или города балтийских губерний. Скорый поезд покрывал расстояние в 462 мили между Берлином или Эйдткуненом за десять с половиной часов. В версте от Эйдткунена находилось Вержболово, где за время часовой остановки пассажиры проходили паспортный и таможенный контроль. По завершении этих формальностей пассажирам оставалось еще 555 миль (и пятнадцать часов) до столицы Российской империи[17]. Путешественники из Петербурга в Западную Европу, следовавшие по этому маршруту, также останавливались в Вержболово для пограничного досмотра. С 1901 года этот досмотр полностью перешел в ведение Мясоедова.

Сергей Николаевич воспользовался своим положением, чтобы снискать расположение всех сановных путешественников, равно российских и иностранных, вынужденно останавливавшихся в Вержболово. Богатым, влиятельным и высокопоставленным он оказывал всяческие услуги, лично их приветствовал, следил, чтобы те были удобно устроены, и иногда даже закрывал глаза на нарушение таможенных правил[18]. Он был представлен императору и большинству видных членов царской фамилии, а также представителям всех других царствовавших родов Европы. Мясоедов ценил близкое знакомство с великими мира сего, ведь их расположение могло быть в нужный момент превращено в протекцию — наподобие денег, положенных до времени в банк. Эта, так сказать, «поли-

тика почтительности» принесла заметные плоды — за короткое время Мясоедов получил двадцать шесть российских и иностранных наград, хотя многие из собранных им медалей и орденов едва ли можно назвать престижными (вроде сиамского ордена Белого Слона четвертой степени)[19]. Как бы то ни было, Мясоедову несомненно удалось приобрести определенную популярность.

Одним из тех, кто узнал о существовании вержболовского жандармского офицера, был не кто иной, как сам германский император Вильгельм II. По удачному совпадению Вильгельм обожал охотиться и предавался этому занятию с такой частотой и страстью, что, как говорили, за всю жизнь лично убил более пятидесяти тысяч диких животных[20]. Его излюбленным охотничьим угодьем было поместье Роминтен в Восточной Пруссии, по соседству с пограничным Эйдткуненом. Каждую осень Вильгельм со свитой на несколько недель удалялся в Роминтен, где стрелял оленей и лосей. Ежедневно в пять часов утра гостей императора будил шум автомобилей сопровождения, которые должны были отвезти их — наряженных в придуманные самим Вильгельмом нелепые псевдосредневековые охотничьи костюмы — на заранее подготовленные в чаще леса охотничьи позиции[21]. Там им предстояло встать на номера и ждать, пока загонщики доставят им зверя для убийства.

Железнодорожная станция Вержболово (из коллекции В. Цветкова)

Наслушавшись комплиментов Мясоедову от немецких дипломатов и зная о его репутации заядлого охотника, Вильгельм в

1904 году пригласил жандармского офицера в Ромintен. Очевидно, общество Мясоедова пришлось императору по душе, и в 1905 году он прислал ему новое приглашение. Этот визит (18 сентября) ознаменовался тем, что Вильгельм настоял, чтобы Сергей Николаевич остался на обед, и там император провозгласил тост за здоровье своего русского гостя. В следующие два года германский император и российский жандармский офицер встречались в Ромintене еще несколько раз. Естественно, Мясоедов докладывал своему начальству обо всех подробностях этих невинных встреч, однако несколько лет спустя рассказы о его «дружбе» с германским императором, как и фотография, подписанная ему Вильгельмом в память о встречах[22], станут основанием для серьезных подозрений.

Мясоедов сумел выгодно использовать свою должность начальника важного пограничного пункта, добившись широкого (хотя и поверхностного) знакомства со многими представителями высших эшелонов российского и европейского общества. Но пребывание в Вержболово оказало глубокое воздействие на жизнь Мясоедова и в ином отношении. Этот городишко лежал на пути эмиграции из России. Помощь выезжавшим было делом прибыльным, и Мясоедов не преминул в него включиться.

Северо-западные окраины и проблема еврейской эмиграции

Северо-западное пограничье Российской империи включало польскую Сувалкскую губернию, три литовские губернии — Гродненскую, Виленскую и Ковенскую, а также губернии балтийские — Курляндию, Эстляндию и Лифляндию. Несколько веков тому назад эти земли принадлежали Великому княжеству Литовскому. Их переход под российский контроль был осуществлен в 1700-е годы: Эстляндия и Лифляндия стали трофеями в победоносной войне Петра I со Швецией, остальное было присоединено к России вследствие разделов Польши. К концу XIX века общее население шести губерний составляло около 7,1 миллиона человек. Область эта была весьма специфична в природном, экономическом и этническом отношении.

Северо-западные окраины представляли собой территорию, густо заросшую лесом, покрытую болотами, реками и озерами. Большая часть населения занималась сельским хозяйством. Здесь

выращивали рожь, пшеницу, ячмень, овес и лен, а также фрукты, картофель и табак. На побережье Балтики ловили морскую рыбу, а Сувалки славились обилием и качеством рыбы пресноводной. Немногочисленные промышленные предприятия были связаны с нуждами лесозаготовок, животноводства и земледелия. Как уже говорилось, известностью пользовалось виленское кожевенное производство, а также белостокская текстильная фабрика неподалеку от Гродно. Кроме того, по области были рассеяны винокуренные и пивоваренные заводы и табачные фабрики. Несмотря на четко очерченные анклавы процветания, в целом эти местности прозябали в нищете.

Наиболее явной отличительной чертой экономической жизни региона была ее ориентированность «вовне». Густая сеть экономических связей соединяла шесть приграничных губерний с Западной Европой, и прежде всего с Германией. К примеру, Пруссия потребляла практически всю пшеницу и картофель — основные сельскохозяйственные продукты Сувалкской губернии. Германии же предназначалась значительная часть гродненского леса и тканей, виленских яблок и груш. Другой отраслью экспорта северо-западных окраин была рабочая сила. К началу XX века сотни тысяч российских подданных, в основном из Литвы и расположенных восточнее белорусских районов, каждую весну и лето переходили границу Германии, где нанимались сельскохозяйственными рабочими[23]. Однако движение товаров и рабочей силы осуществлялось не только с востока на запад: Сувалкская губерния имела дурную репутацию гнезда контрабандистов, специализировавшихся на подпольной переправке алкоголя и табака из Германии в Россию[24].

Северо-западные окраины отличались исключительным религиозным, культурным и этническим разнообразием. Здесь искони проживали литовцы, поляки, шведы, немцы, финны, евреи, латыши, эстонцы, русские, белорусы, украинцы и татары. Население было настолько гетерогенным, что, хотя в некоторых из шести губерний имелись доминирующие этнические группы (латыши в Лифляндии, литовцы в Сувалках), *ни одна* из них не составляла абсолютного большинства. С невероятным смешением языков в этих краях могло соперничать только огромное количество покидавших их эмигрантов. Из всех проживавших здесь групп населения сильнейшее желание покинуть навсегда Россию проявляли литовцы и евреи.

В случае с литовцами двигателем эмиграции были перенаселенность, недостаток земли и общий упадок сельского хозяйства в

регионе[25]. У евреев оснований стремиться прочь из Российской империи было еще больше, ведь здесь они находились под законодательным гнетом, направленным на их изоляцию от христианского населения и сведение к минимуму возможностей развития. По данным на 1897 год, в российском подданстве находилось 5,2 миллиона евреев — половина мирового еврейства. 90% российских евреев проживало в так называемой черте оседлости[26]. Черта оседлости, прижатая к западному краю империи, включала в себя тринадцать губерний на Украине, в Белоруссии и Литве плюс Крым и Бессарабию. Таким образом, все губернии северо-западных окраин, за исключением двух балтийских, входили в черту оседлости и, следовательно, имели значительную долю еврейского населения. Евреи составляли более 25% населения Ковно и около одной пятой части жителей Гродно.

В последнее двадцатилетие XIX века царский режим предпринял ряд полицейских мер, еще более осложнивших существование евреев. Принятые в мае 1882 года «Временные правила», резко ограничившие право евреев покупать и продавать землю, стимулировали массовую миграцию еврейского населения из деревни в город, где оно пополняло ряды городской бедноты. Другие законы, 1886 и 1887 годов, ввели строгие квоты для евреев в гимназиях и университетах, лишив тысячи молодых людей возможности получить образование[27]. Очередной тяжелый удар евреям нанесло учреждение в 1894 году казенной монополии на водку. Поскольку 52% всех кабаков и 55% винокурен в черте оседлости принадлежали евреям, этот указ привел к разорению десятков тысяч мелких предпринимателей[28].

Резкий рост антисемитских настроений в Российской империи рубежа веков довел положение евреев до последней крайности. Как грибы, множились антисемитские организации, требовавшие еще более строгих ограничений для евреев и даже для тех из них, кто принял христианскую веру — последнее указывает на то, что, по крайней мере отчасти, юдофобия питалась не традиционными религиозными предубеждениями, а смутными представлениями о «расовых» свойствах евреев[29]. В конце концов антисемитские тенденции в России привели к взрыву насилия — за кишиневским погромом апреля 1903 года, когда было убито тридцать восемь евреев, летом того же года последовало еще более кровавое антиеврейское выступление в Гомеле. Осень 1904 года ознаменовалась целым рядом погромов в разных местах империи, а в революцион-

ном 1905 году их было более шестисот[30]. Таким образом, основными причинами еврейской эмиграции были нищета, юридическая дискриминация и растущая угроза физического насилия. Неудивительно, что из 2 315 868 российских подданных, эмигрировавших в Соединенные Штаты между 1881 и 1910 годом, более 48% составляли евреи[31]. Переправка эмигрантов в Соединенные Штаты была делом исключительно прибыльным. Несчастные, которых буквально набивали в переполненные каюты третьего класса, платили по пять фунтов с человека, то есть 50% стоимости обычного билета. С 1860 до 1880 года пальма первенства в этом бизнесе принадлежала британским пароходным компаниям[32]. Однако с ростом числа эмигрантов из Восточной и Южной Европы британское владычество в океанских перевозках стали оспаривать Соединенные Штаты и в еще большей степени Германия.

Отвоевывая свою долю рынка и прибылей, германские судовладельцы могли предложить не только удобство прямого пути с континента. Другим механизмом конкуренции была абсолютная монополия на продажу билетов и их фиксированная цена. В 1891 году Альберт Баллин, блестяще руководивший пароходной линией Гамбург—Америка, объединил основные европейские пароходства (за исключением британских и французских) в Северо-атлантическую ассоциацию пароходного транспорта; образовавшийся в результате картель установил минимальную цену на билеты третьего класса и назначил каждому из акционеров фиксированный ежегодный процент перевозимых эмигрантов[33]. В 1901 году баллинский «пул», контролировавший 35% трансатлантических пассажирских перевозок, разросся еще больше — Баллин договорился с Дж. П. Морганом о вхождении новых пароходных компаний и об установлении цен и процентной доли не только для дешевых перевозок, но и для билетов первого и второго классов.[34]

Прошло некоторое время, и немецкое правительство наконец озаботилось помощью отечественным пароходствам в их борьбе за доминирование на прибыльном рынке перевозки эмигрантов. Вспыхнувшая в гамбургском порту летом 1892 года эпидемия холеры привела к тому, что через два года были введены новые правила транзитных перемещений по территории Германии. Теперь направлявшиеся в прусские порты эмигранты из Восточной Европы имели право ступить на немецкую землю только после прохождения через специальные пункты медицинского контроля. На этих пунктах запрашиваемая транзитная виза уже не являлась достаточ-

ным основанием для временного пребывания в стране — отныне пассажир обязан был предъявить также действительный билет на трансатлантический маршрут компаний Норддойче Ллойд или Гамбург—Америка. Поскольку обе компании принимали участие в управлении карантинными пунктами и держали поблизости от них билетные кассы, будущему эмигранту предлагалось тут же приобрести билеты и продолжить свой путь. Того, кто оказывался не в состоянии предъявить билет или деньги для его покупки, тут же арестовывали и насильно выдворяли с территории Германии. Иными словами, желающие попасть в Америку через Германию были вынуждены совершить это путешествие на судне, принадлежащем немецкой компании. Как сдержанно заметил американский генеральный консул в Гамбурге, эта система представляла собой «весьма любопытный симбиоз интересов гигиены и коммерции»[35]. В результате умелого руководства, объединения усилий участников «пула» и введения правил 1894 года, к концу века Норддойче Ллойд и Гамбург-Америка вместе доставляли в США более четверти миллиона эмигрантов в год[36].

Собравшимся эмигрировать российским евреям, прежде чем попасть в руки иностранных властей и пароходных компаний, необходимо было выбраться из России, что было делом отнюдь не простым. Отношение царской власти к вопросу эмиграции, даже эмиграции евреев, не было однозначным — что представляется довольно странным, если учесть общий антисемитский настрой тогдашних властей предержащих. Несмотря на то что в 1892 году значительная часть юридических препятствий для эмиграции была снята, сама процедура получения разрешения на выезд продолжала оставаться дорогой, сложной и длительной. Всякий желавший навсегда покинуть территорию империи должен был запросить особый паспорт, ожидание которого часто растягивалось до трех месяцев. Кроме того, процедура запроса предполагала длительное общение с российскими чиновниками, которые неизменно чинили препятствия мужчинам призывного возраста, если те не могли предъявить бумагу об освобождении от военной службы. Не было секретом и то, что продажные бюрократы зачастую пытались выжать из эмигрантов деньги сверх тех, что требовались по закону. Хотя установленная плата за паспорт составляла 15 рублей, взятки зачастую увеличивали ее вдвое, а то и втрое[37].

Неизбежным следствием описанного положения дел было то, что тысячи желающих эмигрировать даже не пытались получить

официальное разрешение на выезд и предпочитали нелегальный переход границы. Немецкие пароходные гиганты, обнаружив в этой ситуации новые возможности, быстро включили в число предоставляемых клиентам услуг помощь в нелегальном переходе границы. Компании рассылали своих агентов по западным губерниям России для продажи билетов на трансатлантические рейсы. За дополнительную плату (составлявшую обычно 50 процентов от чистой стоимости билета) агенты гарантировали безопасную переправку эмигрантов из России в Германию. Они брали на себя всю организацию — от найма крестьянина-проводника до подкупа пограничной стражи. Сразу же по пересечении границы будущих эмигрантов направляли на соответствующие медицинские пункты, вроде того, что располагался в Эйдткунене, где их регистрировали и осматривали, после чего отправляли по железной дороге в один из немецких портов на Балтике[38].

Район Вержболово вскоре стал центром нелегальной переправки эмигрантов из России в Германию, о чем Мясоедов был прекрасно осведомлен. В мае 1903 года он составил пространный отчет о нелегальной эмиграции и направил его сувалкскому губернатору. Чтобы лучше понимать последующее развитие событий, стоит остановиться на содержании доклада Мясоедова подробнее.

В начале своего доклада Мясоедов отмечал, что нелегальная эмиграция в этой части границы достигла масштабов эпидемических. Весной и осенью число нелегально пересекавших границу в районе Вержболово зачастую доходило до 100—300 человек в день. Поскольку явление это отмечалось уже на протяжении нескольких лет, общее число людей, незаконно пересекших границу с территории Сувалкской губернии, было весьма велико. По тем неполным сведениям, которые ему удалось добыть, между 1892 и 1902 годом в Эйдткунене было зарегистрировано по меньшей мере 118 510 русских нелегалов, направлявшихся в Гамбург[39]. По мнению Мясоедова, Сувалкская губерния стала Меккой для нелегальных эмигрантов не только из-за того, что в соседнем Эйдткунене находился пункт медицинского контроля, но из-за беспредельной продажности и поголовной коррумпированности местных российских чиновников. Главными преступниками он назвал братьев Брауншгейнов из Кибарты.

Брауншгейны были агентами эйдткуненской компании по распространению пароходных билетов, принадлежащей Гринману. Охватив своей деятельностью все северо-западные окраины, они

активно завлекали клиентов сказками про прелести американской жизни, продавали легковерным билеты втридорога и были замешаны в нелегальных переходах границы. Для успеха своей деятельности они «держали на откупе почти всю местную полицию Волковышского уезда», пограничного района, к которому относилось и Вержболово. По сведениям Отто Гринберга, владельца бюро обмена валюты в Вержболово, даже бывший уездный исправник Линк состоял на жалованье у Брауншгейнов. В общем, «полиция и нижние чины пограничной стражи, не имея силы воли противиться постоянным искушениям, в конце концов поддаются соблазну, берут взятки и потворствуют эмиграционному движению». Одним словом, Брауншгейны вели себя так, будто российской границы и в помине не было[40].

Это печальное положение дел имело два дополнительных следствия, также весьма прискорбных. Во-первых, поскольку Брауншгейны вошли в сговор с полицией, они фактически монополизировали дело продажи пароходных билетов в регионе, что позволяло им безжалостно обдирать бедняков. В Вильне Брауншгейны брали 115—120 рублей за билет до Нью-Йорка, который в Эйдткунене стоил 80. Во-вторых, пренебрежение Брауншгейнов к закону провоцировало подражание. Контрабандистов становилось все больше, и они действовали все более активно. Небрежностью работы местных пограничных пунктов пользовались опасные преступники, проникавшие из России в Германию и обратно. Недостатки в организации пограничного контроля приводили и к тому, что этот участок границы все охотнее использовался революционерами для ввоза в страну подрывной политической литературы[41].

По мнению Мясоедова, для решения проблемы нелегальной эмиграции не было достаточно экстренных полицейских мер — которые, возможно, на короткое время смогут сдержать поток эмигрантов, однако не изменят бедственное экономическое положение края — истинную причину эмиграции. На самом деле имперской администрации следовало, утверждал Мясоедов, изменить свою политику в отношении желающих эмигрировать и разрешить свободный выезд. Следовало сократить гербовый сбор за паспорт и на сами паспорта ввести понижающую шкалу цен, чтобы наиболее нуждающиеся платили не более 3—5 рублей. И, наконец, для борьбы со злоупотреблениями и мошенничествами, творимыми людьми вроде Брауншгейнов, необходимо легализовать продажу трансатлантических билетов *внутри* России, чтобы тем самым по-

ощрить конкуренцию. Если эмиграционные дела будут в руках таких достойнейших коммерсантов, как Самуил Фрейдберг из Либавы, а не негодяев, вроде Брауншгейнов, от этого выиграет как государство, так и его подданные. Фрейдберг, добавлял Мясоедов, владеет легальным эмиграционным бюро, которое официально зарегистрировано и работает безупречно[42].

В определенном смысле доклад Мясоедова 1903 года можно прочитать как документ мужественного и пекущегося об общественной пользе гражданина, неравнодушного к благу родины. Доклад, естественно, произвел впечатление на сувалкского губернатора, который передал его наверх, в Министерство внутренних дел, которое в 1906 г. назначило Мясоедова в специальную межведомственную комиссию по эмиграции и транспортной промышленности России[43]. Однако в докладе Мясоедова имелся и иной, скрытый, смысл. Весьма вероятно, что его взгляды на проблему эмиграции и сочувствие к несчастным были вполне искренними, однако написать то, что он написал, его подтолкнул и личный, денежный интерес в эмиграционном бизнесе. Тайной целью доклада было содействовать финансовым интересам друзей Мясоедова и его деловых партнеров, подорвав при этом позиции конкурентов.

Вот, например, Отто Гринберг, на которого Мясоедов ссылается как на источник сведений о том, что упомянутый Линк нечист на руку. У Гринберга своя контора, где он меняет деньги и понемногу занимается ростовщичеством; Мясоедов вложил в его контору свой капитал, несмотря на то что жандармскому офицеру это запрещено по закону. Кроме того, Гринберг еще и главный пайщик фирмы «Герц, Гринберг и Левинсон», агентства по продаже пароходных билетов в Эйдткунене, конкурирующего с работающей на Брауншгейнов фирмой Гринмана. Поскольку Мясоедов имел тайные инвестиции и в «Герце, Гринберге и Левинсоне», донести властям о темных делах Брауншгейнов ему было лично выгодно[44]. Еще более любопытны связи Мясоедова с Самуилом Фрейдбергом, чье эмиграционное бюро он приводил в качестве образца честности и неподкупности.

Семейство Фрейдбергов долгие годы занималось эмиграционным бизнесом и как следствие имело богатую историю проблем с полицией. В 1887 году Самуил и его отец Янкель за участие в переправке нелегальных эмигрантов были выдворены за пределы приграничной зоны. В 1891 году двух братьев Самуила за то же преступление сослали под административный надзор в Могилев-

скую губернию. В конце 1880-х Самуил перебрался в Гамбург, где стал (по крайней мере, номинально) выкрестом. По возвращении в 1897 году в Россию он обосновался в портовом городе Либава в качестве купца первой гильдии. К концу века вместе с третьим братом, Борисом, они основали фирму «Карлсберг, Спиро и Ко», которая, как справедливо отметил в своем докладе Мясоедов, представляла собой лицензированную контору, занимавшуюся легальной эмиграцией. Неудивительно, что все окрестные дельцы, зарабатывавшие легальной или нелегальной эмиграцией, испытывали к Самуилу глубочайшую ненависть. Преуспеяние Фрейдбергов грозило лишить источника доходов сотни людей. Конкуренты реагировали газетными наветами, шантажом, анонимными обвинениями и полицейскими обысками. В конце концов Самуил Фрейдберг обратился к Мясоедову, которого знал по Вержболово, с просьбой о помощи и защите[45]. Очевидно, что одной из целей доклада Мясоедова 1903 года было инспирировать бюрократическое контрнаступление на конкурентов Фрейдберга. Более того, если Браунштейны подкупали полицию для подавления своих конкурентов, то чем от них отличались Фрейдберги, нанявшие с этой же целью Мясоедова? Впоследствии Сергей Николаевич войдет в еще более близкие деловые отношения с братьями Фрейдбергами — отношения, которые будут иметь для него последствия в буквальном смысле роковые.

Российский капитализм был многолик, однако все связанное с эмигрантскими делами на северо-западных окраинах России выглядело особенно отвратительно. Эмиграционные конторы стремились не к расширению круга клиентов за счет более привлекательных цен, но предпочитали склонять продажных и жадных царских чиновников к использованию против конкурентов государственной машины. Тайно работая в интересах Гринберга и братьев Фрейдберг, Мясоедов не просто занимал ту или иную сторону в мелкой распре соперничающих групп еврейских дельцов. Столкновение интересов эмиграционного бизнеса на северо-западных окраинах России имело как внутри-, так и внешнеполитическое значение, поскольку представляло собой реакцию и отчасти следствие яростного соперничества германских, британских и американских пароходных компаний за контроль надо всеми трансатлантическими пассажирскими перевозками. Если за Фрейдбергами стояли интересы весьма могущественных сил, то в еще большей степени это было верно в отношении их конкурентов.

Мясоедов и военная разведка

В деле Мясоедова есть одна печальная, но занятная черта: действительно существуют несомненные доказательства того, что Мясоедов был шпионом, работавшим в интересах некой страны — своей собственной. И удивляться тут нечему. Скорее наоборот: в качестве начальника важной пограничной станции он просто обязан был заниматься шпионажем.

В начале XX века российская система военной разведки находилась в состоянии зачаточном, была децентрализована и страдала от недостаточного финансирования. Хотя в обязанности Главного (а после 1906 года — Генерального) штаба входили сбор и анализ разведывательной информации, в реальности большая часть разведывательных операций осуществлялась помимо Штаба — их чаще всего проводили российские военные атташе и служащие военных округов, на которые делилась вся территория империи[46]. Поскольку средний годовой бюджет округа на разведывательную деятельность составлял всего лишь 35 тыс. рублей, чиновникам не оставалось ничего лучшего, как полагаться в получении сведений на другие органы. Одним из таких органов, активно вовлеченным в сбор разведывательной информации, был Отдельный корпус жандармов — с 1880 года служившим в нем пограничным офицерам законом предписывалось исполнять разведывательные функции[47]. Обычно жандармы создавали в приграничных областях сеть информантов, которые, как надеялось руководство, могли сообщить представителям местных военных округов общую картину военных диспозиций по другую сторону границы.

Мясоедов, посвящавший часть своего служебного времени военной разведке, занимался именно этим. Он опрашивал погонщиков, бродячих торговцев и прочих людей, по роду деятельности часто бывавших в Германии. Рекрутировал он и собственных агентов — среди германских рабочих, русских эмигрантов и религиозных сектантов. Инициативный жандарм даже включил в число агентов членов собственной сильно разросшейся семьи: Мясоедов убедил своего зятя, Альберта Гольдштейна, переехать в Пруссию, в Кёнигсберг, чтобы постоянно отслеживать военные передвижения в местной крепости. Однако труды Мясоедова на ниве российской военной разведки выходили далеко за пределы обычных, рутинных задач — он сам, лично, выполнял ответственные разведывательные здания. Весной 1906 года Мясоедов отправился в немецкий город

Манхейм, где за 6500 рублей приобрел автомобиль Бенц новейшей модели. Это транспортное средство (со встроенным потайным отделением) многократно использовалось при поездках в Германию. Под видом обычного путешественника молодой жандармский офицер произвел тщательное обследование территории к югу и юго-востоку от Мазурских озер[48].

Велика ли была та роль, которую играли жандармы, и Мясоедов в частности, в российской военной разведке? А.А. Самойло, руководивший разведывательным бюро в Киевской губернии, впоследствии переведенный в разведывательный отдел Генерального штаба, в целом пренебрежительно отзывался о работе пограничных жандармских офицеров. Сообщаемые ими сведения, утверждал Самойло, зачастую были отрывочны, невнятны и, как следствие, бесполезны[49]. Однако негативная оценка, данная Самойло, опровергается мнением одного из его предшественников в киевской разведке, писавшего, что жандармские офицеры, «живущие постоянно на границе, знакомы вполне с приграничным населением, владеют своей собственной негласной агентурой» и способны принести «громадную пользу негласной разведке»[50]. В самом деле, полный провал усилий российских военных по созданию серьезной агентурной сети на территории Германии неизбежно повышал ценность сведений, которые могли сообщить жандармские информаторы. Даже в апреле 1907 года по платежной ведомости Виленского военного округа проходил всего один агент, проживавший в Германии. Варшавский военный округ не мог похвастаться и этим[51].

Что касается разведывательной деятельности самого Мясоедова, тут мы располагаем свидетельством германского подданного Вальтера Николаи, профессионального разведчика, сделавшего блестящую карьеру — во время Первой мировой войны он возглавлял разведку Германской империи. По словам Николаи, Мясоедов в Вержболово «был одним из самых успешных» оперативников в истории России. Одной из причин этого, с грустью замечает Николаи, было то почтение, которым пользовался Мясоедов благодаря своему участию в императорских охотах Вильгельма II. Личная близость Мясоедова к германскому императору не позволяла прусской полиции не только вмешиваться в его дела, но даже установить наблюдение за ним, хотя имелись более чем достаточные свидетельства того, что этот русский приезжает в Германию не любоваться видами, а шпионить[52].

В нашем распоряжении пока нет ни одного *прямого* доказательства, которое могло бы подтвердить слова Николаи. Мне неизвестно о существовании, например, документов, которые могли бы засвидетельствовать роль информации, добытой Мясоедовым, в российских планах военных действий. Если такие документы существовали, то после позорного разоблачения Мясоедова они вполне вероятно могли быть изъяты из архивов. Трудно себе представить, чтобы русский Генеральный штаб смирился с существованием документов, свидетельствующих, что весьма деликатные задачи поручались человеку, оказавшемуся, как считалось, изменником и казненному за это. Однако у нас есть основания утверждать, что разведывательные операции, проводимые Мясоедовым, были далеко не ничтожными и не заурядными. Начнем с того, что половина суммы, уплаченной за дорогой автомобиль, поступила из секретного фонда Генерального штаба с личного одобрения Николая II[53]. Кроме того, даже беглый просмотр сведений, интересовавших Мясоедова, говорит о его вовлеченности в одну из наиболее важных проблем, стоявших перед российским командованием накануне войны.

К 1900 году стало окончательно ясно, что наиболее вероятный сценарий общеевропейской войны заключался в выступлении соединенных сил Тройственного союза — Германии, Австро-Венгрии и Италии — против России и Франции. Поскольку Германия граничила как с Россией, так и с Францией, в начале военных действий Берлин должен был выбрать одно из направлений для нанесения главного военного удара, при этом обороняя другое. А так как война ожидалась молниеносная, ее результат мог зависеть от ошибочных или верных действий, предпринятых армией той или другой страны в первые же дни и даже часы операции, — из чего, в свою очередь, следовало, что для национальной безопасности России было жизненно необходимо точное знание немецких планов. Реши Германия, обладавшая великолепной мобилизационной способностью, бросить свои основные силы на восток, России следовало распределить свои войска не вдоль границы, а глубоко на территориях Польши и Литвы, чтобы избежать их уничтожения по частям до подхода резервов. Если же, напротив, в начальной фазе войны немецкие войска были бы обращены против Франции, российские войска следовало держать поблизости от границы, чтобы иметь возможность сразу же вторгнуться на территорию Германии и тем самым облегчить положение осажденного союзника. В пос-

ледние месяцы 1905 года генерал Альфред фон Шлиффен принял именно то окончательное решение, которое попыталась реализовать Германия в августе 1914 года, — как известно, по плану Шлиффена целью первоначального удара была не Россия, а Франция. Слухи о существовании плана быстро достигли России, однако полной уверенности в том, что это и есть последнее слово немецкой стратегической мысли, не было — оставалось подозрение, что у Германии имеется альтернативный план большого наступления на востоке[54].

Теперь мы можем ясно видеть значение той разведывательной деятельности, которой занимался Мясоедов. Опираясь на информацию своих прусских агентов и данные личных поездок, он пытался разгадать суть немецкой стратегии. Если Германия действительно собиралась в случае войны бросить силы на французский фронт, ей следовало вкладывать значительные суммы в укрепление крепостей, блокгаузов и прочих оборонительных сооружений на границе с Россией — именно поэтому Мясоедов и его агенты так настойчиво старались разузнать, предпринимаются ли Германией подобные действия. Подсчитывая число железнодорожных станций, оснащенных военными платформами, к востоку от Вислы, он стремился подтвердить или опровергнуть предположение о том, что в начале войны Германия бросит свои основные силы против России[55]. Поскольку российский Генеральный штаб не исключал возможности изменения Германией стратегического плана нападения в самый последний момент, Мясоедов подготовился к обоим вариантам развития событий[56]. Его агент Рубин, служащий велосипедной фабрики в Восточной Пруссии, должен был в случае опасности известить кодированными телеграммами офицеров российской разведки, работавших под прикрытием в Копенгагене. Если в округе отмечалась большая концентрация войск, Рубин телеграфировал: «Высылаю пишущую машинку в Мальме», если же количество солдат и техники было незначительным, следовало сообщить: «Высылаю пишущую машинку в Берн»[57].

Нужно подчеркнуть, что три жизни Мясоедова — чиновника, коммерсанта и шпиона — не были отделены одна от другой герметичными переборками. В реальности три эти сферы оказывались взаимно проницаемыми. Официальный статус помогал ему в бизнесе, коммерческие связи служили источником разведывательной информации, а кое-кто из завербованных им агентов участвовал в его торговых сделках. И при этом во всех трех сферах своей дея-

тельности Мясоедов наживал себе врагов — среди российского чиновничества и эмиграции, в пароходных компаниях и в германской разведке. В сущности, исток всех его будущих бед можно найти во времени вержболовской службы.

Неприятности начинаются: миссия корнета Пономарева

Первые двенадцать лет своего пребывания в Вержболово Мясоедов, судя по всему, наслаждался в высшей степени теплыми и дружественными отношениями со своими непосредственными начальниками в приграничных землях и с важными чиновниками из Министерства внутренних дел в Петербурге. Конечно, его послужной список не безупречен: трижды он получал замечания за «неуместные выражения» и «бестактные действия» по отношению к железнодорожным пассажирам, один раз ему был записан выговор за оскорбление почтового служащего[58]. Однако эти проявления начальственного неудовольствия были сравнительно редки и вполне ординарны.

Все изменилось в 1906 году. В конце года кто-то из Вержболово или окрестностей послал на Мясоедова анонимный донос — бумага, пройдя через все уровни командования, легла на стол директора Департамента полиции. Автор письма обвинял Мясоедова в скандальном нарушении долга: он не только не сумел пресечь деятельность контрабандистов во вверенном ему районе, но и сам занимался нелегальным ввозом в Россию из Германии беспошлинного вина и крепких напитков. Случись такое раньше, Департамент полиции с порога отверг бы эти ничем не подтвержденные обвинения — однако теперь решено было начать расследование.

Тому было две причины. Первая связана с внутренним кризисом, который переживала Российская империя. Череда поражений в Русско-японской войне, рост недовольства правительством среди безземельных крестьян, претензии рабочих к фабрикантам, оппозиционные настроения среди интеллигенции, а также упрямое нежелание правительства сделать хотя бы первые шаги на пути разумных реформ — все это к 1905 году создало взрывоопасную атмосферу, в которой могла вспыхнуть настоящая революция. Хотя к концу года худшее уже было позади, искры забастовок, демонстраций, уличных стычек и крестьянских волнений тлели вплоть до

1907 года. Именно страх революции придал выдвинутым против Мясоедова в 1906 году обвинениям такой вес. Недостаточная бдительность в борьбе с контрабандой не просто лишала казну доли таможенных доходов, но и представляла потенциальную угрозу общественному порядку, самому существованию режима. В те годы империю поразил невиданный разгул революционного терроризма: в период между октябрем 1905 и декабрем 1907 года в результате террористических актов было убито и ранено более девяти тысяч человек, причем преступники часто использовали оружие иностранного производства. По всему периметру российских границ революционеры нелегально ввозили в страну партии огнестрельного оружия, патронов и динамита. Если оружие проникало в Россию через Вержболово, этому следовало немедленно положить конец, а Мясоедова примерно наказать.

Однако была еще одна причина, по которой Департамент полиции решил на этот раз всерьез расследовать деятельность Мясоедова. В 1906 году директором департамента был назначен Максимилиан Иванович Трусевич, ранее занимавший пост прокурора. Трусевич, который, по словам его восхищенного сотрудника, обладал талантом «в духе следователя "по Достоевскому"», вошел в историю главным образом своими попытками разложения революционных организаций изнутри (он буквально наводнял их двойными агентами)[59]. Человек нервный, легковозбудимый, он часто обижался и никогда не забывал и не прощал ни малейшего пренебрежения. Среди тех, на кого он затаил злобу, оказался Мясоедов. Точная причина и характер враждебности Трусевича до сих пор неясны. Вероятно, Трусевич считал, что Мясоедов или его помощник дурно обошлись с ним во время посещения им Вержболово в качестве товарища петербургского прокурора. Возможно, трения возникли в ходе проводившегося Трусевичем в 1904 году расследования случайного взрыва изготовленной террористами бомбы в петербургской гостинице «Северной», когда Мясоедов был привлечен в качестве свидетеля[60].

Расследование против Мясоедова Трусевич поручил возглавить некоему корнету Пономареву, жандармскому офицеру, приписанному к Петербургскому охранному отделению, человеку крайне неприятному, бесчестному, имевшему дурную репутацию[61]. Амбициозный Пономарев с восторгом отнесся к миссии в Сувалкской губернии, понимая, что от ее успеха зависит его карьера. Следуя полученным инструкциям, он, прибыв в Вержболово в конце 1906 года, избегал

всяких контактов с железнодорожными жандармами и о характере своей миссии поведал только местному отделению пограничной стражи. Также он убедил Виленское охранное отделение отрядить ему для выполнения задачи несколько помощников.

Эти помощники были филерами, то есть профессиональными сыщиками. По меньшей мере один писавший после революции мемуарист уверял, что примерно тысяча филеров, работавших в разных уголках империи, были людьми в нравственном отношении кристально чистыми, однако нельзя отрицать того обстоятельства, что зачастую охранка рекрутировала своих агентов из преступной и социально маргинальной среды[62]. Во всяком случае, те, кого приставили к Пономареву, происходили именно из такого круга. Познакомившись со своими неказистыми виленскими подчиненными, Пономарев сразу же без обиняков объяснил им цель совместных действий — уничтожить Мясоедова. Сделать это предполагалось в два этапа: сначала организация серии новых анонимных доносов, чтобы еще более очернить имя жандармского подполковника во мнении петербургского начальства и заткнуть рот его защитникам; потом сбор данных, которые позволят арестовать и осудить его по обвинению в контрабанде.

Но дело не задалось. Хотя Пономареву удалось убедить нескольких человек — мелких чиновников, пьяниц и по крайней мере одного недовольного жандармского унтер-офицера — поставить свои фамилии под клеветническими письмами против Мясоедова (письма эти будут еще много лет отравлять Мясоедову жизнь), поймать жертву в самый момент ввоза контрабанды оказалось делом нелегким[63]. Несколько недель тайного наблюдения команды филеров не дали твердых доказательств каких-либо злоупотреблений со стороны Мясоедова. Поскольку фактов не было, Пономарев решил их сфабриковать. Однажды, когда Мясоедов был приглашен к знакомым в Эйдткунен, Пономарев переправил через границу своего агента Донцова, чтобы тот подложил в потайное отделение принадлежащего подполковнику автомобиля Бенц динамит и револьверы. Этот план с треском провалился: Мясоедов поймал Донцова при попытке взломать машину, жестоко побил его тростью и заставил написать полное признание[64].

Вторая попытка Пономарева организовать провокацию против Мясоедова закончилась еще более громким провалом. Мясоедов регулярно совершал покупки в большом магазине в Эйдткунене, принадлежавшем некоему Шулеру. Когда Пономарев предложил

Шулеру взятку, чтобы тот «случайно» упаковал вместе с очередным заказом Мясоедова несколько винтовок, владелец магазина ударил не оказывавшего сопротивления провокатора по лицу и вышвырнул его на улицу. Хуже того, Шулер немедленно отправил Мясоедову письмо с полным отчетом о происшествии[65].

Пономарев, не зная, что еще предпринять, впал в отчаяние. Теперь, когда Мясоедов был настороже и, более того, у него имелось письменное доказательство злоумышлений Пономарева, вряд ли можно было надеяться, что третья уловка сработает там, где провалились две первые. В мае 1907 года корнет предпринял последнюю попытку спасти свою миссию от окончательного и позорного провала: он установил контакт с шайкой контрабандистов, во главе которой стояли Лев и Петр Кудрявцевы (между прочим, бывшие чиновники вержболовской таможни!). Через посредников Пономарев сделал Кудрявцевым заказ на перевозку партии товара из Германии в Россию. Втайне от них он предварительно поместил в тюки оружие, амуницию и революционную литературу. Поскольку таможня была извещена заблаговременно, Кудрявцевых, как только они объявились на границе, арестовали. Пономарев, очевидно, надеялся, что это происшествие поднимет его ставки как борца с преступностью и одновременно дискредитирует Мясоедова, который, конечно же, закрывал глаза на банду «опасных» контрабандистов, работавших прямо у него под носом.

Поскольку юридически Сувалкская губерния находилась в условиях чрезвычайного положения, дело подпадало под юрисдикцию законов военного времени, каравших контрабанду оружия смертной казнью. 2 апреля 1907 года одиннадцать обвиняемых предстали перед временным военным судом в Вильне[66]. Несмотря на то что все они заявили о своей невиновности, обвинительное заключение и смертный приговор казались неминуемыми — ведь при аресте было найдено нелегально ввезенное оружие. Однако когда к присяге был приведен Мясоедов, главный свидетель со стороны защиты, дело приняло неожиданный и удивительный оборот. Один из адвокатов, всероссийски известный О.О. Грузенберг, мгновенно ухватился за представившуюся возможность. В ходе судебной процедуры он спросил Мясоедова, имел ли тот какие-либо сведения о связях кого-нибудь из задержанных с революционным движением. Вначале Сергей Николаевич отказался отвечать на вопрос, сославшись на государственную тайну. Но Грузенберг привел аргумент (который принимался во внимание только в военных

судах), в соответствии с которым интересы справедливости считались приоритетными по отношению к государственной тайне. Председательствующий в суде генерал-майор барон Остен-Сакен посоветовал Мясоедову отвечать.

Мясоедов начал с того, что, насколько ему известно, никто из обвиняемых никогда не вызывал подозрений в причастности к революционной деятельности. Но на этом он не остановился. Грузенберг вспоминал, что «его будто прорвало — и понеслись бурным потоком разоблачения, одно другого неожиданнее»[67]. Мясоедов изложил всю историю попыток Пономарева подставить его и особенно подчеркнул, что методы, к которым прибегал Пономарев, — это обычная практика охранки. Поскольку после показаний Мясоедова не оставалось сомнений в том, что Пономарев не впервые прибегал к подкупу и лжесвидетельствованию, все одиннадцать обвиняемых были тотчас оправданы.

Оппозиционная пресса мгновенно почувствовала в этом деле прекрасную возможность для критики правительства. Острые выступления в адрес Министерства внутренних дел и в особенности охранки приобрели еще более резкий тон, когда кто-то, по глупой ошибке, связал Пономарева, к тому моменту уже поручика, с темой охраны Таврического дворца, где проходили заседания только что созданной Государственной думы. «Речь», ежедневная газета кадетской партии, одной из ведущих либеральных партий России, возопила: что, «если г. Пономарев не пожелает признать полученного им повышения достаточным и, чтобы отличиться еще раз, станет сосредоточивать в Таврическом дворце динамит и склады оружия?»[68]. Публичные издевки вскоре вынудили правительство сместить Пономарева с должности и тихо перевести его в Ригу.

М.И. Трусевич был в ярости — как и его начальник, министр внутренних дел П.А. Столыпин. Именно в обязанности Столыпина входило восстановление порядка в стране, которую захлестнула волна революционного насилия и террора. Для Столыпина терроризм был не простой абстракцией — от рук бомбистов пострадала его семья. В 1906 году, 12 августа, эсеры-максималисты устроили взрыв на летней даче Столыпина на Аптекарском острове в Петербурге, тогда было убито двадцать семь и ранено шестьдесят два человека, в том числе четырехлетний сын Столыпина и четырнадцатилетняя дочь[69]. Хотя Столыпин был убежден в том, что для борьбы с революцией необходимы глубокие реформы, он не чурался и репрессивных мер[70]. Не случайно к этому времени широкое

хождение получило выражение «столыпинский галстук», обозначающее петлю виселицы. Министр внутренних дел твердо знал, что охранка и полиция стоят на защите передовых рубежей в войне, где решается будущее России, и не мог игнорировать тот факт, что Мясоедов — возможно, невольно — подорвал престиж этих органов государственной безопасности. Отметив, что считает «несоответственными долгу службы показания на суде со стороны подполковника Мясоедова», Столыпин приказал начальнику корпуса жандармов перевести Мясоедова «куда-либо во внутренние губернии, но во всяком случае не ближе меридиана Самары»[71].

Мясоедов прекрасно понимал, что такой перевод равносилен ссылке. Он мобилизовал связи своих знакомых и родственников, пытаясь отменить приказ или добиться контрприказа. По некоторым сведениям, он дошел до главы Генерального штаба Ф.Ф. Палицына и вдовствующей императрицы Марии Федоровны[72]. Однако все эти усилия ни к чему не привели. Понимая, что если он даже согласился бы на перевод на восток России, то охранка, пока Трусевич стоит во главе Департамента полиции, не оставит его в покое, 27 сентября 1907 года Сергей Николаевич Мясоедов вышел в отставку из Отдельного корпуса жандармов в чине подполковника. Ему был 41 год от роду, и он впервые во взрослой жизни оказался гражданским человеком.

«Северо-западная русская пароходная компания»

Отставка решительно изменила обстоятельства Сергея Николаевича к худшему. С увольнением из Отдельного корпуса жандармов ему не только пришлось смириться с понижением своего социального статуса, но и лишиться постоянного дохода. Поскольку Кларино приданое было практически полностью промотано, а самого его сочли недостойным пенсии, Мясоедов столкнулся с весьма реальной перспективой близкой нищеты. В самом конце 1907 года он нанес визит в виленскую адвокатскую контору О.О. Грузенберга. Бывший жандарм так осунулся, побледнел и выглядел таким напуганным, что Грузенберг едва его узнал. Мясоедов объяснил Грузенбергу, что ему остро, жизненно необходимо получить место в частном секторе, поскольку конфликт с тайной полицией закрыл для него всякую возможность государственной службы. По воспоминаниям Грузенберга, Мясоедов сказал ему: «Вы не знаете, что

такое охранка. Это осиное гнездо. Я наступил на него — и мне никогда не простят. Перейди я к революционерам, соверши тяжкое преступление, — мне бы простили его скорее, нежели данное на суде показание». Поскольку именно Грузенберг, по мнению Мясоедова, вынудил его дать эти показания, он обратился к адвокату с просьбой подыскать ему службу в банке или на фабрике. Грузенберг изъявил сочувствие и пообещал сделать все, что в его силах — как выяснилось, весьма незначительных[73].

Несчастья Мясоедова усугублялись острым кризисом в семейной жизни. Постоянные измены супруга давно оскорбляли и раздражали Клару. Вскоре после того, как он вышел в отставку, Клара узнала о новой серии адюльтеров (на этот раз с женой местного доктора) и пригрозила разводом. Мясоедов поклялся бросить любовницу и разразился длинным посланием, умоляя супругу о прощении: «Я сделаю все, что я должен сделать, как честный человек, муж и отец, и считаю, что это была бы величайшая подлость, если бы я и на этот последний раз не оправдал твоего доверия»[74].

В конце концов спасение Мясоедова пришло со стороны знакомых, которых он приобрел в среде дельцов северо-западных приграничных районов. В 1908 году братья Самуил и Борис Фрейдберги решили расширить свой бизнес, открыв собственную скромную пароходную компанию. Последние несколько лет трансатлантические пассажирские перевозки стали делом весьма ненадежным: ценовое соперничество между британскими и континентальными компаниями в сочетании с американской депрессией 1907 года подморозили доходы этого бизнеса. Пытаясь преодолеть финансовый спад, Альберт Баллин договорился о дополнительном расширении трансатлантического пула. В 1908 году он провел операцию по созданию практически глобального пароходного картеля, в который вошли все основные как британские, так и континентальные компании, включая «Кунард», непреклонно противившийся созданному Баллиным коллективному договору с момента возникновения пула в 1891 году[75]. Фрейдберги увидели на периферии обновленного и расширившегося пула местечко для себя и задумали создать пароходную линию по транспортировке пассажиров из Либавы через Балтийское море в британский Гулль (Халл), откуда можно было добраться до Ливерпуля и далее пересечь Атлантику на пароходах «Кунарда». Борис Фрейдберг на протяжении нескольких лет был агентом «Кунарда» в Либаве и не сомневался в серьезности намерений английской компании. Поскольку сложная сис-

тема ценообразования гарантировала «Кунарду» 13% от ежегодных доходов трансатлантических пассажирских перевозок, Фрейдберги не сомневались в успехе своего предприятия.

В ноябре 1908 года братья обратились к Мясоедову с предложением возглавить новый концерн, который они назвали «Северо-западной русской пароходной компанией». Сергей Николаевич с готовностью согласился. В том же месяце они, как того требовал закон, представили властям проект устава своей компании[76]. После получения одобрения Совета министров, компания была легализована.

Капитал «Северо-западной русской пароходной компании» составлял 600 тыс. рублей. Из 2400 ее акций 1000 принадлежала Самуилу Фрейдбергу, 240 — его брату Борису, что давало Фрейдбергам контрольный пакет. По документам в число акционеров входили также Сергей Мясоедов, его жена Клара, барон Оттон Гротгус и Роберт Фальк[77]. Компания базировалась в Либаве, с отделениями в Одессе и Минске, которые возглавляли, соответственно, Давид Фрейдберг (младший из братьев) и Израиль Фрид. Сергей Николаевич Мясоедов официально числился председателем совета директоров с ежегодным окладом в 6 тыс. рублей[78]. На первом собрании акционеров и директоров, состоявшемся в Петербурге 4 февраля 1908 года, было объявлено, что компания собирается в ближайшем будущем спустить на воду пароходы «Георгиос I» и «Леопольд II», каждый водоизмещением в 1679 тонн, которые недавно были взяты ею в аренду у датской «Объединенной пароходной компании» («Det forenede Dampskibs-Selskab»)[79].

Но Северо-западное пароходство вовсе не стало для Мясоедова золотой жилой. Последствия экономического спада 1907 года в Америке оказались гораздо более длительными, чем ожидалось, под их влиянием спрос на трансатлантические билеты продолжал оставаться низким вплоть до 1910 года. Более того, несмотря на непосредственное участие в пуле, «Северо-западная русская пароходная компания» с самого момента своего образования столкнулась с мощной конкуренцией. В 1906 году «Русский добровольный флот», якобы частная компания, субсидировавшаяся российским государством, объявила об открытии прямого сообщения между Либавой и Нью-Йорком. Принадлежащая Баллину линия Гамбург—Америка немедленно отреагировала от имени пула, купив 51% акций «Русской восточно-азиатской пароходной компании», якобы российской, а на самом деле представлявшей интересы Да-

нии[80]. После этого «Русская восточно-азиатская компания» объявила о приобретении и снаряжении судов, которые должны были обеспечивать сообщение между российскими портами на Балтике и Соединенными Штатами. Целью акции было составить «Добровольному флоту» такую жесткую конкуренцию, чтобы от него камня на камне не осталось.

Баллин приобрел «Русскую восточно-азиатскую компанию» как оружие против «Добровольного флота», однако ему не пришлось пустить это оружие в ход. «Добровольный флот» столкнулся с финансовыми трудностями, в результате чего его пароходная линия Либава—Нью-Йорк так и не начала действовать. Однако тут произошло нечто очень странное. В 1907 году первоначальные датские акционеры «Русской восточно-азиатской компании» выкупили у Баллина свою долю[81]. После чего они объявили, что теперь «Русская восточно-азиатская компания» все же займется перевозкой пассажиров в Америку. «Русская восточно-азиатская компания» отказалась вступать в международный пароходный пул и к 1908 году дважды в неделю возила пассажиров прямым рейсом из Либавы в Нью-Йорк, чем серьезно нарушала монополию пула. Успех «Русской восточно-азиатской компании» был дурной новостью для «Кунарда» и катастрофической — для «Северо-западной русской пароходной компании» братьев Фрейдбергов. Поскольку «Русская восточно-азиатская компания» доставляла эмигрантов в Америку быстрее, чем это мог сделать «Кунард» вместе со своими отделениями, вроде «Северо-западной», — последние оказались в крайне невыгодном положении. К 1913 году на пароходах «Русской восточно-азиатской компании» из Либавы в Нью-Йорк в год перевозилось шестьдесят тысяч человек. Это составляло около 20% от общего числа российских подданных, эмигрировавших в 1913 году в Америку[82].

«Русская восточно-азиатская компания» быстро стала в Либаве ключевым экономическим резидентом. Она строила собственные доки, склады и гостиницы, организовывала перевозку в Либаву будущих эмигрантов из других российских портов на Балтике. При этом в борьбе за клиентов «Русская восточно-азиатская» вела себя совершенно бесцеремонно и предпринимала недружественные действия в отношении главного отделения «Кунарда» в Либаве, «Северо-западной русской пароходной компании» братьев Фрейдбергов. Для каковой цели, по обыкновению, подкупались ключевые местные чиновники.

Самым ценным либавским чиновником, фактически состоявшим на жалованье у «Русской восточно-азиатской компании», был шеф местной полиции полковник Подушкин. Служебное положение Подушкина делало его идеальной фигурой для борьбы с братьями Фрейдбергами: в его власти было сделать их жизнь невыносимой, и он использовал для этого всякую возможность. Кроме того, Подушкин лично имел зуб на Мясоедова — по несчастному совпадению он был дружен с поручиком Пономаревым (когда-то оба они служили в Риге). Подушкин инспирировал скабрезные статьи против «Северо-западной русской пароходной компании» в «Голосе Либавы», местной газете, владельцем которой был — конечно же, по случайному совпадению — один из директоров «Русской восточно-азиатской компании». Он закрыл эмиграционное бюро Роберта Фалька, одного из акционеров «Северо-западной компании», по подозрению в подделке паспортов; попытался инспирировать уголовное преследование «Карлсберга и Спиро» за пособничество нелегальной эмиграции. И, наконец, он регулярно посылал в Петербург доносы на «Северо-западную», обвиняя ее в подлинных или выдуманных нарушениях коммерческого законодательства. С особенной страстью он живописал роль, которую играл в «Северо-западной» Мясоедов: бывший жандарм, жаловался Подушкин, «покрывает своим именем жидов»[83].

Мясоедов, «Северо-западная компания» и Министерство внутренних дел

Итак, Мясоедов оказался во главе очень неблагополучной фирмы. С одной стороны, «Северо-западную компанию» изводил Подушкин, с другой — произошло общее ухудшение условий для пассажирских пароходных перевозок. Что ж, если участие в деятельности «Северо-западной» не могло сделать Мясоедова богатым человеком, по крайней мере он мог утешаться хорошим жалованьем, на целых 60% больше, чем во времена жандармской службы[84]. Но так ли обстояло дело в реальности? Нет никаких сомнений в том, что обещанного годового содержания в 6 тыс. рублей Мясоедов не получал. «Руководители» и «владельцы» компании являлись фигурами сугубо номинальными: устав «Северо-западной» был не более чем вывеской, позволявшей Самуилу Фрейдбергу, прикрываясь юридической ширмой акционерного общества, со-

хранять в тайне реальную долю своей семьи в капитале компании. Разделение паев «Северо-западной» никак не соотносилось с разделением власти внутри фирмы. Роберт Фальк, например, получил акций на 100 тыс. рублей, инвестировав всего 40 тыс.[85] Барона Гротгуса, не заплатившего за свой пай ни копейки, Фрейдберги уговорили передать им все свои акции сразу же после формальной регистрации «Северо-западной»[86]. И хотя позже Мясоедов утверждал, что свои 220 акций он купил за 55 тыс. рублей, мы знаем, что в 1907 и 1908 годах у него таких средств не было[87].

Зачем же Фрейдбергам понадобились Гротгус и Мясоедов? Что за шарада? Дело в том, что Подушкин, несмотря на свои грязные антисемитские выпады, по сути был прав: барона и бывшего жандармского офицера привлекли для представительских целей, дабы с их помощью заручиться симпатией людей влиятельных и властных, а также в качестве страховки на случай катастрофы. Гротгус впоследствии признался, что основным его вложением в деятельность компании, за которое он получал вознаграждение в 50 рублей в месяц, было «улаживание недоразумений с властями»[88]. Очевидно, что Мясоедов, хотя он и получал значительно большее жалованье и принимал более близкое участие в делах «Северо-западной», чем обнищавший балтийский дворянин, играл в компании роль того же пошиба.

Председательство в «Северо-западной компании», конечно, давало Мясоедову небольшой доход, однако никоим образом не могло заменить полноценной службы, не говоря уже о карьерных перспективах. Впрочем, в середине 1909 года Трусевич покинул Департамент полиции, что открыло Мясоедову возможность для возвращения. Для этого необходимо было отправиться в Петербург и максимально активизировать семейные связи. Фрейдберги, проявив щедрость, предложили оплатить его переезд и настояли на том, чтобы содержать его столичную квартиру, которая должна была одновременно служить конторой «Северо-западной пароходной компании». Вначале Сергей с Кларой поселились на Большой Морской, позже перебрались в более просторную квартиру на Колокольной.

В сентябре 1909 года Мясоедов подал министру внутренних дел Столыпину прошение с просьбой о восстановлении на службе в Отдельном корпусе жандармов. Изобразив себя невинной жертвой чудовищного заговора, он предложил собственную версию того, что произошло в Вержболово и Вильне в 1907 году. Мясоедов ут-

верждал, что своим выступлением в виленском суде он отнюдь не желал проявить неуважение к полиции, что не его, а адвокатов-либералов нужно винить за то, что его показания попали в прессу. Тут же он подробно перечислял свои заслуги в деле охраны закона и порядка за четырнадцать лет службы в Вержболово, при этом сильно утрируя факты: «Я вел беспощадную борьбу с тайной эмиграцией... я немедленно в корне прекращал все попытки к забастовкам благодаря тому авторитету, которым я пользовался в Вержболове среди железнодорожных служащих и местных учителей». Мясоедов в красках описывал проведенные им задержания сотен революционеров, тысячи перехваченных революционных книг и брошюр, кроме того, он «всегда оказывал полное содействие охранным отделениям и их агентам»[89]. Однако аргументы и мольбы Мясоедова не тронули Столыпина. Он велел своему заместителю П.Г. Курлову сообщить Мясоедову, что дело его пересматриваться не будет и что он *никогда*, ни при каких условиях не будет принят на государственную службу.

К поражению по бюрократической линии добавилось нечто столь ужасное, по сравнению с чем все несчастья, обрушившиеся на Мясоедова в последние годы, показались ничтожными: по нелепой случайности, при аварии лифта, погиб Николай, восьмилетний сын Мясоедова[90]. Удар был сокрушительным — оба, Сергей и Клара, были безутешны. Есть браки, которые такие страшные несчастья, как гибель ребенка, разрушают, другие же непонятным образом становятся крепче, сплоченные общим горем. Несмотря на то что супружеская жизнь Мясоедовых была многие годы далеко не идеальной, в их случае, видимо, имело место последнее. Клара более не угрожала разводом, Мясоедов прекратил волочиться и стал больше времени проводить дома. Возможно, впрочем, это было связано не столько с угрызениями совести, сколько с его душевным состоянием — он впал в глубокую депрессию, полностью парализовавшую его волю и на время лишившую вкуса к жизни, общению и развлечениям, в том числе интереса к женскому полу.

Нам же пора начать распутывать следующий клубок событий. Оставим на время Сергея Николаевича: вот он сидит в полумраке своего петербургского кабинета, глаза его мокры от слез — то и дело прикладываясь к рюмке, он оплакивает и погибшего сына, и собственную разбитую жизнь.

Глава 2

КИЕВ

На холмах и по долинам вдоль высоких днепровских берегов привольно раскинулся Киев, древнейший славянский город Российской империи. В начале XX века он был одним из самых динамично и быстро развивающихся городов Российской империи. Население, в 1874 году составлявшее 127 тыс. человек, к 1897 году выросло почти в два раза, а к 1910-му увеличилось еще вдвое. К началу Первой мировой войны процветающий мегаполис вмещал 626 тыс. жителей[1]. Стремительные темпы роста ставили перед городскими властями сложнейшие задачи, потребность в муниципальных услугах значительно превосходила возможности. Так, днепровская вода в черте города была такой грязной, что в 1907 году санитарные службы объявили ее непригодной для использования. Однако из-за высокой стоимости и ограниченных возможностей артезианских колодцев, единственной альтернативы Днепру, тысячи киевлян продолжали пить воду из реки, несмотря на химический запах и сильную примесь сточных вод, придававших ей характерный грязно-желтый цвет[2].

Подобно многим другим городам, находящимся за пределами центральных великорусских областей, Киев отличался этническим и культурным разнообразием. Официально город считался «русским», русский был языком делопроизводства, образования и торговли, но немалую долю его жителей (почти четверть) составляли этнические украинцы. Вместе с русскими и украинцами в городе с давних пор обитали поляки, евреи и белорусы.

Своим экономическим благосостоянием Киев был обязан виноделию и торговле свекловичным сахаром. Введение в первой половине XIX века жестких тарифов на импорт тростникового сахара вызвало развитие на Украине мощной вертикально интегрированной производственной структуры, подчиненной выращиванию и обработке сахарной свеклы[3]. В одной только Киевской губернии в 1892 году более 74,5 тыс. га земли было занято сахарной свеклой, дававшей урожай в 900 тыс. тонн[4]. В Киеве насчи-

тывалось 117 заводов, производивших свекловичный сахар; кроме того, большая часть других городских производств напрямую зависела от сахарной промышленности, поскольку изготавливала трубы, вентили, котлы и прочее оборудование для оснащения рафинировочных заводов.

Помимо этого, Киев был важным административным центром, власть в котором была представлена не только губернатором, но и генерал-губернатором — этот высокопоставленный чиновник был наделен широкими полномочиями в управлении более 13 млн людей, населявших 64 тыс. кв. мили, составлявшие три губернии — Киевскую, Подольскую и Волынскую[5]. Киев играл видную роль и с военной точки зрения: в нем размещались штабы 9-го и 21-го армейских корпусов; кроме того, город служил опорным пунктом военного округа, в который входили Киевская, Черниговская, Курская, Харьковская и Полтавская губернии. В стратегии обороны рубежей империи Киевскому военному округу, граничившему с Австро-Венгрией, отводилась особая роль. В случае военного кризиса в округ должны были быть стянуты войска, которым предстояло выступить против Австро-Венгрии; с началом войны главе округа предстояло принять полевое командование и повести эти части в бой. В начале 1905 года командующим войсками Киевского военного округа был генерал-лейтенант В.А. Сухомлинов, чье имя оказалось неразрывно связано с делом Мясоедова.

Владимир Александрович Сухомлинов

В.А. Сухомлинов, как и Мясоедов, происходил из обедневшего дворянского рода. Он родился в Ковно в 1848 году, получил образование в виленском Александровском кадетском корпусе и Николаевской кавалерийской школе. В 1867 году был произведен в офицеры, а четыре года спустя закончил высшее военное учебное заведение империи, Николаевскую академию Генерального штаба. Выпустившись в 1874 году в числе первых в своем классе, он вернулся на действительную военную службу и достиг успехов, которые иначе как блестящими назвать нельзя — об этом свидетельствуют престижные назначения и стремительное продвижение по служебной лестнице. Когда в 1877 году началась война между Россией и Турцией, Сухомлинов добился перевода в Дунайскую армию, где за проявленную в бою храбрость был награжден саблей с золотой рукоятью.

Владимир Александрович Сухомлинов

После заключения мира Сухомлинов недолгое время оставался командиром полка и вскоре был назначен начальником Офицерской кавалерийской школы в Петербурге, где лично обучал будущего императора Николая II военной тактике. К сорока двум годам он был уже генерал-майором. Семь лет спустя Сухомлинов возглавил 10-ю кавалерийскую дивизию. Через два года, когда получение чина генерал-лейтенанта было делом практически решенным, он был переведен на Украину в должности начальника штаба при легендарном командующем войсками Киевского военного округа М.И. Драгомирове[6].

Один из самых уважаемых российских военных, Драгомиров был знаменит своими откровенными панславистскими убеждениями, франкофильством, крайней эксцентричностью и пристрастием к хмельному. Однажды в начале своей киевской службы, спохватившись, что забыл поздравить Александра III с именинами, он, дабы избежать монаршего гнева, послал запоздалую телеграмму: «Третий день пьем здоровье Вашего Величества!» — на что получил лаконичное: «Пора бы прекратить».

Однако при всех своих причудах Драгомиров был человек серьезный и непростой. Это был настоящий герой, проявивший себя на поле брани, он прославился своими победами во время Русско-турецкой войны 1877—1878 годов — в историю вошел его поход на помощь Столетову, столкнувшемуся с превосходящими силами противника во втором сражении на перевале Шипка. При этом Драгомиров обладал недюжинным талантом военного теоретика. Признанный эксперт в области военной психологии (особенно его занимала проблема индивидуальной мотивации солдата в бою), он также был одним из ведущих русских тактиков. Автор основных учебников по тактике, которые в конце XIX века использовались во всех военных учебных заведениях России, он превратил проводившиеся в Киевском военном округе учения в лабораторию для проверки своих теорий.

Обаяние Драгомирова и тот вес, каким он обладал в армии, привлекали к нему офицеров с амбициями. Сухомлинов, оказавшись в Киеве, быстро вызвал симпатию старшего товарища и стал его протеже. В 1902 году Сухомлинов был назначен на должность помощника командующего войсками Киевского военного округа, а в 1904 году, когда семидесятичетырехлетний Драгомиров вышел в отставку, в преемники все прочили Владимира Александровича. В начале ноября того же года Сухомлинов переехал в официальную резиденцию командующего, большое двухэтажное здание, окруженное огромным фруктовым садом.

В этот период Россия вновь находилась в состоянии войны. Теперь ее противником была императорская Япония. Началом вооруженного противостояния послужила ночная атака японских торпедных катеров на корабли русского Тихоокеанского флота, стоявшие в Порт-Артуре. Война эта со всех точек зрения была для России сплошной катастрофой. Для японцев цель войны — изгнание русских из Кореи и Маньчжурии — была вопросом как национального выживания, так и национального престижа, что пробудило массовый энтузиазм всего населения островов. Для России же это была война, которая велась неведомо где, в местах с дикими для русского уха названиями, цели которой мало кто понимал и почти никто не разделял. Однако причина военного поражения России заключалась не только в массовой апатии населения. Единственной связью с театром военных действий была одноколейная Транссибирская железная дорога, что создало практически непреодолимые трудности в снабжении российских дальневосточных войск

продовольствием, вооружением и людскими ресурсами. Кроме того, опасаясь, чтобы объединенные силы Австро-Венгрии и Германии не воспользовались сосредоточением российских войск на азиатском направлении и не напали на европейскую часть, верховное российское командование решило, продолжая участвовать в русско-японском конфликте, максимально обеспечивать защиту западных рубежей империи. В результате на японский фронт было переброшено несколько отдельных военных формирований и проведена частичная мобилизация, которая не могла ни обеспечить военного превосходства над Японией, ни поддержать боевую мощь на западе. В соединении с неразумным управлением военно-морскими резервами и посредственностью военного руководства на Дальнем Востоке, все это привело к череде поражений — на реке Ялу, при Ляояне, на Шахэ, при Сандепу и Мукдене. После того как российский Балтийский флот, обогнув половину земного шара, пришел в азиатские воды с тем только, чтобы быть потопленным японскими кораблями в Цусимском проливе (в марте 1905 года), Николай II решил просить мира.

Принятию этого решения способствовал и внутренний разлад, в котором пребывала Российская империя. Неудачная война в Маньчжурии опасным эхом отдавалась в домашних делах, усиливая проникнувшее во все слои общества недовольство самодержавным правлением. После расстрела 9 января 1905 года (Кровавое воскресенье) мирной демонстрации в Петербурге, протесты вылились в яростные революционные выступления: волны забастовок охватили заводы, фабрики и шахты; империю сотрясали крестьянские восстания; счет террористическим актам шел на тысячи; а националистические организации готовили вооруженные восстания в целом ряде приграничных областей. В октябре Николай II издал манифест, обещавший проведение широких реформ, включая учреждение выборного законодательного органа, Думы — император явно надеялся примирить этой уступкой своих подданных. Однако Манифест 17 октября не только не охладил революционные страсти, но, напротив, мгновенно их воспламенил. Антиправительственные акты участились многократно.

Киев и его окрестности не остались в стороне от революционных волнений 1905 года. В январе в знак солидарности с жертвами Кровавого воскресенья забастовали рабочие нескольких основных городских заводов. Стачки продолжились и в феврале, когда к заводским рабочим присоединились разнообразные не-

пролетарские группы трудящихся (пекари, парикмахеры и пр.), а также студенты высших учебных заведений. Весной разразились бунты в сельскохозяйственных районах Киевской губернии и бушевали все лето[7].

К октябрю центр тяжести революционных событий вновь сместился из деревни в город. Рассадником волнений стал Киевский университет, здесь каждый вечер устраивались антиправительственные акции, собиравшие тысячи участников. 18 октября, в день обнародования Манифеста 17 октября, на площади рядом с Киевской городской думой собралась огромная толпа студентов и рабочих, к которым с горячей речью обратился большевистский агитатор А.Г. Шлихтер[8]. Между демонстрантами и полицией вспыхнула перестрелка, для разгона толпы были вызваны войска — в результате столкновений погибло по меньшей мере 7 человек и было ранено 110.

Революционные события 1905 года в российских городах спровоцировали массовую политическую активность не только слева, но и справа. Разгром революционерами городской думы 18 октября вызвал на улицы толпу иного рода — монархистов, реакционеров, антисемитов и обычных бандитов. Считая (или делая вид), что во всех российских несчастьях повинны евреи и социалисты, эти люди горели желанием наказать «виновных». Так произошел ужасный киевский погром 18—20 октября, настоящая оргия грабежей, насилий и убийств, обращенных прежде всего против евреев — принадлежащих им фабрик, магазинов, домов, просто против прохожих. Погром унес жизни множества людей (данные разнятся — от 47 до 100 человек), было ранено по меньшей мере 300 человек, стоимость уничтоженного имущества оценивалась от 10 до 40 млн рублей[9]. Погромы в Киеве и других южных городах России были столь разрушительными, что Семен Дубнов уподобил их Варфоломеевской ночи[10].

Одной из причин чудовищного разгула антисемитских выступлений в Киеве была полная бездеятельность городской администрации. Генерал-губернатор Киевской, Подольской и Волынской губерний Н.В. Клигельс, известный более как знаток лошадей, чем как волевой руководитель, от страха совершенно растерялся. Малодушно стремясь снять с себя ответственность, осенью 1905 года он попытался передать всю гражданскую власть в руки военных. Поскольку Сухомлинов по обыкновению проводил осень на Ривьере, Клигельс обратился к заместителю командующего округом

генералу Ивану Карасу. Карас было согласился, но вскоре усомнился в законности такой нетрадиционной передачи власти. Таким образом, неясность, кто же на самом деле является легитимным генерал-губернатором или выполняет его функции, привела к фатальному промедлению в принятии решительных мер против погромщиков. Только после того, как Карас телеграфировал в Петербург, прося инструкций, и получил прямой приказ применить силу для восстановления порядка, в город были введены войска.

Катастрофические последствия дурного руководства немедленно повлекли за собой административные перестановки. Понимая, что ситуация чревата взрывом, центральные власти решили сосредоточить все гражданское и военное управление регионом в руках одного человека — В.А. Сухомлинова. 19 октября министр внутренних дел телеграммой вызвал Сухомлинова из Биаррица, приказав немедленно по прибытии вступить в должность генерал-губернатора Киевской, Подольской и Волынской губерний. Сухомлинов приобретал полную власть над всем чиновничеством и всеми военными силами самой сложной приграничной области Российской империи. Он также стал одним из самых высокооплачиваемых чиновников в стране — в сумме его жалованье на обоих постах составляло 51 тыс. руб.[11]

Прибыв в Киев в ноябре 1905 года, Сухомлинов энергично принялся восстанавливать веру населения в надежность и компетентность государственной власти. По всему городу немедленно были расклеены листовки, объявлявшие, что новый генерал-губернатор не потерпит никаких беспорядков[12]. Он также уволил ряд наиболее непопулярных местных чиновников, включая коррумпированного шефа киевской полиции В. Цихотского; принял меры для обуздания реакционной и антисемитской прессы (поскольку понимал, какую важную роль сыграла бульварная пресса в раздувании ненависти, вылившейся в погромы)[13].

Подобные действия не способствовали симпатии к нему сторонников правых взглядов в провинции и в городе. Поговаривали, что Сухомлинов слишком печется о благополучии евреев и, более того, сам предпочитает их общество, поскольку среди его друзей были люди с фамилиями Марголин, Фурман, Фишман и Фальцер[14]. Эти слухи оживились летом 1906 года, когда киевским губернатором был назначен А.П. Веретенников. Сухомлинов терпеть не мог Веретенникова, не в последнюю очередь из-за активной вовлеченности последнего в политику правого толка. Ярый

антисемит, Веретенников состоял в массовой организации с протофашистской программой — «Союзе русского народа», знаки этой организации он открыто носил и поддерживал пожертвованиями ее деятельность. Попытавшись использовать свое положение для инспирирования новой антиеврейской кампании, Веретенников обнаружил, что Сухомлинов на каждом шагу вставляет ему палки в колеса: Сухомлинов отменял его приказы, запрещал обыскивать евреев на предмет поддельных разрешений на проживание и проч. Отношения между двумя высокопоставленными чиновниками испортились окончательно, каждый желал дискредитировать соперника.

В результате проиграл Веретенников. У него была дурная привычка не читая подписывать всякую положенную на стол бумагу. В декабре 1905 года кто-то из подчиненных подсунул в папку, предназначенную ему на подпись, признание в некомпетентности. Когда текст «заявления» Веретенникова (я «никуда не гожусь и для управления вверенной мне губернией неспособен») был опубликован сначала в российских газетах, а потом в лондонской «Таймс», опозоренному правительству не оставалось ничего иного, как убрать Веретенникова с глаз долой[15]. 15 декабря 1906 года приказом министра внутренних дел Столыпина Веретенников был внезапно переведен в Кострому. П.Г. Курлов, занявший его место в Киеве, пришелся Сухомлинову гораздо больше по душе, они были знакомы еще по Николаевской кавалерийской школе, где Курлов был учеником Сухомлинова[16].

К концу 1906 года за Сухомлиновым прочно закрепилась репутация юдофила и в своем роде либерала, что вызывало ненависть к нему крайне правых[17]. Многие его враги в Киеве подозревали, что за розыгрышем, стоившим Веретенникову поста, стоял именно Сухомлинов. Впоследствии он нажил себе врагов во всем политическом спектре. В послереволюционных воспоминаниях трудно найти положительные оценки Сухомлинова. Впрочем, отец Георгий Шавельский, служивший протопресвитером российской армии во время Первой мировой войны, запомнил Владимира Александровича как человека «умного, простого, сердечного и отзывчивого» — но это мнение является исключением[18]. В описаниях мемуаристов Сухомлинов традиционно предстает в двух образах — либо как чудовищный злодей, либо как чиновная серость. Дипломат Андрей Калмыков, например, назвал Сухомлинова «злым гением России»[19]. В.Н. Коковцов, позже его коллега по Совету министров,

пренебрежительно аттестовал Сухомлинова «человеком крайне легкомысленным, поверхностным, хотя и не без дарований. Он совершенно не способен был ни на какой усидчивый труд, анализ, работу по обдуманному плану»[20].

Характеристика личности Сухомлинова, данная Коковцовым, при всей ее очевидной одномерности, содержит долю правды. Мы располагаем множеством свидетельств того, что Сухомлинов, особенно после отставки Драгомирова, не слишком усердствовал в исполнении своих служебных обязанностей. Киевские сослуживцы замечали, что большую часть своей рутинной работы по военному округу он передал генералу А.А. Маврину, своему начальнику штаба, а повседневные генерал-губернаторские административные заботы — начальнику канцелярии А.Н. Неверову[21]. Один из его подчиненных, дивизионный командир Н.А. Епанчин, позднее вспоминал, что был просто ошарашен тем, в какой манере Сухомлинов летом 1907 года «инспектировал» 167-й Острожский пехотный полк — не покидая борта своего днепровского парохода: в этой поездке им руководила страсть к рыбалке, а не военная забота[22].

Однако личность Сухомлинова далеко не сводится к тому, что можно представить на основании приведенных оценок. Прежде всего никто, даже самые непримиримые его оппоненты, не ставил под сомнение исключительный ум генерал-губернатора. Именно это имеет в виду Коковцов, когда говорит о нем «не без дарований». Не входя в мелочи и оставляя их подчиненным, он, благодаря своему живому уму, «быстро схватывал суть дела»[23]. Кроме того, Сухомлинов был от природы наделен способностью к иностранным языкам — безукоризненно читал, говорил и писал по-немецки. И, наконец, все годы военной службы он продолжал заниматься литературным творчеством и опубликовал несколько сборников рассказов и статей, многие под псевдонимом Остап Бондаренко. Говоря от имени Бондаренко — отставного казацкого офицера, поклонника старых традиций, предпочитающего здравый смысл бесплодным умствованиям и с сомнением воспринимающего новое ради одной новизны, — Сухомлинов имел возможность сказать свое слово в спорах о будущем русской армии и даже критиковать решения высшей военной власти, не рискуя навлечь на себя обвинение в нарушении субординации. Ориентированные на офицеров и рядовых солдат дидактические и морализаторские рассказы Бондаренко свидетельствовали о глубокой вере их автора в идеалы просвещения и самосовершенствования. Практически все лите-

ратурные произведения Сухомлинова увидели свет под грифом В.А. Березовского, его близкого друга, владельца знаменитого военного издательства, которое выпускало популярный в России частный военный журнал «Разведчик».

Однако в полном своем блеске Сухомлинов выступал на политическом поприще. Он добивался успеха, опираясь на особенности автократической системы, умело манипулируя людьми и событиями. Он мастерски использовал пронизывавшие армию структуры личного покровительства, в основании которых лежали семейные и школьные связи или совместная служба. Ловко эксплуатируя, а при необходимости умело обходя бюрократическую систему, он создавал и разрушал тактические альянсы и искусно пользовался своим обаянием для обмана начальства и заметания следов. Несмотря на то что внешне это был человек непрезентабельный — низенький, лысый (или, вернее, как раз *благодаря* такой своей внешности), он культивировал изысканные манеры и производил впечатление любезного и добросердечного господина. Сухомлинов обладал именно теми способностями, которые необходимы для выживания и преуспевания в мире автократической политики. Впрочем, как мы увидим, именно этих полезных умений враги ему так и не простили.

Нарисованный нами облик Сухомлинова будет неполон без последней детали. Он был женолюб, и весьма страстный. Граф Витте, один из первых государственных деятелей империи, вслух сказал о том, что все и так знали, назвав Сухомлинова «большим любителем женского пола»[24]. Первый раз Сухомлинов женился вскоре после окончания русско-турецкой войны. Его невеста, баронесса Корф, была родом из солидной семьи с прекрасными связями. (Ее старшая сестра, Мария Фердинандовна, была замужем за будущим министром юстиции Д.Н. Набоковым, отцом известного юриста и политического деятеля В.Д. Набокова, сын которого — всемирно известный писатель, автор «Лолиты» и «Бледного огня»). Союз этот, впрочем, продлился недолго — через год Владимир Александрович овдовел.

Переждав приличное время траура, Сухомлинов женился вновь. Его новая избранница, Елизавета Николаевна Корейш, первый муж которой был гражданским инженером, — женщина живого, открытого характера, склонная к богемному образу жизни, водила компанию с актерами. Уроженка Киева, она с восторгом восприняла назначение мужа в штаб Драгомирова. В родном городе

у нее оставалось множество родственников и друзей, и скоро супруги окунулись в бурную светскую жизнь[25]. В официальной резиденции Сухомлиновых непрерывно устраивались всевозможные приемы, обеды и балы, кроме того, Елизавета Николаевна активно занялась благотворительностью. Однако весной 1904 года супружеское счастье внезапно оборвалось. В городе начали циркулировать слухи, будто в местном отделении Красного Креста, попечительницей которого состояла Елизавета Николаевна, пропала большая сумма денег — по некоторым сведениям, до 40 тыс. руб. Хотя позднее финансовая проверка не обнаружила в деятельности киевского Красного Креста никаких нарушений (то ли недостачи вообще не было, то ли кто-то успел ее восполнить), Елизавета впала в глубокую депрессию. Вскоре она внезапно и таинственно умерла — говорили, что по своей воле. Вдовец переходил от уныния к ярости. Он безуспешно пытался заставить гражданские власти закрыть «Киевскую газету», которая опубликовала сплетни и инсинуации о Красном Кресте и его жене, что довело ее до гибели[26].

Сухомлинов, впрочем, вскоре оправился. Утешение он нашел в объятиях певички из мюзик-холла по фамилии Каплан, в связь с которой вступил в конце 1904 или в начале 1905 года. Роман не был продолжительным, однако именно тогда, проводя по обыкновению отпуск на юге Франции, он встретил женщину, которая станет его третьей женой, — Екатерину Викторовну Бутович. Ему было пятьдесят семь, ей едва исполнилось двадцать три.

Екатерина Викторовна Бутович

Екатерина Бутович была дочерью Виктора Ивановича Гошкевича, наборщика и по совместительству журналиста «Киевлянина», главной националистической газеты Киева. Многие представители семейства Гошкевичей, этнических украинцев, традиционно выбирали священническое служение. Виктор Иванович проживал с женой, Клавдией Николаевной, и дочерью в тесной двухкомнатной квартирке в том же здании, где помещалась редакция «Киевлянина». Так что детство Екатерины прошло в очень скромных условиях, которые еще более ухудшились, когда отец бросил семью и уехал в Херсон. Отчаянно нуждаясь в деньгах, мать Екатерины поделила свою крошечную квартиру и стала отдавать половину внаем. Небольшой доход приносило и ее ремесло повитухи.

Несмотря на почти полное разорение, Клавдия Николаевна каким-то чудом ухитрилась скопить достаточно денег, чтобы дать дочери приличное образование. Екатерина посещала занятия в Киевской гимназии, выучилась на машинистку и к девятнадцати годам начала службу секретаршей в конторе мирового судьи Рузского, получая скромное жалованье в 25 руб. в месяц[27]. Екатерина с трудом переносила однообразие, убожество и унизительность этой жизни. Она была полна решимости любой ценой добиться лучшей доли, использовав для этого свой бесценный дар — необычайную красоту.

Говорили, что уже в детстве Екатерина Викторовна поражала своим ангельски прелестным видом. Будто бы знаменитый художник В.М. Васнецов, получивший заказ на написание икон и фресок для киевского Владимирского собора, писал с Екатерины младенца Христа[28]. Повзрослев, она, по мнению многих, стала одной из самых красивых женщин России. Сам Распутин позже признавался, что это была одна из двух женщин, поразивших его сердце[29]. Другой знакомый Екатерины описывал ее как «платиновую блондинку с чудесными синими глазами, очаровательную, умную, опасную женщину»[30]. Сухомлинов в своих мемуарах утверждал, что ее исключительная красота и изящество на самом деле были недостатками, ибо возбуждали к ней злобу и зависть, но, добавлял он (не без самодовольства), когда впоследствии он показался с ней в Петербурге в театре, бинокли всего зала обратились от сцены к их ложе[31]. Сохранившиеся фотографии, кажется, не подтверждают столь восторженных описаний ее красоты (хотя справедливость требует признать, что все они были сделаны после того, как у Екатерины Васильевны начались серьезные нелады со здоровьем). Кое-кто, впрочем, считал, что истинный источник ее власти над противоположным полом заключался не в совершенстве телесных форм, а в характере. Как выразилась одна светская дама, Екатерина Викторовна была «из тех маленьких, стройных, хорошо сложенных женщин, обладающих не столько истинной красотой, сколько женским очарованием. Вначале она не привлекает внимания, даже не кажется хорошенькой, но ее чары воздействуют на вас исподволь; она не ослепляет, но очаровывает, и знает, как удержать власть над мужчиной»[32].

В 1902 году двадцативосьмилетний молодой аристократ Владимир Николаевич Бутович зашел по делу в контору, где служила Екатерина. Бутович был богат — ему принадлежало в Полтавской

Открытие лазарета имени Цесаревича 10 сентября 1915 года. На фотографии: № 1 — Владимир Сухомлинов; № 2 — Е.В. Сухомлинова; № 29 и 31 — Березовские, друзья Сухомлинова

губернии большое имение Круполь. Своей красотой — или красотой и хитростью — Екатерина Викторовна скоро пленила Бутовича. Он сделал ей предложение, и в начале 1903 года состоялась свадьба.

Казалось бы, выгодная партия была ответом на мечты Екатерины — нет больше тоскливой низкооплачиваемой службы, ей открылся мир праздности и богатства. Но хотя муж благоговел перед ней и ни в чем ей не отказывал, даже выделил ежегодную ренту в 20 тыс. руб., Екатерина не была счастлива[33]. Рождение сына Юрия лишь на время вывело ее из состояния раздраженного недовольства. Богатство, конечно, приятно, но Екатерина не могла наслаждаться им в сельском уединении поместья Бутовича. Решив, что не может больше жить без общества и развлечений, она убедила мужа, которого дела держали в России, позволить ей одной отправиться в путешествие по курортам юга Франции. Как известно, именно осенью 1905 года в Биаррице она познакомилась с Сухомлиновым.

На следующий год, отправляясь в Западную Европу, она искала не просто развлечений. В 1906 году у нее впервые обнаружились симптомы серьезного и хронического заболевания почек, возможно, разновидность пиелонефрита. Доктора настаивали на консультации у иностранных специалистов, и в ноябре 1906 года Бутович отвез жену в Берлин, где ей была сделана операция, после которой Екатерина Викторовна несколько месяцев провела в лучшей частной немецкой клинике.

Сухомлинов был поражен Екатериной при первой же встрече. Когда в 1907 году она вернулась в Россию, он поспешил в Полтаву, ища возобновления знакомства. Он стал частым гостем в доме Бутовича и, пользуясь всякой возможностью, ухаживал за Екатериной. Между визитами он посылал ей многочисленные подарки и телеграммы с выражением страстной любви (некоторые Сухомлинов подписывал «Азур», так звали собачку Екатерины)[34]. В конце весны или в начале лета 1907 года, когда Бутович должен был на время уехать в Кишинев, Екатерина наконец уступила настойчивости Сухомлинова и стала его любовницей[35].

Вернувшийся в июле домой Бутович был встречен потрясающими новостями: жена требовала развода. И это не все. Екатерина настаивала, чтобы он взял на себя всю юридическую вину за развод, отказался от всяких притязаний на опеку над сыном Юрием и выплатил ей 200 тыс. рублей. Для Бутовича это было как гром среди ясного неба. Он не замечал никаких признаков напряжения в их семейной жизни и был поражен не только настойчивым желанием жены развестись, но и чудовищной эгоистичностью ее требований. Рассерженный, он отказался.

Считая Сухомлинова виновным в крахе своей семейной жизни, Бутович тут же послал ему вызов на дуэль, который, впрочем, был оскорбительным образом проигнорирован. В надежде заставить генерала стреляться, Бутович принялся засыпать его оскорбительными письмами, все более и более резкого тона. Эпистолярная атака Бутовича не имела того результата, на который он рассчитывал, однако заставила Сухомлинова задуматься. Понимая, что Бутович, если захочет, способен доставить ему гораздо бóльшие неприятности, Владимир Александрович усомнился в необходимости и разумности требования о разводе. В конце июля любопытная гувернантка подслушала, как Сухомлинов говорил Екатерине Викторовне, что, если подумать, ей, пожалуй, следует остаться женой Бутовича.

Екатерину это не устраивало. Если к Бутовичу она всегда относилась равнодушно, то Сухомлинова любила по-настоящему, или хотя бы верила, что любит. Перспектива стать супругой самого влиятельного человека на юго-западе империи значительно превосходила самые смелые ее мечты, что, вне всякого сомнения, еще больше располагало ее в пользу генерала. Впрочем, ее письма к нему, страсть, которой она не скрывала, и та преданность, которую впоследствии выказала, — все это весьма убедительно свидетельствует об искренности ее чувств. Следующие три месяца она постоянно

наезжала в Киев, к любовнику, а, бывая дома, умоляла Бутовича согласиться на развод. В ноябре была предпринята попытка победить непреклонность Бутовича, имитировав попытку самоубийства. Екатерина проглотила большую (но не смертельную) дозу опиума и демонстративно отказалась принимать рвотное, которое прописал врач. Похоже, этот случай спровоцировал обострение ее почечной болезни. В декабре она на шесть месяцев отправилась за границу, где лечилась в санатории под Ниццей. В том же месяце Бутович, надеявшийся переменой места облегчить свои муки, принял назначение в ведомство народного просвещения.

Страсть Сухомлинова к Екатерине и желание добиться для нее развода разгорелись с новой силой. В мае 1908 года, после ее выписки из санатория, они соединились в Карлсбаде. Оттуда он написал своему киевскому поверенному В.Е. Неметти, требуя выдвинуть Бутовичу ультиматум: либо тот добровольно соглашается на развод, либо пусть готовится к тому, что генерал использует все имеющиеся в его распоряжении средства[36]. Бутович воспринял это предложение как угрозу — так оно и было в действительности. Есть свидетельство (впрочем, грубо злонамеренное), что якобы Сухомлинов пригрозил Бутовичу административной ссылкой[37]. Неизвестно, испугался ли Бутович, но сдаваться он не желал.

В июне молодой землевладелец передал через посредников, что готов согласиться на развод, но только на своих условиях. Екатерина должна была уступить ему все права опеки над их сыном. Более того, она должна была забыть о финансовых претензиях — обманутый муж не должен ей ни копейки. То ли причина была в привязанности Екатерины к своему пожилому возлюбленному, то ли в неразвитости ее материнских чувств, или, возможно, в том и другом, но она немедленно согласилась на первое условие Бутовича и отвергла второе, касавшееся денег[38].

Этот отказ разъярил Бутовича сверх меры. Отказавшись от своего предложения разрешить дело полюбовно, он поклялся препятствовать разводу всеми доступными ему средствами: он организовал утечку истории в газеты и забрасывал Министерство внутренних дел прошениями, в которых обвинял Сухомлинова в безнравственности и злоупотреблении властью. Товарищ военного министра А.А. Поливанов даже сделал личный доклад императору о жалобах Бутовича — на счастье Сухомлинова, Николай II решил не начинать расследование, заметив лишь, что «неудобно», когда столь известная личность оказывается замешана в такие неприличные истории[39].

Несмотря на то что Бутовичу не удалось восстановить императора против Сухомлинова, положение генерала далеко не было безоблачным. Он ясно осознавал, что в случае решительного противодействия со стороны Бутовича добиться развода законным путем будет практически невозможно. В Русской православной церкви, к которой принадлежали Сухомлинов, Екатерина и Бутович, вопросы расторжения брака подпадали под юрисдикцию Святейшего синода. Синод по причинам теологического характера стремился к сохранению таинства брака и фактически исключал саму идею развода. Хотя церковь признавала четыре законные причины для расторжения брака — неспособность к брачному сожитию, неизлечимую тяжкую душевную болезнь, прелюбодеяние и длительное «безвестное» отсутствие одного из супругов, — получение развода было окружено множеством препон[40]. В августе Сухомлинов набросал письмо в Синод с запросом, не может ли в его случае быть дано специальное разрешение на расторжение брака. Возможно, император Николай II как глава Церкви мог бы своей властью развести Бутовичей?[41] Ответ, полученный Сухомлиновым от обер-прокурора Синода, не обнадеживал: в православной церкви не может быть развода по приказу императора. Обер-прокурор сообщал далее — имея в виду непреклонность Бутовича — «о единственно возможном поводе для развода — обвинении г-жою Бутович своего мужа в нарушении святости брака»[42]. Более того, подобное обвинение необходимо было подкрепить убедительными доказательствами. Для совершения развода Церковь требовала, чтобы факт измены был засвидетельствован двумя очевидцами, даже в случае, когда одна из сторон сама признавалась в совершении прелюбодеяния[43]. Поскольку Бутович явно не собирался брать вину на себя, вопрос свидетелей встал особенно остро. С просьбой найти надежных свидетелей Сухомлинов обратился к своему старому другу Александру Альтшиллеру. К этому моменту Альтшиллер уже был ближайшим доверенным лицом Сухомлинова в истории с Бутовичем — первый вариант письма генерала в Синод был написан на бумаге с грифом одной из компаний, принадлежавших Альтшиллеру.

Александр Альтшиллер

Александр Альтшиллер, австрийский еврей по рождению, перешедший в лютеранство, перебрался в Киев из империи Габсбур-

гов в 1870 году. Начав службу в должности агента различных немецких и австрийских концернов, он скопил достаточно средств, чтобы открыть собственную брокерскую контору и транспортную компанию. Компания, имевшая отделения, помимо Киева, в Тамбове и Козлове, специализировалась на поставках товаров, необходимых для украинских сахарозаводчиков и, помимо этого, ввозила в Россию сельскохозяйственную технику — одну из немногих категорий товаров, которые Россия, известная своими крайне высокими таможенными пошлинами, пропускала бесплатно[44]. К 1890-м годам бизнес Альтшиллера расширился настолько, что каждый год приносил по 90 тыс. рублей дохода[45]. И это был не единственный источник его доходов. Благодаря дружбе с кланом Бродских, еврейских заводчиков, контролировавших 25% сахарного производства Российской империи, он входил в Совет директоров самой крупной киевской рафинировочной фабрики[46].

В начале 1900-х годов киевский Южно-русский машиностроительный завод, занимавшийся производством чугунных паровых котлов и железнодорожных товарных вагонов, был признан несостоятельным должником — кредиторы фирмы затеяли ее реорганизацию. Крупнейшим из кредиторов был не кто иной, как Альтшиллер, транспортная контора которого поставляла на завод листовое железо. В качестве компенсации за понесенные убытки Альтшиллер стал основным акционером реформированного предприятия. Кроме того, он получил пост исполнительного директора[47].

Следует признать, что ни остальным акционерам, ни российской экономике в целом эти перемещения пользы не принесли, поскольку Альтшиллер продолжал вести компанию к краху. Он был скорее делец, чем промышленник, и собирался выжать из Южно-русского машиностроительного завода всю прибыль до последней копейки. Став одновременно единственным поставщиком сырья для завода и единственным агентом по продаже его продукции, он брал себе проценты с каждой операции. Коммерсант поддерживал компанию в состоянии минимальной капитализации и вынуждал выполнять заказы по таким ценам, которые едва-едва позволяли ей держаться на плаву. Именно поэтому в 1905 году 759 рабочих Южно-русского машиностроительного завода оказались среди самых воинственно и радикально настроенных на всей Украине. На протяжении года они бастовали чаще и начинали свои забастовки раньше всех остальных местных предприятий. Рабочие Южно-русского машиностроительного требовали того же, что и все, — сокращения рабочего дня и

значительного повышения зарплаты, однако из-за финансовой слабости компании компромисс был невозможен: просто не было денег, чтобы удовлетворить требования рабочих[48]. Поэтому Южно-русский машиностроительный избрал тактику жестокого подавления. Во время забастовки февраля—марта 1905 года руководство компании уволило поголовно всех рабочих, закрыло завод, а когда он открылся через несколько дней, предложило работу только тем, кто согласился на дозабастовочные зарплаты[49].

Все это, впрочем, нимало не беспокоило Альтшиллера — благодаря своим договоренностям с Южно-русским машиностроительным заводом он теперь получал больше доходов, чем когда-либо прежде. В дополнение к 35 тыс. рублей, ежегодно изымаемым им из доходов транспортной компании, и 10 тыс., которые он получал как директор сахарного завода Бродских, еще 15 тыс. составляла его зарплата на Южно-русском машиностроительном и 60 тыс. — комиссионные с его деятельности[50].

Несмотря на скромное начало, Альтшиллер-коммерсант стал человеком важным и влиятельным. Правительство кайзера Франца-Иосифа назначило его почетным консулом Австро-Венгрии. Он разъезжал по всем европейским столицам и был частым гостем фешенебельных курортов. Наезжая в Россию, он легко входил в высшие круги киевского общества, где служил неистощимой темой для разговоров — все охотно обсуждали его способности к иностранным языкам, неизменно модное платье и новые шутки[51]. Один из его сотрудников позже вспоминал, что, будучи скуп, когда дело касалось мелких расходов, Альтшиллер «не жалел выбросить большую сумму на устройство обеда, на цветы и т.п., где надо было себя показать»[52]. Среди его гостей были не только личные друзья, но и «люди, полезные в деловом отношении, занимавшие общественное положение»[53]. Все ему удавалось. «Нигде никто так хорошо не накормит, как Альтшиллер», — заметил один киевлянин[54].

Сухомлинов познакомился с Альтшиллером через свою вторую жену, Елизавету Николаевну, вскоре после того, как в 1899 году был переведен в Киев. Светский и любезный австриец с давних пор был другом ее семьи[55]. Несмотря на различия в происхождении, мужчины скоро подружились. Возможно, именно то обстоятельство, что Альтшиллер был иностранцем и человеком сторонним, позволило Сухомлинову сделать его своим конфидентом. Альтшиллер был частым гостем в особняке командующего округом и отвечал на оказываемое ему гостеприимство еще более роскошными приема-

ми. Когда в 1904 году умерла Елизавета Николаевна, именно Альтшиллер помог Сухомлинову пережить скорбные дни. А когда в 1908 году Сухомлинов объявил о том, что намерен вступить в брак с Екатериной Викторовной, Альтшиллер один из немногих остался на его стороне, когда большинство таких старых друзей, как Березовские, отвернулись с неодобрением[56].

Сочувствие Альтшиллера новому увлечению Сухомлинова, а также его готовность помочь устроить развод еще более укрепили эту дружбу. Осенью 1908 года Бутович, Юрий и новая гувернантка мальчика мадемуазель Лоранс отправились во Францию, собираясь провести там несколько месяцев. Альтшиллер последовал за ними и нанял команду частных детективов[57]. Скоро у него собралась толстая пачка заверенных нотариусом показаний служащих отеля «Château des Baumettes» в Ницце, подтверждавших, что Бутович и мадемуазель Лоранс состоят в интимных отношениях. Адольф Гибандо, старший официант гостиничного ресторана, показал под присягой, что «заметил, как месье Бутович много раз по ночам заходил в номер мадемуазель Веры Лоранс и оставался там по несколько часов и что его крайне фамильярная манера в отношении с ней не оставляет сомнений в том, что они состоят в близких отношениях, о чем известно всему персоналу отеля»[58].

Тем временем в карьере Сухомлинова произошли важные перемены. Поражение России в Русско-японской войне сделало несомненной необходимость всесторонней военной реформы. Первым шагом в этом направлении было создание летом 1905 года нового органа, Совета государственной обороны. Совет под руководством дяди Николая II, великого князя Николая Николаевича, должен был объединить принятие всех решений в области национальной безопасности в отношении как армии, так и Военно-морского флота. Параллельно было проведено отделение Генерального штаба от Военного министерства и превращение его (по немецкому образцу) в независимый орган. В результате значительно снизился вес Военного министерства, которое превратилось в исполнительный посреднический орган, ответственный за экипировку, снабжение и обучение армии и отстраненный от планирования военных действий. Скоро, впрочем, стало ясно, что полностью отделять стратегию от логистики неверно. Признав, что эксперимент по реформированию армии провалился, Николай II в июне 1908 года распустил Совет государственной обороны и снова подчинил Генеральный штаб Военному министерству. В ноябре

1908 года Сухомлинов узнал о своем назначении начальником штаба на место Ф.Ф. Палицына. Император и военный министр А.Ф. Редигер сошлись в том, что Владимир Александрович — подходящий человек для такой непростой должности. Согласившись на предложенное ему служебное повышение, Сухомлинов готовился переехать в столицу. Это влекло за собой потерю в доходах — несмотря на то, что глава Генерального штаба отвечал за вопросы исключительной важности — в том числе за сбор разведывательных сведений и разработку военных планов, — его ежегодное жалованье составляло всего 16 тыс. рублей, меньше трети той суммы, которую Сухомлинов получал в Киеве как генерал-губернатор и глава военного округа. Однако Владимир Александрович не мог не исполнить желание своего императора. В начале декабря 1908 года он поездом выехал в Петербург. Там к нему вскоре присоединилась Екатерина Викторовна, поселившаяся в столице в отдельной квартире, примыкавшей к официальной резиденции главы штаба.

Однако он недолго пробыл на этом посту. Всего через несколько месяцев его ожидало еще более блестящее повышение. В марте 1909 года октябристы начали кампанию критики военных реформ правительства, недостаточно решительных и поверхностных. Ораторы-октябристы, прежде всего А.И. Гучков, с особенной яростью критиковали неправильное вмешательство царской фамилии в дела армии. В ответ военный министр Редигер выступил с речью столь беспомощной и неубедительной, что рассерженный Николай одним приказом уволил его и назначил на его место Сухомлинова. Владимир Александрович без промедления перебрался в апартаменты военного министра — дворец из сорока комнат на Мойке.

В июне 1909 года дело о разводе Бутовича решалось в духовной консистории Санкт-Петербургской епархии. Консистория проявила гибкость в отношении новоназначенного военного министра. Екатерина Викторовна предъявила добытые Альтшиллером в Ницце свидетельства, консистория сочла доказательства убедительными и обратилась в Синод с просьбой утвердить решение о разводе. Бутович, однако, имевший сведения о развитии событий из своих источников в церковной иерархии, оспорил решение консистории, напрямую обратившись в Синод. Бутович особенно подчеркивал, что все представленные Екатериной Викторовной «доказательства» исходят от весьма сомнительных иностранных подданных и, более того, представляют собой всего лишь сплетни и слухи, тогда как по закону необходимы показания двух *очных* свидетелей[59].

Несмотря на вмешательство Николая II, который ясно дал понять, что желает решения дела в пользу Сухомлинова, Синод отказался поддержать рекомендацию консистории. С точки зрения Синода факт прелюбодеяния не был законным образом подтвержден. И даже когда в сентябре император фактически приказал Синоду, несмотря ни на что, дать разрешение на развод и пригрозил, что в противном случае прибегнет к своей «верховной власти», Синод остался непоколебим[60]. Он лишь поручил Петербургской консистории провести дополнительную проверку представленных госпожой Бутович доказательств — что, естественно, могло привести лишь к дальнейшему затягиванию дела. Да и что могла выявить эта «дополнительная проверка»? Бутович отправил своих агентов на французскую Ривьеру, где они, уговорами или подкупом, заставили всех свидетелей Альтшиллера, кроме одного, отозвать свои заявления. Исключение составил Гибандо, старший официант отеля, который к этому моменту в припадке алкогольной депрессии покончил жизнь самоубийством. Несмотря на то что показания Гибандо были наиболее серьезными из представленных Екатериной Викторовной в консисторию, обстоятельства его смерти подрывали доверие к свидетелю.

Екатерина Викторовна и Владимир Александрович начали осознавать, что упорство Синода укрепило шансы Бутовича на прекращение или, по крайней мере, затягивание процедуры развода. Теперь, когда инициатива была в его руках, Бутович делал все возможное, чтобы предать этот скандал гласности. Чем дольше будет тянуться эта история, тем вернее ею смогут воспользоваться враги Сухомлинова. Сухомлинов подозревал, что сменивший его на посту в Генеральном штабе А.Л. Мышлаевский, используя семейные связи, оказывал влияние на ключевых членов Синода, убеждая их голосовать против развода, чтобы тем самым способствовать смещению Сухомлинова с должности[61]. Екатерина Викторовна и Владимир Александрович не могли не чувствовать, что их разваливающийся союз нуждается в новой опоре. И тут на сцене появилась Анна Гошкевич.

Анне Гошкевич (урожденной Грек), дочери провинциального судьи, к моменту знакомства с Сухомлиновым было двадцать семь лет. В 1906 году она вышла замуж за студента-инженера Николая Михайловича Гошкевича, двоюродного брата Екатерины Викторовны[62]. Летом 1906 года молодожены провели часть своего медового месяца в полтавском имении Бутовича. К 1908 году семейство

обосновалось в Петербурге, где Николай служил мелким чиновником в Министерстве торговли. Вначале, узнав о связи Екатерины и Сухомлинова, они всей душой сочувствовали Бутовичу, считая его пострадавшей стороной. Однако, встретившись несколько раз с Екатериной и Сухомлиновым, Гошкевичи изменили свое первоначальное мнение и перешли на сторону генерала и его молодой возлюбленной. Осенью 1909 года Анна призналась мужу, что готова дать показания, которые несомненно решат дело о разводе в пользу Екатерины: она утверждала, что во время их пребывания в Круполе в 1906 году Бутович попытался ее изнасиловать. Когда Николай спросил, почему она не рассказала об этом сразу, Анна ответила, будто опасалась, что муж убьет Бутовича[63].

Выступление Анны Гошкевич перед духовными властями произвело, как она и предполагала, эффект разорвавшейся бомбы. Хотя кое-кто из слушателей заметил нестыковки в ее рассказе, консистория на основании заявления Анны Гошкевич и письменного показания Гибандо вынесла решение в пользу Екатерины Викторовны. Поверил ли Синод в то, что слова Анны подтверждают показания Гибандо, или только сделал вид, что поверил, дабы избежать опасной конфронтации с императором, но Синод пошел против своего первоначального решения: 11 ноября на заседании Синода Екатерина Викторовна получила развод на основании установленного прелюбодеяния ее мужа[64]. Два дня спустя Екатерина обвенчалась с Сухомлиновым. Среди присутствовавших на приватном торжестве были Гошкевичи, Березовские, киевский адвокат Сухомлинова В.Е. Неметти и Александр Альтшиллер[65].

Борьба Екатерины Викторовны за расторжение ее союза с Бутовичем продолжалась двадцать восемь месяцев. Дело это было темное и противное, навсегда запятнавшее имя Сухомлинова. Несмотря на то что технически развод, как и второй брак Екатерины, был законным, вокруг военного министра и его молодой жены неотступно витал запах скандала. Запятнанную репутацию быстро не отмоешь. Общество в своем большинстве считало, что в споре с Бутовичем Сухомлинов с Екатериной прибегали к средствам сомнительным, возможно даже бесчестным. Даже если слухи эти были безосновательными, все же поведение Сухомлинова никак нельзя было назвать образцовым. Передавали, что Антоний, митрополит Петербургский, заметил в свете: «Военный министр женился, дабы спокойно работать, но каково будет положение Синода, если все министры, дабы спокойно работать, пожелают иметь

по чужой жене?»[66] Что до Бутовича, то он и не думал складывать оружие. Бутович заказал памфлет, излагающий историю с его точки зрения, и распространял его бесплатно в сотнях экземпляров[67]. В 1912 году он возбудил юридическое преследование обеих своих обидчиц, Екатерины Викторовны и Анны Гошкевич, обвиняя их в клевете и лжесвидетельстве.

Какую сторону занимал человек в деле о разводе с Бутовичем, стало теперь для Сухомлиновых лакмусовой бумажкой для оценки его надежности и порядочности. Всякий сомневающийся автоматически попадал в число личных врагов. Отношения между Сухомлиновым и многими его ближайшими друзьями, например Березовскими, которые были не в восторге от его новой супруги, после 1909 года заметно охладели. И, напротив, те, кто выражал симпатию и поддержку чете в ее двухгодичной борьбе за получение развода, независимо от личных качеств были допущены в интимный круг их дома.

Среди тех, кто попал в эту категорию новых друзей, была Наталья Ивановна Червинская, которая, будучи кузиной Бутовича, демонстративно приняла сторону Екатерины на том основании, что обида, которую она сама потерпела от мужа, позволяет ей лучше понять горе Екатерины. Эта неожиданная поддержка произвела на Екатерину такое впечатление, что она, повинуясь порыву, пригласила Червинскую пожить в особняке военного министра, где та и гостила на протяжении нескольких лет. Сухомлиновы чувствовали себя обязанными Николаю и Анне Гошкевич. Екатерине удалось достойным образом отблагодарить их еще до формального завершения бракоразводного процесса — летом 1909 года она познакомила Николая с Александром Альтшиллером, по ее просьбе киевский бизнесмен предложил Николаю должность петербургского представителя Южно-русского машиностроительного завода. Николай с благодарностью согласился, контору устроили в его квартире на Большой Зелениной. Далее мы увидим, что Мясоедов также воспользовался разводом Бутовича, чтобы снискать расположение Сухомлинова — это, в свою очередь, позволило ему вновь надеть военную форму при таких обстоятельствах и с такими последствиями, которые смело можно назвать едва ли не самыми драматичными во всем «шпионском» деле.

Глава 3

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Можно предположить, что Екатерина Викторовна, дама неуемных амбиций, была довольна, совершив за десять лет столь необычайный скачок вверх по социальной лестнице. В 1902 году безымянная секретарша, гнущая спину над бумагами в мрачном адвокатском бюро; год спустя — хозяйка огромного имения; теперь — всего через пять лет — супруга военного министра, одного из самых важных и влиятельных столичных чиновников. Однако радость Екатерины и предвкушение триумфа, который ждал ее в петербургском обществе, скоро рассеялись: оказалось, что на этом пути ее подстерегали непреодолимые препятствия. Неписаное правило гласило, что разведенная женщина ни при каких условиях не может быть представлена ко двору. Положение осложнялось тем обстоятельством, что развод Екатерины Викторовны был историей до крайности гадкой, содержавшей преданные огласке грязные взаимные обвинения и множество темных слухов. Сухомлинов все еще был запачкан этим делом[1]. Новобрачных отказались принимать в самых влиятельных салонах Петербурга. Даже кое-кто из старых друзей Сухомлинова закрыл для него двери своих столичных домов. Несмотря на весьма высокое официальное положение мужа, «свет» объединился, чтобы разрушить надежды Екатерины Викторовны на триумф в обществе[2].

Вероятно, общественный остракизм огорчил Екатерину Викторовну, однако она не была побеждена. С характерной для нее энергией она делала все, что было в ее силах, для поддержания и укрепления положения супруга в обществе. Так, она убедила Сухомлинова возобновить близкое знакомство с генералом Е.В. Богдановичем, чьи безупречные связи при дворе могли оказаться полезными для продвижения мужа в генерал-адъютанты, в число избранных высших офицеров, приближенных к персоне императора[3]. Кроме того, эта молодая и полная жизни женщина вовсе не была расположена к уединению. Постепенно она создала собственный, довольно обширный круг общения. Один из ее недоброжелателей позже писал,

что она «создала свой кружок из людей, хотя и не допущенных в великосветское общество, но занимавших благодаря своим деловым качествам и большим средствам то или иное видное положение»[4]. На приемах у нее бывали промышленники, финансисты и члены дипломатического корпуса.

Одна из немногих, по меньшей мере притворявшаяся респектабельной, гостиная, где Екатерина Викторовна все же была желанной гостьей, принадлежала Лидии Николаевне Викторовой, жене Д.А. Викторова, сенатора в Кассационном департаменте Сената. Викторова весьма терпимо относилась к странностям в семейной жизни — сама она уже некоторое время жила отдельно от мужа и состояла в тайной связи с отставным военным прокурором генералом П.П. Масловым, о чем было осведомлено все петербургское общество.

По стечению обстоятельств мадам Викторова оказалась знакомой Сергея Мясоедова, и на нее тот возлагал особенные надежды. Они не были кровными родственниками, однако Лидия Николаевна знала «Сережу» с детства и питала к нему большую симпатию. В определенном смысле столичный салон Викторовой стал для Мясоедова штабом, откуда он совершал демарши с целью восстановления на государственной службе. Нанося Викторовой частые визиты, чета Мясоедовых обхаживала ее гостей, наводя разговор на постигшие Сергея несчастья. Летом 1909 года Викторова представила Клару Мясоедову Екатерине Викторовне Сухомлиновой. Клара с сочувствием выслушала рассказ Екатерины о том, как мучает ее Бутович, препятствуя разводу. Тем же летом, прочитав особенно скандальную газетную статью, резко критиковавшую поведение Екатерины Викторовны в деле о разводе, Клара написала ей письмо с выражением сочувствия и симпатии[5]. Екатерина откликнулась благодарственной запиской и в ноябре, два месяца спустя после свадьбы с Владимиром Александровичем, нанесла первый визит Мясоедовым. Между двумя женщинами зародилась дружба, повлекшая за собой волшебные перемены к лучшему в карьере Мясоедова.

В течение 1910 года семейства Мясоедовых и Сухомлиновых очень сблизились. Сухомлиновы посещали вечера, которые устраивали Сергей и Клара, и в ответ приглашали их на торжественные приемы в резиденции военного министра. Там Мясоедовы имели возможность общаться с людьми из круга Сухомлиновых, в том числе с Николаем и Анной Гошкевич и, все чаще и чаще, с Александром Альтшиллером.

Мясоедовы и Сухомлиновы

Дружба между Мясоедовыми и Сухомлиновыми переросла в тесные отношения, о которых говорили разное. Друзья как с одной, так и с другой стороны удивлялись той близости, которая образовалась между двумя супружескими парами, а также той фамильярности, которую Сухомлинов позволял Мясоедову. Жандармскому полковнику не забыли прилипших к его имени позорных слухов — о контрабанде, подмоченной деловой репутации и сомнительных еврейских знакомствах. Березовский впоследствии показал, как однажды, введенный в кабинет Сухомлинова, обнаружил там «развалившегося» на диване Мясоедова. На вопрос, почему он это позволяет, Владимир Александрович ответил, что это ради жены[6]. Анна Гошкевич также позже утверждала, что, поинтересовавшись однажды у Екатерины Викторовны, что та находит в Мясоедове, получила ответ, что «это прекрасный человек. Никто так не умеет устроить обед или дешево купить что-то»[7]. Екатерина Васильевна определенно считала Сергея Николаевича умным, забавным и полезным. Сергей с неизменной готовностью оказывал супруге военного министра разнообразные услуги, удовлетворяя ее капризы и выполняя мелкие поручения — выступить от ее имени на аукционе или заказать номер в иностранной гостинице. Однако если Сергей был для Екатерины умелым и любезным мастером на все руки, то в Кларе она нашла наперсницу. Молодые женщины состояли в переписке, особенно оживлявшейся во время европейских отлучек Екатерины, становившихся все более частыми, так как она нуждалась во врачебных консультациях и отдыхе на курортах[8].

Летом 1910 года Сергей отправился в Карлсбад подлечить обострившуюся подагру. Сухомлиновы, также планировавшие в этом году поездку в Карлсбад, уговорили Клару присоединиться к ним[9]. В августе супружеские пары заняли соседние номера в роскошном карлсбадском гранд-отеле «Pupp»[10]. Мясоедов, чья подагра благополучно прошла, энергично взялся за превращение этой поездки в незабываемый праздник для своих высокопоставленных друзей. Екатерина будто бы потом признавалась, что в жизни не едала лучше тех обедов, что устраивал им в Карлсбаде Мясоедов[11].

В какой-то момент их совместного пребывания в Карлсбаде Мясоедов осмелился обратиться к Сухомлинову с просьбой способствовать его возвращению в армию. Он уже и место себе подыскал — адъютанта при военном министре. Сухомлинов, пребывав-

ший, вероятно, в благодушном настроении, охотно согласился, признав идею Мясоедова прекрасной. Однако Екатерина Викторовна высказалась против, заметив, что множество офицеров, особенно гвардейцев, выходцев из хороших семей, мечтают о должности адъютанта, — не следует, добавила она, без нужды обижать их, проталкивая на это место мало кому известного отставного жандарма. Сухомлинов согласился с ее доводами, но по-прежнему был исполнен готовности порадеть чем возможно близкому другу. Он обещал Мясоедову восстановить его в Отдельном жандармском корпусе и потом оставить в столице при Военном министерстве.

Вернувшись в Петербург, Сухомлинов исполнил обещание — он сразу же позвонил своему бывшему ученику П.Г. Курлову, ставшему товарищем министра внутренних дел, чтобы прозондировать вопрос о возвращении Мясоедова на службу[12]. Выяснилось, что премьер и министр внутренних дел Столыпин не забыл Мясоедова и не простил ему слов, сказанных в виленском суде. Он категорически отказал в помощи, даже в виде одолжения коллеге по министерской службе. Тогда Сухомлинов через голову Столыпина обратился к Николаю II и сделал попытку убедить императора восстановить Мясоедова в жандармской службе личным указом. Когда до Столыпина дошли слухи о том, что Сухомлинов пытается добиться *fait accompli*, он, что весьма естественно, впал в сильнейшее раздражение. Ярость его достигла еще большего накала, когда В.Н. Коковцов, министр финансов, в чьем ведении находились таможни, сообщил ему, что во времена службы Мясоедова в Вержболово тот был однажды пойман с поличным при попытке нелегально провезти через границу, спрятав в автомобиле, товары и оружие[13]. То обстоятельство, что на самом деле все это было подстроено, не имело никакого значения, Столыпин более не сомневался в том, что протеже Сухомлинова — обычный преступник. Надавив на Сухомлинова или, возможно, обратившись прямо к императору, в начале осени 1910 года Столыпин смог заблокировать назначение Мясоедова.

Обстоятельства складывались так, что даже Сухомлинов оказался бессилен помочь Сергею Николаевичу, продолжавшему числиться в своей номинальной должности в «Северо-западной русской пароходной компании». Следующий год был для Мясоедова тяжелым — денег по-прежнему остро не хватало. В сентябре 1910 года ему удалось достать 4 тыс. рублей у своего друга Валентини, устроив фиктивную продажу всей мебели, одежды и

прочей собственности из квартиры на Колокольной. В описи вещей, подготовленной для этой цели, значились столы, стулья, зеркала, три мраморных бюста, двенадцать ружей, серебряные столовые приборы, сервиз на двадцать четыре персоны, двадцать три скатерти, четыре мужских костюма, три пальто, двадцать четыре мужских сорочки, тридцать пар носков, семьсот томов книг, шестьсот бутылок вина и смокинг, — одним словом, полное снаряжение благородного джентльмена со склонностью к спортивным играм на свежем воздухе[14]. Однако если джентльменский инвентарь у Мясоедова еще оставался, то средств, необходимых для поддержания соответствующего уровня жизни, уже не было. Свидетельства разных лиц позволяют нам живо представить себе его в то время: в отчаянии бывший жандармский офицер переходит от одного безумного плана мгновенного обогащения к другому — ни один из них, включая лесозаготовки на Кавказе, так и не принес ни копейки дохода[15].

Возможно, именно стремление хотя бы ненадолго вырваться из-под гнета тяжелых размышлений о безденежье подвигло Мясоедова на очередную любовную связь на стороне. Его новая пассия, Евгения Столбина, была дочерью полковника Шпейера, некогда начальника Мясоедова в вержболовском жандармском управлении. Молодой девушкой Евгения вышла замуж за жандармского офицера по фамилии Столбин и переехала с мужем в столицу. Брак оказался неудачным, супруг скоро опротивел Столбиной. В 1911 году в Петербурге судьба столкнула ее на улице с Мясоедовым. Выяснилось, что Столбина была в него влюблена еще девочкой, и вскоре между ними началась страстная связь. Клара тут же заподозрила, что Сергей Николаевич снова ей изменяет, и в семействе Мясоедовых наступили трудные дни, где бурные сцены чередовались с ледяным молчанием[16].

Сухомлинов, по-прежнему расположенный помочь Мясоедову, в 1911 году был отвлечен своими домашними несчастьями. Здоровье Екатерины Викторовны ухудшилось, и врачи сошлись на необходимости решительного хирургического вмешательства как единственного средства спасти ее жизнь. Денег на операцию у Сухомлинова не было, и Николай II приказал выделить ему 10 тыс. рублей из специального фонда[17]. В июле Екатерина села в берлинский поезд, и уже 28 июля знаменитый нефролог профессор Оскар Израиль удалил ей левую почку[18]. Операция прошла благополучно, однако процесс выздоровления был длинным и болезненным. Более того, хирургическое вмешательство не произвело значительного

улучшения в ее состоянии, и Сухомлинов не мог не думать о том, сколько времени осталось Екатерине до последнего, фатального приступа.

1 сентября 1911 года Дмитрий Богров, маргинал и социопат, связанный одновременно с тайной полицией и террористическим крылом партии эсеров, в Киевском оперном театре стрелял в министра внутренних дел Столыпина и смертельно его ранил[19]. Поскольку до сих пор существуют сомнения относительно того, к какой партии принадлежал Богров, мотивы этого жестокого убийства понятны не до конца[20]. После революции 1905 года Столыпин, как министр внутренних дел и председатель Совета министров, восстановил в стране порядок и приступил к осуществлению ряда реформ, направленных на поддержание социальной и политической стабильности в жизни империи. Хотя гибель его нельзя считать, как думают некоторые, фатальной катастрофой для судеб страны, поскольку к 1911 году это был уже не тот человек — уставший сверх меры, находившийся в политической изоляции и работавший все с меньшей отдачей, — все же совершенно очевидно, что России не могла пойти на пользу потеря ее самого талантливого государственника. Однако то, что было ударом для страны, оказалось выгодным С.Н. Мясоедову. Теперь, когда не стало Столыпина, Сухомлинов смог возобновить хлопоты о восстановлении Мясоедова в корпусе жандармов, и уже 28 сентября Сергей снова надел подполковничью форму. В тот же день он был приписан к Военному министерству в качестве «офицера особых поручений». 27 октября Екатерина Викторовна, находившаяся в Кап д'Эл, послала Мясоедову короткую записку, поздравляя его с новым назначением, желая успеха и благодаря за присланную соболью муфту[21].

Сергей от души отпраздновал возвращение удачи. Он не только приобрел своей благодетельнице дорогой подарок, купленный на взятые в долг деньги, но и назначил 24 ноября Столбиной свидание в Белостоке, увез ее оттуда в роскошный варшавский отель Бристоль и прекрасно провел там выходные[22]. В Петербурге Мясоедов вернулся к привычкам богатой жизни. В сочельник 1911 года Мясоедовы пригласили к себе на Колокольную гостей. Среди приглашенных были Сухомлинов с Екатериной Викторовной, чета Гошкевичей, генерал Н.М. Каменев с супругой и немецкий приятель Мясоедова Валентини, бизнесмен, занимавшийся импортом лекарств[23]. Вероятно, Мясоедову этот праздник обошелся в круглую сумму и, по общему мнению, удался блестяще. Если что-то и

омрачило веселье, так это демонстративное отсутствие нескольких приглашенных. Не пришли адъютант Сухомлинова штабс-капитан Лев Булацель и его товарищ по службе В.С. Боткин, а также супруги Березовские. Мадам Березовская якобы заметила, отчасти шутливо, что «к Мясоедову не пойдет, так как не желает сидеть вместе с ним на скамье подсудимых»[24].

Собственно, содержание служебных обязанностей Мясоедова во время его службы при Военном министерстве и стало одним из самых спорных моментов всего шпионского дела. Враги Сухомлинова обвиняли военного министра в том, что Мясоедов ему был нужен для создания тайной организации, целью которой была проверка политической лояльности российского офицерского корпуса. Другие утверждали, что Мясоедов имел высокий чин в российской контрразведке. Сухомлинов со своей стороны решительно отрицал, что Мясоедов вообще когда-либо использовался для важных поручений. Все три версии служебных обязанностей Мясоедова в Военном министерстве бесконечно далеки от реальности.

Сухомлинов действительно вначале привлек Мясоедова к работе в области предотвращения революционной пропаганды в российской армии, однако там деятельность Сергея Николаевича сводилась главным образом к подготовке сводных обзоров на основании представленных другими отчетов. Мясоедову также вменялся в обязанность сбор сведений о политических волнениях в армии, с чем были связаны его командировки в Ковно, Вильно и Минск в ноябре 1911 и феврале 1912 года[25]. Во всяком случае, к системе политических информаторов в среде российского офицерства Мясоедов не имел никакого отношения. Система эта действительно существовала, однако создателем ее был Н.П. Зуев, возглавлявший Департамент полиции в 1909—1913 годах[26]. Сухомлинов не только не был сторонником такого рода шпионажа в армейской среде, но, напротив, непримиримо с ним боролся. Военный министр был убежден, что вербовка полицией офицеров для доносительства на товарищей по службе есть оскорбление чести российского офицерства. Более того, подобные практики способны были привести лишь к упадку нравственности в армии. Исходя из этих соображений, он оказывал полную поддержку командующим войсками военных округов, единодушно противостоявшим пагубному вмешательству полиции во внутреннюю жизнь армии[27]. И все же у Сухомлинова был план использования Мясоедова для установления неофициальных связей с Департаментом полиции. Сухомли-

нов рассудил, что Сергей Николаевич, с его опытом жандармской службы, может быть идеальным кандидатом для того, чтобы представлять позицию Военного министерства на консультациях с политическим отделом Департамента полиции. Однако чиновники этого ведомства отличались злопамятностью и не согласились на кандидатуру Мясоедова[28].

Мясоедов, несомненно, изо всех сил стремился получить официальный пост в военной разведке или контрразведке. Непосредственно накануне своего восстановления в жандармском корпусе он послал Сухомлинову письмо с просьбой назначить его на службу в разведке[29]. В самом деле, за годы, проведенные в Вержболово, он приобрел изрядный опыт и вкус к разведывательной работе. Возможно, ему было известно о недавней реорганизации и расширении системы российской военной разведки. Изменения прежде всего коснулись контрразведки. Всего за несколько месяцев до возвращения Мясоедова на государственную службу контрразведка, которая ранее делила свои функции между армией и полицией, стала институтом исключительно военным, и теперь к каждому военному округу, а также к столичному Генеральному штабу были приписаны офицеры контрразведки[30]. Едва успев прибыть в распоряжение Военного министерства, Мясоедов, вероятно, решил исследовать возможности перевода в управление разведки. Он отправился на прием к делопроизводителю разведывательного отделения Генерального штаба полковнику Н.А. Монкевицу, в ведении которого находилась военная разведка и контрразведка, и попросился к нему на службу. Монкевиц ответил коротким отказом и позже утверждал (здесь следует сделать особый акцент на «позже»), что его побудило к этому низкое мнение о нравственных качествах Мясоедова и подозрение, что этот жандарм способен на «грязные дела»[31].

Получив резкий отказ, Мясоедов вскоре снова явился в Генеральный штаб, на этот раз ища встречи с подполковником В.А. Ерандаковым. Ерандаков, жандармский офицер, также прикомандированный к Военному министерству, возглавлял контрразведку в ведомстве Монкевица. По словам Мясоедова выходило, что Сухомлинов желает иметь прямой и непосредственный доступ к контрразведывательным сведениям, собираемым канцелярией Ерандакова. Сухомлинов хотел бы, чтобы Ерандаков сообщал поступающие к нему сведения Мясоедову, который, в свою очередь, будет готовить их краткое изложение и регулярно лично доклады-

вать военному министру. Ерандаков с негодованием отказался: без письменного приказа Сухомлинова, сказал он, ничего подобного он делать не станет. День или два спустя Мясоедов вернулся с дословной записью разговора между ним и Сухомлиновым, в котором процедура передачи сведений излагалась точно так, как ее ранее описал Мясоедов. Однако на этом документе, датированном 8 февраля 1912 года, стояла лишь подпись Мясоедова[32]. Ерандаков показал принесенную Мясоедовым бумагу Жилинскому, начальнику Генерального штаба, который посоветовал оставить ее без внимания.

В третий раз Мясоедов пришел к Ерандакову, чтобы пригласить его на конфиденциальную личную встречу с военным министром. По словам Мясоедова, Сухомлинов прямо приказал Ерандакову не сообщать об этом свидании начальству. В назначенный день между 8 и 9 часами вечера Мясоедов и Ерандаков на служебном автомобиле отправились в резиденцию Сухомлинова. Они вошли во дворец, были препровождены в приватный кабинет военного министра, и там Сухомлинов приказал Ерандакову сделать все то, о чем ему первоначально сообщил Мясоедов. Впредь миссия Мясоедова не будет подтверждаться никакими формальными или официальными доказательствами. Приказано не вести записей — Ерандаков будет получать приказы исключительно по телефону или при личных встречах. И, наконец, Ерандакову категорически запрещается сообщать о происходящем руководству Генерального штаба[33].

Таким образом, Мясоедову все же удалось попасть в контрразведку, хотя и через черный ход и в обход правил. Материалы, передававшиеся Ерандаковым, служили основой для кратких отчетов, с которыми Мясоедов являлся к Сухомлинову несколько раз в неделю. По большей части информация, с которой имел дело Мясоедов, касалась деятельности лиц, подозреваемых в шпионаже в пользу иностранных государств. Тут были доносы, иногда подписанные, но чаще анонимные, материалы слежки, а также фотографии и копии перлюстрированных писем, которые снимала канцелярия иностранной цензуры. Со временем Ерандаков сам стал составлять для военного министра отчеты о контршпионаже.

К чему же стремился Сухомлинов, прибегая к такой необычной системе получения сведений? В нашем распоряжении нет прямого ответа, однако можно привести ряд объяснений, представляющихся очевидными. Во-первых, можно предположить, что Сухомлинова серьезно беспокоила надежность контрразведки. Используя

Мясоедова в качестве своего неофициального агента, военный министр мог составить собственное независимое мнение о роли и масштабах иностранного шпионажа на территории России, а также о том, насколько точно осведомлен о положении дел Генеральный штаб. Позор Русско-японской войны (когда японские агенты постоянно подвергали риску безопасность России) и нестабильная международная обстановка действительно спровоцировали в российской армии сильнейшую шпиономанию, иногда принимавшую параноидальные формы. Как раз когда Мясоедов осваивался на новом посту в Военном министерстве, глава Генерального штаба Я.Г. Жилинский вызвал к себе Ерандакова, чтобы сообщить ему о полученном анонимном сообщении, будто сам полковник Монкевиц — шпион. Невзирая на официальное положение Монкевица, Жилинский потребовал установить за ним наблюдение. Ерандаков, смущенный перспективой слежки за собственным начальником, все же исполнил приказание Жилинского, переадресовав его Петербургскому охранному отделению[34]. Следует отметить, что Сухомлинов также сомневался в лояльности Монкевица и обсуждал свои опасения не с кем иным, как с Мясоедовым[35].

Вся эта история может служить прекрасной иллюстрацией того, как любое обвинение, вне зависимости от его источника и надежности, способно было запустить машину военного контршпионажа. Канцелярия Ерандакова располагала огромнейшим архивом сведений о сотнях, если не тысячах совершенно невинных людей, среди которых, несомненно, были и личные враги Сухомлинова. Даже если разведке не удалось обнаружить доказательств измены, в собранных материалах несомненно оставались данные о сексуальных склонностях, грехах и финансовом положении множества лиц. Более того, *все* личные письма, писавшиеся *всеми* царскими министрами, генерал-губернаторами, губернаторами, думскими депутатами, сенаторами и армейскими генералами, подвергались перлюстрации; полиция прочитывала, а иногда и копировала тысячи таких писем; копии эти обычно попадали в руки контрразведки, — следовательно, эта организация обладала кладезем драгоценных сведений о мнениях, привычках и тайных мыслях российской элиты[36]. В этом, возможно, и заключалась вторая причина, заставившая Сухомлинова сделать Мясоедова своими глазами и ушами в канцелярии контршпионажа: он понимал, что такого рода сведения могут быть источником власти, особенно ценной в той пронизанной интригами среде, которую представляла собой политичес-

кая жизнь российской монархии. Подтверждением верности нашей догадки относительно мотивов Сухомлинова может служить ретроспективное свидетельство Ерандакова о том, что Сухомлинова в особенности интересовали факты, касавшиеся высших чиновников военного ведомства и тех лиц, которые, как он считал, были враждебно настроены лично к нему[37].

Возможно, существовал и третий мотив, сугубо оборонительный. Очевидно, что в ерандаковских папках можно было обнаружить данные о людях, близких к Сухомлинову, и даже о самом Сухомлинове. Если целью военного министра было предотвратить неприятные сюрпризы, помешать врагам использовать эти сведения против него, нужно было получить их первым. Это позволило бы ему самому решать, давать ли ход этой информации или, в случае утечки, предпринять необходимые шаги для минимизации возможного ущерба для себя.

Итак, Сухомлинову со всех сторон было в высшей степени выгодно установить тайный канал связи с канцеляриями контрразведки — однако почему он доверился Мясоедову, выбрал его своим посредником? Ответ прост. Подобно многим современникам, Сухомлинов инстинктивно понимал кое-что в устройстве политической жизни последних лет царского режима — то, что ускользнуло от внимания многих историков: зачастую родственные и дружеские отношения играли гораздо более важную роль, чем официальные или профессиональные связи. Одна из причин такого положения дел таилась в структуре самого имперского правительства, которая неизбежно порождала конфликты как по горизонтали (между министерствами), так и по вертикали (внутри каждого министерства). Взаимная враждебность институциональных интересов разных министерств постоянно приводила к возникновению конфликтов, причем совершенно независимо от того, кто именно стоял в этот момент во главе того или иного министерства: так, министр финансов, в задачу которого входило сокращение государственных расходов, неизбежно оказывался антагонистом военного министра, обязанного добывать в казначействе все большие суммы на закупку все более современного оружия[38]. Аналогичным образом Министерство торговли и промышленности, занятое экономическим развитием страны, традиционно поддерживало интересы фабрикантов, тогда как Министерство внутренних дел, радевшее об общественном спокойствии, зачастую склонялось в пользу фабричных рабочих и даже однажды само организовало для них профсоюз.

Именно эта непрекращающаяся вражда между министерствами обеспечила влиятельное положение в высших эшелонах российской бюрократии такому человеку, как князь Андроников, которому суждено было сыграть мрачную роль в деле Мясоедова. Андроников, о котором современница пишет как о «надушенном, нафабренном, подобострастно держащемся человеке»[39], был журналистом, мошенником и гомосексуалистом. Официально князь имел лишь мелкую синекуру в Синоде, однако был принят всеми и во всех домах. Объяснение того, почему этот малоприятный господин состоял в столь удивительно близких отношениях с государственными людьми, весьма банально: сеть связей и знакомств, которой он буквально опутал Петербург, была настолько обширна, что зачастую никто, кроме него, не мог сообщить тому или иному министру, что замышляют против него соперники. То обстоятельство, что Андроников также был известным разносчиком слухов и клеветником, не лишало ценности важные сведения, которые он умел сообщить[40].

М.М. Андроников

Раскол между министерствами сделал не только возможной, но даже необходимой деятельность такого человека, как Андроников, однако не менее важны и чреваты серьезными последствиями были раздоры внутри министерств. Разветвленные системы протекционизма существовали не только в российской армии, но и во всех министерствах. Цель протекционизма, основанного на совместной учебе, службе в провинции, родственных связях и просто симпатии, была неизменной — поддержание и расширение влияния своего круга. Достичь этого можно было, лишь защищая интересы всех его членов. Если повышение получал глава той или иной группы, все ее члены могли также рассчитывать на продвижение по службе. И наоборот, случись одному получить понижение или быть уволенным, его сторонники также скатывались вниз по карьерной лестнице, поскольку преемник расставлял на их места новых, своих людей. Таким образом, типичный чиновник, помимо места, занимаемого им в министерской иерархии, обладал также неким положением в тайной иерархии протекционизма. Эта система порождала непрекращающиеся войны между разными партиями внутри каждого министерства, поскольку любой чиновник мог удовлетворить свои личные амбиции лишь ценой поражения враждебной ему группы. Понятно, что царские министры работали с постоянным ощущением того, что возглавляемая ими организация кишит людьми, страстно желающими их поражения и постоянно готовыми способствовать этому любыми интригами. Очевидно, параноидальное поведение многих высших чиновников в последние годы царской власти на самом деле представляло собой вполне понятную реакцию приспособления к той среде, в которой им приходилось работать. Сухомлинов в первые же месяцы своей министерской службы проявил завидную проницательность, отнесясь с недоверием к своему начальнику штаба Мышлаевскому; скоро мы увидим, что у него были еще более веские основания сомневаться в преданности заместителя, унаследованного им от Редигера, — генерала А.А. Поливанова.

Вот в какое осиное гнездо угодил Мясоедов. Однако Сергей Николаевич занимал особое положение — одновременно принадлежа к Военному министерству и находясь вне его иерархической системы, как официально, так и неофициально, он не мог ничего выиграть от предательства своего патрона, Сухомлинова. Для того чтобы маневр в отношении контрразведки удался, военному министру нужен был человек непоколебимо преданный и абсолютно

надежный. Мясоедов — сухомлиновский протеже, обязанный своим возвращением на государственную службу *исключительно* вмешательству Сухомлинова, — был идеальной кандидатурой. Весьма вероятно, что в обязанности Мясоедова входила не только контрразведка, но и сбор собственно разведывательной информации. Одно любопытнейшее свидетельство такого рода относится к 1912 году. В конце февраля немецкая полиция в Эйдткунене арестовала начальника вержболовской железнодорожной почтовой конторы Роберта Фалька, который — возможно, это не случайное совпадение — был одним из ближайших сотрудников Мясоедова по «Северо-западной русской пароходной компании». Ему было предъявлено обвинение в шпионаже. Несмотря на то что российскому правительству удалось добиться освобождения Фалька, проведшего в тюрьме лишь двадцать один день, весьма вероятно, что обвинения против него не были безосновательными. Памятуя об известной нам склонности Мясоедова использовать своих деловых партнеров для шпионских поручений, можно предположить, что Сергей Николаевич по-прежнему продолжал разрабатывать, а иногда и руководить разведывательными операциями в интересах российского Генерального штаба[41].

Во всяком случае, теперь становится понятно, почему Сухомлинов не хотел (или не мог) сообщить, чем именно, в бытность его военным министром, занимался жандармский полковник Мясоедов. Признаться в том, что казненный «изменник» был допущен им до тайная тайных военной контрразведки, стало бы разоблачением столь убийственным, что его, вероятно, невозможно было бы оправдать. Уже в эмиграции Сухомлинов писал, что начальник Генерального штаба показывал на суде, что Мясоедов никогда никоим образом не был связан с контрразведкой — неупомянутым осталось то обстоятельство, что неведение Жилинского явилось результатом махинаций самого Сухомлинова[42].

В первые годы пребывания Сухомлинова в должности военного министра важные вопросы решались за сценой, однако были и дела, совершавшиеся на виду, в свете, так сказать, софитов. Назначение Сухомлинова в марте 1909 года на министерский пост было с одобрением встречено в армейской среде, особенно на высших уровнях военного руководства. А.Ф. Редигер утверждал, что своей первоначальной популярностью Сухомлинов был обязан близостью к Драгомирову, Георгиевскому кресту, полученному во время турецкой кампании, и репутации боевого генерала, предпочитаю-

щего свист пуль канцелярской тиши. Военные, придерживавшиеся консервативных взглядов, ожидали, что новый министр изменит или даже отменит наиболее непопулярные из нововведений Редигера[43]. До некоторой степени Сухомлинов эти ожидания оправдал: он действительно ввел послабления в созданную Редигером систему полковых закупок — в представлении его предшественника, строгость этой системы должна была повысить честность и эффективность расходов, однако вызвала противостояние армейского руководства (возможно, именно из-за тех целей, которые она преследовала). Впрочем, Сухомлинов хоть и был склонен на некоторые уступки армейским традиционалистам (не забудем его мыслей, высказанных под псевдонимом Остапа Бондаренко), реакционером и ретроградом отнюдь не был. Он, напротив, был твердо убежден в необходимости военной реформы. Карьерный взлет Сухомлинова совпал по времени с финальным актом Боснийского кризиса 1908—1909 годов, когда Германия и Австро-Венгрия, объединившись, нанесли унизительный удар военной мощи ослабевшей России, заставив ее молча проглотить аннексию Веной Боснии и Герцеговины. Этот эпизод наглядно показал, какой огромный путь возрождения предстояло пройти русской армии, чтобы полностью оправиться от катастрофы Русско-японской войны. Он также продемонстрировал русской военной элите, все еще обеспокоенной возможностью возобновления столкновений на маньчжурском фронте, что гораздо более реальной опасностью становится общеевропейская война[44]. Сухомлинов был полон решимости сделать все, что было в его силах, для подготовки армии к обоим возможным вариантам развития событий. Возглавив министерство, он принялся за обширную программу реформ[45]. В самом общем виде эти реформы касались трех аспектов армии — личного состава, стратегии, техники.

В отношении личного состава важнейшим достижением Сухомлинова был капитальный пересмотр системы резерва. Раньше в случае войны призываемые на службу резервисты либо вливались в уже существующие подразделения, непропорционально раздувая этим их численность, либо объединялись в специальные формирования, которые базировались в тылу и решали вспомогательные задачи. Сухомлинов совершенно справедливо считал такой подход контрпродуктивным, поскольку резервисты были подготовлены на порядок слабее регулярной армии, с другой стороны, сосредоточение их в тылу лишало полевых генералов тех дополнительных сил,

которые в начальной фазе войны способны решительным образом переломить ход событий. Сухомлинов распустил старые отряды резервистов, формировавшиеся по территориальному принципу или при крепостных гарнизонах, и ввел систему «скрытых кадров». В случае войны офицеры и рядовые из числа «скрытых кадров» отзывались из своих военных подразделений, и из них создавалось ядро из 560 дополнительных пехотных батальонов, состав которых набирался из резервистов[46]. Реформы Сухомлинова в сочетании с введенным в 1906 году сокращением срока военной службы по призыву (что в результате дало 25-процентное увеличение числа обученных мужчин на случай войны) обеспечили оптимальное использование личного состава резерва. Когда в августе 1914 года разразилась европейская война, в России почти треть сразу мобилизованных пехотных подразделений была сформирована из «скрытых кадров». Эта система не помогла России одержать победу в первые шесть месяцев войны, однако, вероятнее всего, именно она предотвратила поражение русской армии в этой же начальной фазе военных действий.

Второе направление реформирования касалось стратегии. С тех самых пор, как в результате Франко-прусской войны 1870—1871 годов Германская империя стала самым грозным потенциальным врагом России, Военное министерство было озабочено исключительной мобилизационной скоростью германской армии. Благодаря густой сети железных дорог, Берлин был способен организовать вызов людей из резерва и перевозку их к границе гораздо быстрее, чем это было по силам Петербургу. Российское военное руководство нашло ответ: в мирное время все большее количество военных сил страны концентрировалось на западных рубежах империи. К 1893 году 610 тыс. солдат — почти 45% состава армии — размещалось в Киевском, Виленском и Варшавском военных округах[47]. Идея заключалась в том, что такая плотная концентрация войск в сочетании с наличием хорошо укрепленных крепостей в Осовце, Ковно, Гродно, Варшаве, Ивангороде и Новогеоргиевске предотвратит возможность решительного поражения России в результате первого броска немецкой военной машины, прежде чем российская армия успеет провести мобилизацию. В 1910 году план Сухомлинова по реорганизации обороны империи изменил этот освященный временем подход: 128 пехотных батальонов было переведено из Киевского и Виленского округов во внутренние области страны. Эта передислокация имела ряд преимуществ. Поскольку затрону-

тые изменениями формирования были переведены в густонаселенные районы, поставлявшие резервистов на случай войны, Россия теперь была способна мобилизовать свою армию гораздо быстрее, чем когда-либо ранее. Одновременно перенеся центр тяжести армии на восток, Сухомлинов увеличил ее стратегическую гибкость, способность с равной эффективностью реагировать на кризисы как на азиатском, так и на европейском направлении. Частью плана реорганизации было также предложение Сухомлинова уничтожить западные крепости. Поскольку теперь мобилизация армии должна была производиться в центральных регионах России, оборонительная роль западных крепостей в начальной фазе войны становилась избыточной. Более того, Сухомлинов утверждал, что в любом случае прогресс дальнобойной артиллерии лишал существование крепостей всякого смысла — стоимость их содержания, не говоря уже о необходимости усовершенствования, чтобы они могли противостоять огневой мощи современной артиллерии, составляла сотни миллионов рублей — сумма, которую разумнее было пустить на текущие армейские нужды[48].

План этот вызвал в свое время крайне противоречивые отклики. Скоро мы увидим, что он возбудил значительное противодействие внутри страны. Кроме того, он спровоцировал взрыв общественного недовольства во Франции, где не прошло незамеченным то обстоятельство, что проводимая реорганизация снижала скорость, с какой Россия могла собрать свои силы для нападения на Германию — на что рассчитывал Париж в случае начала общеевропейской войны. Бывший министр иностранных дел Франции Теофиль Деклассе прямо высказался по поводу «глупостей, которые творит Военное министерство [России]»[49]. На Сухомлинова эта волна критики произвела достаточно сильное впечатление, и он послал во Францию с конфиденциальным поручением князя Андроникова, который должен был переубедить тех, от кого зависело общественное мнение. Французы в конце концов успокоились, но лишь после того, как увидели, что усиление наступательной военной мощи России, которое должно было стать неминуемым следствием реформ 1910 года, вызывает сильнейшее беспокойство Германии и Австрии[50].

Третьей целью проводившихся Сухомлиновым реформ была военная техника. Русско-японская война истощила запасы оружия и амуниции — их следовало восполнить как можно скорее. Война показала, что рассчитанное в мирное время количество патронов на винтовку и снарядов на единицу артиллерии следовало значи-

тельно увеличить. Сухопутная война в Маньчжурии продемонстрировала важность других, недооцененных типов оружия, а именно пулеметов и горной артиллерии. В первые двенадцать месяцев пребывания Сухомлинова на посту его министерство приняло на вооружение две новые тяжелые гаубицы и сделало первые крупные заказы на пулеметы 1909 года выпуска, которые были значительно легче и, следовательно, лучше старых моделей. Число пулеметов в арсенале армии, составлявшее накануне Русско-японской войны приблизительно тысячу единиц, к 1914 году возросло до четырех тысяч, хотя и эта цифра была на 17% меньше положенной нормы. Сухомлинов также, как выяснилось, обладал достаточным воображением, чтобы предвидеть военное использование моторизованного транспорта и авиации. Именно при нем на вооружение российской армии были приняты первые аэропланы. Он также боролся, хотя и без особенного успеха, за увеличение армейского парка грузовых и легковых машин[51]. В годы, предшествовавшие началу Первой мировой войны, Сухомлинов разработал и провел в жизнь четыре программы перевооружения армии — одну в 1910 году, две в 1913-м и еще одну в 1914 году[52].

Как можно было ожидать, инициативы эти оказались весьма дорогостоящими. Вкупе четыре плана перевооружения требовали выделения только на нужды наземных сил в течение десяти лет дополнительного миллиарда рублей сверх обычных расходов. Как следствие бюджетные расходы страны резко возросли. К 1914 году Россия тратила на нужды армии и флота 965 млн руб. — сумма эта почти на 33% превышала те 643 млн руб. из бюджета 1909 года, когда Сухомлинов занял свой пост[53]. Экстраординарный рост военных расходов сыграл решающую роль в выходе российской промышленности в 1910 году из периода упадка и был одним из двигателей того экономического бума, переживавшегося Россией накануне войны[54]. Промышленники, финансисты и инженеры всей империи стремились урвать свой кусок от золотоносной жилы оборонных расходов. Среди тех, кто точно знал, как следует действовать, был старый знакомый Сухомлинова по Киеву Александр Альтшиллер.

Альтшиллер и его круг

В 1910 году жена Альтшиллера умерла после долгой болезни. Желая, как он говорил, сменить обстановку, весной того же года

вдовец переселился из Киева в Петербург. Несмотря на то что он по-прежнему несколько раз в год надолго уезжал за границу и по крайней мере два месяца проводил в Киеве, столица стала теперь его постоянным плацдармом — за киевскими делами присматривал сын Оскар. Альтшиллер снял обширные покои в доме 12 по улице Гоголя и в одной из шести комнат устроил новую контору «Южно-русской машиностроительной компании». Вскоре он вполне освоился в новых условиях и утешился интрижкой с французской певичкой кабаре Люсеттой, на которой впоследствии женился.

Социальные контакты Альтшиллера в Петербурге были тесно связаны с домом Сухомлиновых, где он традиционно раз в неделю обедал. Сухомлинов очевидно считал Альтшиллера фактически членом семьи, называя его «Папой» или ласково «Сашечкой»[55]. Свою дружбу с Екатериной Викторовной Альтшиллер скреплял многочисленными подарками и чувствовал себя у Сухомлиновых совершенно как дома[56]. Березовский позже рассказывал, как, позвонив по личному номеру в кабинет Сухомлинова, попал на Альтшиллера, который принялся уверять звонившего, что он и есть военный министр, и прекратил неуместный розыгрыш только после того, как Березовский в ярости накричал на него. Сухомлинов, отчасти чувствуя необходимость как-то оправдать свои отношения с Альтшиллером, при этом не считал их предосудительными и убеждал Березовского, что это «очень милый и хороший человек»[57]. В 1911 году генерал Н.Н. Янушкевич, начальник канцелярии Военного министерства, столкнулся с Альтшиллером, выходившим из домашнего кабинета Сухомлинова. Янушкевич остолбенел, услышав, что этот еврейского вида господин обращается к военному министру на «ты», и спросил, кто это. Министр объяснил, что Альтшиллер — его добрый друг еще с киевских времен, и добавил, что и «между евреями попадаются очень порядочные люди». Утверждение это поразило Янушкевича, одного из самых фанатичных в России антисемитов[58].

Каковы же были истинные причины, приведшие Альтшиллера в Петербург? Возможно, в том числе и забота о личной безопасности. В 1909 году самозваный «патриот» — вероятно, деловой конкурент — донес Киевскому охранному отделению, будто Альтшиллер — австрийский шпион. Хотя тщательное расследование не выявило ничего предосудительного, Альтшиллер, узнав о доносе, очевидно, понял, что теперь, когда старый друг и защитник переведен в Петербург на высокую должность, оставаться в Киеве небезопасно[59].

Однако вряд ли можно сомневаться в том, что причиной переезда Альтшиллера, помимо страха и, возможно, даже в большей степени, была алчность — в его планы входило использовать знакомство с Сухомлиновым в личных финансовых интересах. Киевский адвокат В.-Н.З. Финн, который одно время входил в совет «Южно-русской машиностроительной компании», заметил, что Альтшиллер видел в своей дружбе с военным министром легкий путь к обогащению — к примеру, он «мог получить крупную комиссию при покупке земель под полигоны для министерства, при продаже Военному министерству ненужных материалов и проч., мог также получить гонорар при ходатайстве разных лиц и проч.»[60]. Факты подтверждают участие Альтшиллера именно в такого рода мошеннических действиях, о которых говорил Финн. Альтшиллер за вознаграждение оказывал помощь разным людям, ищущим пенсии или вспоможения от Военного министерства; кроме того, используя свою осведомленность в закулисной жизни министерства, он служил «посредником» между министерством и потенциальными поставщиками и продавцами, иногда работая на пару с князем Андрониковым[61].

Квартира на улице Гоголя служила Альтшиллеру штабом, откуда планировались все его дела, легальные и нелегальные. Взяв петербургский бизнес «Южно-русской машиностроительной компании» в свои руки, он тем не менее оставил Николая Гошкевича на жалованье у компании. Гошкевичу никак не удавалось найти свое место в жизни, поэтому он очень дорожил работой у Альтшиллера, предложенной ему в 1909 году. Основная зарплата, которую Гошкевич получал в «Южно-русской машиностроительной компании», составляла 400 руб. в месяц, что было значительно выше жалкого пособия мелкого чиновника в Министерстве торговли, — кроме того, Гошкевич имел возможность зарабатывать комиссионные. Да еще фирма любезно согласилась взять на себя расходы по найму его квартиры. Чтобы дать Гошкевичу возможность дополнительного дохода, Альтшиллер осенью 1909 года познакомил его с Максимом Ильичом Веллером.

Веллер, российский подданный, окончил университет в Берлине. В середине 1880-х годов он короткое время служил в Министерстве иностранных дел, где в 1888 году карьера его внезапно рухнула, когда, будучи секретарем русского военно-морского атташе в Германии, он был арестован и в течение шести недель содержался германскими властями под арестом по подозрению в шпионаже.

Этот печальный опыт, похоже, избавил его от всякого желания оставаться на государственной службе, и Веллер посвятил себя бизнесу. В 1907 году он поселился в Петербурге, где открыл импортно-экспортную контору.

Первоначально Веллер заинтересовался Гошкевичем благодаря близости последнего к кругу Сухомлинова и лично к военному министру. Он без обиняков объяснил Гошкевичу, что стремится войти в эту среду, дабы, во-первых, получать прибыльные военные заказы для тех отечественных и иностранных заводов, представителем которых он являлся, и, во-вторых, мечтал когда-нибудь стать главным поставщиком Военного министерства[62]. Если Гошкевич поможет ему в исполнении любого из этих планов, ему будет выдана значительная сумма наличными, а также 50% доходов с любых заказов, полученных при его посредничестве. В качестве залога будущих отношений он нанял инженера в свою компанию на договор в качестве консультанта[63].

Гошкевич, не теряя времени, принялся отрабатывать обещания Веллера. На обеде, устроенном им в «Контанте», роскошном петербургском ресторане, произошло знакомство Веллера с А.И. Зотимовым, личным секретарем Сухомлинова. Также Гошкевич свел Веллера со штабс-капитаном В.Г. Ивановым, экспертом по баллистике, который получил серьезное ранение при взрыве, случившемся при проверке зарядов, и был переведен на должность в закупочной конторе Главного артиллерийского управления. Иванов, сосед Гошкевича по дому, столь же охотно согласился быть подкупленным Веллером и изъявил полнейшую готовность помогать тому в переговорах с Военным министерством — за соответствующее вознаграждение, конечно.

Однако интерес Веллера к семейству Гошкевичей скоро вышел за рамки сугубо денежного. В сентябре 1909 года Николай пригласил Веллера домой и познакомил его со свой женой. Веллеру Анна Андреевна показалась столь соблазнительной и прелестной, что он тут же поклялся добиться ее любви. Прошло немного времени, и Анна ответила на беззаконную страсть — через два месяца они уже были любовниками.

Николай Гошкевич знал об этом, однако, простил он жене интрижку или нет, он во всяком случае ей не препятствовал. Веллер, чей годовой доход превышал 100 тыс. рублей, часто давал Анне Андреевне «взаймы». Эти суммы, доходившие до 12 тыс. рублей в год, шли непосредственно в карман Николая Гошкевича, позволив

ему поднять благосостояние своего семейства на небывалую ранее высоту[64]. В июне 1910 года Веллер не только снял Гошкевичам дачу на Каменном острове, где проводили лето светские петербургские жители, но и сам поселился там с ними. В декабре он выдал Анне 1500 рублей на оплату первых шести месяцев аренды роскошной квартиры на Николаевской улице, которую она, не скупясь, обставила также за счет Веллера. Когда примерно в это же время Анне досталось небольшое наследство, тот же Веллер посоветовал ей, как лучше вложить полученные деньги, и приобрел для нее портфель процентных облигаций. Анна и Веллер, утратив всякий стыд, перестали скрывать свои отношения и вместе ездили отдыхать за границу[65].

То обстоятельство, что Веллер спал с его женой, не охладило пыла Николая Гошкевича, продолжавшего отстаивать интересы своего патрона. Однажды, прелестной петербургской белой ночью, Сухомлинов был приглашен на дачу Гошкевичей, где давали ужин с раками. Пир закатили для того, чтобы Веллер наконец смог исполнить свою мечту и лично познакомиться с военным министром. Благодаря содействию штабс-капитана Иванова (и, возможно, самого Сухомлинова), фирмы, представителем которых выступал Веллер, начали выигрывать заказы Военного министерства. В 1910 году министерство решило разместить заказ на двухколесные повозки и седла — и тут же Веллер положил в карман Гошкевичу 4 тыс. руб.[66] Внезапное процветание Гошкевичей вызвало пересуды в Военном министерстве: ходили слухи, что еще недавно безденежный инженер теперь тратит по 50 тыс. рублей в год. С особой подозрительностью относились к Гошкевичу адъютанты Сухомлинова, полагавшие, что тот преступным образом использует свои семейные связи с Екатериной Викторовной для личного обогащения[67].

Мясоедов, Сухомлинов и их враги

Итак, от знакомства с Сухомлиновым выиграл не один Мясоедов, но и, в неменьшей степени, Альтшиллер, Гошкевич и Веллер. Впрочем, как оказалось, несмотря на симпатию и защиту Сухомлинова, будущее Сергея Николаевича в Военном министерстве было неблагоприятно. Чтобы понять цепь событий зимы—весны 1912 года, приведшую к его краху, необходимо остановиться и произвести сравнение тех сил, которыми обладали враги Мясоедова, и той власти, которой был облечен министр, его благодетель.

Начнем с того, что определенный круг людей — прежде всего связанных с «Русской восточно-азиатской пароходной компанией» — относился к Мясоедову враждебно, причиной чему была та поддержка, которую он в свое время оказывал братьям Фрейдбергам в их эмигрантском и транспортном бизнесе. Накануне назначения Мясоедова в Военное министерство «Русская восточно-азиатская» начала очередной раунд борьбы с Фрейдбергами. В местных газетах появился ряд статей, представляющих их деятельность в крайне отрицательном свете. Хотя Борису Фрейдбергу, перекупившему продажных журналистов, удалось остановить этот поток обвинений, противостоять возможностям «Русской восточно-азиатской пароходной компании» в манипулировании государственными чиновниками он был не в силах[68].

Начальник либавской полиции Подушкин, которому, как мы уже знаем, Русская восточно-азиатская давала хорошие взятки, написал от своего имени несколько рапортов, в которых обвинял «Северо-западную русскую пароходную компанию» в неправильных действиях и прямом мошенничестве. Самое серьезное обвинение, выдвинутое им против «Северо-западной», заключалось в том, что это компания фиктивная: он утверждал, что реальными владельцами пароходного дела были датчане, использовавшие «Северо-западную» в качестве прикрытия для получения привилегий, которые российское законодательство не распространяло на иностранные компании. Мясоедову пришлось послать письмо с опровержением губернатору Курляндской губернии. Добиться того, чтобы на Подушкина было наложено взыскание, не удалось, однако давление на деловых партнеров все же ослабело, хотя и ненадолго[69].

Имя Мясоедова было также в черных списках Министерства внутренних дел, в особенности Департамента полиции. Полиция так и не простила жандармскому полковнику его виленских откровений. Сергею Николаевичу следовало опасаться полковника А.М. Еремина, бывшего казацкого офицера, назначенного в 1910 году начальником Особого (то есть политического) отделения Департамента полиции. Еремин, которого даже самые преданные ему люди считали человеком тяжелым и бездушным, имел мало друзей — и среди них числился не кто иной, как полковник Подушкин. Как будто одного этого было мало, Мясоедов имел основания считать, что Еремин страстно желал занять доставшуюся жандармскому полковнику должность офицера особых поручений

при Военном министерстве[70]. Собственно, узнав в октябре 1911 года о назначении Мясоедова, Еремин тут же сочинил меморандум о непригодности жандармского полковника для этой ответственной и тонкой роли[71].

Назначение Сергея Николаевича в Военное министерство не только напомнило о нем его старым врагам, но и приобрело ему новых. Старший адъютант Сухомлинова штабс-капитан Лев Булацель лично невзлюбил Мясоедова и с неудовольствием смотрел на особую близость жандармского полковника к министру. Будучи уверен, что Сухомлинов «легко подпадал под влияние подозрительных лиц, к которым питал какую-то слабость», Булацель считал своим долгом защищать своего начальника от тех неприятных последствий, которые могло иметь его неумение разбираться в людях, и добиваться изгнания Мясоедова из Военного министерства при первой же возможности[72]. Другой офицер, адъютант Сухомлинова подполковник В.С. Боткин, тоже вскоре воспылал к Мясоедову сильнейшей неприязнью и завистью. Этого Боткина, хронического алкоголика, вообще взяли на службу только благодаря тому, что он был братом знаменитого Е.С. Боткина, личного врача императорской семьи[73]. Мы помним, как Булацель с Боткиным недвусмысленно выразили свое отношение к Мясоедову, грубо проигнорировав приглашение на сочельник 1911 года[74]. К альянсу Булацеля и Боткина против Мясоедова примкнул также поручик Коломнин, бывший адъютант военного министра, вынужденный уволиться со службы по причине сифилиса, достигшего третьей степени. Казалось бы, какой вред могли нанести Мясоедову алкоголик вроде Боткина и сифилитик Коломнин — однако все обернулось иначе. Эти два противника представляли реальную опасность благодаря своим сильным связям: Боткин состоял в родстве с Н.И. Гучковым, московским градоначальником и братом видного российского политика-октябриста; Коломнин приходился внуком А.С. Суворину, основателю популярнейшей российской газеты «Новое время».

Что касается врагов Сухомлинова, имя им было легион. Прежде всего это были министры, практически единодушно ревновавшие к особым отношениям Владимира Александровича с императором. В рамках российской самодержавной политики степень влияния непосредственно зависела от возможности определять, пусть временно, ту картину мира, которая существует в сознании императора. Сухомлинов был здесь великим докой — он понял, что в основании автократии лежит глубокий солипсизм: если известно, или

хотя бы предполагается, что император считает то-то и то-то истинным, следовательно, это истинно по определению. Кроме того, влияние Сухомлинова на Николая II основывалось на тонком понимании характера императора. Отдавая себе отчет в том, что Николай не получает удовольствия от власти и считает корону тяжелой обузой, нести которую его вынуждает долг, Сухомлинов сообразил, что лучшим способом добиться расположения монарха будет беспрерывно его развлекать. Сухомлинов, умея развеять монаршую скуку, завоевал симпатию Николая II, выделявшего его из числа прочих министров. Военный министр неизменно уснащал свои доклады анекдотами, шутками и сюрпризами. В результате, как рассказывал глава придворной канцелярии, Сухомлинову удавалось удерживать внимание императора «в напряжении в случае надобности часа два подряд»[75]. Коллег Владимира Александровича, естественно, оскорбляло его умение манипулировать императором, ибо они понимали, что чем больше средств Николай отдает на военные нужды, тем меньше остается другим министерствам. Все министры в той или иной степени недолюбливали Сухомлинова, однако двое — Коковцов и Макаров — в особенности желали ему зла.

После убийства Столыпина министр финансов В.Н. Коковцов стал председателем Совета министров. Как уже говорилось, сама министерская система в России неизбежно должна была сделать Коковцова врагом любого, кто стоял во главе Военного министерства. Однако отношения Коковцова и Сухомлинова были дополнительно осложнены глубокой взаимной неприязнью. И действительно, трудно было найти людей менее схожих, которых роднила лишь одна общая черта — эгоизм. Если Сухомлинов был человек шумный, щедрый и стихийный, то Коковцов был замкнут, обидчив и скрупулезен до мелочности[76]. Коковцов был твердо убежден, что смещение Сухомлинова с поста военного министра отвечает интересам России. По его мнению, военный министр потворствовал авторитарным склонностям императора; кроме того, Сухомлинов невнимателен, ленив и легкомыслен. В ведомстве Сухомлинова, раздраженно замечал Коковцов, царил «полный сумбур»[77]. В этом вопросе сторонником Коковцова был А.А. Макаров — юрист по образованию, он стал министром внутренних дел благодаря протекции Коковцова. Макаров был амбициозен, но скучноват и лишен воображения — одним словом, бюрократ, «нотариус», по выражению императора[78].

В военной среде были люди, настроенные против Сухомлинова из-за расхождений в вопросах военной политики: обширная программа реформ, проводившаяся военным министром, вызвала определенное противодействие, ее противники активно и зачастую успешно препятствовали ее реализации. Так, они заставили Сухомлинова отозвать свой план сноса западных крепостей. Впрочем, определенную роль в этом конфликте играли также личная вражда и бешеный карьеризм — как, например, в случае с товарищем военного министра генералом А.А. Поливановым.

Утратив подвижность в плече и шее после пулевого ранения, полученного на войне с Турцией в 1877 году, Поливанов первым в своем классе закончил Академию Генерального штаба. Несмотря на физический недостаток, он уверенно поднимался по ступеням военной иерархии и с успехом служил сначала в Киевском военном округе, а потом в Главном штабе, где был редактором официальных ведомственных изданий. Выбранный на пост заместителя Редигером, он остался при должности и после падения Редигера. Хорошо образованный военный, страстный поклонник и знаток театра, Поливанов, кроме того, обладал блестящими административными способностями[79]. Он стал тайным противником Сухомлинова с первых же дней вступления того в должность. Конечно, следует учесть, что во взглядах на национальную политику Поливанов был значительно левее своего начальника и поддерживал хорошие отношения с лидерами думских фракций, однако истинной причиной враждебности была неудовлетворенная карьерная страсть: Сухомлинов встал на его пути к министерскому портфелю.

Другой сильной фигурой, противостоявшей Сухомлинову в армии, был великий князь Николай Николаевич, двоюродный дядя императора. Назначенный летом 1905 года председателем Совета государственной обороны, Николай Николаевич стал фактическим диктатором России, однако в 1908 году, когда недостатки новой военной структуры стали очевидны, Совет был распущен и великого князя перевели командовать войсками Петербургского военного округа. Слово «ненависть», пожалуй, недостаточно сильно, чтобы описать то, что испытывал по отношению к Сухомлинову Николай Николаевич, считавший, что именно по его совету был упразднен Совет[80]. Николай Николаевич, проявлявший классические симптомы маниакальной депрессивности, завидовал той власти, которой обладал Сухомлинов и которой сам великий князь недавно был лишен. У него были свои представления о том, как

следует реформировать российскую армию, — идеи, к которым Сухомлинов был демонстративно равнодушен. Они практически не разговаривали, так что, если Сухомлинову нужно было сообщить что-либо великому князю, он использовал в качестве посредника М.М. Андроникова[81]. Враждебность Николая Николаевича была особенно опасна не только потому, что он принадлежал к императорской фамилии, но и благодаря его широким связям и многочисленным сторонникам в офицерском корпусе. Когда разразилась Первая мировая война и Николай Николаевич был отправлен на фронт в качестве верховного главнокомандующего, он стал еще более грозным противником.

Трудно представить, сколько времени понадобилось бы на составление полного списка врагов Сухомлинова в армии, однако еще одного человека упомянуть необходимо, хотя бы из-за той значительной роли, которую он сыграл в последующем процессе: генерал Н.И. Иванов, офицер старательный, хотя и грубый, считался (впрочем, ошибочно) сыном простого солдата. Мучительно стыдившийся своей жалкой внешности, Иванов скрывал уродливое лицо за огромными густыми бакенбардами. Сменив в Киеве Сухомлинова, он привез с собой новую команду, в том числе генерала М.В. Алексеева, впоследствии начальника штаба верховного главнокомандующего в Первой мировой войне. Хотя Иванов нимало не скрывал своей неприязни к военному министру, происхождение этой антипатии остается неясным. Объяснение самого Иванова — мол, из-за некомпетентности Сухомлинова дела в доставшемся ему Киевском военном округе были совершенно расстроены — не кажется правдоподобным[82]. Более вероятной причиной неприязни представляются неудовлетворенные амбиции. Сухомлинов со своей стороны также не доверял Иванову, именуя его в частных беседах «болваном». Низкое мнение об Иванове только укрепилось после речи, с которой тот обратился при вступлении в должность в январе 1909 года к киевскому гарнизону. Тогда, намеренно или по недосмотру, Иванов не упомянул Сухомлинова в числе своих предшественников на посту главы Киевского военного округа[83]. Сухомлинов не забыл нанесенной обиды, что, естественно, привело к безнадежному замораживанию карьеры Иванова. Пока Сухомлинов занимал петербургский кабинет военного министра, как Иванов, так и члены его круга были лишены всяких перспектив.

Третью группу врагов Сухомлинова составляли думские политики. Он, конечно, был жупелом для левых, видевших в нем (да и

в любом другом, кто занял бы пост военного министра) воплощение военного деспотизма. Однако самые опасные враги Сухомлинова сосредоточились в правоцентристской части политического спектра. Союз 17 октября (партия октябристов) был основан в начале 1906 года на платформе поддержки умеренных реформ и противостояния революции. В Союз, известный своим ультрапатриотизмом и ксенофобией, входило значительное число людей, связанных с промышленностью и торговлей, однако было бы неверно называть его, как это делают некоторые, «партией капиталистов». Эта, самая большая по численности, фракция Третьей Государственной думы до некоторой степени сотрудничала с П.А. Столыпиным, поддерживая его реформу сельского хозяйства и планы русификации окраин. Отношения между главой Совета министров и октябристами, конечно, не были безоблачными и серьезно осложнились весной 1911 года в результате конфликта по вопросу о земствах в Западном крае, когда многие октябристы обрушились на Столыпина с критикой за то, что он, в обход парламента, чрезвычайным указом ввел в западных губерниях систему местного управления[84]. И все же сотрудничество со Столыпиным обеспечило партии доступ в высшие правительственные сферы, поэтому после гибели Столыпина в сентябре партия почувствовала ослабление своего влияния. Новые министры, близкие ко двору, склонялись, казалось, к восстановлению абсолютной царской власти за счет Думы. Самый яркий из лидеров октябристов Александр Иванович Гучков был полон решимости изменить соотношение сил.

А.И. Гучков родился в 1863 году в семье богатых московских купцов, наживших свое состояние мануфактурным производством. Гучков получил прекрасное образование — выйдя в 1885 году из Московского университета историком, он еще в течение пяти лет изучал классическую филологию в Берлине и Гейдельберге. Несмотря на успехи на научном поприще, спокойным характером он не отличался — напротив, это был человек деятельный, вспыльчивый и беспокойный. Вдобавок он был хвастун, задира и ужасный бабник — дочь позже вспоминала, что их семья никогда не проводила два лета подряд на одном и том же курорте, потому что на второй год все младенцы в колясках были уж слишком явно на нее похожи[85]. В первой молодости, когда ему было лет около тридцати, Гучков взял привычку неизменно появляться в тех точках земного шара, где происходили исторические катаклизмы. В 1895 году,

во время резни армян, он был в Турции. В 1899 году сражался в Южной Африке против Британии на стороне буров и был ранен в ногу, о чем напоминала сохранившаяся на всю жизнь хромота. В 1900 году в Маньчжурии стал свидетелем восстания боксеров, в 1905-м отправился в Македонию, где вспыхнул националистический путч. Во время Русско-японской войны Гучков служил в представительстве Красного Креста на Дальнем Востоке, пока не попал в плен к японцам; освободившись же, занялся созданием партии октябристов.

Возможно, именно благодаря своим приключениям на южноафриканских просторах Гучков считал себя крупным военным экспертом; когда в Думе поднимались вопросы военной политики или ассигнований, он, в качестве члена думской комиссии по государственной обороне, неизменно выступал с публичными заявлениями. Следует, впрочем, признать, что мнения о военной экспертизе Гучкова были неправомерно завышены, и последующие поколения историков наивно приняли за чистую монету его собственные заявления на этот счет. Давно пора отказаться от образа Гучкова как Кассандры по военной части, чьи дальновидные предупреждения и блестящие военные проекты — если бы только тупоумный военный истеблишмент был в состоянии их понять — спасли бы Россию от поражения в Первой мировой войне. Нельзя, конечно, отрицать популярности Гучкова среди офицерского корпуса и рядового состава российской армии; его искренняя преданность делу улучшения условий службы заслуженно привлекла к нему многих. Невозможно оспаривать и тот факт, что Гучков высказывал мнения (часто достаточно реалистические) по целому ряду военных вопросов. Однако основывались они не на собственных его познаниях в военном деле и логических рассуждениях — на самом деле он часто просто повторял то, о чем сообщали ему многочисленные информанты. Среди них был генерал В.И. Гурко, главный редактор официальной истории Русско-японской войны, который, вместе с другими своими сотрудниками, регулярно готовил Гучкову материалы для выступлений по вопросам военного законодательства[86]. Также среди его консультантов были российские военные атташе в разных странах, начальники штабов нескольких военных округов (среди них глава Киевского военного округа Иванов) и товарищ военного министра А.А. Поливанов[87].

Эти, а также некоторые другие люди из военной и политической среды снабжали Гучкова самыми разными сведениями о воен-

ных закупках, системах вооружений и даже разведывательной информацией, частью весьма деликатного свойства и даже составлявшей государственную тайну. Причины, по которым информанты Гучкова игнорировали приоритеты национальной безопасности и военную субординацию, были различны. Важную роль несомненно играло принципиальное несогласие с тенденциями российской военной политики. Впрочем, создается твердое впечатление, что тут не обошлось без мотивов куда низменнее: кое-кто из осведомителей Гучкова был лично заинтересован в увольнении Сухомлинова.

А.И. Гучков

Впоследствии Гучков утверждал, что, когда Сухомлинов вступил в должность, он протянул генералу руку дружбы, однако тот вложил камень в доверчивую ладонь. Сухомлинова мало интересовала возможность сотрудничества с политическим представительством. Собственно, Николай II сам запретил военному министру показываться в Думе. Когда на думских заседаниях требовалось присутствие представителя Военного министерства, Сухомлинов посылал вместо себя Поливанова. Он даже отказывался принимать членов думской комиссии по обороне, хотя и позволял служащим министерства проводить с ними неформальные ознакомительные встречи — в частности, в них участвовали Поливанов, Янушкевич, Лукомский и Мышлаевский[88]. Мнение октябристов о Сухомлинове как «человеке, равнодушном к интересам армии»[89] в большой степени основывалось на том, что он не оказывал Гучкову того уваже-

ния и не позволял ему иметь того влияния, которое тот считал своим по праву. Со свойственной ему высокомерной самовлюбленностью Гучков сделал из этого вывод, что в интересах национальной безопасности России Сухомлинов должен быть смещен с поста военного министра. Он, Гучков, станет для Сухомлинова мечом карающим. Что тут невозможного? Разве не Гучков своей речью об армии и семействе Романовых, произнесенной в марте 1909 года, изгнал Редигера, прежнего военного министра? Он до глубины души был поражен, когда его блестящие выступления в парламенте и многочисленные запросы не только не пошатнули веру императора в Сухомлинова, но, напротив, ее укрепили.

Изгнание Владимира Александровича с министерского поста превратилось для Гучкова в навязчивую идею, и он не стеснялся в выборе средств для ее осуществления. Годы спустя, тоскуя в изгнании на парижской Ривьере, он признавался: «Я подумал, что, если критики военного министра мы не добьемся, можно на скандале свернуть ему шею»[90]. Скоро ему в руки попали материалы, на которых можно было заварить хороший скандал.

Интриги зимы и весны 1912 года

Весна 1912 года ознаменовалась одновременным действием сразу нескольких интриг. Это были козни «Русской восточно-азиатской пароходной компании», Министерства внутренних дел и адъютантов Сухомлинова против Мясоедова; правый заговор против Поливанова и Гучкова; политический маневр, затеянный Поливановым и Гучковым против Сухомлинова.

Первый ход сделали адъютанты. В январе в канцелярии Особого отделения Департамента полиции произошла встреча Булацеля с полковником Ереминым. Объяснив, что он и его товарищи желают избавить Сухомлинова от прискорбного влияния «подлецов» вроде Мясоедова, Булацель обратился к Еремину с настойчивой просьбой — поискать в архивах его департамента, не найдется ли там материалов, которые можно было бы использовать для дискредитации недавно возвращенного на службу жандармского полковника. Поскольку Еремин сам имел зуб на Мясоедова, он не только тут же ответил согласием на просьбу Булацеля, но также изъявил желание написать рапорт и лично на словах информировать Сухомлинова. Как выяснилось, ему не пришлось долго рыться в архивах своего ведомства[91].

Еще в самом конце 1906 года А.С. Губонин, чиновник Министерства внутренних дел, составил практически исчерпывающий список выдвигавшихся против Мясоедова обвинений, который отложился в бумагах Департамента полиции. Тут были собраны все старые жалобы на Сергея Николаевича — он-де участвовал в противозаконных коммерческих операциях, способствовал нелегальной эмиграции, водился с евреями и так далее. Не было ничего проще, как смахнуть пыль с губонинской папки и отправиться с ней в приемную Сухомлинова. Однако принесенный Ереминым меморандум не оказал на военного министра желаемого действия: он лишь холодно заметил, что все материалы Губонина — не более чем пустые домыслы. Еремин вынужден был неохотно согласиться, хотя и заметил, что тот факт, что домыслы не были подтверждены, не означает их ложности[92]. Вернувшись в Департамент полиции, он занялся поиском новых способов очернить Мясоедова.

Когда вести о случившемся достигли Сергея Николаевича, он тут же принял разумные меры самозащиты. Найдя в Петербурге Губонина, он заставил его в присутствии двух свидетелей подтвердить, что тот сам никогда не верил в достоверность рапорта 1906 года, поскольку вся содержавшаяся в нем информация была им получена со слов преступника и негодяя, работавшего на печального знаменитого корнета Пономарева, агента Охранного отделения, чья попытка подстроить обвинение невинного человека в уголовных преступлениях была разоблачена виленским военным судом[93].

Приблизительно в то же время в Военное министерство начали просачиваться новые анонимные обвинения. На этот раз их мишенью был А.А. Поливанов, который, как сообщали подметные письма, на самом деле был самым высокопоставленным в России австро-венгерским шпионом[94]. Сухомлинов на эти послания отреагировал следующим образом — послал к Поливанову Мясоедова с вопросом, кто, по его мнению, стоит за этими доносами[95].

Вероятнее всего эти попытки очернить Поливанова исходили из круга отставного штабс-капитана П.М. Михайлова. Михайлов, выпускник Академии Генерального штаба, пописывавший в газетах штатный агент-провокатор, был человеком столь сомнительных нравственных качеств, что по сравнению с ним все наши герои кажутся образцом честности и личной скромности. В 1909 году Гучков взял Михайлова на должность секретаря думской комиссии по государственной обороне. Это в высшей степени странное на-

значение можно объяснить лишь тем, что Гучков не знал об ультрареакционных политических убеждениях Михайлова. Михайлов сразу же принялся шпионить за Гучковым и скоро переслал Сухомлинову длинный список армейских офицеров, с которыми лидер октябристов состоял в тайной переписке, в результате чего многие из них оказались внезапно удалены из столицы. Когда Гучков узнал о предательстве своего секретаря и уволил его, Михайлов отплатил ему как публично, так и приватно: он опубликовал статью, где военные познания лидера октябристов подвергались жесткой критике; приватно же Михайлов сочинил сам или спровоцировал появление анонимных обвинений в адрес Гучкова и его ближайших соратников из армейской верхушки. Возможно, Поливанов и Гучков, опасаясь попасть в положение жертвы, решили, не стесняясь в средствах, плести интриги против Сухомлинова. Возможно, они считали Михайлова лишь марионеткой в руках военного министра, однако подтверждений этому нет. Во всяком случае, оба, Поливанов и Гучков, осознавали нависшую над ними опасность, и это ощущение, соединенное с подозрениями о возможной причастности Мясоедова к расследованию обвинения в «шпионаже», сфабрикованного людьми Михайлова, могут объяснить затеянные ими действия.

Их целью было уговорить или вынудить Николая II сместить Сухомлинова и назначить на его место Поливанова. Давление на императора предполагалось оказывать одновременно с двух сторон: склонив остальных министров совместно выступить против Сухомлинова, одновременно мобилизовать образованную публику с требованием отставки военного министра. Разделение труда было очевидно: Поливанов принялся организовывать объединенный фронт министров, Гучков занялся общественным мнением. Для успеха этой двусоставной интриги необходимо было выбрать подходящий момент и точно скоординировать усилия Министерства внутренних дел и прессы. Нападки на Сухомлинова как внутри правительства, так и на страницах газет предполагалось построить вокруг отношений военного министра с подполковником Сергеем Мясоедовым.

Сухомлинов имел привычку, для отдыха от канцелярской столичной рутины, предпринимать поездки по разным губерниям и отдаленным областям империи. Эти инспекционные визиты были весьма часты и длительны, так что зоилы утверждали, будто министр предпринимает их прежде всего ради увеличения собствен-

ного жалованья за счет командировочных выплат[96]. Поливанов и Гучков сообразили, что частые отлучки военного министра из столицы можно использовать к собственной выгоде. В марте 1912 года Сухомлинов в своем личном железнодорожном вагоне отправился инспектировать Туркестан, оставив вместо себя Поливанова. 18 марта канцелярия военного министра зарегистрировала официальное отношение от министра внутренних дел А.А. Макарова. В отсутствие Сухомлинова полученный меморандум был вскрыт и прочитан его заместителем.

Письмо Макарова, датированное 16 марта, представляло собой сокрушительный выпад против Сергея Мясоедова, его честности и надежности. Сообщалось, что после отставки из жандармского корпуса Мясоедов вместе «с неким евреем Фрейдбергом» основал эмиграционную контору, причем «общество это, как и другие эмиграционные конторы, своими злоупотреблениями принесло весьма значительные убытки государству». Оказывается, Мясоедов не просто участвовал в сомнительных делах «Северо-западной русской пароходной компании», но и продолжал оставаться ее представителем после возвращения на государственную службу, что являлось прямым и скандальным нарушением закона. Более того, за всем этим, возможно, таились некие гораздо более темные и ужасные дела — Фрейдберг имел кое-какие весьма сомнительные знакомства. Так, время от времени он общался с неким Йозефом Каценеленбогеном, состоявшим в 1907 году под судом по обвинению в попытке получения иностранного паспорта по подложным документам. Каценеленбоген, в свою очередь, поддерживал деловые отношения с Францем Ланцером, представителем бюро с центральной конторой в Германии, которое занималось в России наймом сезонных сельскохозяйственных рабочих. А Ланцер, докладывал Макаров, являлся тайным агентом германского Генерального штаба[97].

Поливанов в своем дневнике записал, что чудовищные разоблачения Макарова его «потрясли»[98]. Хитрил он тут или нет, однако сделал все необходимое, чтобы эти сведения получили огласку. Он показал письмо В.Н. Коковцову, председателю Совета министров, и Я.Г. Жилинскому, начальнику Генерального штаба. И только после этого, не раньше, он передал письмо тому, кому оно было адресовано, генералу Сухомлинову[99].

Сухомлинов вернулся в Петербург в начале апреля, страшно сердитый на Поливанова за то, что тот разгласил подробности, содержавшиеся в меморандуме Макарова. Вызвав Мясоедова, он

поставил его в известность об обвинениях Макарова и приказал подготовить объяснение и опровержение. Жандармский полковник был совершенно сражен услышанным: ему случалось быть обвиненным в разных преступлениях и злоупотреблениях, но никогда в измене. Худшее, однако, было еще впереди, грозовые облака над головой злополучного жандарма только начинали сгущаться.

В выпуске «Вечернего времени», популярной петербургской газеты, от 13 апреля была помещена статья без подписи, озаглавленная «Кому поручена в России военная контрразведка?». Статья начиналась с заявления, что будто бы имеются свидетельства, доказывающие, что в последнее время степень проникновения австро-венгерской разведки в военные секреты России значительно возросла. Совпадение ли это, вопрошал автор статьи, что примерно в то же время к центральному аппарату Военного министерства был прикомандирован некий жандармский полковник, получивший должность, связанную с делами разведки? Хотя имя Мясоедова прямо не упоминалось, статья содержала множество подробностей, которые недвусмысленно указывали на то, кто имеется в виду под «неким жандармским полковником»[100]. На следующий день, 14 апреля, близкое «Вечернему времени» «Новое время» поместило интервью с Гучковым, который поручился за точность всех сведений, сообщенных «Вечерним временем», и подтвердил, что речь там действительно шла о Сергее Николаевиче Мясоедове.

Когда утром 14 апреля Б.А. Суворин, главный редактор «Нового времени», пришел на службу, у входа его уже ждал Мясоедов. Они были знакомы — Суворин несколько раз бывал в гостях в доме Мясоедовых. Жандармский полковник потребовал сообщить ему, кто стоит за чудовищными наветами. Он уверял Суворина в своей полной невиновности и брался доказать это. Суворин, который на самом деле и был автором статьи от 13 апреля, отказался удовлетворить грозное требование жандарма, однако обещал, так и быть, опубликовать опровержение, если Мясоедов даст себе труд его написать. И тут же, оборвав разговор, скрылся в своем кабинете.

Полученное таким образом туманное обещание, что «Вечернее время», возможно, позволит ему оправдаться, не удовлетворило Мясоедова. Необходимо было снять все обвинения, и немедленно. Целый день Мясоедов бомбардировал Суворина записками, умоляя его о встрече. Пусть только Суворин уделит ему время — он тут же убедится в полной невиновности Мясоедова и сам опубликует столь отчаянно необходимое опровержение. Суворин молчал. Бли-

же к вечеру принесли последнюю записку от жандармского полковника, на этот раз это был дуэльный картель. Его Суворин тоже проигнорировал. Очевидно, это последнее оскорбление и привело Мясоедова в состояние неконтролируемой ярости.

В воскресенье, 15 апреля, Суворин был на бегах на ипподроме, располагавшемся на Семеновской площади. Мясоедов прибыл туда вслед за ним и, растолкав зрителей, появился прямо перед журналистом. Сергей Николаевич нанес ему сокрушительный удар рукояткой хлыста по голове. Не ожидавший нападения Суворин рухнул на колени, но тут же, шатаясь, поднялся. Завязалась драка. Далее показания свидетелей расходятся. Суворин позже утверждал (утверждение это, кстати, не было подтверждено ни одним свидетелем), что Мясоедов выхватил из кармана мундира пистолет и угрожал ему. Как бы то ни было, противников растащили; Мясоедов резко повернулся и покинул площадь, не переставая выкрикивать ругательства и проклятия в адрес Суворина — труса, испугавшегося принять вызов[101].

Друзья Мясоедова вполне понимали его состояние. 27 апреля Сухомлинов послал записку Екатерине Викторовне, находившейся во Франции. «Мясоедов, — писал он, — поколотил Б<орис>а Суворина за клевету на него в "Вечер<нем> Времени". Другого выхода не было». Владимир Александрович сожалел только о том, что «негодяй» Суворин не был унижен еще более[102]. Два дня спустя Борис Фрейдберг написал Мясоедову из Либавы, что «до <глубины> души возмущен неслыханной наглостью и дерзостью тех, которые унизились до такой гнусной клеветы», и добавил, что друзья и знакомые Мясоедова, хорошо его знающие, ни на мгновение не усомнились в его абсолютной честности и преданности долгу[103].

Гучков между тем использовал появление упомянутых статей для того, чтобы возбудить парламентское расследование о том, чем именно занимался Мясоедов в Военном министерстве. На 19 апреля в Думе было назначено особое, закрытое заседание. Сухомлинов не мог его игнорировать: не явись он, это было бы сочтено подтверждением истинности газетных обвинений. В назначенный день в половине третьего пополудни Сухомлинов вошел в зал заседаний в сопровождении начальника штаба Жилинского и Янушкевича, исполнявшего обязанности начальника канцелярии Военного министерства.

Сухомлинов сразу заявил, что газеты неверно представили политику Военного министерства и дали ложную характеристику

Мясоедову и его работе. Поскольку в министерстве нет и никогда не было тайного контрразведывательного органа, Мясоедов не мог его возглавлять. Как разведка, так и контрразведка сосредоточены в ведении Генерального штаба. Более того, ни министерство, ни лично министр никогда не давали Мясоедову никаких важных поручений. В завершение Сухомлинов заметил, что часть сведений, содержавшихся в статьях, представляют собой государственную тайну — он уже отдал приказ военно-юридической службе расследовать утечку информации.

В ответ выступил Гучков: как ему известно, Мясоедову несколько раз поручались секретные расследования, лежащие за пределами его обычных служебных обязанностей. На самом деле, вопреки утверждениям Сухомлинова, в составе министерства имелась служба, занятая исследованием политических взглядов российского офицерства. Когда Сухомлинов попытался это отрицать, Гучков представил секретный циркуляр Военного министерства, датированный 14 марта 1910 года, и попросил объяснить, что это такое. В документе штабам военных округов предписывалось собирать и хранить поставляемые жандармами данные о политической благонадежности офицеров — из чего, естественно, следовало, что в конце концов эти данные должны были передаваться в некий центральный орган внутри министерства. Сухомлинов вполне искренне ответил, что циркуляр касался кадровой службы министерства — Главного штаба, а вовсе не некоего тайного бюро и что в любом случае этот циркуляр в конце 1910 года был отменен. Но Гучков лишь многозначительно помахал документом как материальной уликой против военного министра-лжеца[104].

Дуэль

Мясоедов тем временем пребывал в состоянии полного отчаяния. Публикации «Вечернего времени» и «Нового времени» были перепечатаны провинциальной прессой всей империи. Сухомлинов, хотя и сочувствовал судьбе своего протеже, был человеком искушенным в политике самодержавной власти и потому благоразумно дистанцировался от Мясоедова. В тот же день, когда была опубликована первая статья, Сухомлинов временно отстранил Мясоедова от службы и написал Макарову, что делает это в ответ на его письмо от 16 марта[105]. Тактика военного министра была про-

ста: Сухомлинов оставлял себе свободу выбора, подготавливая необходимые документальные свидетельства на случай, если он все же решит избавиться от Мясоедова.

В письме от 14 апреля Мясоедов умолял Владимира Александровича дать ему возможность реабилитировать себя. «Мое немедленное откомандирование, — писал он, — лишь даст возможность врагам говорить, что, взяв меня, Вы сделали ошибку, которую теперь спешите исправить в угоду прессе. Я же буду этим совершенно опозорен»[106]. На следующий день он написал новое письмо, настаивая в нем, чтобы Военное министерство немедленно провело полномасштабное расследование выдвинутых против него обвинений. Ему нечего бояться такого расследования, и если это сочтут необходимым, он готов сесть под арест[107].

Однако если бы Сухомлинов инициировал разбирательство военного суда (что он, собственно, и сделал), окончательное формальное оправдание могло бы растянуться, как опасался Мясоедов, на несколько недель или даже месяцев. Сергей Николаевич чувствовал необходимость совершить какой-то резкий, драматический жест, чтобы мгновенно и навсегда убедить общество в своей невиновности. Трус Суворин отклонил вызов. Оставался другой обидчик, Гучков.

К Гучкову можно предъявить много претензий, однако личное его физическое мужество сомнению не подлежит. Он был умелым стрелком — одним из излюбленных его развлечений было, попросив кого-нибудь взять в зубы сигарету, лихо отстрелить из пистолета ее кончик. Дуэли также были для него делом привычным. В мае 1908 года он под угрозой дуэли заставил видного деятеля кадетской партии, историка Павла Милюкова публично извиниться за сделанное им в Думе критическое замечание в адрес Гучкова[108]. На поединке в ноябре следующего года Гучков прострелил плечо князю А.А. Уварову, члену одной с ним политической партии, — следствием этой эскапады было недельное заключение в крепости[109]. Когда 18 апреля Мясоедов прислал Гучкову вызов для решения вопроса чести, тот немедленно согласился.

19 апреля на квартире П.Н. Крупенского, думского депутата, согласившегося выступить секундантом Гучкова, состоялась встреча. Помимо Крупенского, на ней присутствовали А.И. Звегинцев, второй секундант Гучкова, а также два офицера — капитан В.Д. Абелов и капитан Д.Н. Мясоедов (брат Сергея Николаевича), представлявшие оскорбленную сторону. Условия и правила дуэли согласова-

ли быстро. Поединок состоится в воскресенье, 22 апреля, оружие — пистолеты. Противникам становиться на сорок пять шагов, далее по сигналу сходиться на десять шагов и стрелять. Разногласия вызвал только один вопрос: секунданты Мясоедова (следуя его указаниям) требовали, чтобы в случае, если при первом обмене выстрелами никто не будет ранен, дуэль должна быть продолжена, до двух раз, чтобы непременно смыть обиду кровью. Секунданты Гучкова отвергли это предложение, и вопрос был решен жребием, принесшим победу гучковской стороне: дуэлянты произведут только по одному выстрелу[110].

Несмотря на то что в российской армии дуэли допускались (были даже обстоятельства, при которых они признавались фактически обязательными), закон запрещал поединки между офицерами и гражданскими лицами или между двумя гражданскими. Поскольку пистолетная дуэль Гучкова и Мясоедова открыто обсуждалась в столице и даже стала предметом газетных публикаций, полиция предприняла экстраординарные меры для ее предотвращения. Гучков и его секунданты были взяты под круглосуточное наблюдение, особые полицейские отделения в пригородах Петербурга получили приказание быть настороже в ожидании возможного появления дуэлянтов. Однако утром 22 апреля Гучкову удалось уйти от полицейского надзора — он сошел с извозчика на Морской улице, вбежал в здание, имевшее сквозной проход на Мойку, и там взял другого извозчика.

В одиннадцать часов утра противники, их секунданты и обязательный в таких случаях врач встретились на Крестовском острове на стрелке Невы. Однако приготовления к дуэли были прерваны появлением изрядного числа полицейских, вызванных бдительным сторожем моста. Однако ни Мясоедов, ни Гучков не собирались откладывать выяснение отношений — сделав вид, что повинуются приказу разойтись, они через час вновь сошлись на западной оконечности острова, недалеко от армейского стрельбища. Там, на берегу Финского залива, дуэлянты выбрали пистолеты и встали на позиции. Мясоедов выстрелил первым. Вероятно, из-за возни с пенсне близорукий жандарм промазал. Мгновение помедлив, Гучков поднял пистолет и «демонстративно выстрелил в воздух». На этом дуэль закончилась, Мясоедов, вместо того чтобы, как того требовала традиция, пожать сопернику руку, с презрением отвернулся от Гучкова[111].

Последствия

Дуэль имела неприятные последствия для обоих ее участников, особенно для Мясоедова. Сухомлинов, не желая публично подавать опозоренному и оболганному Сергею Николаевичу руку помощи, организовал его увольнение из Отдельного корпуса жандармов. Приказом, подписанным задним числом, 17 апреля, отправленный в отставку Мясоедов переводился в резерв Петербургской губернии «по семейным обстоятельствам», с пенсией в 484 руб. в год[112].

Но и Гучкову дуэль нанесла определенный ущерб. Хотя драматическое его появление в следующий понедельник в Думе с подвязанной — совершенно невредимой — рукой вызвало овацию, его поведение в этом странном деле породило множество критических откликов в газетах и журналах самой разной политической ориентации[113]. Особые сомнения вызывал следующий ряд вопросов: если Гучков был совершенно убежден в том, что Мясоедов — австрийский шпион, зачем же он согласился с ним стреляться? А если дуэль все же имела место, то не следует ли рассматривать согласие Гучкова обменяться с Мясоедовым выстрелами (не говоря уже о его выстреле в воздух) как признание им ложности выдвинутых против офицера обвинений? Как выразился известный адвокат О.О. Грузенберг, «шпионы... не принадлежат к категории дуэлеспособных, — с ними не дерутся»[114]. Гучкову пришлось попотеть, чтобы выдумать убедительные ответы на эти вопросы.

Другой жертвой скандала оказался Поливанов. Он, питавший надежды еще до конца месяца занять место Сухомлинова, пострадал от собственных козней. Николай II в это время отдыхал в своем Ливадийском дворце в Крыму. Соседняя Ялта бурлила слухами о произошедшем в Думе столкновении между Гучковым и Сухомлиновым по поводу никому не известного и, вероятно, имеющего дурную репутацию жандармского полковника Мясоедова. В значительной степени эти слухи исходили от В.Н. Коковцова, прибывшего на курорт 21 апреля[115]. Но Сухомлинов уже сам находился на пути в Крым. 23 апреля он был принят Николаем II в Ливадии. Вероятно, военному министру удалось в полной мере использовать свое обаяние, поскольку вышел он после беседы именно с тем результатом, которого добивался, — подтверждением своего министерского статуса и указом о смещении Поливанова и переводе его в Государственный совет. Впрочем, вероятно, императора, осведомленного теперь о тесных связях Поливанова с Гучковым, долго

убеждать не пришлось. Николай невзлюбил Гучкова с тех самых пор, когда, три года назад, тот позволил себе критику военных способностей членов царской фамилии, и неприязнь эта всего месяц назад переросла в ненависть, когда Гучков с думской трибуны обругал Распутина — император расценил это как низкую попытку вмешательства в его частную, семейную жизнь[116].

Реконструкция механизма заговора

Остается прояснить таинственные обстоятельства, сопровождавшие случившийся весной 1912 года скандал. При ретроспективном взгляде на события становится совершенно ясно, что «порочащие откровения» мартовского письма Макарова — все эти данные о Каценеленбогене, Ланцере и проч. — были сообщены полковником Ереминым, выудившим их из глубокой клоаки перлюстрированной корреспонденции. Весьма вероятно, что Еремин сделал это при попустительстве своего друга Подушкина, который, как мы видели, был в сговоре с «Русской восточно-азиатской пароходной компанией», коммерческим соперником «Северо-западной русской пароходной компании». Также весьма вероятно, что Макаров в сообщничестве с Поливановым специально приурочил отправку этого письма в Военное министерство к отъезду Сухомлинова в Туркестан. Попади письмо сначала на стол Сухомлинову, он, конечно, принял бы к сведению содержащиеся в нем обвинения, однако никогда не позволил бы этим сведениям выйти за стены министерского кабинета и уж тем более достигнуть ушей премьер-министра Коковцова. Поливанов же поступил ровно наоборот, отчетливо понимая, что тем самым компрометирует шефа.

Что до кампании в газетах против Мясоедова, это был от начала и до конца проект Гучкова. У Гучкова были хорошие личные отношения с семейством Суворина (кроме того, он мог полагаться на помощь Коломнина), что позволило ему устроить публикацию сведений как в «Вечернем времени», так и в «Новом времени». Позже, во время суда над Сухомлиновым, Суворин признался, что написал опубликованную 13 апреля статью не просто под влиянием Гучкова, но фактически под его диктовку[117]. «Интервью» 14 апреля было состряпано аналогичным образом: Гучков сам сочинил как вопросы, так и ответы[118].

Имел ли Гучков какие-либо данные, действительно свидетельствовавшие о шпионских связях Мясоедова? Он утверждал, что имел и что эти доказательства были несомненными. Однако на просьбу предъявить их, даже на официальный судебный запрос, он всякий раз отвечал твердым отказом, сентенциозно заявляя, что не имеет права раскрывать свои источники.

Следует, впрочем, признать, что одно из замечаний, прозвучавших в газетной кампании, — о недавних особых успехах австрийской разведки в российском направлении — было неопровержимым. Российской контрразведке было прекрасно известно, что в Вену стекались разнообразные сведения, составляющие государственную тайну, включая военный бюджет, технические спецификации вооружений, сведения о политических взглядах высокопоставленных военных и проч.[119] Как заметил генерал Данилов из Генерального штаба, «вообще насколько о том можно судить... австрийцы располагают в Петербурге обширной и хорошо осведомленной агентурой»[120].

Столь ясное представление русских о том, что известно австрийской разведке, являлось результатом как перехвата сообщений, посылавшихся австрийскими военными атташе в Вену, так и исключительными успехами русских в проникновении внутрь самой австро-венгерской армии. Ценнейшим разведывательным активом России в самом сердце Габсбургской монархии был полковник Альфред Редль, несколько лет возглавлявший австро-венгерское бюро военной разведки. Гомосексуалист Редль, завербованный русскими около 1902 года, возможно, оказался предателем вследствие шантажа, однако его услуги при этом хорошо оплачивались — в общей сложности он получил от России по меньшей мере полмиллиона австрийских крон. Редль снабжал своих русских патронов копиями австрийских мобилизационных документов, раскрывал австрийских агентов на территории России и делал микрофотографии важнейших отчетов австро-венгерского Генерального штаба, которые Сухомлинов, по его собственным словам, «постоянно и систематически» пересылал в Киев, Варшаву и Петербург[121]. Несмотря на то что в 1913 году разоблаченный Редль был вынужден совершить самоубийство, его смерть не остановила потока важнейших политико-военных разведывательных сведений об империи Франца-Иосифа, поскольку Петербург пользовался услугами других занимавших выгодные посты предателей, включая слуг из дома любовницы барона Морица Ауффенберга фон Комаров, австрийского военного министра[122].

Гучкову, естественно, не было известно об этих тайных триумфах российской военной разведки. Зато он был осведомлен об обеспокоенности российской контрразведки утечками российских секретов в Вену, поскольку Н.И. Иванов, сменивший Сухомлинова в Киеве, его об этом информировал. Однако Иванов никогда не называл в качестве источника утечки Мясоедова и, вероятно, даже не упоминал его имени в разговорах с Гучковым[123]. Тут нет ничего удивительного: ни в Киеве, ни в Петербурге, ни где-либо еще невозможно было обнаружить твердых подтверждений или даже намеков на то, что Мясоедов был австрийским шпионом. Пожалуй, было бы гораздо естественнее, если бы Гучков обратил свои обвинения в адрес Альтшиллера, хотя, как будет видно из следующей главы, и для этого реальных оснований не было.

Несомненно, Гучкову было известно содержание письма Макарова, о котором его осведомил Поливанов. Но этот документ намекал на связи Мясоедова с Берлином, а не с Веной. Гучков имел достаточный опыт общения с полицией, чтобы знать, с какой легкостью там фабрикуются обвинения. И, наконец, утверждение, будто один знакомый одного знакомого одного друга господина «N» работает на иностранную разведку, столь туманно, что сделать какие-либо выводы совершенно невозможно.

Приходится признать, что организованная Гучковым атака прессы на Мясоедова была в лучшем случае беспринципной, а в худшем — злонамеренной. Стремясь удовлетворить свое тщеславие, продвинуть политические интересы и помочь своему другу Поливанову, он нисколько не заботился о том, что безвозвратно губит репутацию невиновного человека. Пожертвовать Мясоедовым оказалось так удобно и кстати, что просто жаль было тратить время на раздумья.

Понятна горечь Мясоедова — ведь он раньше, чем многие другие, понял, что именно случилось и почему. Он написал Гучкову в письме от 20 апреля, что тот раструбил свои подлые наветы, прекрасно осознавая их ложность. Мясоедов прямо сказал Гучкову: «Я не могу не прийти к выводу, что Вы все время сознательно вели нечестную политическую игру, целью которой было выдвинуть на пост военного министра ген. Поливанова»[124]. Позже он заметил в письме Сухомлинову, что сразу понял свою роль «козла отпущения» — «удар был направлен на Вас, но упал он всей тяжестью на меня»[125].

Глава 4

ПЕРЕГРУППИРОВКИ И ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Да будет ли конец несчастьям Мясоедова? Ведь все это уже было: в 1907 году его, как считал сам Сергей Николаевич, несправедливо уволили, и вот, в 1912-м, все повторялось вновь. Однако теперь у него появился новый мучительный повод для злобы и ненависти — ведь на этот раз он винил в своей вынужденной отставке не заклятого врага, а Сухомлинова, человека, которому он доверял и считал другом. Реакция Мясоедова на новый жизненный крах была точно такой же, как в 1907 году, — он обратился к высшим властям с просьбой о пересмотре своего дела.

В июне 1912 года в письме премьер-министру В.Н. Коковцову Сергей Николаевич сообщил свою версию скандальных происшествий, имевших место зимой и весной того года. Дав подробное и довольно точное изложение того, как зародились и были распространены порочащие его вымыслы, Мясоедов с особой едкостью описал ту роль, которую, как он считал (и тут был прав), сыграл в этом грязном деле Еремин, послуживший источником тех ложных обвинений, которые вошли в меморандум Макарова, отправленный в марте 1912 года в Военное министерство. Сергей Николаевич утверждал, что Еремин злоупотребил своим служебным положением и продолжает это делать, хотя долг обязывает его блюсти тайну перлюстрированной почты империи. «Еремин всегда имеет возможность представить какие угодно “сведения” и “данные”. Пользуясь своим исключительным положением, Еремин может кого угодно и в чем угодно обвинить, будучи уверен заранее в своей безнаказанности, так как сведения, доставляемые Особым Отделом, никогда не проверяются»[1]. Мясоедов же требовал как раз того, чтобы на этот раз сведения Еремина были подвергнуты проверке: даже беглое исследование покажет, что «данные», собранные против него Ереминым, — сплошной обман и подделка. На этом основании Мясоедов обращался к Коковцову с просьбой начать расследование выдвинутых обвинений.

Коковцов же просто переправил письмо Мясоедова в Министерство внутренних дел с просьбой дать разъяснения — естественно, МВД ответствовало, что просьба Мясоедова не заслуживает внимания. При этом министерство с необычайной откровенностью изложило причины, на которых основывалось низкое мнение об отставном полковнике. Не секрет, писал глава Департамента полиции МВД Белецкий, что министр Макаров относился к Мясоедову отрицательно. Однако отношение это никак не было связано с недавними обвинениями, а только с поведением Мясоедова «на суде 2 апр. 1907 г. по делу корнета Пономарева. Этот взгляд на полковника Мясоедова г. министр не переменил до настоящего времени»[2]. За несколько лет перед тем, в разговоре с адвокатом Грузенбергом Мясоедов проницательно заметил, что охранка никогда не простит ему данных в виленском суде показаний, и он не ошибся. Когда в декабре 1912 года Макаров, в результате очередного скандала, связанного с именем Распутина, был смещен с должности, сменивший его на посту министра внутренних дел Н.А. Маклаков, известный своими ультрареакционными убеждениями, был столь же мало расположен вникнуть в дело Мясоедова, как и его предшественник, хотя и был дружен с теткой Мясоедова графиней Сольской[3].

Последней надеждой было обращение к императору. Тщательно составленное Сергеем Николаевичем прошение подписала Клара. В обращении, наряду с просьбой о восстановлении Мясоедова на службе, содержались также обвинения в адрес МВД, вошедшего в сговор с Гучковым и партией октябристов с подлой целью уничтожить «преданного офицера» и «скомпрометировать генерала Сухомлинова». Об участии в этом деле МВД свидетельствовало то, что, будучи в состоянии с легкостью опровергнуть злобные наветы Гучкова в адрес якобы «изменника» Мясоедова, оно этого не сделало. Несмотря на эти чреватые скандалом предположения (а скорее, именно из-за них), прошение Клары удовлетворено не было[4].

С учетом всего описанного нетрудно представить, в каком состоянии пребывал Мясоедов. Со всех сторон его обступали ложные друзья и безжалостные зоилы. Особое ожесточение вызывал Сухомлинов. Письмо Мясоедова своему бывшему патрону от 16 июня 1912 года — должно быть, как он пишет, последнее — представляет собой нагромождение обид. То, что министр при первых признаках беды предал своего подчиненного и друга, было лишь одной из

многих горестей Мясоедова. Едва ли не хуже было то, каким образом Сухомлинов защищал своего бывшего протеже, громоздя горы лжи и нелепых ошибок. К примеру, Сухомлинов утверждал с думской трибуны, что Мясоедов за несколько месяцев своей службы при Военном министерстве не получал сколько-нибудь важных поручений — что, как прекрасно знал Мясоедов и сам Сухомлинов, не соответствовало действительности. Свое послание Мясоедов заключал следующими отчаянными словами: «...положение мое такое, что хоть пулю пускай себе в лоб. Только стыд малодушия и ответственность перед детьми удерживает меня от такого поступка»[5]. Ответ Сухомлинова — писавшего, что все свои действия по отношению к Мясоедову он считает тактичными и правильными, — ранил отставного жандарма в самое сердце[6]. Сухомлинов, написал Мясоедов жене, просто «большая свинья». Он напоминал Кларе, что мадам Викторова в свое время предупреждала их о том, что Сухомлинова считают «эгоистом, бессердечным» и что он «считается с людьми, пока они ему нужны, а потом выбрасывает их, как выжатый лимон, без всякого сожаления»[7].

Рассматривая поддержание знакомства с Мясоедовым как исключительно для себя вредное, министр, впрочем, вовсе не бездействовал и пытался опровергнуть обвинения в предательстве, брошенные в адрес Сергея Николаевича. В конце концов, Сухомлинов не мог не понимать, что подозрения в шпионаже, проникнувшем в высшие круги Военного министерства, неизбежно отзовутся и на его личной карьере. По следам газетного скандала Владимир Александрович инициировал три расследования, целью которых было восстановить уверенность общества в надежности его ведомства и подтвердить показания, данные им думской комиссии по государственной обороне. Прежде всего необходимо было официально засвидетельствовать, что Мясоедов никогда не занимал никакой официальной должности в разведывательных или контрразведывательных органах Российской империи. Раз Мясоедов не имел доступа к государственным тайнам, следовательно, он не мог их выдать.

По запросу Сухомлинова вопрос был исследован Генеральным штабом, военно-судебным управлением и штабом Отдельного корпуса жандармов. Результат, естественно, был известен Сухомлинову заранее. Ни одно из трех расследований не выявило никаких документальных подтверждений связи Мясоедова с российской военной разведкой — потому что таких документов не было в природе.

Ни глава Генерального штаба, ни главы основных отделов министерства, ни даже личный секретарь Сухомлинова Зотимов не могли с уверенностью утверждать, что им было известно содержание служебных занятий Мясоедова. Сколько-нибудь весомых доказательств не было найдено, поскольку все инструкции сообщались Ерандакову в приватной личной беседе либо по телефону. Как и предвидел министр, все три органа, проводившие расследования, честно отрапортовали, что Мясоедов не имел никаких контактов с российской секретной службой. Чиновники военно-судебного управления не только установили этот «факт», но и официально побеседовали с Гучковым и Сувориным. Поскольку те отказались представить какие-либо доказательства или назвать источники сведений об измене Мясоедова (таким образом оберегая себя от преследования за дачу ложных показаний под присягой), судебные военные власти тут же пришли к выводу, что газетные обвинения не имели под собой никаких оснований. 16 мая военно-судебное управление выпустило отчет, в котором с Мясоедова были сняты все обвинения, отчет был помещен в официальном бюллетене и на следующий день опубликован в ведомственной газете Военного министерства «Русский инвалид»[8]. К этому времени Мясоедов, наняв адвоката, инициировал гражданский иск против Бориса Суворина по обвинению его в клевете[9].

Так выглядела официальная сторона расследования. Но Сухомлинов этим не ограничился и в конце апреля попросил полковника Ерандакова лично установить наблюдение за Мясоедовым. Прежде всего Сухомлинов хотел получить сведения о том, с кем Мясоедов дружит и водит знакомство. Является это основанием для утверждения о том, что военный министр все же подозревал Мясоедова в шпионаже в пользу иностранной державы? Возможно, целью Сухомлинова было получить неопровержимое подтверждение невиновности Мясоедова — отвечая позже на этот вопрос, он сказал, что, имея в виду общественное беспокойство, счел «не лишним» приглядывать за Мясоедовым[10]. Более вероятно, впрочем, что Сухомлинов опасался, что в прошлом и настоящем Мясоедова могут открыться некие не слишком приличные истории, даже не связанные со шпионажем, которые враги министра, узнай они об этих обстоятельствах, использовали бы против него лично.

Ерандаков держал Мясоедова под наблюдением около месяца. За это время он смог заметить, что Сергей Николаевич состоит в добрых отношениях со многими представителями немецкой коло-

нии в Петербурге, а также что среди его многочисленных русских знакомых многие водят дружбу с немцами. Ничего сногсшибательного в этих сведениях не было, принимая во внимание численность петербургских немцев, любовь Мясоедова к немецкой культуре и его свободное владение немецким языком. Конечно, не все, с кем общался Мясоедов, могли похвастаться безупречной репутацией. В среде бюрократии бытовало мнение, что интересы друга Мясоедова Эдуарда Валентини простираются за пределы импорта иностранных лекарственных средств. Была еще некая Анна Аурих, немка по происхождению, вдова капитана российской армии, зарабатывавшая на жизнь внештатными корреспонденциями в берлинские газеты, — считалось, что она симпатизирует партии меньшевиков и, возможно, даже является ее членом. Другой знакомый Мясоедова, генерал Грейфан, был близок с графом Лелио Спаннокки, австрийским военным атташе в Петербурге, высланным из России в 1911 году за участие в скандальном шпионском деле Э. Унгерн-Штернберга[11]. Сначала, конечно, все эти частные обстоятельства предстали далеко не в столь зловещем свете, как при ретроспективном взгляде. Чем бы ни занимались знакомцы Мясоедова и в чем бы их ни подозревали, установленная Ерандаковым слежка не выявила никаких доказательств вовлеченности Мясоедова в измену или шпионаж. «Наблюдения мои за Мясоедовым, — сообщал Ерандаков, — никаких серьезных данных мне не дали»[12].

Однако четыре года спустя, во время следствия над Сухомлиновым, Ерандаков весьма уместно «вспомнил», будто, несмотря на отсутствие убедительных доказательств, сам он уже весной 1912 года был совершенно убежден в том, что Мясоедов — иностранный агент[13]. Делая это громкое заявление, Ерандаков несомненно надеялся поразить судей своим умом, проницательностью и бдительностью, однако на деле лишь поставил себя в опасное положение, рискуя быть обвиненным в преступном бездействии. Если, будучи преданным офицером контрразведки, он в 1912 году был совершенно уверен в предательстве Мясоедова, почему же не сделал всего, что должно, для разоблачения мерзавца? По крайней мере никак нельзя было снимать наблюдение за Мясоедовым — Ерандаков же даже не потрудился оставить досье экс-жандарма на своем рабочем столе. Не дает ли это оснований усомниться в его собственной лояльности? Осознав, как опасно близко он подошел к тому, чтобы оказаться в роли обвиняемого, Ерандаков поспешил вернуться к своим первоначальным показаниям. В 1912 году у него

еще не было «твердого убеждения» в виновности Мясоедова. Тогда он не сомневался лишь в том, что Мясоедов «негодяй», свидетельством чему были его «германофилизм» и его делишки с эмиграционным агентством, которое бессовестно наживалось на своих клиентах[14].

Горести Сухомлинова

Весной 1912 года у Сухомлинова было забот выше головы. Для обезвреживания заговора Гучкова и Поливанова пришлось прибегнуть к манипулированию мнением императора. Предупреждая дурные слухи, надо было устроить так, чтобы расследование Военного министерства привело к полному оправданию Мясоедова. Отчасти в порядке самозащиты и для будущей безопасности нужно было уволить Мясоедова и установить за ним слежку. Но как раз тогда, когда министр был занят разгребанием последствий газетных, деловых и дуэльных скандалов, связанных с именем Мясоедова, его старый противник, бывший муж Екатерины Бутович, готовился нанести новую серию ударов.

Бутович вновь обратился к прессе. В ряде изданий, прежде всего в «Земщине», газете правой ориентации, появились его статьи, вновь открывавшие закрытую было болезненную тему развода. Он утверждал, что все доказательства против него, представленные Синоду, были добыты противозаконным образом или сфабрикованы. Заявлял, что среди пособников Сухомлинова в этом деле были не только Альтшиллер и подполковник Н.Н. Кулябко (возглавлявший ранее Киевское охранное отделение), но также Дмитрий Богров, убийца Столыпина! Вкупе с этой нелепостью Бутович повторял и прежние свои обвинения: что Екатерина плохая мать, которую деньги интересуют больше, чем благополучие сына; что Сухомлинов грозил ему сумасшедшим домом или административной ссылкой в Сибирь и так далее[15]. Когда статьи Бутовича начали появляться в прессе, Екатерина Викторовна была в Италии — она тут же села в поезд и поспешила на родину. В Петербурге ей удалось убедить редакции нескольких газет поместить ее ответы, в которых она отрицала все обвинения Бутовича и описывала свою жизнь с ним как ад[16].

Однако новая попытка Бутовича сыграть на чувствах публики была лишь одним из элементов его стратегии, направленной про-

тив бывшей жены и ее нового супруга. Параллельно он возбудил гражданское дело против Анны Гошкевич и Екатерины Викторовны, обвиняя их в клевете. В иске утверждалось, что Анна, утверждая, будто он пытался ее изнасиловать, дала ложное показание под присягой, и в том же преступлении виновна Екатерина, свидетельствовавшая, что он, будучи формально еще ее супругом, состоял в интимных отношениях с Верой Лоранс, гувернанткой их сына. Со стороны Бутовича это был хитрый ход — ведь сомнительность обоих этих свидетельств делала в высшей степени шаткой и легальность сухомлиновского брака. Известно, что разрешение на развод было дано Синодом исключительно на основании якобы имевшей место попытки изнасилования Анны Гошкевич и сомнительных свидетельств о внебрачных связях Бутовича.

Адвокаты Бутовича представили суду бумаги, включая документ, полученный у некоего французского врача, который, произведя медицинский осмотр Веры Лоранс, засвидетельствовал, что она — девица. Очень может быть, что это свидетельство о целомудрии Веры полностью соответствовало действительности, однако позволим себе предположить, что оно было добыто Бутовичем посредством подкупа доктора. В архиве отложилось письмо Бутовичу от анонимного информанта в Синоде, которое может быть интерпретировано в пользу второго предположения. Предлагая неофициальную помощь, чиновник советовал: «...поверьте в меня и приемлите уверенность в успехе. Потом можете всласть беспрепятственно в пизду или жопу употреблять кого хотите даже прикосновенных [к делу] Лоранс и Гошкевич можете употреблять и в бардаках»[17]. Ничто не свидетельствует о том, что Бутовича оскорбил тон записки или выраженное в ней предположение относительно его сексуальных вкусов.

Как бы то ни было, само существование справки о медицинском освидетельствовании Лоранс, была она поддельной или нет, оказалось для Сухомлиновых худшей из возможных новостей. Вот бы этот документ исчез! Невозможно описать потрясение Бутовича, когда тот узнал, что так все и случилось — справка таинственным образом исчезла из архива Министерства юстиции, вместе с прочими материалами, представленными адвокатами Бутовича. Поскольку ни Бутович, ни его юристы не озаботились изготовлением копий, 23 июня 1912 года выездная сессия Петербургского окружного суда отклонила иск Бутовича о клевете за отсутствием доказательств[18]. Поговаривали, что Сухомлинова надо арестовать

по подозрению в краже, однако царское Министерство юстиции, списав утрату документов на случайную канцелярскую оплошность, отказалось предпринимать какие-либо действия. Сильно шумела Дума, причем не только октябристы и кадеты, но и депутаты от более правых политических партий, которые считали, что история с якобы потерянными документами подрывает престиж России и выставляет ее на посмешище перед всем миром[19].

Несмотря на то что крах юридических козней Бутовича несомненно был большим облегчением для Владимира Александровича, это приятное событие не принесло освобождения от забот, ибо министра неотступно мучила одна проблема, становившаяся все более и более острой, — безденежье. Правда, что с переводом из Киева в Петербург на должность главы Генерального штаба Сухомлинов согласился на огромную потерю в доходах: его основное содержание сократилось с почти 60 тыс. до каких-то 16 тыс. руб. После получения министерского портфеля сумма эта выросла всего на 2 тыс. рублей. Однако основное жалованье министра в 18 тыс. руб. составляло лишь малую часть получаемых им доходов, поскольку ему также полагалось множество разнообразных доплат — на поездки, представительские расходы, конный выезд (мы перечислили лишь малую часть), — что повышало общую сумму, получаемую им из казны, до 62 695 рублей ежегодно[20]. В результате общий доход несколько превышал его киевское жалованье, что, казалось бы, позволяет предположить, что министр был вполне, хотя и без роскошеств, обеспечен.

Однако жизнь в столице империи требовала гораздо больше расходов, чем в Киеве. Кроме того, министерский пост, который занимал теперь Сухомлинов, подразумевал финансовые нагрузки, несравнимые с теми, что он нес в должности генерал-губернатора. Так, к примеру, министр сам должен был платить шестнадцати слугам, составлявшим штат двух его официальных резиденций[21]. Если в Киеве Сухомлинову удавалось отделываться всего лишь одним большим приемом в год, то в Петербурге положение обязывало его устраивать у себя множество разного рода собраний каждый месяц. Нельзя забывать и о больших расходах на лечение Екатерины, а также ее личные траты во время заграничных путешествий. Похоже, супруга министра воспользовалась мнением врачей о пользе для ее здоровья теплого климата, чтобы оправдать свои весьма дорогие заграничные вояжи. Каждый год она на несколько месяцев уезжала из Петербурга, проживая в таких местах, как юг Франции,

Италия, Греция, Смирна, Египет и Марокко. Письма и телеграммы, которые она посылала оттуда мужу, часто содержали просьбу выслать денег[22].

Следует признать, что Екатерина очень остро воспринимала тему денег и болезненно переживала всякие ограничения — вероятно, это было психологическим следом проведенных в бедности детства и юности. Рассказывали, что она тратила деньги легко, даже экстравагантно, на меха, парижские наряды и безделушки от Фаберже. Кое-кто из критиков позже утверждал, что ей ничего не стоило просадить в год до сотни тысяч[23]. Принимая во внимание сомнительные мотивы тех, кто выдвигал подобные обвинения, их следует делить надвое. Истории о непомерных тратах Екатерины слишком уж удачно вписываются в один из самых устойчивых мотивов, связанных с делом Сухомлинова: будто это была, в сущности, история офицера, некогда честного и неподкупного, на закате жизни павшего жертвой безумных капризов своей молодой невесты. В этом нарративе Сухомлинов играет роль простофили, которого водят за нос, а Екатерина Викторовна — героини в духе Достоевского, роковой соблазнительницы[24]. В одном из официальных отчетов, написанных после ареста Сухомлинова, дело описывалось в следующих выражениях: «...попав под влияние распутной циничной женщины, он [Сухомлинов] исключительно жил для нее и для ее капризов и прихотей»[25].

Как бы то ни было, один факт представляется неоспоримым: бюджет Сухомлиновых был серьезно расстроен. Чтобы расплачиваться по счетам, Сухомлинову необходимо было найти дополнительный источник дохода, а выбор в его положении был крайне ограничен. Владимир Александрович не имел ренты, поскольку, как и бóльшая часть российского дворянства, не владел ни землями, ни поместьями. Авторские гонорары за книги, редко превышавшие каких-нибудь 300—400 рублей в год, также делу не помогали. Следовательно, оставалось надеяться на сбережения, которые к концу 1908 года составляли без малого 57 тыс. рублей в валюте и ценных бумагах. Он попробовал играть на бирже. Один его знакомый, инженер по фамилии Урбанский, славился как необыкновенный финансовый гений. Под его руководством Сухомлинов сделал ряд в высшей степени удачных вложений, доход от которых мог бы составить ни много ни мало 55 тыс. рублей. Однако финансовый рынок, как известно, не стабилен, и не стоит ставить на него слишком много — эту мудрость Сухомлинов познал на своей шкуре осе-

нью 1912 года, когда начало первой войны на Балканах вызвало резкое падение стоимости акций на Петербургской фондовой бирже[26]. Дела шли так плохо, что преданная домоправительница Сухомлинова Мария Францевна Кюнье старалась как можно реже обращаться к хозяину с просьбой о деньгах на мелкие домашние расходы, поскольку каждый раз лицо его при этом вытягивалось[27]. Очевидно, именно около этого времени — в конце 1912 года — Сухомлинов перестал себя сдерживать и превратился во взяточника.

Как был коррумпирован Сухомлинов

Выделявшиеся Россией огромные суммы на военную модернизацию в годы, непосредственно предшествовавшие мировой войне, неизбежно должны были привлечь внимание иностранных производителей оружия. Большая часть денег, которые готова была потратить империя, предназначались на закупку новой техники. Потеря Балтийского флота во время Русско-японской войны и угроза турецкого военного превосходства на Черном море означали миллионные расходы на строительство боевых кораблей и береговых оборонительных укреплений. Планировались также большие инвестиции для нужд сухопутных сил, прежде всего для увеличения числа артиллерийских орудий, пулеметов и боеприпасов. Поскольку отечественная военная индустрия, хотя и переживавшая подъем, не могла выполнить всю программу в желаемые сроки, это открывало значительные возможности для иностранных концернов. За выгодные российские контракты соперничали такие титаны промышленности, как французский «Шнайдер-Крезо», немецкий «Крупп», австрийская «Шкода» и британский «Викерс»; в этой конкурентной борьбе умасливание нужных людей играло не меньшую роль, чем предложение качественных товаров по привлекательным ценам.

На первое место вырвалась компания «Викерс Лимитед». К 1900 году «Викерс» представлял собой гигантский англо-американский конгломерат, интересы которого простирались в сферы кораблестроения, военного снаряжения, строительства железных дорог и производства стали. Даже в эру хищнического капитализма «Викерс» отличался полной беспринципностью в борьбе за иностранные заказы. Своим успехом «Викерс», выполнявший заказы таких стран, как Турция, Испания, Италия, Бразилия и Япония, чаще всего был обязан усердному обхаживанию и щедрому вознаграждению ключевых военных и политических деятелей[28].

Бизнес «Викерса» в России находился в руках одного из его директоров и самых успешных дельцов, пользовавшегося весьма сомнительной репутацией полиглота, грека по происхождению Базиля Захарова (Zaharoff), с конца 1890-х годов обхаживавшего великих князей, адмиралов и генералов. Говорили, что Захарофф особенно удачно использовал свое знакомство с балериной Матильдой Кшесинской, которая, перестав быть любовницей императора, сошлась с великим князем Сергеем Михайловичем, генерал-инспектором артиллерии[29].

Наращивание вооружений в России после 1906 года предоставило обширное поле для талантов Захарова. Вскоре «Викерс» получил контракт на строительство верфи в Николаеве, управлять которой, по завершении строительства, должна была Николаевская судостроительная компания, концерн, принадлежащий России. Для того чтобы использовать дело в своих интересах, эта компания, частью которой, возможно, владел «Викерс», потратила 100 тыс. рублей на подкуп чиновников российского военно-морского ведомства. Сумма (и цель, на которую она была потрачена) была дотошно внесена в бухгалтерские книги компании, о чем британский морской атташе, едва веря самому себе, сообщил в Лондон в октябре 1912 года[30].

1912-й был также рекордным годом для продаж «Викерса» российскому Военному министерству. Британская компания выиграла тендер на производство легких пулеметов для армии — несмотря на тот факт, что предложенная ею сумма в 1750 рублей за один пулемет была почти на 43% выше, чем 1000 рублей, с которыми выступили Тульские оружейные заводы[31]. «Викерс» также участвовал в строительстве огромного оружейного завода в Царицыне для «Русского акционерного общества артиллерийских заводов», являясь при этом, очень кстати, обладателем 20% его акций. Это предприятие, в свою очередь, стало получателем множества самых крупных и выгодных контрактов Военного министерства — только за первую половину 1914 года министерство разместило здесь заказов на 40 млн руб.[32]

Поддержка, которую Сухомлинов оказывал всем этим предприятиям, была ими куплена и оплачена. «Викерс» по крайней мере однажды, в 1913 году, положил в карман министра 50 тыс. рублей — возможно, эта взятка не была единственной[33]. Посредником был, вне всякого сомнения, П.И. Балинский, исполнительный дирек-

тор «Русского акционерного общества артиллерийских заводов», в свое время работавший агентом Захарова в России и более четверти века знакомый с Сухомлиновым[34].

«Викерс», впрочем, был не единственным спонсором Сухомлинова. Однажды поддавшись соблазну, Владимир Александрович теперь, очевидно, все с большей легкостью шел на компромиссы с совестью. Весьма вероятно, что он также брал деньги у Николая Свирского, другого старого знакомого, у которого крестил сына. Свирский, занимавшийся мебельным бизнесом, много лет проживал во Франции, однако за несколько лет до начала мировой войны вернулся в Петербург в роли представителя нескольких французских концернов — производителей вооружения. В 1913-м он был посредником при заключении контракта между российским Военным министерством и французской компанией «Жиро» на производство двенадцатидюймовых снарядов. Когда впоследствии он основал собственную фирму «Промет», также специализировавшуюся на производстве оружия, военные контракты посыпались на него как конфетти, в их числе заказ на производство артиллерийских запалов на сумму более чем в 7 млн руб.[35] Также есть основания считать, что Оскар, сын Александра Альтшиллера, выиграл контракт на производство оружейных лафетов, благодаря тому что не поскупился на взятку военному министру, лоббировавшему его интересы[36].

Круг Сухомлинова после 1912 года

Итак, Сухомлинов в конце концов примкнул к кругу своих друзей и родственников, присосавшихся к кормушке военных заказов. Впрочем, атмосфера в среде окруживших министра спекулянтов и мошенников была далеко не благостной. Несмотря на большие возможности делать деньги, в последние несколько лет перед началом мировой войны дружелюбие и взаимопомощь сменили пререкания и раздоры. Некоторые члены группы, которую можно назвать «кругом Сухомлинова», прервали отношения с другими; кто-то рассорился с самим Сухомлиновым; практически все пережили разительные перемены в личной судьбе. Несколько лет спустя постоянно менявшиеся соотношения сил и временные союзы внутри этого круга поставят в тупик следователей — дело в том, что суд воспринял эти прихотливые узоры отношений как

видимые признаки обширного заговора, а не как то, чем они были в действительности — проявлениями человеческой слабости, ревности и жадности.

Рассмотрим случай Александра Альтшиллера. Он по-прежнему получал неплохие деньги, продавая доступ к персоне военного министра, однако основной бизнес Альтшиллера неуклонно катился под гору. Годы неумелого руководства сказались на «Южно-русской машиностроительной компании», которая к 1912 году была должна российскому Государственному банку почти 1 млн руб., что не могло не беспокоить других держателей ее акций. Желая предотвратить объявление банкротства этой компании и передачу ее под внешнее управление, а также имея в виду защитить собственные инвестиции, Дурылин, один из директоров компании, замыслил тайное приобретение контрольного пакета акций. Когда Альтшиллер выставил на продажу часть своего пакета, Дурылин, никому не говоря, через посредников скупил эти акции. В результате у Дурылина оказалось достаточно акций, чтобы на собрании всех акционеров в 1913 году легко сместить Альтшиллера с поста председателя. Альтшиллер был вынужден продать остаток своей доли в «Южно-русской» и полностью разорвал всякие связи с этой фирмой[37].

Крах в делах заставил Альтшиллера пересмотреть свой образ жизни. Он привел в порядок домашние обстоятельства, женившись, наконец, на своей французской любовнице Люсетте, к чему его побуждали также преклонный возраст и ухудшение здоровья. Его врач, доктор Свентицкий, наблюдавший грудную жабу Альтшиллера, предупредил его, что еще несколько суровых русских зим могут оказаться для него смертельными. Вняв совету, Альтшиллер решил ликвидировать свои дела в России и поселиться на покое в Австрии, которую покинул более сорока лет назад. В 1913 году он приобрел поместье к северу от Вены и переписал все свои остававшиеся интересы в посреднических услугах, кораблестроении и производстве сельскохозяйственной техники на сына Оскара. В марте 1914 года он продал свою петербургскую квартиру и навсегда покинул Российскую империю. Екатерина Викторовна игриво обещала навестить его летом в Австрии и, наверное, выполнила бы свое обещание, не разразись война[38].

Николай Гошкевич в заговоре против Альтшиллера принял сторону Дурылина. Собственно, отношения между Гошкевичем и Альтшиллером начали портиться еще до кризиса в делах «Южно-русской машиностроительной компании». Один из сотрудников,

нанятых Гошкевичем для петербургской конторы, оказался вором, и Альтшиллер возложил вину за потерю сумм, присвоенных негодяем из конторской кассы, на Гошкевича. Гошкевича же стало раздражать беззаботное отношение Альтшиллера к денежным вопросам, особенно там, где это касалось самого Гошкевича. После отъезда Альтшиллера из России, новое начальство подняло Николаю жалованье и назначило его на место австрийца в качестве петербургского представителя фирмы. Контора компании перебазировалась в комнату в квартире Гошкевича. Впрочем, Гошкевич, равно как и его предшественник, отнюдь не все свои силы отдавал делам «Южно-русской». Он работал параллельно на Русско-американскую торговую палату и Коммерческое общество взаимного кредита, при этом получая комиссионные и откаты от таких организаций, как «Продамет», Российский металлургический синдикат, а также от разнообразных консорциумов иностранных инвесторов. Именно на этот период приходится окончательный распад его брака. В 1913-м он разъехался с Анной, а в июне 1914 года они наконец дождались официального расторжения брака[39].

Нет ничего невероятного в предположении, что непосредственной причиной расторжения брака Гошкевичей был разрыв Анны с ее любовником, Максимом Веллером. Безразличие Николая к оскорбительному для его чести флирту супруги с богатым дельцом дает основание предположить, что именно деньги Веллера, а не взаимная привязанность или уважение скрепляли их брак. Но Веллер в конце концов пресытился Анной, кроме того, он начал подозревать, что любовница за его спиной ублажает других мужчин. Весной, под Пасху 1913 года, Веллер сообщил Анне, что их отношения окончены и отныне она не получит от него ни копейки. Всего несколько месяцев спустя Анна рассталась и с Николаем[40].

Удивительным образом это не нарушило хороших отношений между Веллером и Николаем Гошкевичем. Впрочем, пожалуй, ничего особенно необычного в этом нет, поскольку их связывал общий интерес — добывание контрактов от Главного артиллерийского управления Военного министерства и общее ожидание тайного содействия со стороны полковника В.Г. Иванова. Хотя Иванов, представший впоследствии перед судом, утверждал, что после 1912 года никаких дел ни с одним из этих господ не имел, факты свидетельствуют об обратном[41]. Дело обстояло следующим образом: Иванов, смертельно боявшийся, что его должностные преступления будут преданы гласности, в 1912 году настоял, чтобы отныне

все отношения с деловыми партнерами велись в конспиративном ключе. Ни Веллер, ни Гошкевич не могли отныне приходить к нему на службу или телефонировать из дома. Вместо подлинного его имени в устных или письменных упоминаниях о нем следовало использовать псевдоним «Артур». То ли благодаря его совместным с Веллером и Гошкевичем проектам, то ли тут сыграли роль какие-то другие его связи, но к 1913-му, золотому году «Викерса», финансовые обстоятельства Иванова блестяще изменились к лучшему. Если в 1910 году он был столь беден, что смиренно обращался за государственным вспомоществованием, чтобы свести концы с концами, то к 1913-му он стал уже настолько состоятелен, что перебрался в роскошную квартиру из семи комнат, ездил за границу и планировал купить поместье стоимостью в 100 тыс. руб.[42]

Не забудем и еще одного персонажа, появившегося на сцене сравнительно поздно, — грузина Василия Думбадзе. Как и Веллер, Думбадзе получил высшее образование в Германии, где окончил университет в Лейпциге. Авантюрист и мошенник, он умудрился втереться в хорошее петербургское общество, самозвано объявив себя родственником генерала И. Думбадзе, губернатора Ялты, и играя роль холеного светского льва. Он сошелся с генералом Е.В. Богдановым из императорской свиты, а также с Альтшиллером, Веллером и Гошкевичем, — все это с целью получить доступ к персоне военного министра. Надеясь улестить Сухомлинова, чтобы один из новых железнодорожных путей прошел через земли, которыми владел Думбадзе, предприимчивый грузин надумал сыграть на тщеславии министра и предложил свои услуги в написании его биографии. Интуиция его не обманула: Сухомлинов не только с восторгом отнесся к идее книги, но также любезно предложил снабдить Думбадзе необходимыми материалами. Вскоре после начала войны министр вручил Гошкевичу для передачи своему будущему биографу кое-какие документы, в том числе пакет, озаглавленный «Перечень важнейших мероприятий военного ведомства с 1909 года по 20 февраля 1914 года» — секретный отчет, составленный Генеральным штабом под руководством Сухомлинова. Военного министра, очевидно, не смущало, что таким образом он давал Думбадзе доступ к секретным документам: хотя в них содержалось подробнейшее описание военных реформ министерства, Сухомлинов считал, что эти секреты с началом войны утратили свою ценность.

Поскольку Думбадзе не обладал сколько-нибудь заметным литературным талантом, он поручил работу над книгой команде ли-

тературных «негров». В декабре 1914 года рукопись была закончена и месяц спустя книга вышла из печати. Думбадзе позаботился о том, чтобы Сухомлинов получил достаточно большое количество бесплатных экземпляров. Правительство Георга V, желая вдохнуть в своих подданных уверенность в военном искусстве и доблести русских союзников, оплатило перевод и публикацию книги в Британии[43].

Если в Василии Думбадзе Сухомлинов обрел нового друга, то от многих старых друзей он в это время избавился. С течением времени Сухомлинов находил все меньше и меньше привлекательного в чете Гошкевичей; Екатерина Викторовна (не без лицемерия) приписала свое охлаждение к кузену и его жене сексуальной распущенности Анны, вызывавшей у Екатерины нравственное негодование[44]. Однако гораздо более серьезные последствия имел разрыв Сухомлинова с другим старым знакомым — князем Андрониковым.

В 1917 году, когда политическая паранойя достигла крайней точки, образованная российская публика любила воображать последнюю эпоху императорской власти своего рода кукольным театром, образ этот превратился в idée fixe. Если простодушных увлекало великолепие декораций и костюмов, то мудрые ощущали таящиеся за сценой «темные силы», пуппенмейстеров, дергающих за ниточки. В зависимости от индивидуальных политических симпатий на роль темных сил назначались евреи, масоны, придворная камарилья, распутинская клика, немцы или кто-нибудь еще. Среди имен, часто упоминавшихся в разговорах о темных силах, было и имя князя М.М. Андроникова. Когда после Февральской революции 1917 года Андроников был вызван в суд в качестве свидетеля и должен был рассказать о своих отношениях с Сухомлиновым, он, вероятно бессознательно, начал свое заявление с забавного утверждения: «Я не темная сила»[45].

Екатерина Викторовна позже клялась, что они с мужем прервали всякие отношения с князем весной 1914 года, потому что поняли наконец, что тот самозвано принял на себя вид этакого тайного посредника в отношениях с властью. Только тогда, если верить Екатерине, до нее дошла вся правда о бесчестных попытках Андроникова поживиться от военного бюджета посредством, например, покупки земель в Туркестане, по которым, как ему удалось выведать, должна была пройти военная железнодорожная ветка. Узнав о публичном бахвальстве Андроникова: мол, всякий, кто желает иметь дело с ее супругом, должен прежде обратиться к нему,

Андроникову, — Екатерина сочла это непростительной наглостью. Именно по ее настоянию Сухомлинов отрекся от князя — после чего Андроников навсегда потерял доступ как в дом Сухомлинова, так и в его служебный кабинет[46].

Предложенная Екатериной версия о причинах разногласий между Сухомлиновым и Андрониковым была далеко не единственной — существовало и несколько альтернативных. По словам Владимира Александровича, именно он, а не супруга явился инициатором разрыва отношений с князем; министр также дал понять, что, отказавшись поддержать темные делишки Андроникова с недвижимостью и военными контрактами, нажил себе в князе врага[47]. Что касается Андроникова, тот утверждал, будто враждебность к нему Сухомлинова была ответом на бесстрашные попытки князя открыть министру глаза на низость и ненадежность таких людей, как Мясоедов и Альтшиллер, против которых он неоднократно предостерегал Сухомлинова[48]. И, наконец, последнее объяснение, предложенное видным чиновником Департамента полиции, рисовало картину совсем по-иному: по этой версии ссора вспыхнула, когда Андроников явился к Сухомлинову с рассказом об интрижке его жены с А.И. Манташевым, сказочно богатым бакинским нефтяным магнатом, в обществе которого она недавно совершила продолжительное путешествие по Египту. Когда Сухомлинов передал Екатерине сказанное князем, та горячо все отрицала и вынудила мужа дать обещание, что он никогда больше не будет связываться с этим гнусным интриганом[49].

Пожалуй, эта последняя версия представляется более основательной, чем все прочие. Для Екатерины несомненно никогда не было секретом происхождение богатства Андроникова, так что полученные весной 1914 года сведения о мошенничествах князя не могли явиться для нее внезапным откровением. Впрочем, и Сухомлинов действительно вполне мог в это же время расстроить какие-то коммерческие планы Андроникова, связанные с Военным министерством, — но если и так, то не следует забывать, что раньше он князю покровительствовал. Также вполне очевидно, что Андроников не мог таить, а потом вдруг высказать мрачные подозрения относительно Мясоедова и Альтшиллера, поскольку с последним у него было несколько общих проектов. Гораздо больше характеру Андроникова соответствовало распространение сплетен об адюльтере — ведь он жил слухами. Поэтому, вероятнее всего, обвинения Андроникова в адрес Екатерины Викторовны (обоснованные или

нет) в сочетании с его явными попытками занять место Альтшиллера (который уже паковал чемоданы) в качестве посредника, ведущего к персоне военного министра, послужили основаниями для ссоры. Известно, что Андроников попытался сгладить конфликт, послав Сухомлинову в знак примирения пару дорогих запонок. Сухомлинов дар принял и при этом велел слугам не пускать Андроникова — тут князь понял, что примирения ждать не приходится[50].

Разрыв с Андрониковым аукнулся в отношениях Екатерины с Натальей Червинской. Червинская, уже упоминавшаяся нами родственница Бутовича, которая встала на сторону Екатерины во время бракоразводного процесса и с тех пор жила в доме Сухомлиновых, за эти годы стала подругой, доверенным лицом и сторонницей Андроникова. (Андроников помог Червинской вложить ее скромный капитал, кроме того, она свободно «одалживала» у князя.) Когда Червинская сделала попытку заступиться за князя перед своей благодетельницей, Екатерина объявила, что ей придется выбирать между нею и Андрониковым. Червинская выбрала князя и в июне 1914 года покинула особняк Сухомлиновых[51].

Враждебный тандем Андроникова и Червинской представлял опасную силу. Пользуясь своим уникальным доступом в высшие круги петербургского общества и российского чиновничества, Андроников засновал из гостиной в гостиную, из одного служебного кабинета в другой, болтая о том, как подлец Сухомлинов берет взятки. Червинская, со своей стороны открыла в своей новой квартире салон, который, по сути, функционировал в качестве штаба действий, направленных против Сухомлинова. Среди постоянных ее посетителей были полковник Лев Булацель, бывший адъютант Сухомлинова, обиженный им; полковник И.В. Горленко, еще один озлобленный экс-адъютант; и С.Т. Варун-Секрет, товарищ председателя Думы, который сыграл столь важную и страшную роль два года спустя, во время официального расследования деятельности военного министра[52]. Червинская с Андрониковым стали еще более опасны с началом войны, когда к ним примкнул союзник гораздо более могущественный, чем они сами, — самозваный «святой человек» из Сибири Григорий Ефимович Распутин. Андроников, обладавший поразительным чутьем на скрытые от глаз тенденции в придворной политике, присосался к Распутину в конце 1914 года. Червинская взяла на себя роль хозяйки на тех знаменитых обедах, которыми на протяжении всей войны Андроников чествовал Распутина в своей квартире на Фонтанке, — на этих званых вечерах

«старец» обжирался вареной рыбой и сладким вином, при этом неформально беседуя с министрами, приглашавшимися Андрониковым с большим разбором. Поскольку в 1915 году Распутин начал приобретать настоящий политический вес, Андроников и Червинская смогли наконец использовать свою близость к «старцу» в качестве козыря в игре, которую они вели против Сухомлинова.

Удачи и поражения Мясоедова

Пока поредевший круг министра бурлил от всех этих перегруппировок, дела Мясоедова также были далеки от благополучия. Вновь оказавшись без постоянной службы, он вернулся в «Северо-западную русскую пароходную компанию». Среди ложных, полуправдивых и клеветнических сообщений, содержавшихся в письме Макарова от марта 1912 года, было по меньшей мере одно точное сведение: как и утверждал Макаров, обвинявший Мясоедова, после возвращения на службу Сергей Николаевич не прервал своих отношений с «Северо-западной», но лишь отодвинул их на второй план. Он продолжал «владеть» долей в капитале компании, которой иногда делал небольшие одолжения. Факты свидетельствуют, что Мясоедов предполагал когда-нибудь всерьез вернуться к работе в «Северо-западной». В сентябре 1911 года, накануне своего назначения в Военное министерство, Мясоедов заключил с семейством Фрейдбергов контракт относительно своего будущего в компании. Фрейдберги обещали Мясоедову, что по истечении десяти лет (то есть в 1921 году) он будет нанят в качестве президента фирмы не только номинального, но и фактического[53]. Из этого документа со всей ясностью вытекает картина будущего, как его себе рисовал Мясоедов: послужить еще лет десять в жандармах, на шестом десятке уйти в отставку и начать новую карьеру в бизнесе.

Но жизнь пошла не по плану. Мясоедов был вынужден вернуться на службу в «Северо-западной» на старых условиях; предстояло ждать еще долгих девять лет, прежде чем он сможет рассчитывать на повышение и реальное участие в принятии решений. И хотя платили ему теперь, несомненно, больше, чем до недолгой службы в Военном министерстве, обязанности его продолжали оставаться по большей части бумажными, а не собственно управленческими. Практически все дела компании решались в ее либавской конторе. Составлявшиеся там письма, адресованные разным бри-

танским и американским пароходным компаниям и банкам, передавались в Петербург, где Мясоедов их подписывал и переправлял по назначению[54]. Сергей также должен был служить посредником между фирмой и властями, что он и делал — например, весной 1914 года, когда в переписке с минским губернатором оправдывал использование компанией агентов-евреев[55].

Несмотря на переменчивость эмиграционного бизнеса, дела «Северо-западной русской пароходной компании», похоже, шли не так плохо. Рост доходов позволил фирме в 1911 году купить сразу два корабля, «Леопольд II» и «Георгиос I», которые она прежде арендовала у Дании. «Объединенная пароходная компания» («Det forenede Dampskibs-Sekskab»), первоначальный владелец судов, перевела право собственности на «Леопольда» и «Георгиоса» в июне и августе соответственно; датские источники сообщают, что продажная цена «Леопольда», которого «Северо-западная» перекрестила в «Саратов», составляла 100 тыс. рублей. Сумма, заплаченная «Северо-западной» за «Георгиоса», переименованного в «Одессу», не зафиксирована[56].

Однако скромные достижения «Северо-западной» не удовлетворяли Мясоедова — единственным для него способом заработать с помощью компании было сделать ее успех не медленным и устойчивым, а мгновенным. Поэтому он при всякой возможности настойчиво уговаривал Фрейдбергов увеличить масштаб бизнеса. Почему бы, например, «Северо-западной» не пустить собственную прямую линию из России в Америку? Самуил Фрейдберг счел эту идею абсурдной. Он написал Мясоедову, что компания продолжит играть роль «вспомогательной» линии для «Кунарда», как и раньше. У Фрейдбергов не было ни необходимого капитала, ни смелости для прямого соревнования с гигантами трансатлантических перевозок. Одним словом, вопрос был закрыт[57].

Тогда Мясоедов попытался уговорить Фрейдбергов продать «Северо-западную» и выдать полагающуюся ему часть от сделки, и даже вступил в переговоры по этому поводу с Каценеленбогеном, агентом датского пароходства. Однако семейство Фрейдбергов эта идея также оставила равнодушным[58]. Потерпев поражение в своих попытках выжать из «Северо-западной» больше доходов, Мясоедов обратился к другим коммерческим проектам. Какое-то время он участвовал в проекте развития гидроэлектростанций в Закавказье и в начале 1914 года посетил Тифлис в обществе нескольких немецких инвесторов. Но и из этого проекта опять ничего не вышло[59].

Однако потребность Мясоедова в деньгах выходила за рамки заурядной жадности. Дело в том, что в последнее время расходы его резко возросли. Дети выросли, нужно было платить за обучение в гимназии, частным учителям музыки и прочее. Но прежде всего банковский счет Мясоедова опустошала его любовница Евгения Столбина — к этому времени Сергей Николаевич выдавал ей ежемесячное содержание в 210 рублей. Вследствие своей щедрости он оказался по уши в долгах, ибо единственным способом удержаться на плаву было давать долговые расписки. Но и при таком образе жизни изучение его банковских счетов свидетельствует, что обычно к концу года у Мясоедова на счетах оставалось не больше 100—200 руб.[60]

В январе 1914 года муж Столбиной был переведен из столицы в жандармское подразделение в Радзивиллове, на Волыни. Супруга отказалась его сопровождать, осталась в Петербурге и стала сдавать одну из комнат в своей квартире — сначала у нее жила учительница игры на фортепиано Изабелла Кан, потом Нина Петровна Магеровская, подруга еще по киевской гимназии. Столбина и Магеровская откровенно зажили как куртизанки, создав небольшой, но отборный круг клиентов из числа офицеров петербургского гарнизона[61].

Несмотря на то что следователи позже назовут это «рассеянным» образом жизни, чувства Столбиной к Мясоедову стали с годами гораздо глубже, как и его к ней. Любовные письма, которыми они обменивались в этот период, полны явно искренних, хотя и слащавых, любовных признаний[62]. Сергей и Евгения все чаще стали заговаривать о том, чтобы пожениться и начать новую жизнь. Однако на пути этой мечты стояло два больших препятствия. Одно — жена Мясоедова, Клара, которую необходимо было убедить согласиться на развод. Дело в том, что именно она, а не Сергей, как оскорбленная сторона, должна была подать прошение в Синод о разрешении развестись по причине неверности мужа. Остро стоял и вопрос денег — как писал Мясоедов Евгении, «немедленно рвать с прошлым и переходить с тобой на 430 рублей в месяц не умно»[63].

В Кларе, которая, как мы знаем, была почти с самого начала в курсе мужниных измен, разгоралась злоба и обида. Похоже, что интрижка Мясоедова в соединении со всеми теми неприятностями, которые пережили супруги зимой и весной 1912 года, убила в ней последние искры любви и уважения к Сергею. В ноябре 1912 года

в письме к деверю (мужу сестры) Францу Ригерту она нарисовала мрачный образ своего брака: «Видимся только за обедом, кроме вражды друг к другу, ничего не чувствуем»[64]. Неделю спустя по ее просьбе брат Сергея Николай отправил ему записку, полную упреков. Николай напоминал Сергею, что тот не имеет права держать Клару в неведении относительно своих планов их общего будущего, и заключал: «Не мешает тебе вспомнить, что твоя жена такой жестокости и позора не заслужила»[65].

В 1913 году Мясоедов наконец решился прямо заговорить о разводе. Клара позже утверждала, что была совершенно готова согласиться на формальное прекращение брака, при условии, конечно, что Мясоедов обеспечит приличное существование ей и детям. Но предложение Сергея выплачивать им 3 тыс. рублей в год — то есть ежегодную ренту, получаемую им от сдачи в аренду виленского дома, — Клара отвергла как ни с чем не сообразное и оскорбительное. В новом письме Ригерту она подсчитала, что жалованье и пенсия Сергея в сумме составляют более 7 тыс. рублей, тогда как ей с двумя детьми предоставлялось существовать на сумму вдвое меньшую, это просто нечестно[66]. Если верить тому, что она позже рассказывала военным следователям, причиной, заставившей ее переменить решение о разводе, была не только низость мужа. Старшая из детей, Мария (Муза), обожала отца и слезно умоляла Клару не разрушать семью. Клара поддалась на мольбы Марии и сообщила мужу, что не хочет больше обсуждать тему развода, хотя и знает про себя, что для нее самой гораздо лучше было бы прекратить этот брак. «Я из любви к детям пожертвовала себя» — так она впоследствии охарактеризовала принятое в тот момент решение[67].

Однако Столбина не желала больше ждать. Прижатый ею к стенке Мясоедов вынужден был признаться в том, что жена его высказалась категорически против развода. Столбина была в ярости. Ночью 4 июля 1914 года в голову Мясоедова пришла совершенно безумная (и, возможно, пьяная) мысль: он привезет Столбину к себе в дом и раскроет перед Кларой все карты. Сергей с Евгенией прибыли в квартиру на Колокольной в полвторого ночи. Последовала безобразная сцена: Евгения и Клара выкрикивали проклятия в адрес друг друга, а потом и в адрес Мясоедова. Озлившись на обеих, Сергей вышел из квартиры, хлопнув дверью в лицо разъяренным женщинам. Клара в коротком описании случившегося утверждала, что, если вдруг она «случайно» умрет, полиции следует допросить Столбину по обвинению в убийстве, потому что эта женщина «на все способна»[68].

Мясоедов покинул Петербург первым же поездом на Либаву. Остановившись ненадолго, чтобы переговорить с Самуилом и Борисом Фрейдбергами, он проследовал дальше в Германию, где уединенно провел несколько дней в берлинском отеле, пытаясь разобраться в своей жизни. Единственным человеком, которого он известил о своем местонахождении, была Евгения Столбина — ей была послана открытка с просьбой не волноваться, мол, все хорошо и он скоро вернется. Таким мы последний раз видим Мясоедова накануне начала войны, разразившейся всего несколько недель спустя.

Сергей Николаевич, подобно многим европейцам своего времени, воспринял начало войны со смешанным чувством подъема и облегчения. Будучи патриотом, он осознавал, что война позволит ему вернуться в армию, где, возможно, он будет полезен родине. Одновременно война явилась избавлением от отвратительных и неприятных домашних обстоятельств. Его поражения — на службе, в бизнесе, даже в семейной жизни — забудутся. Будто заново родившись, он сможет забыть горести прошлого и покрыть себя славой. Чего он, конечно, не мог предвидеть, так это того, что война приготовила ему не славу, а позор. Война станет последним актом в пьесе жизни Мясоедова, а человеческая злоба и простое невезение сделают этот последний акт совсем коротким.

Глава 5

ПЕРВАЯ ФАЗА ВОЙНЫ

Летом 1914 года, 28 июня, на улице боснийского города Сараево девятнадцатилетний больной чахоткой юноша Гаврила Принцип, вооруженный револьвером, смертельно ранил ехавших в открытом автомобиле наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его жену. Вслед за этим, после шести недель дипломатического кризиса, началась Первая мировая война.

Вопреки распространенному мнению, Великая война не была ни случайностью, ни ошибкой. Ее невозможно считать ни неизбежным следствием гонки вооружений, ни прорвавшимся нарывом, образовавшимся от разделения великих держав на два враждующих альянса. Одним словом, это отнюдь не была «война, которой никто не хотел». В 1914 году государственными деятелями разных стран были предприняты именно те шаги, которые заведомо должны были привести к войне, и причина заключалась в том, что политические цели, которые они преследовали, представлялись достаточно важными, чтобы ради них подвергнуть себя и весь мир опасности крупномасштабной бойни. В случае всех основных стран-участниц, за исключением Германии, цели эти были связаны с национальным выживанием либо с ключевыми вопросами национальной безопасности.

В Вене справедливо полагали, что за сараевскими заговорщиками стояли организовавшие и вооружившие их элементы в правительстве Сербии. Оставив это преступление безнаказанным, Австрия тем самым поощрила бы резкий рост национализма, прежде всего южнославянского — той взрывоопасной силы, которая представляла единственную серьезную угрозу существованию империи Габсбургов. По этой причине ультиматум, выдвинутый Веной Белграду 23 июля, ставил сербов перед жестким выбором между отказом от национальной независимости и вступлением в войну.

Причины, заставившие Россию выступить в поддержку своих сербских союзников, были не менее серьезными. Здесь еще

свежо было воспоминание о перенесенном в 1908 году унижении со стороны Германии и Австрии, когда Петербург не смог ни помешать аннексии Веной Боснии и Герцеговины, ни получить за это компенсацию. Члены российского Совета министров не верили в причастность Белграда к сараевскому покушению и не считали представленные Веной доказательства неопровержимыми[1]. Министры также твердо были убеждены, что военное уничтожение Сербии будет равносильно новому унижению России, причем на этот раз последствия могут оказаться фатальными. Откажись Россия протянуть сербам руку помощи, она тут же окажется отодвинутой в ряды второстепенных или даже третьестепенных держав, утратив значительную часть своего престижа и влияния в мире. И, что еще хуже, многочисленные оппоненты режима внутри страны несомненно интерпретируют бездействие власти как свидетельство ее слабости, а такого рода общественное мнение способно породить восстания, беспорядки, а то и революцию. Нельзя забывать и о том, что решение о вступлении в войну Совет министров принимал на фоне недавних стачек, сопровождавшихся актами насилия и возведением баррикад на рабочих окраинах столицы. Однако только после тяжелых сомнений и активных уговоров со стороны Сухомлинова и министра иностранных дел Сазонова Николай II подписал наконец указ, позволяющий начать всеобщую мобилизацию — направленную против как Австрии, так и Германии.

Правительство Третьей республики держалось того мнения, что для безопасности родины необходим баланс сил, равновесие же это полностью зависит от сплоченности и мощи франко-русского союза. Следовательно, оставаться сторонним наблюдателем, когда Германия с Австрией изготовились к бою с Россией, совершенно невозможно, поскольку такая позиция в конечном счете неизбежно приведет к поражению России. Без сильной России существование Франции в Европе станет небезопасным, поскольку при таком раскладе сил весь континент в скором времени окажется под германской пятой. Не желая даже допускать мысли о таком кошмарном будущем, Франция была полна решимости встать плечом к плечу с Россией, не дожидаясь, приведет ли развивающийся кризис к формальному casus foederis, то есть юридической ситуации, которая потребует от Франции приступить к выполнению обязательств об оказании взаимной помощи по союзному договору.

Конечно, в случае немедленной реализации в начальной фазе войны плана Шлиффена, предполагавшего нанесение Германией первого и основного удара на западе по Франции, не приходилось всерьез надеяться на то, что конфликт ограничится рамками Восточной или Южной Европы.

Тот же план Шлиффена в конечном счете способствовал и вступлению в войну Британии. Имея общие с Францией и Россией интересы, Британия, однако, не была связана ни с одним из этих государств союзническим договором и поэтому формально могла не отправлять экспедиционные силы на ту сторону Ла-Манша. Однако, как известно, план Шлиффена предполагал нарушение Германией нейтралитета Бельгии. Кардинальный принцип британской политики со времен Генриха VIII гласил, что интересы национальной безопасности требуют участия Лондона в любой коалиции, которая ставит своей целью предотвращение гегемонии в Европе одного государства, особенно если оно намеревается установить контроль над Нидерландами, естественным плацдармом для вторжения в Англию. Этот принцип повелевал теперь Британии выступить против Вильгельма II, как в прошлые столетия жители островов боролись с Филиппом II, Людовиком XIV и Наполеоном.

Как тут не прийти к очевидному умозаключению, что основной груз вины за развязывание войны лежит на Германии. Конечно, впоследствии все вовлеченные в войну стороны составили собственные списки территорий, которые желали бы приобрести за счет побежденных, однако Германия руководствовалась жаждой экспансии с самого начала. Решение начать войну было, по выражению Фрица Фишера, «ein Griff nach der Weltmacht», стремлением к власти над миром: Германия желала опрокинуть status quo, перенести европейские границы и захватить заморские колонии. Австрия выдвинула ультиматум Белграду прежде всего из-за выданного ей Берлином злосчастного карт-бланша, посулов ничем не ограниченной помощи. Без поддержки и одобрения Берлина Вена никогда бы на это не осмелилась. Таким образом, прежде всего именно решения, принятые Германией во время июльского кризиса 1914 года, привели к тому, что раздор между Сербией и Австрией разросся до размеров общеевропейской войны[2].

Начало войны

Германия объявила войну Российской империи 19 июля (1 августа) 1914 года. Петербург и другие европейские столицы откликнулись на известие о начале войны массовым энтузиазмом и демонстрациями[3]. Несмотря на то что еще за несколько недель перед тем рабочие стачки угрожали спокойствию имперской столицы, 20 июля десятки тысяч российских граждан из всех слоев общества собрались на Дворцовой площади, чтобы выслушать манифест о вступлении России в войну, прочитанный Николаем II с балкона Зимнего дворца. Подданные с плакатами, иконами и портретами императора в руках затаив дыхание слушали обращение самодержца, призывавшего их к защите родины точно в тех выражениях, к которым прибег в 1812 году Александр I. В завершение речи Николай процитировал своего царственного предшественника, призвав не соглашаться на перемирие, пока на русской земле остается хотя бы один чужеземный солдат[4]. Толпа откликнулась громогласными криками «ура» и, в массовом порыве, исполнила государственный гимн. Николай, конечно, не стал акцентировать то обстоятельство, что в настоящий момент на русской земле не было ни одного чужеземного солдата, а также что в соответствии с имперскими военными планами как раз *России* предстояло немедленно вторгнуться на соседнюю территорию. И все же император, столь часто нечувствительный к настроениям народа, на этот раз выбрал абсолютно верный риторический ход. Эта война, говорил он своим подданным, есть война оборонительная, навязанная России. Более того, это не просто военное противостояние, но своего рода священный крестовый поход. Именно так император хотел изобразить войну перед своим народом, и, по крайней мере на первых порах, ему это удалось. Даже Дума встала на его сторону. 26 июля на специальном заседании парламента депутаты (включая многих крайних либералов и социалистов), перебивая друг друга, спешили выразить солидарность с правительством и искреннюю преданность делу справедливой войны. В ближайшие несколько недель Николай предпринял еще ряд действий, призванных подчеркнуть символический смысл этой битвы: 22 августа он издал указ о полном запрещении продажи алкоголя вплоть до окончания войны, 31 августа Санкт-Петербург был переименован в Петроград. Необходимо было произвести нравственное очищение народа. Империю и даже самый язык следовало освободить от коварных немецких влияний.

Мясоедов в армии

Сотни тысяч людей оказались увлечены чувствами национального единения и примирения, которыми дышало всё в первые месяцы войны, — и Сергей Мясоедов не стал исключением. Тронутый свежей патриотической статьей Бориса Суворина, Мясоедов, повинуясь порыву, тут же написал журналисту письмо, великодушно простив ему ту роль, которую тот сыграл в заговоре Гучкова в апреле 1912 года. Суворин ответил, что рад был получить записку от Мясоедова, и добавлял: «Я со своей стороны рад протянуть Вам руку и предать забвению все прошлое»[5], — впоследствии ему нелегко было объяснить эти свои слова.

В том же духе, однако с большей расчетливостью Мясоедов попытался наладить отношения со своим бывшим патроном, военным министром Сухомлиновым. В письме от 29 июля Мясоедов умолял министра простить ему всякие вольные или невольные прегрешения, в которых он, возможно, был повинен, и в заключение слезно просил министра помочь с возвращением в регулярную армию. В тот же день Мясоедов получил лаконичный ответ: лично я, писал Владимир Александрович, ничего не имею против вашего возвращения на военную службу[6]. Хотя это заявление едва ли можно было рассматривать как нечто большее, чем формальное nihil obstat, «возражений не имеется», Мясоедов принялся использовать его как восторженную рекомендацию.

И у него были для этого основания, поскольку, как он и опасался, найти место в армейской иерархии, даже в чрезвычайных условиях военного времени, оказалось непросто. Не стоит забывать и о том, что собственно армейскую службу Мясоедов оставил двадцать три года назад. Да и тучи скандала 1912 года еще не полностью рассеялись. Скабрезные газетные статьи о дуэли с Гучковым ославили Мясоедова на всю Россию. Прошедшие годы, конечно, изгладили в памяти большинства людей подробности происшествия, однако в сознании общества сохранился остаточный образ экс-жандарма как отталкивающего типа, которому так и не удалось полностью оправдаться. Особенно Мясоедов опасался, что подмоченная репутация помешает ему найти место в контрразведке, то есть именно в той области, где, как он считал, его способности могут принести более всего пользы отечеству. Он написал П.Г. Курлову, что, «благодаря отличному знанию Восточной Пруссии, местного языка, обычаев и населения», он является идеальным кан-

дидатом для выполнения разведывательных задач и проведения допроса взятых в плен иностранных военных[7]. Стремясь добиться назначения, Сергей старательно обошел все связанные с Петроградом штабы и управления, предлагая свои услуги в качестве офицера разведки. Первое время желающих не находилось.

Отчаянно стремясь принять участие в войне, даже в самом скромном качестве, Мясоедов в конце концов обратился к своему знакомому по 6-й армии штабс-капитану В.В. Крыжановскому и попросил его о назначении в ополчение. Получив ответ Крыжановского, что дурная слава, все еще связанная с именем Мясоедова, не позволяет гарантировать даже это место, отставной полковник поспешил напомнить, что был оправдан по всем пунктам обвинения, и предъявил в качестве доказательства записку Сухомлинова. Разве военный министр написал бы подобное о человеке, относительно которого сохраняется малейшее подозрение в измене?[8] В результате Мясоедову был предложен неблестящий пост в рабочем ополчении, стоявшем в Петергофе. Предложение было принято.

Этим он, однако, не удовлетворился и, не теряя времени, принялся добиваться лучшего назначения. Наконец, в октябре 1914 года одно из его прошений попало в цель. Начальник штаба 10-й армии, оборонявшей эйдткуненский сектор Восточной Пруссии, оценив знакомство Мясоедова с этим регионом и его свободный немецкий, пригласил бывшего жандарма в качестве переводчика в армейскую разведку. Уже в начале декабря Мясоедов, облаченный в форму пехотного полковника, прибыл на фронт и с головой погрузился в работу.

10-я армия входила в состав Северо-Западного фронта, группы русских армий под командованием генерала Рузского, развернутой против Восточной Пруссии и немецкой Силезии неровной линией, тянувшейся от Балтийского моря до Центральной Польши. В задачу Мясоедова как офицера штабной разведки входил сбор сведений о диспозициях врага, который противостоял России на этом конкретном рубеже. Информация эта, конечно, имела сугубо тактическое значение, однако была тем не менее весьма важной. Сегодня, в эпоху хитроумных электронных сенсоров, приборов ночного видения и спутников слежения, легко забыть о том, что в начале Первой мировой войны армии были практически совершенно слепы. Военная авиация пребывала еще в пеленках, из чего следовало, что для сбора сведений о враге можно было полагаться только на людей, трудолюбиво рывших землю «в поле». Поскольк-

ку локальный успех нападения или обороны зависел от точности сведений о постоянно меняющихся силах противника, задачи штабной разведки приобретали особую важность. В самых общих чертах можно сказать, что для составления портрета врага использовались три основных метода: инфильтрация, допрос и разведка боем. Мясоедов прибегал ко всем трем.

Инфильтрация, просачивание в расположение противника, облегчалась вялостью, разжиженностью фронтовой линии между Россией, с одной стороны, и Австрией и Германией — с другой. На западе в декабре 1914 года мобильные операции сменились неподвижным противостоянием; системы окопных ходов, прорытых воюющими сторонами, тянулись на четыреста миль, от швейцарской границы до бельгийского Ньюпорта на Ла-Манше. Восточный же фронт, напротив, простирался почти на тысячу миль от Балтийского моря до румынской границы. Из этого, естественно, следовало, что плотность личного состава на восточном рубеже далеко не дотягивала до условий западного. Поэтому проникновение агента сквозь линию врага на западе было практически невозможно: так, британцам, несмотря на многократные попытки, за всю войну так и не удалось провести через линию германского фронта ни одного своего агента[9]. Восточный же фронт, именно благодаря своей большей протяженности и, соответственно, пористости, позволял практически всем воюющим сторонам активно прибегать к инфильтрации. Несмотря на риск (не следует забывать, что шпионаж карался смертной казнью), разведка день за днем отправляла десятки агентов для выполнения заданий по ту сторону вражеских укреплений, на срок от нескольких часов до нескольких недель. Австрией, например, с 1914 по 1918 год было нанято для этой цели две тысячи человек, шестьсот из которых пережили войну[10].

Кто были эти люди? Горстка, всего несколько человек, офицеров и гражданских лиц, которые, обладая исключительными лингвистическими и актерскими талантами, рисковали жизнью из чистого патриотизма. Миклоша Солтеша, юношу, только что закончившего университет и свободно владевшего русским, австрийская разведка рекрутировала в 1914 году. В последующие три года он совершил несколько удачных вылазок за русские рубежи, иногда в форме царского офицера[11]. Однако большинство (пожалуй, даже подавляющее) агентов происходило из числа возчиков, коробейников, дубильщиков и продавцов дров — уроженцев приграничных областей. Эти люди (среди которых было много евреев) имели дав-

ние торговые связи с соседними странами. Прикрываясь своими традиционными и по внешности невинными занятиями, они могли переходить из одной зоны оккупации в другую, доставляя курировавшим их офицерам ценные сведения. По крайней мере, на это можно было надеяться[12].

Проблема заключалась в том, что зачастую надежность и качество информации, добываемой этими агентами, вызывали сомнения. Многие из них, хотя и не все, шли в шпионы ради денег, поэтому едва ли были готовы рисковать жизнью, что часто оказывалось необходимым для получения точных и своевременных разведывательных данных. Да и могла ли разведка быть уверена в том, что конкретный агент работает только на нее? Попадались предприимчивые личности, готовые продавать информацию нескольким странам. На Восточном фронте агентов иногда брали в плен и перевербовывали. Случалось, агентов перевербовывали три, а то и четыре раза.

Несмотря на сомнительность сведений, собираемых таким образом, все без исключения фронтовые офицеры разведки занимались рекрутированием агентов. Здесь Мясоедов, казалось бы, обладал естественным преимуществом: прослужив много лет в Вержболово, он обзавелся множеством знакомых по обе стороны русско-прусской границы, Россия же как раз к этому времени захватила полосу прусской территории. Однако это преимущество оказалось призрачным — попытки Сергея Николаевича рекрутировать шпионов среди населения Восточной Пруссии проваливались на каждом шагу. Мясоедов рапортовал (в январе 1915 года) главе разведки 10-й армии, в чем, по его мнению, причины неудач. Кто-то из местных жителей с негодованием отвергал его предложение шпионить в пользу России из соображений преданности своему правительству. Другие опасались мести германской армии, если той удастся изгнать российских захватчиков и восстановить контроль над приграничной территорией. Однако он также принужден был отметить, что зверства, творившиеся русскими солдатами в Восточной Пруссии (прежде всего сжигание деревень), настроили местное население против Российской империи и всего, что с ней связано[13].

Попытки Мясоедова завербовать шпионов среди российских подданных в приграничной зоне также не принесли результатов. Сами российские гражданские и военные власти, жаловался он, арестовывают лучших его кандидатов и/или высылают их во внутренние губернии страны по неосновательным подозрениям в не-

благонадежности[14]. Мясоедов, впрочем, изучал и другие возможности организации шпионажа против Германии. Главная из них была связана с его деловым партнером Давидом Фрейдбергом. Фрейдберг, управлявший одесской конторой «Северо-западной русской пароходной компании», в день начала войны находился по делам фирмы в Ганновере. Ему удалось избежать интернирования и выбраться из Германии, прикрываясь американским паспортом своего кузена. По возвращении в Россию он получил предложение от Мясоедова, который убедил его вновь отправиться в Германию, под маской американского коммивояжера. Однако на этот раз дела, которыми ему предстояло заниматься, были делами русской военной разведки. Мясоедов съездил вместе с Фрейдбергом в Петроград на встречу в Генеральный штаб, где Фрейдбергу объяснили его миссию и снабдили списком из десяти вопросов, представлявших особенный интерес для русской секретной службы. По плану Фрейдберг должен был отправиться в Копенгаген якобы навестить брата Самуила, перебравшегося туда в начале войны. Потом с фальшивым паспортом переехать из Дании на территорию Германии. В результате, однако, миссию пришлось отменить: приехав в Копенгаген, Борис узнал от брата, что германской полиции известно о незаконном использовании им американского паспорта в августе 1914 года. В Германии Давида Фрейдберга объявили в розыск, и ему не оставалось ничего другого, как вернуться в Петроград. Однако, несмотря на отмену шпионского задания, Давид Фрейдберг все же смог оказать небольшую услугу своему правительству. По просьбе российского посланника в Дании он нелегально перевез через границу два пакета тайных дипломатических донесений — вероятно, Министерство иностранных дел с таким нетерпением ожидало этих сообщений, что не могло полагаться на обычного курьера[15].

За несколько недолгих месяцев фронтовой службы Мясоедову не удалось организовать сколько-нибудь серьезных операций по инфильтрации агентов на территорию Германии. Однако он отличился в добывании информации о враге посредством допросов и разведки. Тогда, как и сейчас, военнопленные не обязаны были отвечать ни на какие вопросы, кроме самых тривиальных. Однако при известном балансе угроз и посулов из военнопленных — по большей части напуганных, измученных и голодных — часто удавалось вытянуть больше, чем они намеревались сказать. Мясоедов скоро прославился своим исключительным умением раскалывать

вражеских пленных — успеху в этой области он был обязан, вероятно, своей внушительной комплекции, беглому и правильному немецкому и манере доброго малого.

Сведения, получаемые при допросах пленных, необходимо было дополнять данными боевой разведки — ночными вылазками в направлении позиций противника, которые часто завершались захватом «языков». В декабре 1914 года Мясоедов несколько раз лично возглавлял патрули, отправлявшиеся в Иоганнесбургский лес (на южной оконечности Мазурских озер) для изучения германских линий и захвата пленных. Трижды — ночью 4-го, 7-го и 12 декабря — отряд Мясоедова ввязывался в перестрелки с противником. Мужество, проявленное Сергеем Николаевичем в этих ситуациях, и все его поведение в целом заслужили ему искренние похвалы начальства. 20 января 1915 года генерал-майор Архипов, командир Иоганнесбургского подразделения, рапортовал начальнику штаба 10-й армии, что Мясоедов в качестве офицера разведки принес «существенную пользу», и с одобрением отзывался о его потрясающей способности вытягивать из немецких военнопленных «ценные сведения». Оказавшись под обстрелом, Мясоедов своей «неустрашимостью и мужеством» подал пример, который вдохновил подчиненных, «действовавших против более сильного состава неприятеля»[16]. Даже немцы уважали мастерство, с которым Мясоедов проводил свои разведывательные операции, именуя его «профи разведки» и «глубоким знатоком немецкого военного мышления»[17].

Но если в армии Сергей Николаевич вновь испытал чувство собственной профессиональной востребованности и удачливости, то личная его жизнь продолжала оставаться путаной и шаткой. Скандальная сцена между Кларой и Столбиной не привела, вопреки ожиданиям, к распаду брака. Дочери Музе, по-прежнему сильно привязанной к отцу, удалось мольбами и уговорами добиться сохранения семьи. Клара часто писала Сергею на фронт. Однако нежные слова, содержавшиеся в ее записках, свидетельствовали не столько об искреннем чувстве, сколько об отчаянной нужде в деньгах. С момента отъезда в 10-ю армию Сергей послал жене лишь 200 рублей — сумму, никак не позволявшую содержать семью. Неоплаченные счета накапливались, Клара задолжала в консерваторию за фортепианные уроки Музы, за квартиру на Колокольной было не плачено уже так давно, что зимой хозяин мог отказать им в дровах. «Не понимаю, — восклицала Клара в письме от 18 декабря, — почему ты нам не пишешь, я и дети писали тебе много раз»[18].

Главной причиной Клариной печали было то, что Мясоедов продолжал посылать значительную часть своего жалованья любовнице. В январе и феврале 1915 года он дал указание Русско-азиатскому банку перевести с его счета 210 и 250 рублей соответственно квартирантке Столбиной, Нине Петровне Магеровской, надеясь таким грубым камуфляжем утаить этот расход от жены[19]. Несмотря на свои армейские обязанности, Мясоедов умудрялся выкраивать время для свиданий с Евгенией Столбиной и назначал двадцатичетырехлетней красавице встречи — в Варшаве и в начале февраля в Вильне[20].

Впрочем, в жизни Столбиной Мясоедов не занимал исключительного места. Вместе с Ниной Магеровской Столбина продолжала искать общества одиноких и «щедрых» клиентов. В своей квартире на Рождественской улице они в любое время дня и ночи принимали мужчин, в том числе из среды высокопоставленных военных. Среди частых посетителей были Д.Я. Дашков, генерал-майор императорской свиты, генерал-лейтенант П.А. Смородский, глава Александровского комитета помощи раненым, а также один из сыновей великого князя Константина Константиновича, покоренный Столбиной еще при первой их случайной встрече в петроградском ресторане[21].

Однако собственная промискуозность наскучила Евгении и опротивела; в письмах Сергею она неизменно напоминала о его обещании скрепить их отношения узами брака. Сергей отвечал то же, что и до войны: сейчас брак невозможен, Клара по-прежнему не согласна на развод, да и финансовые обстоятельства далеко не благоприятны. Он, однако, написал Евгении, что придумал некий план, который, как он надеется, быстро принесет 100 тыс. дохода — сумму более чем достаточную для того, чтобы они могли начать новую совместную жизнь. Позже Евгения говорила следователям, что этот ожидаемый золотой дождь был как-то связан с пароходным бизнесом, которым Мясоедов уже много лет занимался.[22]

Что означали слова Мясоедова об этой сотне тысяч? Независимо от того, к какому выводу впоследствии пришли (или в чем сами себя убедили) следователи, очевидно, что Сергей Николаевич не стал бы хвастаться перед Евгенией будущим вознаграждением от германских хозяев за шпионские услуги. Однако он не мог иметь в виду и доход от текущих операций «Северо-западной русской пароходной компании»: германский флот закрыл российским кораблям выход из Балтики, что привело к приостановке пассажир-

ского сообщения на все время войны. Остается только два варианта: либо Сергей рассчитывал на то, что Фрейдберги включат его в одно из своих больших связанных с импортом дел, которые они вели из Копенгагена, либо, что более вероятно, он по-прежнему, как и до войны, надеялся убедить их ликвидировать все имущество «Северо-западной», включая два парохода, и выплатить ему долю от продажи. Несмотря на то что в обоих случаях Мясоедов находился во власти иллюзий, он все же буквально из кожи вон лез, чтобы услужить своим старым партнерам, даже находясь на фронте. В декабре 1914 года, например, когда Давид Фрейдберг обратился к Мясоедову с просьбой приискать его сыну университет в России, где мальчик мог бы закончить свое медицинское образование, начатое в Лейпциге, Мясоедов с готовностью поклялся сделать все, что в его силах[23]. Когда в том же месяце, чуть позже, Борис Фрейдберг попросил его заступиться за Роберта Фалька, сотрудника компании, высланного в Двинск по подозрению в политической неблагонадежности, Сергей Николаевич обратился к своему старому знакомому П.Г. Курлову, теперь генерал-губернатору балтийских губерний, а также от имени Фрейдберга составил рекомендательные письма адъютанту Курлова[24]. Кроме того, Мясоедов трижды в начале 1915 года встречался с Борисом и Давидом Фрейдбергами в Белостоке, Вильне и Риге для обсуждения дел компании[25].

Поведение Мясоедова во время войны выявило как сильные, так и слабые стороны его сложного характера — смесь храбрости и алчности, патриотизма и сладострастия, щедрости и низости. Однако практически все, что делал Мясоедов с первых дней своей службы в 10-й армии в ноябре 1914 года, в финале предстанет в зловещем и подозрительном свете. Ибо судьба Мясоедова оказалась неразрывно связана с поражениями России на поле брани и крахом надежды на быстрый триумф.

Россия в войне

Самой странной чертой военного плана, который Россия пыталась реализовать в августе 1914 года, было разделение русской армии на три части: северо-западная группа армий, или фронт, ориентированная против Германии; войска прикрытия в Центральной Польше; и Юго-Западный фронт, воюющий против Австро-Венгрии. Рассуждения, лежавшие в основе каждого из этих трех

типов развертывания, были различны. План вторжения в Германию с севера был связан с союзническими обязательствами. Зная в общих чертах, что в начале всякой большой войны военная стратегия Германии предполагает нанесение первого удара всей мощью по Франции, Россия в 1912 году пообещала своему союзнику, что в этом случае атакует Германию восьмисоттысячной армией не позднее пятнадцатого дня с момента объявления мобилизации. Предполагалось, что этот удар разгромит западные наступательные силы Германии и тем самым облегчит Франции противостояние вторжению. Размещение русских сил в Центральной Польше объяснялось иными — географическими — реалиями. Польша, входившая в состав Российской империи, географически представляла собой выступ двести на двести тридцать миль, внедренный внутрь Центральной Европы, сжатый с севера Германией и с юга Австрией. Большие массы войск, сосредоточенные к западу от Варшавы, таким образом, играли роль не только необходимого резерва армии, но одновременно были силой, способной отбить вторжение на территорию Польши со стороны Германии либо Австрии или их соединенных войск. И, наконец, южная диспозиция была, по крайней мере отчасти, плодом стратегического оппортунизма: российское Верховное командование было гораздо более уверено в своих силах в случае столкновения с Австрией, чем при необходимости воевать с Германией. Однако свою роль в создании Юго-Западного фронта сыграли и интересы национальной политики России. Политика «русификации» — включавшая в себя дискриминацию польской культуры и ограничения в использовании польского языка — вызывала сильное недовольство лежащих по ту сторону Вислы губерний. В Петрограде всерьез опасались, что, если австрийской армии удастся прорваться в Польшу, недовольное местное население тут же восстанет и Россия окажется перед кошмарной проблемой мировой войны в сочетании с внутренним восстанием. Считалось, что наилучшей профилактикой такого развития событий будет скорейшее вторжение русских войск в австрийскую Галицию, что позволит блокировать австрийские армии прежде, чем они начнут собственное нападение. Вот почему получилось так, что, вопреки, казалось бы, наиболее естественному решению — атаковать одного врага и обороняться от другого, — Россия начала сразу две (и, следовательно, равно размытые) наступательные операции[26].

Войска Северо-Западного фронта, состоявшего из 1-й и 2-й армий под командованием соответственно генералов Ренненкам-

пфа и Самсонова, вторглись в Восточную Пруссию 17 августа. Ренненкампф должен был ударить к северу от Мазурских озер в направлении Кенигсберга; Самсонов же направлялся к югу, а потом на запад от озер, чтобы заблокировать обороняющиеся немецкие силы между российскими армиями с одной стороны и Балтийским морем с другой. По крайней мере вначале военная кампания, казалось, развивалась успешно. 20 августа Ренненкампф после ожесточенного боя при Гумбиннене, в двадцати милях к западу от Эйдткунена, заставил отступить германскую 8-ю армию; к 24 августа он занял Инстербург. Самсонов тем временем перешел через Нарев, за несколько дней занял Ниденбург и выдвинулся в направлении Алленштайна. И там, как известно, разразилась катастрофа. Воспользовавшись большой дырой, открывшейся между 1-й и 2-й русскими армиями, и будучи прекрасно осведомлены о планах России благодаря перехвату некодированных русских радиосообщений, немцы в самом конце августа окружили армию Самсонова и практически уничтожили ее[27]. За катастрофической битвой при Танненберге последовало первое сражение у Мазурских озер, в котором немцы не смогли окружить Ренненкампфа, однако нанесли ему огромный урон и изгнали из Восточной Пруссии. В этом неудачном вторжении на немецкую территорию Россия потеряла 250 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными. Кроме того, были утрачены или оставлены на поле боя практически все артиллерийские орудия, а также 400 тыс. снарядов[28]. Восполнение как людских, так и материальных потерь требовало времени.

Впрочем, с Юго-Западного фронта приходили гораздо более обнадеживающие вести, смягчавшие общественную реакцию на разгром в Восточной Пруссии. После серии полуслучайных сближений, происходивших на протяжении двухсот миль по территории Галиции, австрийские и российские силы столкнулись наконец в конце августа. Галицийские бои продолжались до конца сентября, когда австрийцы оказались вытесненными практически к Карпатам. Русские захватили Львов (Лемберг), обойдя крепость Перемышль (Пшемысль), австрийский гарнизон которой продолжал отчаянно обороняться, даже оказавшись на несколько миль в глубине российского расположения. Потери Австрии в этой кампании превышали даже те, что понесла Россия в Восточной Пруссии: 100 тыс. солдат было убито, еще 100 тыс. захвачено в плен и почти 250 тыс. ранено. Таким образом, меньше чем за месяц военная мощь австрийцев сократилась на треть[29]. Русский Юго-Запад-

ный фронт, однако, оказался не в состоянии развить свое преимущество: солдаты были измучены неделями беспрерывных маршей и боев; в полную негодность пришла система материально-транспортного обеспечения. К 24 сентября, например, обозы 4-й, 5-й и 6-й армий отстали почти на семьдесят километров[30].

С учетом всего этого великий князь Николай Николаевич, главнокомандующий российской армией, приказал приостановить наступательную операцию, намереваясь использовать перерыв, чтобы дать отдохнуть измученным солдатам и осуществить тем временем доставку нового вооружения и личного состава для будущего броска на запад, в немецкую Силезию. Однако враг не собирался способствовать планам великого князя. Понимая, что настала пора подставить плечо пошатнувшемуся союзнику, германский командующий Восточным фронтом генерал Пауль Гинденбург сформировал новую 9-ю армию и спешно бросил ее на позиции, оставленные австрийцами. Будучи осведомлен о планах российского главнокомандующего, Гинденбург приказал начать наступление, целью которого было помешать инициативе русского броска в Силезию, неожиданно обойдя с флангов 2-ю и 5-ю русские армии. За этим последовала битва у Лодзи (середина ноября — начало декабря 1914 года), завершившаяся вынужденным отступлением русских войск для выравнивания линии фронта. Новая позиция, занятая русской армией в центре и на юге, представляла собой практически прямую линию, тянувшуюся от городка Плоцк на Висле до Горлице у подножия Карпат.

Россия чудовищной ценой смогла выстоять первые пять месяцев войны. Однако взвешенный анализ ситуации конца 1914 года не давал оснований для оптимизма. Все европейские державы надеялись, что война будет короткой, однако все они ошиблись. К декабрю стало очевидно, что война затягивается и, следовательно, тяжелейшим грузом ляжет на экономику и общественную жизнь всех воюющих сторон. Прежде всего критический недостаток ресурсов, необходимых для ведения войны, наблюдался в России; дефицитными были все сферы, однако три аспекта выглядели особенно тревожно — артиллерийские снаряды, винтовки и личный состав.

Военные руководители России, как и их коллеги в Европе, предполагали, что большую европейскую войну можно будет вести тем оружием и боеприпасами, которые были произведены в мирное время. Были установлены закупочные нормы из расчета,

например, тысячи пятисот снарядов на одну артиллерийскую установку. Оказалось, однако, что эти нормы не учитывали ни грандиозных масштабов конфликта, ни головокружительной скорости расходования орудийного снаряжения. Из всех видов вооружения на полях Первой мировой войны царила и определяла ее тактический дух артиллерия. Именно артиллерийские орудия уничтожили больше всего живой силы воюющих армий на всех фронтах. То обстоятельство, что все стороны конфликта имели в своем распоряжении точные и быстродействующие полевые орудия, заставило войска зарываться в землю, в результате чего получилась окопная война. Пехотный бросок на позиции противника без предварительной артподготовки был равносилен самоубийству. С другой стороны, молчание орудий в ответ на прицельный огонь противника могло привести к деморализации и без того подавленных страхом солдат. Россия же к концу 1914 года практически исчерпала довоенный запас орудийных снарядов. Между августом и декабрем 1914 года более 85% всего российского арсенала, составлявшего 5,6 млн снарядов, было *уже* доставлено на фронт[31]. Конечно, практически все участвовавшие в войне страны в первые месяцы боев исчерпали свои оружейные запасы столь же быстро, как и Россия. Различие заключалось в том, что соответствующие отрасли российской промышленности значительно отставали от германских, британских и даже французских. Эти страны способны были мобилизовать свои заводы на выполнение военных заказов и достичь такого уровня производства, о котором Россия не могла и мечтать.

Столь же плохо обстояло дело и с винтовками. В конце 1914 года Ставка оценила ежемесячную потребность русской армии в новых винтовках в 100 тыс. единиц, тогда как отечественная промышленность могла, с максимальным напряжением сил, произвести не более 42 тыс. Одной из причин столь высокой потребности в винтовках было вызывавшее тревогу обыкновение русских солдат бросать оружие при отступлении, бегстве или ранении. Проблема усугублялась тем, что оружие погибших и пленных подбиралось редко[32].

И, наконец, кризис людских ресурсов. Несмотря на болтовню лондонских газет о неодолимой мощи «русского парового катка», к концу 1914 года Россия начала испытывать недостаток в обученных солдатах. В начале войны в России под ружьем стояло 1,4 млн солдат. Еще 5,1 млн человек призвали в первые пять месяцев кон-

фликта. Однако страна понесла беспрецедентно большие потери. По меньшей мере миллион солдат попало в плен. Во время боев в Восточной Пруссии в августе и сентябре немцы практически истребили пять русских армейских корпусов. Даже одерживая победы, Россия платила непомерную цену: к концу 1914 года среднее число потерь в армейских соединениях Юго-Западного фронта составило 40% личного состава. К этому моменту около четырех миллионов больных или раненых солдат было выведено с передовой и размещено в тылу в госпиталях и лазаретах. Нельзя забывать и о значительном понижении боеспособности остававшихся на фронте сил, измученных непрерывным напряжением боев: к середине ноября в армии можно было встретить солдат, находившихся на поле боя до пятидесяти дней без передышки. Генерал Юрий Данилов заметил в Ставке, что до сих пор русской армии удавалось удерживать вражеские атаки исключительно благодаря объему людских ресурсов; прорыв германских сил у Лодзи был предотвращен лишь ценой введения в бой тысячи свежих солдат. Однако время подобной расточительности, мрачно заметил он, прошло — людские ресурсы России истощаются. Армия сможет в полном объеме возобновить наступательные операции только в апреле 1915-го, когда призванное в начале года пополнение пройдет предварительную подготовку. Но и тогда наступательная операция будет возможна только при условии, что и союзники России успеют восполнить запасы вооружения и амуниции[33]. Тогда России, возможно, удастся спланировать и провести операцию, которая принесет ей победу в войне, — всеобщее наступление с главной осью продвижения войск от Центральной Польши через Силезию и далее вплоть до Берлина.

Необходимым предварительным условием выполнения этого плана была оккупация Восточной Пруссии. В противном случае немцы смогут легко перебросить свои войска с флангов в тыл наступающих русских войск (то есть отрезать их). 4 (17) января 1915 года в Седльце, штаб-квартире Северо-Западного фронта, собрался военный совет по проблеме Восточной Пруссии. Участники, среди которых были командующий фронтом Н.В. Рузский, генерал-квартирмейстер армии М.Д. Бонч-Бруевич и сам Данилов, приняли единодушное решение, что в феврале российская 10-я армия должна попытаться прорвать немецкую линию обороны к северу и югу от Мазурских озер и оттеснить немцев обратно к Висле. А ведь 10-я армия, как мы знаем, была крайне ослаблена. Дело было в том, что русское командование пребывало в уверенности, что и немецкая 8-

я армия, против которой прежде всего предстояло сражаться, была в ходе военных действий также выведена из строя. Кроме того, русские превосходили немцев в численности: если 10-я армия состояла из девятнадцати дивизий, то германская 8-я — всего из восьми.

Однако сделанные в Седльце расчеты основывались на ошибке. Главное условие эффективного ведения войны — взаимодействие, координация: Ставка, вероятно, слишком долго не могла осознать той простой истины, что любая военная операция, план которой исходит из предположения о совершенной пассивности врага, неизбежно приведет к катастрофе. В конце 1914 года в немецком военном руководстве горячо дебатировался вопрос о том, какому из фронтов, Восточному или Западному, следует отдать в наступающем году стратегический приоритет. После долгих споров последовал приказ германского Верховного командования о переброске четырех полных армейских корпусов с Западного фронта на Восточный. Три из этих корпусов были объединены в новую, 10-ю, армию, которая заняла позиции к северу от 8-й армии, так что левый ее фланг находился на берегу Немана, а правый — у Инстербурга. Гинденбург и начальник его штаба Эрик Людендорф собирались использовать эти подкрепления для того, чтобы парализовать наступательную операцию русских, окружив и рассеяв русскую армию в Восточной Пруссии.

Для дестабилизации сил российской армии 31 января 1915 года немецкая 9-я армия нанесла отвлекающий удар в районе Болимова в Центральной Польше. Немцы начали нападение с подготовительного артобстрела, выпустив восемнадцать тысяч снарядов, наполненных отравляющим газом; это был первый в Великой войне случай использования химического оружия. Однако истинная цель немцев находилась севернее. 7 февраля 8-я и 10-я армии пришли в движение: 8-я шла по прямой линии в направлении Августова, а 10-я армия совершила большой маневр, вначале пройдя на восток вдоль Немана, а в конце повернув на юг в сторону Сувалок. Погодные условия не сулили ничего хорошего. Снежная буря, начавшаяся 4 февраля, измучила как нападающих, так и обороняющихся: видимость сильно уменьшилась, остывшие паровозы встали, снежные заносы на дорогах мешали подвозу пищи, воды и снаряжения.

Русская 10-я армия была застигнута врасплох. Обороняя линию фронта длиной почти в 170 километров и имея всего один полк в резерве, она оказалась совершенно беспомощна перед яростным

броском немцев. Поскольку взаимодействие между частями армии и командованием фактически отсутствовало, армия распалась на составные элементы, в каждом из которых офицеры принимали решения на свой страх и риск. Когда германские силы начали обходить с флангов вержболовскую группировку, правое крыло 10-й армии, его командир, Н.А. Епанчин, приказал отступать к Ковно. В открывшийся проем мгновенно хлынули немцы. Русский 20-й армейский корпус оказался полностью окружен в Августовском лесу. 18 февраля, после нескольких неудачных попыток вырваться из окружения, корпус — точнее то, что от него осталось, — сдался в плен. В результате этой операции немцы захватили 110 тыс. русских пленных и более трехсот единиц артиллерии. Еще 100 тыс. солдат погибло там же, или немного позднее — от ран, болезней, холода[34].

Тогда могло показаться, что весь русский Северо-Западный фронт балансирует на грани коллапса. Ситуацию спасло стихийное сочетание факторов — погоды, географии и быстроты человеческой мысли. Буран прекратился, и воцарилась необычно теплая погода, превратившая почву в непроходимое болото, однако произошло это лишь после того, как остатки 10-й армии отошли к Гродно и Ковно. Поскольку во время отступления они сожгли мосты через обширные болота, преследование стало невозможным. 12-я русская армия, находившаяся на реке Нареве между Плоцком и Остроленкой, наконец нанесла удар в северном направлении, по Иоганнесбургу, создав угрозу германскому правому флангу и тем самым задержав преследователей.

Так называемое зимнее Мазурское сражение было драматичным, кровавым, но оно странным образом ничего существенно не изменило. Отвлекающая атака немцев не оставила камня на камне от русского плана захвата Восточной Пруссии. Но и Германии она не принесла серьезных стратегических преимуществ. Немцы записали на свой счет эффектную тактическую победу, однако не смогли ею воспользоваться для прорыва русского фронта. Впрочем, не следует недооценивать психологическое воздействие этого сражения на население Российской империи. Весть об этом поражении вызвала внутри страны больший гнев, горечь и ожесточение, чем даже разгром при Танненберге. В феврале 1915 года не случилось аналога галицийской победы, который мог бы отвлечь общественное внимание от разгрома 20-го корпуса 10-й армии. И, конечно, впоследствии все сразу вспомнили, что Мясоедов был приписан именно к штабу 10-й армии Ф.В. Сиверса.

Подпоручик Колаковский

Тем человеком, который обнаружил связь между катастрофическими военными поражениями России и полковником С.Н. Мясоедовым, стал Яков Павлович Колаковский. Прибывший 13 декабря в Петроград поездом подпоручик 23-го Низовского пехотного полка Колаковский привез потрясающее известие. С 23 по 25 декабря его подробнейше допрашивали в Генеральном штабе.

Колаковский сообщил, что был приписан ко 2-й армии Самсонова. По несчастному стечению обстоятельств 17 (30) августа, в первый день русского вторжения в Восточную Пруссию, его патруль наткнулся на большой отряд немцев. Взятый в плен Колаковский был доставлен на остров Денхольм на Балтике и помещен в лагерь, где уже находилось около пятисот русских офицеров. Условия в лагере были бесчеловечными. Немецкая охрана постоянно избивала заключенных, морила их голодом и вопреки всем законам военного времени унижала, заставляя копать канавы. Решив вырваться во что бы то ни стало, Колаковский придумал хитрый план освобождения — он решил стать немецким шпионом. Однако эта идея не сводилась к спасению от жестокости и тоски лагерной жизни — только бы немцы приняли его всерьез, а уж он постарается хитростью выведать у них важные сведения о немецкой шпионской сети в России[35].

28 ноября (11 декабря) он обратился со своим предложением к лагерному начальству и вскоре был перевезен в штаб германского 20-го армейского корпуса в Алленштайн. 3 (16) декабря Колаковского допрашивал некий капитан Рихард Скопник, начальник разведки корпуса. Скопник известил Колаковского, что немецкими военными властями принято решение использовать его в качестве агента — его снабдят деньгами и переправят обратно в Россию. В ходе беседы Скопник сообщил, что приоритетной задачей германской секретной службы была организация убийства российского верховного главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, человека, который для Германии воплощал «все зло». Колаковский также запомнил слова Скопника, что «в высших сферах в России сильно влияние в пользу Германии, но великий князь с его штабом стоит за войну с Германией и вреден для интересов немцев»[36].

Потом, дабы подготовить Колаковского к его новым обязанностям, немцы перевели его в штаб 8-й армии в Инстербург, где он

был передан в руки другого офицера разведки, свободно владевшего русским языком, лейтенанта Александра Бауэрмайстера. Бауэрмайстер оказался столь же болтлив и откровенен, как и Скопник. 8 (21) декабря он поведал Колаковскому о том, что в России у Германии, к счастью, есть две группы естественных союзников и сторонников — это этнические немцы и евреи. Всякий немец, состоящий на службе в русской армии, «сознает всю бесцельность настоящей войны для русских. ... Он знает, что немцы облагородят завоеванную Россию и спасут народ от гибели». Наличие подобных людей в русской армии приносит «большую пользу». Что касается евреев, «более сознательного и культурного элемента в русском народе», то ненависть и преследования, которым они подвергаются в теперешней России, стали причиной того, что они «оказывают нам большую услугу в шпионстве и будут щедро вознаграждены нашим правительством»[37]. Конечно, добавил Бауэрмайстер, и среди природных русских есть люди, готовые сотрудничать с Германией, в их числе некий полковник, который уже пять лет работает на немцев.

На следующий день Бауэрмайстер был еще более откровенен. Блестящее знание русского он приобрел благодаря продолжительному пребыванию в Петрограде, где отец его владел прибыльным бизнесом. У него двое братьев, тоже офицеры немецкой армии, один из них погиб на Западном фронте. Все трое, а также их мать состояли в шпионской сети, работавшей в России до войны. И наконец он решил, что пора открыться: полковник, о котором шла речь накануне, — это Сергей Мясоедов, в свое время служивший в Вержболово в составе Отдельного корпуса жандармов. Бауэрмайстер намекнул, что Мясоедов, с которым все его родственники якобы были хорошо знакомы, связан с их шпионским кругом.

Тут немецкий лейтенант перешел к делу. Он сообщил Колаковскому список вопросов, интересующих немецкую секретную службу, а также прейскурант с указанием вознаграждения, которое полагается Колаковскому за выполнение каждого из перечисленных заданий. Буде ему удастся устроить убийство великого князя Николая Николаевича, награда составит один миллион рублей; убедит коменданта Новогеоргиевской крепости сдаться — еще миллион; а если организует взрыв важного железнодорожного моста в Варшаве — заработает двести тысяч. Немцы также рассчитывали, что Колаковскому удастся создать собственную шпионскую сеть, самостоятельно рекрутируя агентов. Для помощи в этих начинани-

ях Колаковскому посоветовали связаться с подполковником Мясоедовым. Бауэрмайстер знал, что Мясоедов проживает в Петрограде, однако отказался сообщить адрес — заверив, однако, Колаковского, что тому не составит труда разыскать бывшего жандарма. Колаковскому следовало лишь регулярно посещать петроградские рестораны, и рано или поздно он столкнется там с Мясоедовым. Незадолго до освобождения подпоручика из немецкого плена, 11 (24) декабря, Бауэрмайстер несколько уточнил ему задачу: о варшавском мосте можно забыть, им займутся другие агенты. Колаковскому же предписывалось отправиться прямо в Петроград, где установить связь с Мясоедовым и разработать план покушения на Николая Николаевича, а также проникнуть в высшие государственные и светские сферы столицы, дабы выяснить царящие там мнения о войне. Бауэрмайстер снабдил Колаковского немецким паспортом, пропуском для прохода через немецкую линию фронта и 500 марками. Русского подпоручика перевезли в Штральзунд и посадили на паром до Швеции. Прибыв в Стокгольм, Колаковский сразу отправился в российское посольство и поведал всю историю военному атташе[38].

Как и можно было ожидать, эти довольно странные заявления повергли все Военное министерство и Генеральный штаб в оцепенение. Что из рассказанного Колаковским правда? На первый взгляд ряд деталей подтверждал истинность показаний подпоручика. Прежде всего русский военный атташе в Стокгольме изучил паспорт Колаковского и выданный ему немецкой секретной службой пропуск и нашел их подлинными — вскоре эти документы были отправлены в Петроград дипломатической почтой[39]. Кроме того, российская военная разведка считала Скопника и Бауэрмайстера немецкими шпионами, что соответствовало действительности. По сообщению штаба Варшавского военного округа, Рихард Скопник, гренц-комиссар (Grenz-Kommissar), то есть главный чиновник в пограничном полицейском управлении городка Иллов, до войны был директором ключевых немецких разведывательных бюро в Восточной Пруссии. В 1913 году в руки русской полиции попал прусский шпион по имени Эрнст Бем; обнаруженные при нем документы определенно свидетельствовали о том, что он действует по заданию Скопника[40]. Что касается Александра Бауэрмайстера, он действительно проживал в Петрограде вместе с матерью, Адой, и двумя братьями, однако летом 1914 года все они покинули пределы Российской империи. Более того, в точном соответ-

ствии с показаниями Колаковского, один из братьев Бауэрмайстера, Пауль, умер во Франции, находясь на военной службе[41]. Правда и то, что Александр Бауэрмайстер был приписан к центральной военной разведке в Берлине. После войны Бауэрмайстер опубликовал воспоминания, в которых признавался в этом и бахвалился своими подвигами в операциях под прикрытием, однако категорически отрицал, что Мясоедов действовал в интересах Германии и что он, Бауэрмайстер, когда-либо говорил с ним[42]. Также следует отметить, что еще в самом начале войны Бауэрмайстер получил известность как энтузиаст вербовки пленных русских офицеров для отправки обратно в Россию в качестве шпионов и что в конце 1914 и начале 1915 года в немецкой армии действительно осуществлялась такая экспериментальная программа[43].

Однако окончательное и бесповоротно убедительное доказательство истинности слов Колаковского дал некий Франц Руцинский, пойманный на месте преступления при попытке проникнуть через русскую линию фронта ночью 12 декабря 1914 года. Руцинский, российский подданный, признался в том, что он немецкий шпион; его заданием было узнать как можно больше о диспозиции войск в районе Варшавы. Впрочем, ему также приказано, буде представится возможность, убить великого князя Николая Николаевича — за это ему, как и Колаковскому, было обещано большое денежное вознаграждение[44]. Весьма вероятно, что Руцинский точно изложил полученные им приказания — теперь известно, что в декабре 1914 года чиновник германского Министерства иностранных дел Курт Рицлер выступил с предложением организовать убийство великого князя, дабы таким образом сломить волю России к борьбе[45].

С другой стороны, впрочем, в показаниях Колаковского имелись (мягко говоря) нестыковки и логические несообразности. В частности — в том, как он описывал деятельность Мясоедова. Если Мясоедов на самом деле являлся ценным активом немецкой разведки, почему немцы раскрыли его только что завербованному, непроверенному агенту? Да и метод, каким Колаковскому посоветовали связаться с Мясоедовым — регулярно захаживать в модные столичные рестораций, — кажется неправдоподобно небрежным, особенно если учесть, что в ноябре полковник уже отбыл из Петрограда на фронт. Утверждение Колаковского, будто имя Мясоедова он впервые услышал от Бауэрмайстера, также показалось следователям странным. Когда Колаковскому мягко напомнили о том,

что бывший жандарм — это тот самый офицер, который стрелялся с Гучковым, подпоручик вдруг «вспомнил», что, конечно, читал об этом скандальном происшествии и даже видел в газете рисунок дуэли, сделанный художником по рассказам очевидцев.

Вне зависимости от сомнений в правдивости сообщенных Колаковским сведений, Военное министерство не могло игнорировать даже малейшую возможность существования германского заговора. По меньшей мере необходимо было поставить в известность великого князя Николая Николаевича, чьей жизни угрожала опасность. Сухомлинов приказал полковнику Ерандакову из контрразведки немедленно отправиться в Барановичи в главную штаб-квартиру армии и в подробностях проинформировать Ставку.

Тем временем в Петрограде Колаковского отпустили на свободу, установив, однако, за ним наблюдение. Помимо нескольких сексуальных контактов, ничего важного отмечено не было — похоже, Колаковский не предпринимал никаких подозрительных действий. В конце концов решили сделать из поручика героя. Его наградили и предусмотрительно перевели на Кавказ, на турецкий фронт, где он был вне досягаемости германской разведки[46]. Колаковский пережил войну и революцию и умер несколько десятилетий спустя в Буэнос-Айресе.

Арест Мясоедова

Из показаний Колаковского следовало, что Мясоедов — предатель, и, естественно, русская контрразведка не могла оставить подобное обвинение без внимания. Центральное контрразведывательное управление при Генеральном штабе в Петрограде приказало тщательно расследовать деятельность Мясоедова и круг его общения. За его квартирой тут же было установлено наблюдение, целая армия тайных агентов не спускала с него глаз, а также допрашивала его друзей, соседей и знакомых. Обобщающий отчет, датированный 12 (25) февраля 1915 года, содержал мельчайшие подробности о жене, детях, родственниках и всех, с кем Мясоедов имел дела, включая барона Гротгуса, высланную бывшую журналистку Анну Аурих и импортера лекарств Валентини[47]. Тем временем контрразведывательное отделение Северо-Западного фронта тоже не сидело без дела. В начале января возглавлявший его полковник Н.С. Батюшин приказал филеру Дистергофу, представившись но-

вым «помощником» Мясоедова, постоянно находиться рядом с ним и ежедневно докладывать обо всем, чем тот занимается. Более месяца Дистергоф, приставший к Мясоедову как банный лист, не оставлял его буквально ни на минуту, вместе с ним обедал, жил и ездил. Хотя Дистергоф своими глазами не видел, чтобы Мясоедов занимался какой-либо предосудительной деятельностью, он сообщил своему куратору, что, по его мнению, полковник только делает вид, что собирает сведения о немцах, а на самом деле он работает *на* них.

17 февраля генерал-лейтенант А.А. Гулевич, начальник штаба Северо-Западного фронта, отдал приказ об аресте Мясоедова, для чего прибегли к грубому розыгрышу. 18 февраля (4 марта) начальник Ковенского жандармского управления послал Сергею Николаевичу приглашение на обед. Только Мясоедов приехал, его позвали к телефону. Оставив саблю, он подошел и взял трубку. В этот момент в комнату ворвались прятавшиеся за дверью полицейские и схватили его сзади[48]. Мясоедов так мало уделял внимания окружившим его тайным недоброжелателям и до такой степени не замечал готовившейся ему ловушки, что вечером того же дня, уже будучи в ковенской тюрьме, тайно передал Дистергофу записку, предназначенную матери. Дистергоф сунул бумажку (в ней Сергей умолял мать обратиться к командующему фронтом Рузскому) в карман и не мешкая отдал ее военно-судебным властям[49]. Разбирательство дела Мясоедова было с самого начала дискредитировано вопиющими процедурными нарушениями. Несмотря на то что по закону расследование дел в отношении находящихся на действительной службе офицеров находилось в ведении исключительно военной прокуратуры, первоначально дело Мясоедова собирались передать в гражданский окружной суд в Варшаве, специализировавшийся на политических преступлениях, под тем предлогом, что тут может быть замешано большое число гражданских лиц. Однако вскоре от этого способа рассмотрения отказались. По совету генерал-квартирмейстера Северо-Западного фронта М.Д. Бонч-Бруевича великий князь Николай Николаевич приказал судить Мясоедова особым военно-полевым судом в Варшавской цитадели[50]. Теоретически военно-полевые суды создавались только для тех случаев, «когда учинение преступного деяния является настолько очевидным, что нет надобности в его расследовании», — случай Мясоедова заведомо не подходил под это определение[51]. Полиция немедля перевела обреченного в Александровскую цитадель, ог-

ромное мрачное здание на берегу Вислы в северной части Варшавы. В цитадели имелись часовня, казармы и арсенал, а также печально знаменитая политическая тюрьма, где томились поколения поляков, боровшихся за национальную независимость.

Несмотря на предательство Дистергофа, Мясоедову все же удалось сообщить семье о своем аресте. Вскоре в Варшаву приехали его мать и сестра, 2 (15) марта к ним присоединился Николай Николаевич Мясоедов, старший брат Сергея. Все трое писали прошения и обращения с просьбами о скором и благоприятном рассмотрении дела Сергея. Вот типичное письмо Николая генералу Рузскому, написанное 6 (19) марта: «Страшный позор, обрушившийся на нашу семью, вынуждает меня беспокоить Вас в это горячее время». Если брат совершил хотя бы часть преступлений, в которых его очевидно обвиняют, тогда, уверял Николай Рузского, он желал бы «повесить его своими руками». Однако сердце и разум подсказывают Николаю, что Сергей ни в чем не виноват и его арест — ошибка. Если Рузский даст себе труд вникнуть в дело, ему придется с этим согласиться[52]. Рузский оставил прошение без ответа, такова же была судьба всех официальных обращений Мясоедовых в связи с делом Сергея.

Тем временем Сергея Николаевича допрашивал варшавский чиновник Министерства юстиции по фамилии Матвеев, на которого было возложено рассмотрение дел всех гражданских лиц, содействовавших Мясоедову в его преступлениях. Благодаря допросам у Матвеева Сергей по крайней мере начал понимать, в чем, вероятно, заключаются эти «преступления». Во-первых, его обвиняли в шпионаже в пользу Германии, которым он занимался еще до начала войны (хотя и без уточнений, где, как предполагалось, он этим занимался, в Вержболово или в Петрограде, или везде). Во-вторых, его обвиняли в том, что он возобновил свою предательскую деятельность, оказывая помощь и поддержку врагу уже после своего зачисления в состав 10-й армии. Матвеева особенно интересовал один документ, который оказался при Мясоедове в момент ареста. Эта записка, озаглавленная «Адреса 19 января 1915», представляет собой список диспозиций подразделений российской армии в районе Немана. Именно Бонч-Бруевич первым отметил очень нехороший смысл этих «Адресов». В письме Матвееву от 11 (24) марта он заметил, что «передача этого документа и сообщение из него сведений нашим противникам могли повести к неудачам наших войск в наступивших после 19 января

этого года боях, так как давали возможность действовать наверняка, а не прибегать к ненадежным средствам использовать мелких шпионов для приоткрытия завесы над вероятными нашими действиями...»[53].

Таким образом, Бонч-Бруевич первым сформулировал идею о том, что Мясоедов один виноват в поражении России в зимних Мазурских боях, и катастрофический разгром 20-го корпуса есть исключительно дело его рук. Матвеев требовал от Мясоедова подробного отчета о его отношениях с Фрейдбергами, Евгенией Столбиной, военным министром Сухомлиновым, Борисом Сувориным, Александром Гучковым и множеством других лиц, а также специально интересовался еще одним вопросом. Говорят, что Мясоедов воровал вещи из домов, брошенных вражеским гражданским населением, — действительно ли он совершил это преступление, за которое в военное время полагается смертная казнь?

Именно туманность предъявленных обвинений — ведь не были приведены конкретные случаи шпионажа или предательства — затруднила Сергею Николаевичу их опровержение. Он категорически отверг обвинения в том, что когда-либо был замешан в предательстве, а также (и это, несомненно, было ошибкой) отрицал, что имел какое бы то ни было отношение к шпионажу во время своей столичной службы при Военном министерстве. Он утверждал, что никогда не был германофилом: «Я любил всегда германскую культуру, германский порядок, но я всегда оставался русским патриотом». Что касается «Адресов», этот секретный документ попал к нему законным путем, поскольку имел непосредственное отношение к его служебным обязанностям. Как штабной офицер разведки он, в частности, объезжал фронт 10-й армии по всей его длине, устанавливая контакты со штабами формирований, находящихся на передовой, обмениваясь с ними сведениями о тактических разведывательных задачах. Раз ему предписывалось посещать эти подразделения, следовательно, необходимо было знать их местоположение — это объясняет, почему у него находился экземпляр «Адресов». Более того, этот документ был им получен только 26 января (8 февраля) — через день *после* начала зимней атаки германцев. Что касается присвоения имущества врага, Мясоедов признался, что действительно взял кое-что из дома лесничего неподалеку от Иоганнесбурга. Среди этих вещей были оленьи рога, несколько книг, две картины маслом, пара гравюр, стол и памятная доска в честь пребывания там в 1812 году императора Александра I. Одна-

ко это не было мародерство в нравственном или юридическом смысле. Русское командование приказало сжечь этот домик вместе с другими постройками в Иоганнесбургском лесу. Поэтому спасение вещей оттуда едва ли можно назвать кражей. Кроме того, часть предметов он взял по прямому разрешению своего командира, в том числе памятную доску 1812 года, которую собирался отдать в музей[54].

Как уже говорилось, суд над Мясоедовым состоялся 18 (31) марта; и обвинительный приговор, как мы уже знаем, был вынесен заранее. (Смертный приговор был подписан без предварительного утверждения высшим военным руководством, как того требовал закон.) Однако и помимо этого в вердикте обнаруживаются некоторые странности, заслуживающие внимательного рассмотрения. Прежде всего Мясоедов был признан виновным в том, что он шпионил в пользу Германии до августа 1914 года, хотя не было ни свидетелей, способных это подтвердить, ни основательных доказательств. Как бы то ни было, шпионаж в мирное время, в отличие от шпионажа во время войны, карался тюрьмой, а не смертью. А по обвинению в совершении каких бы то ни было актов предательства после начала войны Мясоедов был *полностью оправдан*, в том числе и в том, что касается предполагаемой передачи противнику «Адресов 19 января». Конечно, Сергей Николаевич был виновен в мародерстве, что в условиях войны каралось смертной казнью. Однако, как заметил позже один из присутствовавших на суде, если бы в этих случаях закон применялся всерьез, *всех* русских офицеров и солдат, прошедших по австрийской или немецкой территории после начала войны, пришлось бы признать виновными[55]. Что же касается роковых обвинений в шпионаже, трибуналу не было представлено доказательств, определенно инкриминирующих это деяние Мясоедову до или после 1914 года. Таким образом, суд собирался обвинить экс-жандарма в предательских действиях, предпринятых им до начала войны, при отсутствии каких бы то ни было доказательств, подтверждающих либо опровергающих это предположение. Обвинения, выдвинутые в 1912 году Гучковым и упоминавшиеся в ходе процесса, не имели совершенно никакого веса. Но даже столь безвольный и податливый суд не должен был бы выносить обвинительный приговор при наличии положительных доказательств невиновности Мясоедова, а свидетельств тому за время службы полковника в штабе 10-й армии накопилось достаточно. Если Мясоедов действительно передал немцам сведения, позволив-

шие им уничтожить 20-й корпус, ему, очевидно, нужно было войти в контакт с врагом и сделать это в январе. По меньшей мере он должен был каким-то образом подать сигнал. Однако на протяжении всего месяца Дистергоф неотлучно находился при Мясоедове практически 24 часа в сутки и ни разу не отметил случаев контакта Мясоедова с противником. Однако подробности того, по каким пунктам был Мясоедов обвинен и в чем оправдан, были намеренно скрыты от общества. 21 марта (3 апреля) Ставка выпустила официальное сообщение по этому делу. В нем говорилось, что наблюдение за Мясоедовыми установило его «несомненную виновность». Мясоедов был замечен в связях с агентами «одной из воюющих с нами держав». И на этом основании он был обвинен военно-полевым судом и повешен[56].

Отклики на казнь Мясоедова

Весть о предательстве и казни Мясоедова всколыхнула образованную Россию. В Думе, по словам М.В. Родзянко, многие склонны были приписать русские военные поражения «участию в катастрофе Мясоедова». Вспоминали и разоблачения Гучкова в Думе еще в апреле 1912 года и дивились проницательности и дару предвидения политика-октябриста[57]. Гучков, со своей стороны, воспринял казнь Мясоедова как свою полную реабилитацию. К нему отовсюду текли благодарственные письма, в том числе и от офицера, назвавшегося Д.Н. Мясоедовым, представителя боковой ветви семейства уничтоженного «предателя», — родственник возмущался, что, говоря сегодня об «отсутствии у нас в России достаточной бдительности», забывают о том, что этот вопрос Гучков поднимал еще в 1912 году, а также сокрушался о постигшем 450-летний «доблестный род» Мясоедовых позоре[58].

Нашлись думские депутаты, которые увидели в мясоедовском скандале шанс обвинить правительство. Одним из них был А.Ф. Керенский, адвокат радикальных политических взглядов и яркий оратор, после Февральской революции возглавивший Временное правительство[59].

Русские социал-демократы, в отличие от других социалистических партий, решительно выступали против войны. Большевистская фракция была в этом отношении радикальнее меньшевиков, провозглашая устами своего лидера В. Ленина, что победу Герма-

нии над царской Россией в «империалистической войне» следует только приветствовать. После казни Мясоедова социал-демократы, и в первую очередь большевики, стали главной мишенью царской полиции — в конце 1914 года все пятеро думских депутатов-большевиков были арестованы и высланы, основанием для нарушения их юридической неприкосновенности было объявлено их непопулярное в обществе отношение к войне[60]. 25 февраля 1915 года Керенский послал председателю Думы Родзянко якобы «приватное» письмо, сопоставив в нем два ареста — большевиков и Мясоедова. С характерными для его стиля неумеренными преувеличениями, Керенский начал с того, что недавно «несколько» чиновников и офицеров Департамента полиции были арестованы по обвинению в предательстве государственных интересов (очевидно, Керенский исходил из того, что Мясоедов был когда-то жандармом, ведь так?). Это произошло вскоре после того, как правительство набралось наглости во всеуслышание солгать, будто в Думе есть депутаты, желающие поражения русской армии. Но никому не удастся запутать российское общество, оно узнает истину, ибо теперь только слепой не видит, что «в недрах Министерства внутренних дел спокойно и уверенно работала сплоченная организация действительных предателей»[61]. Естественно, Керенский с самого начала предназначал это «частное» письмо для сколь возможно более широкого хождения. Использовав местные сети другой радикальной партии, эсеров, он постарался наводнить Россию гектографированными копиями своих паникерских разглагольствований. Скрупулезно точное заявление для прессы, выпущенное командиром корпуса жандармов в опровержение — что ни один человек из ныне служащих в корпусе или кто-либо из членов их семей не был арестован за шпионаж, — не могло хоть сколько-то успокоить публику[62].

Соединение уверенного, но очень уж короткого заявления Ставки о виновности Мясоедова и подстрекательской ахинеи Керенского породило самые невообразимые слухи. Ужасные мысли о тайном предательстве, проникнувшем в самые недра государства, так всех захватили, что обнадеживающие вести с фронта, например о взятии Перемышля 9 (22) марта, прошли совершенно незамеченными. Говорили, будто обнаружен сейф Мясоедова, набитый германским золотом на сумму в 600 тыс. руб.; будто казненный предатель регулярно летал за линию немецкого фронта на аэроплане; да и жена его («немецкая еврейка») была соучастницей этого зло-

действа[63]. Однако самые злостные слухи касались масштабов заговора. Говорили, будто вред, причиненный Мясоедовым, столь огромен, что русское Верховное командование боится его признать. Один младший офицер 4-го Туркестанского полка уверял своего друга в письме от 20 марта, что «Мясоедов выдал не только русские планы, но и общие планы союзников»[64]. Другие, впрочем, утверждали, что Мясоедов был всего лишь курьером, относительно мелкой сошкой в опутавшей Россию сети заговора. Американскому послу в России Джорджу Мари (Marye), например, нашептали, что истинным источником секретов, переданных Мясоедову, был не кто иной, как Екатерина Викторовна, жена военного министра Сухомлинова[65]. Говорилось даже, что военные власти России безосновательно присвоили себе честь поимки Мясоедова — на самом деле его разоблачила *французская* контрразведка. Генерал По (Pau), недавно прибывший в Петроград из Парижа, привез с собой документы, найденные у убитого во Франции немецкого офицера, которые неопровержимо доказывали вину экс-жандарма. Это, и только это, заставило власть очнуться. Неприличная поспешность суда над Мясоедовым и его казни была вызвана стремлением скрыть сведения, которые указывали на вину других, гораздо более высокопоставленных предателей[66]. Высшие эшелоны армии и чиновничества наводнены агентами — во всяком случае, так поговаривали[67].

Другие аресты

Пока работавшая на полном ходу фабрика слухов продолжала извергать все новые дикие россказни о причастности к преступлениям Мясоедова видных царских приближенных, сразу же вслед за арестом Сергея Николаевича были задержаны люди, имевшие с ним личные связи, пусть даже отдаленные. В ночь с 19 на 20 февраля охранка устроила скоординированные рейды на квартиры друзей, родственников и знакомых Мясоедова в Петрограде, Вильне, Ковно, Либаве и Одессе. Были обысканы сотни помещений и конфискованы десятки килограммов бумаг. Утром 20 февраля были задержаны Евгения Столбина и Нина Магеровская, притащившиеся домой после бурной ночи в цыганском таборе Шишкина; обе не успели даже снять вечерние платья[68]. Клару Мясоедову забрали 24 февраля и тут же, по приказу командующего Северо-Западным фронтом, заключили в Варшавскую цитадель[69]. Барона О.О. Грот-

гуса, связанного с Мясоедовым через «Северо-западную русскую пароходную компанию», арестовали в Петрограде, как и О.Г. Фрейната, отставного чиновника Министерства юстиции, члена совета директоров нескольких компаний, который лично был знаком с Мясоедовым и написал еще в 1908 году благоприятный отчет о деятельности эмиграционного бюро Фрейдбергов. Франц Ригерт, муж Клариной сестры, был арестован в своем поместье, а зять Мясоедова Павел Гольдштейн — в своем виленском доме. Г.З. Беренд, германский подданный, владевший большой паровой мукомольней в Либаве, был схвачен в Вятке, куда его выслали в начале войны. Он тоже лично знал Мясоедова и в свое время обращался к нему с просьбой составить проект законодательного предложения об обложении налогом немецкого зерна, импортируемого в Финляндию. Г.А. Урбан был арестован потому, что много лет назад в Вержболово охотился вместе с Сергеем Николаевичем.

Практически все, кто был связан с «Северо-западной русской пароходной компанией» и кого полиция могла найти, оказались за решеткой. Борис Фрейдберг, в доме которого обыск был устроен 19 февраля, был в командировке. Узнав о случившемся, он поспешил в Петроград для консультаций с адвокатом О.О. Грузенбергом, тем самым, который в 1907 году вел перекрестный допрос Мясоедова в Виленском окружном суде. Когда Фрейдберг спросил совета адвоката, пуститься ли ему в бега или сдаться властям, Грузенберг ответил, что, будь он на его месте, то не стал бы прятаться, а искал правосудия, «чтобы перегрызть горло своим обвинителям»[70]. Под влиянием Грузенберга Борис 1 марта добровольно сдался либавской полиции. В свете того, что случилось впоследствии, Грузенберг никогда не мог простить себе того совета.

Вместе со многими другими арестованными по этому делу Борис был отправлен в Варшаву для допроса у особого судебного следователя Матвеева. Когда брат Бориса Давид и поверенный семьи А.И. Липшиц явились в администрацию варшавской тюрьмы, где содержался Борис, и предложили заплатить за предоставление ему улучшенного питания (что было тогда обычной практикой), они оба также были арестованы. В общей сложности к 24 апреля по делу Мясоедова за решеткой находилось тридцать человек[71].

Однако конца арестам не было видно. К делу притянули проститутку Антонину Кедыс, владельца гостиницы Матеуша Микулиса, мастеров по рытью артезианских колодцев Шломо и Аарона Зальцманов, штабс-капитана П.А. Бенсона, ранее служив-

шего в конторе русского военного атташе в Париже. И.К. Карпов, управляющий привокзальным буфетом на станции Вержболово, был арестован потому, что в его заведении Мясоедов ел пироги с мясом, да еще они вместе охотились на уток. Виленский виноторговец Каплан был арестован за то, что продавал Мясоедову ром и коньяк, а некто по имени Прагер провинился в том, что когда-то делил гостиничный номер в Либаве с А.И. Липшицем[72]. По следам всех, кто как-либо был связан с Мясоедовым (или связан с теми, кто был с ним связан), шли с поразительной, тупоумной дотошностью. Арестовали учительницу музыки Изабеллу Кан и вдову Елену Боршневу — потому, что Кан до Магеровской делила квартиру со Столбиной, а Боршнева брала уроки у Кан[73]. К лету подозрения пали на хозяйку пансиона «Боярин» в Петрограде Фредерику-Луизу Абрехт, у которой когда-то останавливался брат барона Гротгуса[74].

Судьбы многих из этих людей военные власти решили в административном порядке. Столбину, например, выслали в Томск[75]. Но даже когда дела доводились до суда, доказательства зачастую были до смешного неосновательными. Чего стоят, например, обвинения, выдвинутые против отставного чиновника особых поручений Фрейната. Фрейнат входил в советы директоров Вальдгофской целлюлозной компании и русского отделения химического концерна «Шеринг» (предшественника современного «Schering-Plough»), двух фирм, в число акционеров которых входил целый ряд германских подданных. На «Вальдгофе» трудились в том числе немцы, причем некоторые из них, кого накануне войны отозвали в Пруссию, состояли резервистами германской армии. То обстоятельство, что «Вальдгоф» занимался производством целлюлозы, необходимого ингредиента для получения бездымного пороха, означало, конечно же, что на заводе немцы с помощью Фрейната пытались осуществить акты саботажа[76]. Более того, Фрейнат был лично знаком с прусским офицером разведки Рихардом Скопником. Скопник, имевший репутацию знатока собак, в 1913 году выступал судьей на международной кинологической выставке в Петербурге, которую посетил Фрейнат. Скопник не проявлял никакого интереса к соревнованиям, пока не появились рабочие военные собаки, — он с воодушевлением следил за тем, как немецкие овчарки перетаскивают пулеметы на позиции и носят патронные ленты, и потом расспрашивал тренера животных, используя Фрейната в качестве переводчика[77]. Невинное объяснение всего этого — что Фрейнат был любителем овчарок и состоял председателем соответ-

ствующего отделения в обществе разведения собак — каким-то образом ускользнуло от внимания следователей.

Что касается Фрейдбергов, обвинители, похоже, решили, что «Северо-западная русская пароходная компания» была prima facie ареной шпионажа, несмотря на сведения, представленные ковенской и курляндской жандармериями, о том, что Фрейдберги — почтенные бизнесмены, неоднократно и безосновательно становившиеся мишенью наветов своих конкурентов. Капитан Дмитриев из Курляндского жандармского управления даже назвал имя одного из тех, кто особенно усердствовал в оговоре Фрейдбергов, — некоего Бруштейна, бывшего их сотрудника, уволенного за бесчестное поведение[78].

В Копенгагене третий из братьев Фрейдберг, Самуил, тем временем пытался сделать то единственное, что, казалось, могло повлиять на ход разбирательства дел его братьев. Вскоре после ареста Бориса в начале марта Самуил телеграфировал в пароходство «Кунард» в Ливерпуле, умоляя руководство фирмы (агентом которой в Либаве он был многие годы) связаться с британским Министерством иностранных дел и попросить заступиться за его брата. 6 (19) марта глава «Кунарда» сэр Альфред Бут явился в Уайтхолл именно с этой целью. В памятной записке беседы, составленной для британского министра иностранных дел, сэр Эдвард Грей указывал, что

> Компания [«Кунард». — *У.Ф.*] очень высоко оценивает деятельность своего агента и ручается за его деловые качества и преданность британским интересам. Его брат, находящийся под арестом, также известен лично главе пассажирского отдела Компании, который отзывается о нем столь же хорошо. Компания уверена, что произошла ошибка, поскольку оба брата, хотя и российские подданные, всегда были исключительно преданы интересам Британии и настроены против Германии[79].

Мнение Бута имело достаточный вес, чтобы произвести впечатление на британское Министерство иностранных дел, которое поручило британскому послу в России сэру Джорджу Бьюкенену заняться этим делом. Злобный ответ Бьюкенена от 27 марта, красноречиво его характеризующий, мы приводим целиком:

> Фрейдберг был арестован потому, что состоял в деловых отношениях с жандармским полковником, которого вместе с еще сорока лицами об-

> виняют в передаче секретных военных сведений, позволивших врагу нанести серьезный урон русской армии во время последних операций в Восточной Пруссии. Мне всегда трудно заступаться за российского подданного, даже если он представляет важные британские интересы, и в особенности когда, как в настоящем случае, считается, что данное лицо замешано в очень серьезном случае шпионажа. Если отношения Фрейдберга с полковником носили чисто деловой характер (надеюсь, что так оно и было, хотя не могу поручиться), его несомненно скоро освободят.
>
> В последние несколько месяцев мне приходилось столь часто выступать от лица британских граждан или британских фирм, что я опасаюсь, будут ли в будущем мои выступления приниматься с тем же вниманием, если я выскажусь по делу, подобному делу Фрейдберга[80].

Это послание, свидетельствовавшее, помимо прочего, о потрясающей неосведомленности его автора относительно того, что творилось в воюющей России («его несомненно скоро освободят»), не оставляло никаких сомнений в том, что Бьюкенен и пальцем не пошевелит, чтобы помочь Фрейдбергу, как бы ни беспокоился «Кунард». В последнем абзаце своего письма он, по сути, пригрозил Министерству иностранных дел, чтобы на него не давили с этим делом.

Суды

Несмотря на то что после нескольких месяцев расследований Матвееву и его команде удалось собрать только смутные и косвенные показания против большей части осужденных, высшие военные власти, очевидно, решили сделать их дела показательными. Чтобы каждый получил в точности заслуженное наказание, конечно, необходим был суд. 11 июня генерал Гулевич телеграфировал в Варшаву, что Николай Николаевич приказал рассмотреть дела Фрейдбергов и еще двенадцати подсудимых военно-полевым судом.

Первое заседание суда состоялось 15 июня, уже через два дня был вынесен приговор. Борис Фрейдберг объявлялся виновным в заговоре для совершения шпионажа в пользу Австрии и Германии до 1914 года и в реальном осуществлении этого замысла впоследствии. Шломо и Аарон Зальцманы, как оказалось, снабжали немцев секретными сведениями об укреплениях в Гродно и были признаны виновными в шпионаже. Давид Фрейдберг, Матеуш Микулис и

Франц Ригерт обвинялись в заговоре для совершения шпионажа, однако суд признал их невиновными в реальном его осуществлении, тогда как Клара Мясоедова, Фрид, Фальк, Гротгус, Урбан, Беренд, Липшиц и Фрейнат были объявлены невиновными как в шпионаже, так и в заговоре. Давид Фрейдберг, Микулис и Ригерт были приговорены к каторжным работам. Борис Фрейдберг и братья Зальцман осуждены к повешению[81].

В тот самый день, 17 июня, жена Бориса, Мина, отправила слезную просьбу в Ставку, умоляя Николая Николаевича о милосердии: «несчастная жена и мать троих малолетних детей припадает к стопам Ваш. Импер. Высоч. с горячей мольбой пожалеть ее и детей». Борис, говорила она, пал жертвой «роковой ошибки». Он просто не мог быть шпионом, ибо как управляющий «Северо-западной русской пароходной компанией» он «вел ожесточенную борьбу с германскими пароходными обществами»[82]. Но Мина опоздала. Когда ее телеграмма пришла в Ставку, Борис был уже мертв. Вместе с Шломо и Аароном Зальцманами он был повешен ранним утром 18 июня. Второе послание Мины великому князю, в котором она просила выдать ей тело мужа, было, если это можно себе представить, еще более душераздирающим. Поскольку ее муж перешел в лютеранство, она желала похоронить его на лютеранском кладбище, чтобы «сохранить для детей память об отце, приводя их на его могилу»[83]. Но Ставка отказала даже в этой скромной просьбе и приказала перехватывать письма тех, кто оставался в заключении, в том числе Давида Фрейдберга, который обращался к Самуилу с просьбой позаботиться о его жене и добавлял: «Я завидую Борису, его страдания уже закончились, мои только теперь начнутся»[84].

Непомерную жестокость Ставки можно объяснить (но не оправдать) той яростью, которую вызвала в военной среде «мягкость» приговоров, вынесенных в Варшаве в июне этого года. Генерал А.А. Гулевич, теперь уже начальник штаба Юго-Западного фронта, продолжал исполнять роль палача на службе у великого князя. По приказу последнего он разразился жестким письмом в адрес генерал-лейтенанта Александра Трубина, коменданта Варшавской цитадели. Николай Николаевич, сообщал Гулевич Трубину, крайне недоволен. Почему допустили столько оправдательных вердиктов? Может быть, военно-полевой суд недостаточно компетентен для своей работы? Или же члены суда и сам Трубин (который, между прочим, подписывал все приговоры) поддались неуместной жалости?

Ответ Трубина представляет собой весьма интересный документ. Он защищал работу полевого суда, рассматривавшего дело братьев Фрейдбергов, упирая на то, что «судом проявлено было напряженнейшее старание определить хотя бы даже косвенными уликами виновность каждого подсудимого». Однако невозможно было установить виновность *всех* подсудимых. Трубин не пропустил ни одного заседания и, выслушав приговор, «по совести не мог найти ни одного мотива, чтобы приговор этот не утвердить». Ни суд, ни комендант не испытывали жалости к подсудимым. «Будь среди них даже сын мой, рука моя не дрогнула бы подписать ему смертный приговор, лишь бы его виновность была суду и мне доказана». Не мог бы Гулевич любезно переслать копию этого письма начальнику штаба великого князя? «Порицание, тем более его Императорского Высочества, нашего обожаемого верховного главнокомандующего, является для меня, не чувствующего за собой вины, безмерно тяжелым испытанием»[85].

Но Ставка — ни великий князь, ни его начальник штаба Янушкевич — похоже, не имели никакой нужды ни в апологии Трубина, ни, как выясняется, в самой букве закона. Уже был выпущен приказ, запрещающий оправдание *кого бы то ни было* из задержанных по этому делу. Всех их, в добавление к тем троим, которых приговорили к каторге, следовало перевезти в Вильну, где снова судить, на этот раз Двинским военно-окружным судом, который в то время там располагался. В письме юридического отдела Ставки генералу Толубаеву, главе этого суда, пояснялось, что великий князь считает законно подтвержденными только те приговоры, которые были вынесены казненным. Толубаеву ни под каким видом не разрешалось допускать к делу гражданских адвокатов[86].

Двинский суд рассмотрел дела всех двенадцати обвиняемых за закрытыми дверями в период с 8 до 12 июля. Приговор, зачитанный 14 июля, явно больше соответствовал желаниям Ставки. Суд объявил Клару Мясоедову, Фалька, Фрейната, Давида Фрейдберга, Гротгуса и Ригерта виновными в участии в заговоре (до войны), «поставившем целью своей деятельности способствование правительствам Германии и Австрии в их враждебных против России планах путем собирания и доставления этим правительствам сведений о составе и численности военных сил России, их расположении, перемещениях, вооружении и вообще всех других сведений, дающих возможность судить о степени боевой готовности русской армии». Все обвиняемые, «действуя заведомо сообща», собирали

информацию и передавали ее в Вену и Берлин. Кроме того, Гротгус, Фрейдберг, Фальк и Ригерт были обвинены в том, что продолжали свою заговорщическую и шпионскую деятельность в интересах врага и после начала войны — тогда как Фрейнат, Мясоедова и Микулис были по этому пункту оправданы. О Микулисе, кроме того, было объявлено, что он совершал самостоятельные акты шпионажа для Германии во время войны. Учитывая старательное игнорирование судом доказательств и здравого смысла, можно только удивляться, что Фрид, Урбан, Беренд и Липшиц были-таки признаны невиновными[87].

Гротгус, Давид Фрейдберг, Фальк, Ригерт, Микулис и Клара Мясоедова были приговорены к смерти, а Фрейнат — к восьми годам каторги. Генерал М.В. Алексеев, в то время командующий Северо-Западным фронтом, утвердил приговоры с двумя уточнениями. Вероятно, из рыцарства сочтя неловким вешать даму, он изменил приговор Кларе на административную ссылку. Барон Гротгус также выиграл от этого акта милосердия — теперь его ждала не веревка, а пожизненная каторга.

Фрейнат и Гротгус были отправлены в каторжные тюрьмы Орла и Ярославля соответственно, где на них надели тяжелые ножные кандалы, которые они были осуждены носить до конца срока. А Кларе Мясоедовой скоро суждено было отправиться в печальный путь к месту своего изгнания — в Томск, где, по иронии судьбы, уже находилась любовница ее мужа Евгения Столбина.

Но палач не остался без работы. Вечером 26 июля тюремная стража вывела Давида Фрейдберга, Роберта Фалька, Матеуша Микулиса и Франца Ригерта из их камер во двор виленского исправительного учреждения. Через несколько минут все четверо болтались в петлях. Поскольку по меньшей мере трое из этих несчастных были совершенно невиновны, руки практически всех военных, составлявших верхушку Ставки, были запятнаны кровью невинных жертв.

Глава 6

КОРНИ ШПИОНОМАНИИ

Оставим теперь повествование о жизни Мясоедова и попробуем поместить описанные события в более широкий контекст, для чего необходимо рассмотреть три круга вопросов. Первый: при том, что полнейшая невиновность в предъявленных обвинениях самого Мясоедова, его жены, братьев Фрейдберг, Фрейната, Гротгуса, Фалька и многих других совершенно очевидна, можно все же спросить: неужели все, кто попал под горячую руку в связи с делом Мясоедова, также совершенно ни в чем не были замешаны? Второй: почему именно Мясоедова выбрали на роль главного предателя России? Почему его, а не кого-нибудь другого? Была ли его трагедия следствием случайного стечения обстоятельств? Какой-то космической иронии судьбы? Или тут поработали иные силы? Напрашивается множество разнообразных ответов, требующих внимательного рассмотрения. И наконец: что именно в деле Мясоедова спровоцировало параноидальную охоту на шпионов, охватившую Россию в начале 1915 года и не отпускавшую вплоть до того момента, когда большевики вывели страну из войны (а может быть, и позже)? Какие культурные и психологические обстоятельства в жизни воюющей России сделали ее столь легкой жертвой эпидемии шпиономании? Начнем с вопроса о шпионах истинных и шпионах придуманных.

Были ли виноватые?

Во время Второй мировой войны союзная авиация уничтожила основную часть архивов германской секретной службы эпохи кайзера Вильгельма, лишив нас возможности вынести окончательное суждение об успехах германской разведки против России в годы Первой мировой войны. Однако по сохранившимся отрывочным данным можно утверждать, что успехи эти в предвоенные годы были эпизодическими. В 1909 году разведывательный отдел гер-

манского Генерального штаба — Nachrichten Abteilung — потратил на оплату услуг находящихся у него на службе русских агентов 22 тыс. марок, однако вынужден был расписаться в неудаче: не удалось рекрутировать ни одного шпиона из числа офицеров, не было получено плана мобилизации и развертывания ни из одного военного округа или центрального штаба[1]. Ускорившийся ход европейского кризиса заставил этот отдел уделять больше внимания информации о Российской империи. Были предприняты согласованные усилия по вербовке русских офицеров для немецкой секретной службы, что принесло некоторые успехи: в 1911 году, например, были завербованы капитаны Борткевич и Гренсах. Кроме того, разведывательный отдел германского Генерального штаба смог завербовать агентов в ряде важнейших гарнизонов в Польше, Литве и в балтийских губерниях. Источником особо ценной информации служили немецкие подданные, которых переправляли в Россию под видом путешествующих торговцев. К концу 1913 года германский разведотдел отмечал свою самую большую на тот момент победу — кажется, на них согласился работать некий полковник[2] из отдела военной разведки русского Генштаба[3]. Буквально накануне войны, по свидетельству одного источника, немецкая военная разведка склонила к предательству до семидесяти русских офицеров[4].

Однако этот список достижений лишь на первый взгляд кажется блестящим. Четырехлетний отчет 1911—1913 годов германского разведывательного отдела представляет собой каталог разочарований и потерь: неожиданно оказалось, что российские военные секреты не так-то просто добыть. Одной из причин этого была низкая производительность многих агентов. Другая заключалась в том, что они были, так сказать, скоропортящимся продуктом. Карьера среднестатистического немецкого агента в России была короткой и малоэффективной. Каждый год ряды агентов редели — их косили болезни, измены и аресты. Возмещение этих утрат требовало невероятных усилий, и все равно многие оставались невосполнимыми. «Уничтожен, — резюмировалось в отчете за 1913 год, — лучший агентурный материал»[5]. Так что, пожалуй, не приходится удивляться тому, что немецкая разведка запорола свое главное предвоенное задание на российском направлении — выяснить, с какой скоростью может быть проведена мобилизация и, следовательно, время первого нападения русских. Когда всего через две недели после объявления войны 1-я и 2-я русские армии вторг-

лись в Восточную Пруссию, германская секретная служба была столь же поражена, сколь не подготовлена к тому оказалась германская армия[6].

Чтобы не допустить новых проколов, с началом войны бюджет военной разведки увеличили вдесятеро. Помимо использования рекрутированных агентов, проникавших на вражескую территорию, Берлин и Вена создали в больших российских городах сеть так называемых «внутренних агентов», которые для связи с курировавшими их крупными шпионскими бюро в Стокгольме, Копенгагене, Христиании (Осло) и Берне использовали шифры или невидимые чернила[7]. Обе противостоящие России державы придавали большое значение обработке и подкупу российских офицеров на фронте, и каждая заявляла о наличии десятков агентов, по большей части из низших офицерских чинов, готовых работать (или, по крайней мере, брать за это деньги)[8]. Кроме того, немцы организовали полномасштабный шпионский центр в Одессе, австрийцы же пользовались услугами некоего армейского офицера, служившего при московском консульстве одной нейтральной державы, под началом которого, как говорили, состояло сто пятьдесят агентов[9].

Одним из немногих источников для раскрытия личностей российских подданных, шпионивших в пользу основных воюющих держав, служит послевоенное исследование Генерального штаба, автор которого, Фриц Гемпп, играл ведущую роль в большей части важнейших шпионских операций Германии на востоке с 1914 по 1917 год. По словам Гемппа, в основанной им антирусской разведывательной организации «V-Mann» состояли купец из Ковно Макс Козлович, бумажный фабрикант Эйнар Кулл, колонист Арнольд и богатый лесоторговец Пупков. Гемпп утверждал, что имел агентов даже в самой Ставке. Некая Богданова проникла в российский Генеральный штаб под видом сестры милосердия Красного Креста. Считается, что на жалованье у Гемппа состоял также некий официант, который иногда подменял телеграфиста в Ставке и потому время от времени мог делать для немцев копии военных приказов. Среди разведывательных удач созданной Гемппом агентурной сети были сведения о работе железных дорог и точные данные о потерях российской армии, а также своевременное предупреждение о вступлении в войну Италии на стороне союзных держав[10].

Не стоит, однако, преувеличивать значение для Германии и Австрии индивидуальных разведывательных источников. Возьмем, например, офицеров-шпионов. Ни Германия, ни Австрия не мог-

ли быть совершенно уверены в том, кому те служат на самом деле — всегда оставалось сомнение, не водит ли их таким образом за нос русская контрразведка. Один сотрудник германской разведки впоследствии вспоминал, что из восьмидесяти русских агентов, завербованных Германией в 1914 и 1915 годах, «более шестидесяти... как оказалось, были подсунуты нам русской секретной службой»[11]. Полковник Вальтер Николаи, бывалый ветеран, возглавлявший во время войны немецкую разведку, жаловался в своих мемуарах, что «шпионы на русском театре военных действий... способны были предоставить материал только для крайне ограниченного локального тактического успеха. Им не удалось своевременно известить нас ни об одной значительной перегруппировке российской армии»[12]. Практически не приходится сомневаться в том, что самая надежная и полезная информация о русской армии имела своим источником разведку связи — то есть подключение к российской фронтовой связи, перехват радиотелеграмм, расшифровка посланий и проч. Одни только австрийцы раскрыли шестнадцать отдельных кодов русской армии[13]. Майор Буссо фон Бисмарк, германский военный атташе в Берне, преуспел в привлечении на свою сторону тайных сотрудников из числа членов швейцарского правительства и регулярно пересылал в Берлин копии всех военных телеграмм России, приходивших или исходивших из нейтральной Швейцарии. Российский Генеральный штаб всю секретную переписку со своими военными атташе в Западной Европе вел через телеграфное агентство Берна, так что Бисмарк, можно сказать, разрабатывал золотую жилу. Весьма вероятно, что именно этот источник и предупредил Германию о планировавшемся Россией в январе 1915 года наступлении и таким образом обеспечил возможность немецкого контрнаступления, увенчавшегося февральским уничтожением русского 20-го корпуса[14].

Однако Германия и Австрия все же предпринимали широкомасштабные усилия по вербовке русских агентов, невзирая на высокую затратность такого рода деятельности. Учитывая это обстоятельство, а также то, с каким истерическим упорством русская полиция вынюхивала предателей (а также размеры сети, раскинутой для их уловления), можно с большой долей вероятности предположить, что среди арестованных по делу Мясоедова наряду с невиновными попались и виноватые.

В качестве введения к теме начнем с Антонины Кедыс. Случай ее уникален тем, что Кедыс, в отличие от других арестованных по

делу Мясоедова, признала факт своего участия в шпионской деятельности. Кедыс — проститутка, в свои девятнадцать лет имевшая богатый опыт правонарушений, — была арестована в Минске в конце октября 1914 года. Официально ее задержали по обвинению в бродяжничестве и, как «нежелательный элемент», приговорили к административной ссылке в Томскую губернию. Однако до отправки на восток дело не дошло, так как полиции стало известно, что она также состоит в розыске по обвинению в краже. В связи с этим Кедыс отправили в женскую тюрьму в Гродно, где она попала в одну камеру с Эммой Райнерт, двадцатидевятилетней крестьянкой из деревни Шестаково, арестованной по подозрению в шпионаже. Женщины познакомились и разговорились. Как позже показала Райнерт, стоило ей пожаловаться Кедыс, что она стала жертвой навета своего хозяина, Матеуша Микулиса, как Кедыс тут же призналась, что она сама немецкая шпионка[15].

Райнерт передала тюремным охранникам слова Кедыс, и немедленно было начато расследование. На первом же допросе (21 апреля) Кедыс подтвердила, что сказала Райнерт правду: она признала себя виновной в том, что передавала немецким солдатам сведения о передвижениях и дислокации российских войск[16]. Девушка рассказала, что после смерти отца ее мать вторично вышла замуж за немецкого подданного из Тильзита. Этот человек познакомил падчерицу с германскими офицерами, которые и завербовали ее весной 1914 года. По большей части ее использовали для мелких курьерских поручений, она передавала записки и документы другим немецким агентам, находившимся на русской территории. Под давлением следователей Кедыс подробно рассказала о некоторых заданиях, которые ей приходилось выполнять, а также назвала имена тех, с кем была связана. В частности, она утверждала, что Шломо и Аарон Зальцманы снабдили ее фотографиями и планами фортификационных укреплений в Гродно для передачи немецкой секретной службе. Она также сообщила, что одним из ее кураторов на российской стороне границы был Франц Ригерт, как-то отправивший ее в Шестаково с пачкой разведывательных материалов, которые она отдала Матеушу Микулису, а тот, в свою очередь, должен был передать их немцам.

Именно на основании признаний Кедыс были арестованы Микулис и Зальцманы. Ригерт (бывший, помимо прочего, зятем Мясоедова) к этому времени уже находился в тюрьме. Следует признать, что показания Антонины по поводу всех четырех мужчин

подтверждались некоторыми фактами. Микулис обвинил Кедыс во лжи, однако свидетели из Шестаково показали под присягой, что Кедыс действительно приходила в деревню в сентябре 1914 года и провела ночь в доме Микулиса. В период захвата Шестаково противником в марте 1915 года Микулис был замечен за оживленной беседой с немецким офицером. Более того, при аресте у Микулиса было обнаружено охранное свидетельство на переход через немецкую линию фронта.

Зальцманы также все отрицали: они отродясь шпионством не занимались, а с Кедыс вообще не знакомы. Но когда полицией среди их вещей была обнаружена ее фотография, Зальцманы переменили версию: в 1914 году Кедыс некоторое время занималась своим промыслом в той же гродненской гостинице, где остановились братья; фотография была сувениром их свидания. Однако Аарон и Шломо продолжали настаивать на том, что в шпионаже они не повинны. Они действительно подрядились выкопать артезианские колодцы для 2-го армейского корпуса в Гродно, однако сведений, имеющих военное значение, никогда не собирали и никому не передавали[17].

Что касается Франца Ригерта, во время допроса полиция показала Кедыс его фотографию и та мгновенно и без колебаний его узнала. Однако Ригерт настаивал на своей невиновности столь же упорно, как и Зальцманы. Почему же он с таким любопытством расспрашивал о численности войск, размещенных в артиллерийском лагере Алексеева в Виленской губернии? Ригерт отвечал, что его поместье (то самое, для покупки которого Мясоедов обманом получил заем) граничило с лагерем Алексеева. В 1913 году он заключил контракт на очистку выгребных ям на территории лагеря, причем размер его вознаграждения прямо зависел от числа людей в лагере[18].

Трудно определить истинный смысл всех этих событий. С одной стороны, возможно, Кедыс — раскаявшаяся шпионка и говорила чистую правду. Однако, с другой стороны, даже если сама Кедыс была виновна в измене, у четверых оговоренных ею мужчин имелись убедительные объяснения большей части их действий, вызвавших подозрения. Ригерт действительно занимался малоприятным делом очистки выгребных ям в лагере Алексеева за сдельную оплату. У Микулиса действительно было германское охранное свидетельство, однако он утверждал, что выпросил его у оккупационных властей, чтобы отвезти больную дочь к доктору (и мог до-

казать, что пропуск использовался именно для этой цели). Что касается братьев Зальцман, возможно, их вина заключалась лишь в том, что, переспав с проституткой, они желали сохранить случившееся в тайне от своих жен? Такое поведение, конечно, не назовешь примерным, однако не карать же за него смертной казнью.

Во всяком случае, ни один из четверых не мог быть обвинен с полным основанием — отсутствовали как неопровержимые документальные доказательства, так и показания свидетелей их преступных деяний. Все свелось к слову Кедыс против их слова. Можно ли было ей верить? А вдруг, запаниковав от страха, Кедыс стремилась смягчить наказание, выдавая несуществующих соучастников? И разве нельзя с той же вероятностью предположить, что оговор Зальцманов был актом мести клиентам, чем-то ей особенно досадившим? Невозможно игнорировать и тот факт, что эта молодая женщина находилась в крайне неуравновешенном душевном состоянии. 25 мая 1915 года она была найдена повесившейся в тюремной камере (попытку самоубийства она уже делала в минской тюрьме в начале 1914 года)[19]. Однако даже если Кедыс действительно, как утверждала, была шпионкой, с Мясоедовым ее, по иронии судьбы, не связывало ровным счетом ничего. Сергея Николаевича казнили более чем за месяц до ее ареста.

Более убедительные, хотя тоже косвенные доказательства вины были приведены в отношении штабс-капитана Павла Владимировича Бенсона из 5-го гусарского Александрийского полка. Высокий, светский и по меркам fin de siècle красивый мужчина (впечатляющего размера нафабренные усы), Бенсон использовал свои связи в обществе для получения ряда дипломатических и особых поручений, позволивших ему избежать армейской лямки. Он побывал адъютантом при российском военном представителе в Париже, был приписан непосредственно к генералу Ренненкампфу и вместе с генералом графом Андреем Шуваловым и генералом Ермолинским состоял членом выездной комиссии, созданной во время войны для расследования случаев злоупотребления властью со стороны военных командиров[20]. Впрочем, Бенсон не все время находился в образе светского щеголя, дипломата и бонвивана — в своей ночной жизни он был известен как охотник за женщинами, безжалостный хищник, совратитель и обманщик.

Подозрение пало на Бенсона еще за некоторое время до начала войны, не в последнюю очередь в связи с вопросом о том, как человек, не имеющий никаких личных средств и источников дохо-

да, может позволить себе столь роскошный образ жизни. 26 апреля 1915 года Бенсон был арестован на квартире своей любовницы Марии Александровны Ярузельской; полиция тщательно обыскала помещение, а также номер, который Бенсон снимал в роскошной петроградской гостинице «Европейская». Обыск и допрос показали, что за последние несколько лет Бенсон чудесным образом приобрел значительное состояние. Некий берлинский профессор Штайн продал или передал ему виллу в Швейцарии стоимостью более полумиллиона франков. Также обнаружилось, что Бенсон владеет долговыми расписками двух немецких подданных, на 155 тыс. руб. и 321 тыс. марок соответственно. В дополнение к этому накануне войны он получил наличными сумму в 170 тыс. немецких марок и тогда же застраховал свою жизнь на 500 тыс. марок в берлинской страховой компании «Виктория», в капитале которой имел долю и с которой вел обширную корреспонденцию. Кроме того, обнаружилось загадочное «жалованье» в 400 рублей, ежемесячно переводившееся на его швейцарский счет. Бенсон не смог представить адекватного и убедительного объяснения ни по одному из этих доходов[21].

Странные обстоятельства жизни Бенсона и Ярузельской были интерпретированы полицией как потенциальные доказательства их виновности. Хотя швейцарские управляющие «Европейской» успели предупредить Бенсона о том, что за ним установлена слежка, за два месяца до ареста (срок более чем достаточный, чтобы уничтожить любые компрометирующие документы), среди бумаг капитана было обнаружено значительное число таких, где речь шла о военных вопросах, — в частности, аналитическая оценка стратегической ситуации, составленная его дядей, Леонидом Бенсоном, генералом штаба 3-й армии. Переписка, которую вела Ярузельская, также вызвала изумление: с самого начала войны ей множество раз писала некая «Мария-Луиза Берлин», причем все письма имели штампы отправления из разных европейских городов. Кроме того, у Ярузельской обнаружили записку, датированную 5 сентября 1914 года, от некоего или некоей «Geren», в которой тот или та сообщал(а) о пересылке всех писем Ярузельской, за исключением тех, которые были адресованы в Германию[22].

Отношения Бенсона с немецкими подданными баронессой Идой Зейдлиц и доктором Адрианом Полли-Поллачеком также показались подозрительными. До начала войны Зейдлиц часто наезжала в Россию и, будучи в Петербурге, неизменно останавли-

валась в «Европейской», где часто имела свидания с глазу на глаз с Бенсоном, якобы для обсуждения деловых вопросов. Если их отношения носили чисто коммерческий характер, то довольно странно, что Бенсон старательно скрывал личность Зейдлиц от своих друзей и знакомых, которым в 1913 году представил ее как свою русскую родственницу[23]. Более того, оба, Зейдлиц и Бенсон, были связаны с Полли-Поллачеком, венгром по происхождению, служившим с момента своего приезда в Петербург в 1904 году корреспондентом нескольких немецких газет. Для наемного писаки Поллачек был на удивление вхож в австро-венгерское посольство. Охарактеризованный в одном документе Ставки как хорошо известный германский и австро-венгерский шпион, Поллачек был арестован в июле 1914 года. Собственно, Бенсон сам обвинил Поллачека в шпионаже еще в 1910 году, за что был вызван Поллачеком на дуэль[24].

И, наконец, еще одна связь Бенсона вызвала особенный интерес. Графиня Магдалена (Лилли) Ностиц — супруга графа Григория Ивановича Ностица, генерал-майора императорской свиты. Исключительно любвеобильная американка-авантюристка, Магдалена первым браком была замужем за прусским офицером по фамилии фон Нимпш. После его смерти она вышла за графа Ностица, служившего тогда российским военным атташе в Берлине. В Петрограде, где, по словам современника, она всех покорила «своим тактом, очаровательными манерами и великолепными приемами», Магдалена была признанной предводительницей общества военного времени[25]. Однако матримониальные рамки явно не способны были сдержать ее любовных порывов: состоя в браке с Ностицем, она сменила целый ряд любовников. Одним из них был Бенсон, с которым у нее был роман, когда оба, любовник и муж, служили при русском посольстве в Париже. По слухам, имевшим хождение в Министерстве иностранных дел, примерно в это время граф Ностиц затерял какие-то важные депеши и был вынужден покаяться перед русским посланником А. Нелидовым, после чего был уволен от должности[26].

Установив слежку за Бенсоном, военная контрразведка натолкнулась на графиню Ностиц. Вездесущий В.А. Ерандаков лично организовал разработку графини, окружив ее филерами, подкупив слуг и подвергая перлюстрации ее письма. Собранный им материал вскоре составил толстое досье, представленное Ставке, поскольку Ерандакову было приказано регулярно информировать о Нос-

тиц Янушкевича, начальника штаба великого князя. (Помимо прочего, в папке имелись фотографии обнаженной графини, которые похотливый Янушкевич как-то показал министру иностранных дел Сазонову в очередной приезд того в Барановичи, к отвращению последнего[27].) Ерандаков выяснил, что в настоящее время Магдалена состоит в связи с Лалонгом, советником бельгийского посольства, а также что графиня ведет всю свою иностранную корреспонденцию через бельгийские дипломатические каналы. Однако Ерандаков не знал наверняка, делает она это ради сохранения своих личных тайн или с конспиративной целью. Его агентам не удалось застать Магдалену при совершении каких бы то ни было реальных преступлений[28].

Однако возможность того, что графиня все же действует в интересах противника России, рассматривалась со всей серьезностью и в результате были предприняты шаги для ее обезвреживания. Не было, конечно, и речи об аресте или судебном разбирательстве. Общественное положение графини делало ее неприкосновенной, кроме того, ее обожал весь дипломатический корпус[29]. Более того, граф, ее супруг, будучи свитским генерал-майором, был непосредственно приближен к персоне императора. Однако если графиня все же делилась тайнами с врагом, невольным источником ее сведений был, вероятнее всего, муж, почему и было принято решение закрыть ему доступ к сколько-нибудь важной информации. В апреле приказом Ставки граф был отстранен от участия в любых операциях действующей армии. Ностиц подал протест на такое с собой обращение в Министерство двора: устно ему было сообщено, что ни его, ни супругу ни в чем не обвиняют, однако он потребовал предоставить ему это заявление в письменном виде, поскольку «оставление без письменного опровержения временного подозрения» ставит «пятно на честь моей жены и на мою»[30].

В ответе Министерству двора Янушкевич проявил всю отпущенную ему уклончивость и хитрость: он утвердительно сообщил, что Ставке не известно ничего такого, что порочило бы графа, и она не располагает ровным счетом никакими данными о графине, поскольку та является лицом не военным, а гражданским. Дальнейшие вопросы по ее поводу, продолжал он, следует адресовать корпусу жандармов и Министерству юстиции[31]. Это письмо показывает степень недоверия Ставки ко двору, дошедшей до прямого обмана относительно планов контрразведки[32]. Раскол между высшим военным командованием и монархией, симптомом которого

может служить данный эпизод, далее станет объектом нашего специального рассмотрения, поскольку он оказал глубокое влияние на то, каким образом было разыграно дело Мясоедова.

Итак, среди тех, кто был арестован или помещен под наблюдение в первой фазе дела Мясоедова, только Кедыс и названные ею люди — в придачу к Бенсону, Зейдлиц, Поллачеку и графине Ностиц — хотя бы отдаленно давали основание для обвинения их в шпионаже в пользу противника. Но если оставить в стороне Кедыс (учитывая ее явную душевную неуравновешенность, можно усомниться в сделанных ею разоблачениях), каковы были несомненные доказательства их виновности? Чтобы выдвинуть обоснованное обвинение в шпионаже, надо задержать шпиона в запретной зоне, с документами, явно свидетельствующими о его виновности, наконец, необходимо выжать из него признание — в противном случае шпионаж доказать очень трудно. Например, кто бы спорил, что Бенсон — негодяй и морально опустившийся развратник; его многообразные связи с немцами в сочетании с недавно возникшим в одночасье богатством полностью оправдывали предпринятое русской разведкой и контрразведкой расследование. Поскольку большую часть войны в России действовало чрезвычайное положение, а власти обладали достаточной полнотой юридических возможностей для защиты государства от потенциально опасных личностей, было бы вполне законным либо как можно дольше держать Бенсона под арестом, либо подвергнуть его административной высылке. Вместо этого его судили, обвинили в шпионаже и приговорили к каторжным работам. Но даже если Бенсон был предателем (а я готов побиться об заклад, что был), его виновность так и не была *продемонстрирована.* Дело против Бенсона основывалось исключительно на косвенных доказательствах — так же как и против Мясоедова.

Важное различие, однако, заключается в том, что если косвенные улики против Бенсона были достаточно убедительными, то в отношении Мясоедова они были крайне незначительны, практически отсутствовали. Мясоедов, который был невиновен, отправился на виселицу, а Бенсон, возможно шпион, был наказан гораздо менее жестоко. Конечно, у Бенсона было множество высокопоставленных друзей и покровителей, однако возможно, что неравное наказание имеет в этом случае и иные объяснения.

Почему именно Мясоедов?

Поскольку Мясоедов не был немецким агентом, можно выдвинуть пять гипотез, объясняющих то, что с ним произошло. Первая — это то, что Мясоедов пал жертвой обстоятельств и совпадений. Второе объяснение краха Сергея Николаевича указывает на романтическую интригу, а третье рисует его «козлом отпущения» в некоем военном или военно-политическом заговоре. Четвертая гипотеза состоит в том, что его, невиновного, ошибочно сочла виновным военная контрразведка. И последняя версия заключается, естественно, в том, что его подставили немцы. Каждая из версий заслуживает отдельного рассмотрения, однако далее мы увидим, что истинными могут оказаться сразу несколько.

Первая гипотеза гласит, что Мясоедов погиб вследствие ряда страшных совпадений и банального невезения. К невезучести Мясоедова можно отнести то, что он охотился с кайзером, служил в приграничной зоне и по своей работе в пароходстве был связан с евреями. Сами по себе эти обстоятельства непримечательны, однако, собранные вместе, да еще при ретроспективном взгляде в разгар войны, они приобретали зловещий оттенок. Показания Мясоедова, данные им в 1907 году в виленском суде в увлечении, под влиянием момента, также оказались проклятьем, ибо навлекли на него пожизненную ненависть полиции и охранки. Дружба Сергея с Сухомлиновым и назначение на должность в Военном министерстве, что в свое время, вероятно, казалось бывшему жандарму подарком судьбы, на самом деле были черной меткой, ибо таким образом он нажил себе врагов среди обойденных по службе адъютантов министра. Вспомним — именно Боткин и Булацель первыми указали Гучкову на Мясоедова, проложив таким образом путь наветам 1912 года. Именно тогдашние подковерные ходы видного октябриста, истинной целью которых был военный министр, придали первым обвинениям Мясоедова в предательстве общенациональный резонанс, что, в свою очередь, объясняет то, почему имя Мясоедова оказалось на слуху у тщеславного подпоручика Колаковского. Колаковский, явно стремившийся преувеличить в глазах следователей из Генерального штаба свой патриотизм, нашел удобное имя, вокруг которого можно было выстроить вымышленную историю о предательстве и саботаже. Не повезло Мясоедову и в том, что он служил на Северо-Западном фронте в составе 10-й армии, то есть именно там, где немцы застали русских врасплох и нанесли им разгромное поражение во время зимних Мазурских боев.

Что касается прочих лиц, арестованных по делу Мясоедова, почти всех их на скамью подсудимых привела судьба, которая в свое время свела их с Мясоедовым. Насколько я мог проверить, при старом режиме анонимные обвинения против всякого, кто владел прибыльным бизнесом или имел достаточное состояние и проживал при этом на северо-западных окраинах империи, были обычным, рутинным делом. Столь же рутинно полиция игнорировала эти бумажки как полный вздор, каковым они в действительности и были. Однако в атмосфере, наэлектризованной казнью Мясоедова, анонимные обвинения приобрели больший вес, особенно если полиции становилось известно о связях объекта наговора с повешенным экс-жандармом. Например, когда анонимный автор письма, пришедшего в Виленское охранное отделение в конце марта 1915 года, обвинил весь клан Гольдштейнов в шпионаже в пользу Германии и предательстве, тотчас был произведен арест зятя Мясоедова, владельца кожевенного завода Павла Гольдштейна[33]. Имели место и другие, не связанные между собой события, которые также работали в атмосфере того времени против подозреваемых. 16 апреля взрыв разрушил плавильные печи на Охтинском военном заводе под Петроградом, погибло десять человек. Хотя причиной несчастья, вероятно, были безобразные условия безопасности труда на заводе, общественное мнение приписало случившееся саботажу[34]. События такого рода, становясь известными, подливали масла в огонь шпиономании и провоцировали публичные призывы к немедленному задержанию и суровому наказанию предателей, — это социальное явление сыграло против тех, кто летом того года предстал перед судами в Варшаве и Вильне по обвинению в предательстве.

Есть, конечно, свой смысл и в гипотезе «невезения», поскольку жизнь Мясоедова представляет собой буквально цепь неудач и поражений. Однако это не может служить единственным и исчерпывающим объяснением юридического убийства. Злая судьба могла привести Сергея Николаевича на край пропасти, однако не она столкнула его туда. Тут требовались другие люди — либо те, в чьих интересах было уничтожить Мясоедова, независимо от свидетельств его невиновности, либо те, чью веру в его предательство не могли поколебать никакие доводы.

И тут мы подходим ко второй гипотезе: возможно, Мясоедов пал жертвой злого умысла, за которым стояло некое могущественное и ревнивое лицо. Сторонником этой теории был Вальтер Ни-

колаи из германской секретной службы, который на страницах своих мемуаров утверждал, что «обвинения против него [Мясоедова] были лишь предлогом, весьма действенным в военное время, чтобы убрать его с дороги, поскольку он соперничал за симпатию некой дамы с одной весьма высокопоставленной особой»[35]. Николаи, очевидно, имеет в виду Евгению Столбину. Напомним, что, будучи любовницей Мясоедова, Столбина сохраняла ему верность, лишь когда тот был рядом. Расставаясь с Сергеем, она проводила время со множеством разных мужчин, среди которых, как гласят полицейские отчеты, был сын великого князя Константина Константиновича. Константин Константинович (одаренный поэт, публиковавшийся под псевдонимом К.Р., и переводчик Шекспира), действительно, несмотря на свою устойчивую склонность к мужчинам, был отцом шести сыновей — Ивана (р. 1886), Гавриила (р. 1887), Константина (р. 1891), Олега (р. 1892), Игоря (р. 1894) и Георгия (р. 1903). Поскольку Георгий к моменту описываемых событий был еще мальчиком, а Олег был смертельно ранен в октябре 1914 года, любой из четырех оставшихся Константиновичей мог в 1915 году иметь отношения со Столбиной. К сожалению, доступные нам данные не позволяют ответить на этот вопрос точнее. В любом случае, смысл утверждения Николаи ясен: любовник Столбиной, принадлежавший к императорской фамилии, завидуя ее симпатии к Мясоедову, раздул дело против жандарма, дабы навсегда убрать его со сцены. Эта версия служит удачной романтической кодой к изложенной Николаи истории Мясоедова, однако в ней нет ни капли правды. Не существует ни одного свидетельства, указывающего на связь кого-либо из сыновей Константина Константиновича со шпионским скандалом Мясоедова. Все четверо гипотетических кандидатов служили в армии, однако ни один из них не занимал сколько-нибудь важной должности, тогда как арест, суд и казнь Мясоедова, как мы знаем, от первого до последнего шага направлялись армейской элитой, преимущественно Ставкой.

Можно ли, следовательно, считать гибель Мясоедова результатом некоего злого умысла Ставки? Чтобы выяснить этот вопрос — третью нашу гипотезу, необходимо вернуться к уже обсуждавшейся теме — войны и разлада между Ставкой и двором.

Несмотря на то что спустя шесть месяцев после начала войны патриотический подъем, сопровождавший ее начало в августе 1914 года, не исчез вовсе, проявления его изменились. К этому моменту, как мы знаем, накопилось достаточно оснований для не-

довольства ходом ведения войны. Отдадим должное армии — она честно исполняла свой долг; русские солдаты в полной мере проявляли свое былинное мужество. Главнокомандующий армией, желчный и болезненно нервный великий князь Николай Николаевич, сохранял личную популярность как своего рода воплощенный символ преданности отечеству. Но что могут сделать командир и армия, если они лишены необходимых людских и материальных ресурсов? Амуниции и вооружения не хватало до такой степени, что зеленые новобранцы, часто едва закончив десятинедельную подготовку, отправлялись на фронт безоружными, с приказом вооружиться самостоятельно, подбирая винтовки убитых. Людские потери достигли в среднем трехсот тысяч человек в месяц. Не забудем и серию катастрофических поражений — при Танненберге, Мазурских озерах, у Зольдау, — и это лишь некоторые. Даже Юго-Западный фронт не радовал добрыми вестями: наступательная операция против Австрии буквально вмерзла в лед на тропах Карпатских гор. Все эти обстоятельства охладили общественные ожидания быстрого и успешного завершения войны. Никогда еще победа не казалась столь невозможной.

Чем объяснить столь разительное поражение России на поле боя? Раз в армии все более или менее в порядке, значит, причину следует искать в тылу, а то и в самой столице. Образованные оппоненты режима свято уверовали в то, что именно действия правительства предопределили мучительную агонию армии. Война — так решили многие — продемонстрировала фундаментальную несостоятельность правительства. Пока у руля находятся коррумпированные реакционеры, так же как Сухомлинов и Маклаков, Совет министров Российской империи не сможет организовать снабжение фронта, не говоря уже о том, чтобы мобилизовать должным образом экономику страны. «Священный союз» — обещание воздерживаться от политической борьбы на время военного конфликта, под которым летом 1914 года подписалось большинство политических партий, — начал распадаться. «Частное» письмо Керенского о деле Мясоедова, о котором шла речь в предыдущей главе, свидетельствовало о новой тенденции. Политики умеренно правого толка, центристы и левые стали призывать императора уволить одиозных министров и обратиться для организации экономической поддержки войны к помощи всего российского общества. В атмосфере беспорядочного отступления русской армии летом 1915 года зазву-

чали требования создать «министерство доверия», то есть кабинет, ответственный перед Думой и составленный преимущественно из ее членов[36].

Однако были и те, кто задавался вопросом: что, если дело не просто в бездарности правительства? Ходили слухи, что при дворе процветают германофилы и пораженцы. Придворная камарилья из темных дельцов, склеротических генералов и совершенно невозможного Распутина оплела своими щупальцами императора с императрицей. А тут еще немецкое происхождение Александры Федоровны и то, что у нее в Германии остались близкие родственники, в том числе родной брат Эрнест, герцог Гессен-Дармштадтский. Анекдот, имевший широкое хождение в те дни, демонстрирует глубокие сомнения публики относительно лояльности императрицы: «Наследник каждый день плачет. У него спрашивают, о чем он плачет. "Как же мне не плакать: русских бьют — папа плачет, и я с ним; немцев бьют — мама плачет, и я плачу с нею"»[37].

Таким образом, двор стал восприниматься как прямой антипод армии, а императрица — как антипод великого князя Николая Николаевича. Если великий князь и Ставка стояли за мужественное и прямодушное продолжение войны до победы, клика императрицы, воплощение «темных сил», тайно способствовала поражению России и ее унижению. Само собой разумеется, что «честные люди всех сословий» поддерживали великого князя[38]. В любом случае, мысль о тайных врагах при дворе, ставящих палки в колеса русской армии, получила широкое распространение. Как свидетельствует приведенное выше не совсем, мягко выражаясь, правдивое утверждение Янушкевича относительно графини Ностиц, таких взглядов на окружение императора придерживались даже некоторые представители Ставки[39].

Слухи эти неизбежно должны были привести к разладу между императором и его главнокомандующим. Понимая опасность конфликта, Николай Николаевич всячески пытался уверить императора в своей преданности — для чего он, в частности, сдерживал пыл думских политиков. Однако очевидно и то, что Николай Николаевич извлекал пользу для себя из слухов о конфликте двора и Ставки. Прежде всего ореол национального героя льстил его непомерному самолюбию. Кроме того, эти слухи давали ему устойчивое, неколебимое личное оправдание, освобождая от ответственности за катастрофическое положение на фронте. Простодушная вера в существование злонамеренной «придворной камарильи» спаса-

ла его самого и его фаворитов от каких бы то ни было обвинений в неумелом руководстве или военных промахах. А под командованием Николая Николаевича и того и другого было в избытке. Однако общество этого не заметит, если уверует в то, что поражение есть результат злоумышлений двора или происков шпионов, внедренных в армию неизвестными предателями.

Именно тут обвинение Мясоедова оказалось особенно на руку Ставке, поскольку, фокусируя общественное внимание на теме предательства, оно отвлекало его от пороков верховного командования. На кону стояли репутация и карьера не одного Николая Николаевича. Вспомним, кто из высокопоставленных военных принимал непосредственное участие в деле Мясоедова. Все они были так или иначе связаны с Мазурским крахом русской армии — следовательно, клевета на Мясоедова была им лично выгодна. Генерал В.Н. Рузский, отдавший приказ об аресте Мясоедова, во время Мазурского сражения командовал Северо-Западным фронтом. Начальник его штаба генерал А.А. Гулевич фактически руководил из Седльце всем ходом следствия. Генерал М.Д. Бонч-Бруевич и полковник Н.С. Батюшин состояли соответственно генерал- квартирмейстером и шефом разведки Северо-Западного фронта. Занимая эти посты, они технически были ответственны за несвоевременное получение тактических разведывательных сведений о передвижениях германских войск и, следовательно, были отчасти виновны в уничтожении 20-го корпуса. Именно эти люди возглавили следствие над Мясоедовым, а Бонч-Бруевич лично отобрал судей для военно-полевого суда[40].

Однако из того обстоятельства, что все названные высокопоставленные военные приложили руку к поражению русской армии при Августове и, следовательно, были заинтересованы в том, чтобы списать эту катастрофу на шпионские происки, вовсе не следует, что они сознательно сговорились принести в жертву жизнь невинного человека. Впрочем, другие их действия, например грубое вмешательство в судебный процесс, подкрепляют это предположение. Николай Николаевич, как мы знаем, изъял дело Мясоедова из ведения обычного военного судопроизводства и передал его военно-полевому суду, очевидно ради более быстрого и предсказуемого решения. Суд был старательно подготовлен и разыгран как по нотам, для чего выхолащивалась доступная судьям информация. Так, подполковник Павел Ширинов, сослуживец Мясоедова по штабу 10-й армии, в показаниях, данных им 8 марта 1915 года, высоко

оценил мужество Сергея Николаевича и его преданность отечеству, а также сообщил, что «Адреса 19 января» входили в число документов, которые легко мог получить в рамках своих служебных обязанностей всякий офицер разведки. Ставка не просто отозвала показания Ширинова, но приказала подвергнуть его административному наказанию. По приказу Янушкевича Ширинов был тут же уволен из рядов регулярной армии и переведен в резерв[41]. Весьма красноречиво также мартовское 1915 года письмо Янушкевича военному министру Сухомлинову, в котором первый, утверждая, что нимало не сомневается в «позорной измене» Мясоедова, тут же пояснял, что было бы в высшей степени желательно, чтобы судебное дело было «ликвидировано окончательно» в ближайшие день-два, «для успокоения общественного мнения до [пасхальных] праздников»[42]. После казни Мясоедова Янушкевич написал Гулевичу гневное письмо, в котором отчитал его за то, что военно-полевой суд признал Мясоедова невиновным в шпионаже в военное время. Янушкевич утверждал, что предварительное военное расследование полностью подтвердило это обвинение (на самом деле — вовсе нет), что эта информация была включена в материалы судопроизводства и это *обязывало* судей признать его виновным по данному пункту. Но поскольку они увильнули от исполнения долга, Янушкевич объявил их «непригодность в участии в заседаниях военно-полевого суда по делам особой важности» и потребовал в дальнейшем не допускать их к такого рода делам[43].

Ставка, впрочем, осознавала всю слабость своей аргументации в деле бывшего жандарма — дабы усилить ее (по крайней мере, на бумаге), Матвеев с командой сыщиков на протяжении 1916 года тщетно занимались поиском несуществующих свидетельств якобы совершенных Сергеем Николаевичем преступлений. Получается, что собственно расследование дела Мясоедова началось после того, как он был казнен. Мертвое тело уже лежало в земле, а Ставка продолжала манипулировать судом в аналогичных делах о предательстве. Накануне первых заседаний по делу «соучастников» преступлений Мясоедова юридическим отделом Ставки была изготовлена нота, заранее сообщающая военно-полевым судам то решение, которое им следует принять. До сведения судей доводилось, что Фрейдбергов, Зальцманов, Фалька, Микулиса и Ригерта нельзя оправдывать по обвинению в шпионаже «ни в коем случае». И, напротив, Израиль Фрид и Клара Мясоедова «могут быть оправданы (не обязательно их нужно оправдать)»[44].

И, наконец, расскажем одну любопытнейшую историю, связанную с мотивом заговора военных против Мясоедова, которую, однако, совершенно невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. В начале 1930-х годов А.А. Самойло, бывший офицер императорской разведки, занимал кафедру в Московском гидрометеорологическом институте. Узнав о том, что брата Сергея Николаевича, Николая, собираются назначить преподавателем, он тут же разразился протестующим письмом, адресованным директору института: брат печально известного предателя (пусть даже предателя царского режима) никак не может быть наставником советской молодежи. После этого Николай нанес Самойло визит и умолял его отозвать свои возражения: брат, клялся он, был невиновен. Николай утверждал, что однажды ему на глаза попался рапорт, написанный в марте 1915 года военным прокурором, который полностью оправдывал Сергея. Он также уверял, что под этим документом великий князь Николай Николаевич начертал слова: «А все-таки повесить»[45]. Если этот документ когда-либо существовал, то, вероятно, был утрачен, во всяком случае в архивах его обнаружить не удалось.

И, наконец, пора обратиться к доводам здравого смысла. Если генералы Ставки в самом деле считали Мясоедова супер-шпионом, почему они расследовали его дело в такой спешке? Почему организовали казнь со столь необычайной быстротой? Будь великий князь Николай Николаевич, Янушкевич и Гулевич в самом деле уверены в предательстве полковника, эти действия были бы необъяснимы. Логика подсказывала не тащить Мясоедова на виселицу, а, напротив, сохранять ему жизнь до тех пор, пока он не выдаст все сведения до последнего — все даты, все имена, все подробности, — связанные с его шпионскими занятиями и с завербовавшими и курировавшими его немцами. Можно было бы посулами смягчения приговора побудить его к сотрудничеству со следствием. Ни в коем случае нельзя было расправляться с Мясоедовым, не выжав его предварительно досуха.

На мой взгляд, очень велика вероятность того, что высшие представители военной власти в Ставке организовали обвинение Мясоедова, зная, что против него нет никаких доказательств, однако нельзя полностью исключить того, что среди тех, кто взял на себя в отношении Мясоедова роль Немезиды, были и те, кто слепо и непоколебимо верил в его вероломную измену, независимо от того, подтверждалась она доказательствами или нет.

К последней категории, пожалуй, может быть отнесен Михаил Бонч-Бруевич. Он был одним из тех царских офицеров, которые благополучно пережили приход советской власти, конечно не без помощи брата Владимира, члена большевистской партии с 1895 года, впоследствии личного секретаря Ленина. Михаил дожил до почтенных семидесяти шести лет и успел закончить воспоминания, появившиеся на свет через год после его смерти. Значительная часть этой своекорыстной и лживой книги посвящена описанию героических подвигов ее автора в годы Первой мировой войны, и прежде всего претензиям на роль суперловца шпионов. Если верить Бончу, в военное время Россия была сплошь заражена вражескими шпионами. Измена проникла в Красный Крест и в университеты, шпионили балтийские немцы, шпионили официанты, швейцары и привратники. Бонч со своим преданным помощником Н.С. Батюшиным одни вели неравный бой с армией негодяев, страдая при этом от тупоголового равнодушия своих начальников, с одной стороны, и махинаций двора, пытавшегося выгородить виновных, — с другой. В результате слишком много шпионов и предателей избежали наказания, причем часто уходила самая крупная рыба. Приятным исключением был арест Мясоедова, честь которого Бонч-Бруевич, искажая факты, приписал себе лично[46].

В какой степени верно данное Бонч-Бруевичем описание его военных бдений? Насколько его воспоминания о том времени соответствуют реальности? Известно, что во время войны Бонч-Бруевич действительно постоянно заявлял о повсеместном распространении шпионов и вражеских агентов и без устали призывал арестовывать и депортировать наиболее «подозрительных» личностей. Еще *до* ареста Мясоедова (который, кстати, был произведен совсем не так, как описано в книге Бонч-Бруевича) он успел инициировать обвинения в измене против девяноста двух человек в одной только Курляндской губернии, чем вызвал большое неудовольствие П.Г. Курлова, тогдашнего балтийского генерал-губернатора[47]. Курлова, с которым мы уже встречались на страницах этой книги, едва ли можно назвать образцом честности и благородства, однако резкое осуждение им того вызова своей власти, который представляло собой совершенно вышедшее из-под контроля контрразведывательное ведомство Бонча, невольно вызывает сочувствие. Под руководством Бонча и Батюшина контрразведка в России разрасталась как раковая опухоль — никому не подчиняющаяся, попирающая власть гражданской администрации и оправдывающая

свои самые безобразные действия аргументом «национальной безопасности». Военная контрразведка вмешивалась в вопросы, совершенно далекие от сферы ее ответственности, такие, как борьба со спекуляцией и ценообразование, политическая пропаганда и трудовые конфликты. Один случай в особенности стал Курлову поперек горла, когда Бонч прислал ему ордер на административную высылку восьми видных балтийских землевладельцев и при этом отказался представить какие бы то ни было резоны, утверждая, что все они составляют государственную тайну. «Таким образом, — писал Курлов, — данные, находившиеся в руках прапорщиков запаса [то есть у контрразведчиков низшего звена], были тайной от начальника края, который по инструкции, утвержденной верховным главнокомандующим, пользовался в отношении гражданского управления правами командующего армией»[48].

Самый, пожалуй, вопиющий пример инквизиторского пыла Бруевича имел место летом 1915 года и был связан с компанией «Зингер», производителем швейных машин. Эта принадлежащая американцам фирма, занимавшая 80% русского рынка швейных машин, имела обширную сеть магазинов по всей империи, которые обслуживало соответственное количество торгового персонала. Именно масштаб операций «Зингера» в России спровоцировал подозрительность Бонч-Бруевича: на его предвзятый взгляд, нельзя было придумать лучшего прикрытия для сбора низовой разведывательной информации в интересах Германии. Когда Кельпин, директор петроградского отделения компании, разослал всем торговым представителям «Зингера» в России циркуляр с вопросами о работе заводов на обслуживаемой ими территории, Бруевич решил, что это «в полной мере» подтверждает «шпионский характер означенной фирмы, так как проявление этой фирмой особого интереса к организации и работе российских промышленных учреждений несомненно находится в связи с развивающейся в настоящее время интенсивной деятельностью этих учреждений на нужды армии»[49]. Далее Бонч-Бруевичу каким-то образом удалось убедить Янушкевича в необходимости предпринять шаги против «Зингера». В течение второй и третьей недель июля по приказу Ставки по всей России разлетелись полицейские агенты, арестовывая региональных управляющих «Зингера» и закрывая сотни магазинов. Деятельность «Зингера» в России была полностью парализована; в одном только Петрограде и соседних областях закрылось пятьсот контор компании и шесть тысяч служащих лишилось места[50]. Однако тут

Бонч-Бруевич перегнул палку. В сентябре Совет министров, заинтересовавшийся делом «Зингера», издал постановление, в котором сообщал, что остановка деятельности компании нанесла вред интересам российских потребителей и испортила отношения России с Америкой. Несмотря на то что в компании, возможно, и служат какие-то сомнительные личности, сама она никак не является шпионской сетью. Вне театра военных действий магазины «Зингера» должны быть вновь открыты[51].

К этому времени было принято решение урезать масштаб деятельности Бонч-Бруевича: ему приказали вернуться из Ставки в Петроград и занять должность начальника штаба 6-й армии, не участвовавшей в боях. Однако прежде чем отбыть в столицу, он успел разработать и ввести новый организационный устав для российской военной контрразведки. В соответствии с придуманной Бончем системой во всех российских армиях создавались совершенно идентичные разведывательные органы, что способствовало институционализации и распространению на весь театр военных действий его личных экстремистских взглядов. Кое-что в системе, придуманной Бончем, заслуживает особого внимания: на руководящие позиции в контрразведке предписывалось назначать прежде всего военных из штабов, но не из жандармского корпуса или охранки. Это требование, несомненно исходящее из убеждения, что полиция в лучшем случае сплошь массово некомпетентна, а в худшем — коллективно нелояльна, стало летом 1915 года причиной генеральной чистки и увольнения высокопоставленных полицейских агентов из всех важных контрразведывательных структур. Остальное время до конца войны российская контрразведка по большей части действовала в соответствии с планом Бонча, поэтому он заслуживает быть упомянутым как первый виновник ее гротескных перегибов[52].

Как объяснить одержимость Бонч-Бруевича предательством и изменой? Не будем с ходу отвергать возможность, что его неистощимая подозрительность и паранойя были лишь ширмой. Возможно, утверждения Бонча, будто Россия наводнена тысячами шпионов, были ловким пропагандистским ходом, выдумкой, имевшей целью создание контрразведывательной империи, которая обеспечила бы огромный рост его личной власти. Однако содержание и тон его многочисленных рапортов, которые я внимательно изучил, свидетельствуют об ином: переписка Бонч-Бруевича с начальством и его публичные заявления несут на себе отпечаток веры подлинной и фанатичной.

В таком случае можно предположить, что шпиономания генерала, равно как и многих других россиян, подпитывалась социальными, психологическими и идеологическими обстоятельствами жизни империи военного времени. Об этих тенденциях речь пойдет далее. Нужно учитывать и то, что, работая в контрразведке, ничего не стоило искренне уверовать в смертельную серьезность угрозы, которую представляют собой тайные шпионы. Подобные взгляды разделяли профессионалы разведки и других воюющих стран. По свидетельству Тристана Буша из австрийской военной разведки, в Австрии военные цензоры всю публику воспринимали как «коллективного шпиона». Цензоры эти трудились с такой фанатичностью, что в течение десяти недель 1915 года окурили парами йода — в поисках записей невидимыми чернилами — четверть миллиона писем.[53] Однако следует отметить, что офицеры *российской* контрразведки, помимо мотивированных институциональной принадлежностью особенностей, имели два основания для беспокойства, которые, вероятно, сделали их особенно восприимчивыми к «шпиономании». Во-первых, они сомневались в устойчивости собственной организации, во-вторых, не верили в стабильность своей страны.

Как известно, одним из главных достижений российской разведки предвоенных лет была вербовка Альфреда Редля, шефа австро-венгерской контрразведки, предательство которого и сообщенные им сведения придали России уверенность в своих силах в случае столкновения на поле боя с Австро-Венгрией. Однако в мае 1913 года австрийские власти вышли на след Редля — тот утратил бдительность и в конце концов был задержан с двумя набитыми деньгами конвертами, полученными на центральном венском почтамте. Тут, конечно, не обошлось без немцев, сообщивших союзникам имя, на которое Редль получает почту, — сами они получили эти сведения, распечатав над паром подозрительные письма, адресованные тому же вымышленному лицу[54]. В России, однако, точные обстоятельства ареста Редля известны не были. В среде российской разведки сложилось твердое мнение, что за крахом Редля стоит некий предатель — якобы внедренный русский шпион выдал противнику ценнейшего агента. Из чего естественно следовал вывод о том, что на российскую разведку нельзя полагаться до тех пор, пока не будет найден и разоблачен притаившийся в ее недрах опасный предатель[55]. Мысль о том, что враги России, возможно, пробрались в самое сердце системы национальной безопас-

ности, отравляла рабочую атмосферу в разведывательных бюро по всей стране, сея недоверие и подогревая и без того царивший там параноидальный стиль мышления.

Слухи о внедренном агенте посеяли беспокойство и в рядах российской контрразведки, однако у этой службы имелось другое основание для волнения, гораздо более реальное. Одной из причин поражения России в предыдущей войне, с Японией, была разразившаяся в 1905 году революция. Предположим, пусть гадательно, что, не разразись революция именно в то время, Россия вполне могла бы одержать верх над противником на Дальнем Востоке. Японцы, конечно, никоим образом не «начали» революцию — существовавших в России условий с лихвой хватало для самовозгорания — однако им она оказалась на руку, и они предпринимали усердные, хотя и спорадические усилия, дабы ей способствовать, — например, тайно снабжая революционные организации деньгами[56]. Что, если Германия попытается сделать то же самое? Конечно, война как будто бы способствовала сплочению населения империи, но долго ли продлится патриотический подъем? Возможно, война лишь на время затушевала глубокие противоречия и неразрешенные конфликты внутри российского общества. Если так, разве это не прекрасная почва для подстрекательства к беспорядкам? Имеются свидетельства того, что размышления немецкой стороны развивались в том же ключе. За неделю до казни Мясоедова российский военный атташе в Голландии телеграфировал в Петроград:

> ...среди германских военных много разговоров о том, как широко была организована в период Русско-японской войны пропаганда, приведшая к беспорядкам внутри страны. Высказывается, что если сумели сделать это японцы, то им, немцам, и подавно это удастся, причем надежды возлагаются на Финляндию, на революционные элементы и на неимущие классы. По имеющимся сведениям, этот вопрос находится еще в периоде разработки в Германии[57].

Такого рода сообщения, естественно, заставляли российское правительство проявлять повышенную бдительность, однако беспокойство военной контрразведки было более острым, поскольку она обороняла рубежи империи от тайных действий врага. Пребывая в твердом убеждении, что немцы ведут кампанию саботажа и шпионажа внутри России, офицеры контрразведки с большой готовностью интерпретировали любые происшествия, провалы и

просто случайности как свидетельства немецкого заговора и слишком легко видели немецкого шпиона во всяком эксцентричном, сомнительном или просто владеющем иностранными языками человеке.

Есть еще одно объяснение того, откуда взялось дело Мясоедова: за всем этим стояли немцы, намеренно старавшиеся очернить полковника. Действительно, сведения о подпоручике Колаковском, содержащиеся в сохранившихся немецких источниках, указывают на то, что ему удалось убедить немцев в своей готовности на них работать и что немцы репатриировали его в надежде получить полезные шпионские донесения. Но, возможно, это впечатление обманчиво. Кто тут на самом деле кого обманывал?

После того как Колаковский был завербован, лейтенант Бауэрмайстер из немецкого Генерального штаба вкратце изложил свеженспеченному агенту его задачу. В ходе этого разговора Бауэрмайстер либо сказал, что Мясоедов немецкий шпион, либо нет. Есть только два варианта, и логический вывод *из обоих* может быть только один — Мясоедов шпионом не был. Если Бауэрмайстер не называл имени экс-жандарма, следовательно, Колаковский сочинил кучу лживых россказней, желая произвести впечатление на своих русских следователей[58]. Если же Бауэрмайстер действительно указал на Сергея Николаевича как главного немецкого шпиона, это также на самом деле доказывает его невиновность, поскольку ни один профессиональный разведчик, будучи в здравом уме, не станет столь откровенно раскрывать своих оперативников. В этом случае истинный смысл игры, которую вел Бауэрмайстер, заключался в том, чтобы обмануть легковерного Колаковского, заставив его поверить в то, что Мясоедов в самом деле предатель, и таким образом гарантировать, что, стоит лейтенанту добраться до дома, эта гнусная ложь дойдет до слуха российской власти.

Если немцы действительно пытались подставить Мясоедова, каковы могли быть их мотивы? Не нужно чрезмерно напрягать фантазию, чтобы предложить несколько вариантов. Прежде всего в планы немецкого командования действительно входило использовать социальные и политические проблемы Российской империи в своих интересах. Есть все основания утверждать, что приведенный выше голландский рапорт точно передает намерения Германии в этой области. Крестьяне, лишенные земли, периодически бастующие промышленные рабочие, угнетенные национальные меньшинства — все это обессиливало Россию. Однако от немцев не ук-

рылась и другая причина слабости империи — расколы и конфликты как между, так и внутри ее политических и военных элит. В таком случае ложное обвинение Мясоедова в шпионаже могло быть грубым актом психологической войны, направленной на форсирование расколов и взаимных обвинений, ставших нормой российской жизни. А если повезет, арест Мясоедова мог очернить его бывшего патрона, наведя подозрение в предательстве на самого военного министра Сухомлинова и вызвав смятение и панику на высших уровнях российской политики.

Во-вторых, дезинформирование российского правительства относительно Мясоедова могло быть методом, каким Германия защищала своих реальных агентов — причем в тех обстоятельствах этот метод был одним из лучших. Втянув полицию и контрразведывательную службу России в тщетную слежку за Сергеем Николаевичем и его друзьями, Берлин, возможно, надеялся отвлечь ресурсы, которые иначе могли быть использованы для поимки настоящих шпионов.

И, наконец, немецкая разведка могла остановить свой выбор на Мясоедове не только из-за выдвинутых против него в 1912 году обвинений, но и желая ему отомстить за некие давние обиды. Здесь мы вступаем на шаткую почву допущений, однако имеются некоторые разрозненные сведения, которые, как кажется, подтверждают нашу версию. Как и все прочие немецкие мемуаристы, упоминавшие это событие, шеф германской разведки Николаи впоследствии осудил царское правительство за жестокую расправу с несчастным жандармским полковником. Но с чего было Николаи проливать слезы над Мясоедовым? В другом месте своей книги он свидетельствует, что до войны Мясоедов был одним из лучших пограничных офицеров разведки в России, причем успехи и удачи Мясоедова он описывает с плохо скрытым раздражением[59].

Можно, конечно, возразить, что, если тайной целью немцев было утопить Мясоедова в зыбучих песках ложных обвинений, способ, который они для этого избрали — набить голову подпоручика Колаковского обвинительной дезинформацией, — был весьма медленным и ненадежным. Однако возможно, что эта попытка поставить силки на Мясоедова, если она имела место, была не единственным действием в этом направлении. Среди тех, кто с пеной у рта нападал на братьев Фрейдбергов, крича об их нечестности в бизнесе до войны и последующем предательстве, был некий Фишка Браунштейн. Нетрудно догадаться, что этот Браунш-

тейн был связан с датскими и германскими пароходными концернами, заинтересованными в крахе конкурирующей фирмы Фрейдбергов. При этом привлечение клиентов из среды потенциальных эмигрантов было не единственным занятием Брауншгейна — под покровом ночи он также подвизался в качестве агента Гауптмана Флека, шефа германского разведывательного бюро в Эйдткунене[60]. Кто приказал Брауншгейну распространить ложь в отношении Фрейдбергов — его начальники в бизнесе или в разведке? К сожалению, в нашем распоряжении нет сведений, которые позволили бы дать однозначный ответ на этот вопрос.

В конечном счете, однако, чаша весов с доказательствами склоняется в пользу версии о Колаковском как недалеком врале, а не безвольном инструменте спланированной Германией дерзкой кампании дезинформации. Вероятнее всего, Мясоедова сгубили именно выдумки подпоручика, а не германские хитрости. Однако, даже если Германия не участвовала в заговоре против полковника, она извлекла из него пользу большую, чем если бы заговор существовал в действительности.

Один из теоретических постулатов Клаузевица трактует взаимосвязь между элементами того, что он называет «парадоксальным триединством войны». Эти три элемента — разум и логическая оценка целей и средств, воплощенные в правительстве; вдохновение и интуиция, представленные военными; иррациональная страсть и воля, носителем которых чаще всего является народ. Чтобы одержать верх в войне, особенно в тотальной, как война 1914—1918 годов, необходимо гармоничное равновесие всех частей национального триединства. Поскольку, по мнению Клаузевица, цели войны должны лежать в области политики, преобладание милитаристских военных соображений над политическими, или продление войны сверх необходимого под давлением ненасытного народного гнева, неизбежно приводит к катастрофе. Однако теория Клаузевица также гласит, что ни одно правительство, сколь бы мудрым оно ни было, не сможет победить в большой войне без энтузиазма и поддержки народа — как облаченного в военную форму, так и гражданского, а также без умелого планирования и руководства со стороны генералитета. Есть, однако, дополнительная сложность: поскольку война представляет собой интерактивный процесс, в котором каждая из сторон пытается нанести ущерб другой, баланс триединства является необходимым, но не единственным условием победы. Следовательно, всякой воюющей стра-

не надлежит прикладывать всевозможные усилия к защите внутреннего триединства, не забывая при этом о противной стороне.

Для того чтобы понять последствия дела Мясоедова, нанесшего гигантский урон государственному и народному компонентам российского триединства, необходимо сделать короткое отступление. Дело Мясоедова и прочие связанные с ним расследования и разбирательства отравили политический дискурс, подточили престиж дома Романовых, способствовали краху того хрупкого единения русских, которое возникло на почве войны, и одновременно (если воспользоваться выражением Ницше) способствовали причудливой «переоценке ценностей», в результате которой монархия стала синонимом предательства. В этом смысле дело Мясоедова способствовало интересам Германии больше, чем многие известные триумфы Германии на Восточном фронте.

«Шпионаж» и психология масс: анатомия шпиономании

Необходимо отметить, что печально известные шпионские скандалы, сотрясавшие Россию с 1915 до 1916 года, оказались столь разрушительны для ее военной мощи потому, что сотни, если не миллионы людей воспринимали приговоры, выносившиеся по этим делам, с полным доверием. Конечно, отчасти эта вера базировалась на официальном заявлении правительства, назвавшего Мясоедова, Фрейдбергов и всех остальных вражескими агентами. Однако в стране было достаточно тех, кого собственный опыт научил не принимать заявления режима за чистую монету. И все же приговоры, вынесенные в делах Мясоедова/Сухомлинова, вызвали большее доверие, чем обычные официальные санкции, благодаря своей созвучности с определенными пагубными, застарелыми тенденциями общественного развития России, усугубившимися с началом войны. Именно мнение публики раздуло шпионские скандалы до таких гротескных пропорций, будто горячий воздух, наполняющий воздушный шар. Обыватели в самом деле были готовы поверить в предательство Мясоедова еще до того, как узнали о его аресте.

Во всех воюющих странах в начальной фазе войны общественный патриотизм и национальный подъем имели свою обратную сторону — рост шовинизма и ксенофобии. Все связанное с нена-

вистным врагом демонстративно отвергалось и предавалось публичному поруганию. В Британии редакторы «Кембриджской истории Средних веков» отказались публиковать главы, написанные немецкими учеными; аптечная сеть Бута разместила в газетах большие объявления, уверяя, что продаваемый ею одеколон на самом деле не из Кёльна, а исключительно английского производства; всюду ходили слухи о бандах иностранных агентов, под покровом ночи отравляющих колодцы и водные резервуары[61]. После того как немецкие надежды на быструю победу были похоронены начавшейся в декабре 1914 года окопной войной, «всякого черноволосого или чернобородого человека арестовывали, принимая за русского, а если кто появлялся в плаще английского покроя, вопящая толпа волокла его в полицейский участок»[62]. Заражение коснулось и Соединенных Штатов. Вступление Америки в войну в 1917 году сопровождалось взрывом антигерманских настроений. Во многих университетах было приостановлено изучение немецкого языка, sauerkraurt, кислую капусту, переименовали в liberty cabbage, а немецкую овчарку решили называть эльзасской. «Переверните ад вверх дном, — громыхал знаменитый американский проповедник Билли Сандэй, — и увидите клеймо “сделано в Германии”»[63].

Россия, вместе с остальной Европой и Америкой, в годы мировой войны также переживала обострение националистической истерии и нетерпимости. Однако, подобно Австро-Венгрии и в отличие от Франции и Германии, Россия была многонациональной империей, а не относительно гомогенным национальным государством. Именно поэтому усилившийся в военные годы национализм проявлялся в оппозиции не только к внешнему, но и к «внутреннему» врагу — то есть к некоторым этническим, религиозным и национальным группам населения, издавна, иногда на протяжении веков, обитавшим бок о бок с русскими. Прежде всего националистические предрассудки и враждебность сфокусировались на двух разрядах российских подданных — евреях и немцах. То обстоятельство, что фактически все предполагаемые сообщники и подручные Мясоедова были либо евреями, либо этническими немцами, русскому националисту было эмоционально внятно и помогало «понять», каким образом жандарм-изменник стал во главе шпионской интриги.

Невозможно спорить с тем, что в годы Первой мировой войны среди российских евреев и этнических немцев были немецкие шпионы. Кто первым буквально накануне войны сообщил Герма-

нии о мобилизационных планах России? — еврейский торговец и российский подданный Пинкус Урвич[64]. В ходе войны Германия, как известно, возлагала большие надежды на еврейских агентов, завербованных на российских территориях Польши и Литвы. Для многих из них шпионаж был сугубо деловым предприятием, и они стали бы работать на всякого, кто предложил бы большую мзду. Собственно, когда Мясоедов служил при штабе 10-й армии, он сам пытался рекрутировать информантов из той среды и тех групп населения, что и немцы. С другой стороны, некоторые евреи делали выбор в пользу Германии под воздействием дурного обращения и притеснений, которые они переживали в России. Великий историк еврейства Семен Дубнов зафиксировал в дневнике, что, хотя первоначально еврейские массы поддерживали войну с тем же патриотическим энтузиазмом, что и остальное население находящихся под властью русского императора земель, к ноябрю 1914 года в их ряды проникли прогерманские настроения. Что не удивительно, учитывая «расправы русской армии с мирным еврейским населением в Польше и Галиции»[65].

Этнические немцы, насчитывавшие в 1914 году приблизительно три миллиона человек, составляли небольшое, но влиятельное национальное меньшинство в Российской империи еще с XVIII века. Захват Петром Великим территорий на Балтике привел под власть России значительное число немцев, возросшее еще более, когда его преемники выделили на Волге анклавы для иммигрантов из германских государств. В следующем веке на восток потекли новые группы немцев, теперь в поисках лучших экономических и торговых перспектив. Среди новоприбывших были те, кто сохранял отчетливое ощущение связи со своей исторической родиной; многие продолжали оставаться подданными Германии, из них некоторые, подобно Бауэрмайстерам, вернулись в Германию по призыву на военную службу. Правительство Германской империи само из кожи вон лезло, чтобы привлечь этих людей — для чего, к примеру, в 1870-х был принят закон, разрешавший немецким подданным иметь двойное гражданство. Очевидно, что среди проживавших в России немцев можно обнаружить тех, кто исполнял шпионские поручения немецкой разведки, однако точное их число неизвестно. Во всяком случае, немецкая секретная служба возлагала на них большие надежды[66].

При этом нет никаких сомнений в том, что большинство немецких и еврейских подданных императора Николая II были вполь-

не лояльны и не участвовали ни в какой шпионской деятельности. Однако явной невиновности было недостаточно, чтобы оградить эти этнические группы от всеобщей ненависти. Страх и презрение к евреям, равно как восхищение, зависть и одновременно опасение по отношению к немцам, имели в России историю, начавшуюся задолго до войны.

У российского антисемитизма длинная и позорная родословная. С точки зрения русского антисемита, евреи вообще — это заведомо сомнительные, лишенные чувства патриотизма космополиты; считалось, что многие из них спят и видят, чтобы Германия захватила Россию, надеясь на более мягкое обращение, чем при царском режиме. При том что большая часть евреев жила в крайней нищете, их, кроме всего прочего, ассоциировали с капитализмом, либерализмом и веяниями нового века — то есть с явлениями, которых русские националисты отнюдь не одобряли[67]. Таким образом, антисемитизм военной эпохи можно рассматривать как развитие и ужесточение уже имевшихся тенденций.

Немцы вызывали гораздо более сложные чувства. На протяжении нескольких поколений русские семейства с немецкими корнями, особенно из балтийских губерний, давали стране выдающихся личностей, вошедших в военную и чиновничью элиты империи. Кроме того, русские монархисты-традиционалисты прошлого зачастую восхищались поведением и манерами российских подданных немецкого происхождения, считая их в целом более трудолюбивыми, законопослушными и культурными, чем русское население. Однако между русскими националистами были и те, у кого именно эти качества немцев вызывали ненависть и представлялись скорее пороками, чем добродетелями. Националисты этого толка считали, что благодаря своей большей культурности, хитрости и организованности немцы захватили опасно много важных постов в промышленности, торговле и гражданской службе. Русские, будучи по природе слишком прямодушны и бесхитростны, чтобы противостоять лукавым немецким конкурентам, позволили немцам приобрести непомерное и гибельное влияние на русскую жизнь. Немец, по словам одного русского националиста, — это «враг, который захватил все лучшее, что есть в стране»[68]. Вполне предсказуемым образом война способствовала усилению германофобии, и образ немца как жадного, злобного эксплуататора вытеснил фигуру трезвого и честного бюргера. Что еще хуже, напоминали германофобы, сосредоточение столь значительной экономической и

политической мощи в немецких руках не только лишает честных русских тружеников принадлежащего им по праву, но и позволяет злонамеренным тевтонам наносить чувствительные удары по военной экономике империи.

Желтая пресса и потакавшие массовому вкусу брошюры подпитывали эти негативные стереотипы. Российские газеты разоблачали «немецкие заводы в России»; А.С. Резанов, помощник военного прокурора, опубликовал трактат о германском шпионаже, в котором утверждал, что «только война показала, какое количество немецких офицеров было водворено в России под видом различного рода служащих на заводах, фабриках, в конторах и т.п. промышленных предприятиях»[69]. Брошюра Николая Поливанова «О немецком засилии», к 1916 году выдержавшая шесть изданий, учила, что все немцы — это моральные дегенераты, а подлинная угроза России — не на фронте, а «в болотной тине иных германофильствующих канцелярий»[70]. Иными словами, российские немцы как класс сознательно враждебны к Российскому государству и ведут против него беспощадную войну изнутри.

Эти предубеждения против немцев и евреев, подобно искривленным линзам, конструировали ту реальность, которую «видели» многие русские. Поскольку все верили, что ни от немцев, ни от евреев не приходится ждать ничего хорошего, доказательства, подтверждавшие это суждение, автоматически воспринимались с большим доверием, в отличие от противоположных мнений. Показания подпоручика Колаковского — случай именно такого рода. Одна из причин, по которой военные следователи сочли возможным со вниманием отнестись к его версии, несмотря на ее странные ляпсусы и противоречия, заключалась, вероятно, в исключительно антисемитском и германофобском характере большей части им сообщенного. Показывая на допросе, что евреи приграничных территорий добровольно и с энтузиазмом помогают немцам, что все этнические немцы в русской армии — тайные слуги кайзера, он как попугай повторял затертые клише русского национализма. Игра на предрассудках собеседников давала шанс произвести впечатление человека искреннего и честного.

Как бы то ни было, по меньшей мере вплоть до Февральской революции 1917 года возраставший страх предательства шел рука об руку с усилением преследования евреев и немцев. Антисемитизм и германофобия послужили катализаторами российской шпиономании.

Антисемитизм

Война практически с первых дней дала новый толчок антисемитизму, с особой силой проявившемуся в приграничных польских, литовских и украинских районах. Уже 14 (27) августа жандармское управление Варшавской губернии сообщало в Петроград о заметном росте числа насильственных действий со стороны поляков в отношении подозревавшихся в коллаборационизме евреев[71]. О евреях ходили дикие слухи, будто они отравляют колодцы, снабжают наступающую немецкую армию лошадьми и провизией, укрывают вражеских солдат и сигнализируют противнику о передвижениях русских войск[72]. 26 сентября командующий 1-й армией писал командующему Северо-Западным фронтом, что на некоторых территориях, недавно захваченных немцами, часть местного населения — «исключительно евреи» — снабжают германскую армию как информацией, так и провизией, и требовал упрощения правил военно-судебной процедуры в случаях шпионажа и предательства[73]. Ответом великого князя Николая Николаевича на эту просьбу был приказ, разрешавший офицерам, начиная с командиров полков, самостоятельно создавать для разбирательства дел «виновных в шпионстве» военно-полевые суды на местах[74]. Нетрудно предсказать, что среди жертв этих новых судебных институтов оказалось много евреев, в отношении которых приговоры зачастую выносились на основании ничтожнейших доказательств. Особенно запомнился позорный случай Гершановича, мариупольского еврея, который 2 октября 1914 года был признан виновным в пособничестве врагу исключительно на основании доноса мусульманского духовного лица, некоего имама Байрашевского, который и был истинным коллаборационистом и оговорил невиновного, чтобы отвлечь внимание властей от собственных преступлений[75]. Благодаря усилиям адвоката Гершанович был в конце концов оправдан и в 1916 году вышел на свободу. Другим повезло меньше. В конце ноября 1914 года Николай Николаевич издал секретный приказ, предписывавший военным брать еврейских заложников из числа жителей еврейских местечек и селений в занимаемой зоне. Если кто-нибудь из еврейской общины данного населенного пункта будет замечен в шпионаже или предательстве, заложники поплатятся жизнью[76]. Точное число повешенных и расстрелянных в рамках этого предписания неизвестно; сообщение о трех еврейских заложниках, казненных 24 декабря в местечке Сохачев, — одно из немногих, попавших в русские газеты[77].

В 1915 году положение совсем ухудшилось. В марте евреям запретили проживать на любых территориях, прилегающих к Финскому заливу (надо полагать, чтобы предотвратить их изменническое общение с экипажами кораблей германского флота)[78]. В том же месяце армия приступила к массовой депортации евреев из западных областей империи, и к началу лета дороги оказались забиты более чем шестисоттысячной массой продвигающихся на восток беженцев[79]. В мае российская пресса снова запестрела антиеврейскими рассказами. «Русский инвалид», ежедневный орган Военного министерства, поместил ложное сообщение, будто в апреле евреи из местечка Кужи в Курляндии прятали у себя немецких поджигателей, которые, не без помощи этих самых евреев, сожгли селение. Хотя правда снова в конце концов вышла на поверхность (в Кужах в то время не было ни одного еврея), «кужинский случай» послужил поводом для новой волны депортаций евреев, на этот раз из Ковенской и Курляндской губерний[80].

Все эти совершенно противозаконные действия стали возможны потому, что по законам военного времени российский верховный главнокомандующий пользовался исключительными и неограниченными полномочиями. Параграфы этого документа наделяли Николая Николаевича диктаторской властью над всей администрацией, равно гражданской и военной, в зоне фронта. Не будучи подотчетен правительству в Петрограде, великий князь являлся, в самом реальном смысле, вторым императором. Вот почему инициированные его приказом депортации шли полным ходом, несмотря на созданный ими медицинский, транспортный и жилищный кризис и невзирая на протесты Совета министров. Средние и верхние эшелоны российского военного руководства на фронте оказались во власти антисемитской истерии. Правая рука великого князя, начальник штаба Янушкевич, был известен своей патологической юдофобией[81]. Граф Павел Игнатьев, проработавший почти весь 1915 год в контрразведке Юго-Западного фронта, впоследствии жаловался, что его контора была забита доносами на евреев, из них 90% совершенно нелепых и бесполезных. «В каждом еврее, — удивлялся он, — подозревали шпиона»[82].

Однако происходившее объяснялось не только массовым психозом. Князь Н.Б. Щербатов, министр внутренних дел, человек далеко не либеральных взглядов, считал, что кампания Янушкевича против евреев была мотивирована более политикой, чем фанатизмом. На заседании Совета министров 14 августа 1915 года он

высказал свою растущую обеспокоенность бессилием правительства: «всемогущий» Янушкевич отказался ослабить преследования евреев, несмотря на то что они стали причиной беспрецедентных человеческих страданий, дестабилизации внутренней жизни империи и, напоследок, осложнили отношения России с союзниками. Щербатов заявил, что Янушкевич стремится, играя на антисемитских настроениях в армии, возложить на евреев всю ответственность за поражения на фронте. Князь не сомневался, что в случае военной катастрофы Янушкевич прибегнет к теме еврейского заговора как своему алиби[83].

Возможность трений как с союзными, так и с нейтральными державами в связи с отношением России к евреям несколько раз становилась предметом рассмотрения российского правительства в первые годы войны. Особенные проблемы ожидались для доступа России к британским и американским рынкам капитала, на которые, как считалось, большое влияние оказывают банкиры-евреи. Еще 13 (26) августа 1914 года российский посол в Британии граф Бенкендорф писал императору, что, возможно, пора дать некоторые послабления российским евреям, дабы произвести хорошее впечатление на зарубежное общественное мнение, — в то время Николая II эта идея не привлекла[84]. Несколько месяцев спустя, в апреле 1915-го, министр финансов Барк в послании министру иностранных дел Сазонову высказал предположение, что Россия могла бы упростить себе в будущем банковские операции в Лондоне, создав положительное впечатление о себе у лидеров всех политических сил Британии. Загвоздка, конечно, заключалась в лейбористской партии, которая продолжала придерживаться в общем антирусских взглядов «на почве еврейской агитации». По мнению Барка, российскому правительству следовало официально и торжественно пригласить какого-нибудь видного члена Палаты общин из числа лейбористов в Петроград, чтобы он познакомился «с английскими колониями в России, настроенными весьма дружелюбно к России и придерживающимися определенно антисемитских взглядов». Если этот эксперимент принесет России поддержку британских левых, впоследствии можно будет устроить визит целой делегации лейбористов[85]. Подобные неуклюжие шаги в налаживании добрых отношений не могли сгладить отрицательное впечатление, произведенное чудовищными жестокостями, творившимися русской армией против евреев в Польше и Галиции. Работник британского благотворительного фонда Джон Поллок, проведший три месяца в

Польше весной 1915 года, проинформировал Уайтхолл о том, что за преследованием евреев стоят политические цели, а выдвигаемые против них обвинения не имеют под собой никаких оснований:

> Очевидно, что политики воспользовались войной, чтобы настроить русских против евреев, представляя последних предателями интересов России. В этом им способствовали реакционные элементы в России, например из окружения покойного министра внутренних дел, который, будто бы, говаривал: я не утверждаю, что все евреи — предатели, а только что все предатели — евреи (забыв, вероятно, о полковнике Мясоедове). Судя по расследованиям, произведенным в Польше, огульное обвинение евреев в предательстве имеет весьма шаткие основания. Конечно, некоторые случаи были доказаны, часть локальных сведений, добытых немцами, возможно исходила от евреев — однако сторонники Германии, а возможно и шпионы, есть и в польской среде. Кроме того, произошедшее было предсказуемо. Прежде всего, только евреи в польских деревнях осведомлены о жизни округи; потом, немцам естественно было обратиться именно к евреям не только из-за большей живости еврейского ума, но и потому, что идиш, жаргон, на котором говорят евреи, представляет собой испорченный немецкий, и с помощью угроз и некоторого насилия немцам было бы нетрудно добиться своего. В целом, учитывая эти особые обстоятельства, невозможно поверить, чтобы между польскими евреями было больше организованного шпионства, чем в среде любого приграничного населения; считается, что в этом не было недостатка также на французских и бельгийских границах[86].

Британское правительство, несмотря на свойственный ему самому антисемитизм и нежелание вмешиваться во внутренние дела союзников, все же откликнулось на донесения вроде только что процитированного и заявило протест графу Бенкендорфу по поводу политики его правительства в отношении еврейского населения. Собственно, отмена черты оседлости в России (в августе 1915 года) была отчасти проведена российским Советом министров с целью остановить потоки критики в иностранной прессе. Конечно, свою роль сыграло и то, что остатки черты оседлости были до отказа заполнены потоком беженцев, изгнанных из прифронтовых территорий. 6 августа 1915 года на заседании Совета министров государственный контролер П.А. Харитонов указал, что военные власти не справляются с перевозкой сотен тысяч евреев во внутренние области России[87].

Российское еврейство само организовалось, чтобы позаботиться о себе и противостоять растущей волне антисемитизма. Весной 1915 года в Петрограде был создан Еврейский комитет помощи жертвам войны (ЕКОПО), имевший целью сколько возможно облегчить страдания многих тысяч еврейских беженцев[88]. Группы видных евреев, в том числе несколько думских депутатов, основали неофициальное бюро для сбора информации об отношении к евреям и для опровержения распространяемой о них лжи. Еврейская пресса, прежде всего газета «Новый восход», в качестве противоядия от вредных вымыслов о «еврейской измене» предавала гласности героизм солдат-евреев — наградой от властей стало закрытие «Нового восхода». Защитники евреев использовали один довольно любопытный аргумент: они утверждали, что евреев приносят в жертву ради того, чтобы скрыть имена *этнических русских*, которые и являются настоящими германскими и австрийскими шпионами. К таким аргументам чаще всего прибегали политики левого толка. На собрании ЦК кадетской партии известный юрист М.М. Винавер возложил вину за распространение антисемитизма на самого Мясоедова, отметив, что с первых дней войны самые серьезные обвинения в адрес евреев исходили от командования армий Северо-Западного фронта. Винавер утверждал, что полковник-изменник и его подручные распространяли злонамеренные слухи о предательстве евреев для того, чтобы отвести подозрения от себя самих. Главный печатный орган кадетов газета «Речь» 28 июля 1915 года изложила версию Винавера относительно причин преследования евреев как ширмы, за которой могут спрятаться предатели типа Мясоедова[89].

Германофобия

Если главным двигателем кампании против евреев была, как мы видим, армия, то программа антигерманских действий осуществлялась под давлением центристской и правой прессы. До некоторой степени ограничения, наложенные на проживание немцев в Российской империи, оправдывались соображениями национальной безопасности. Министерство внутренних дел, исходя из своего понимания войны как борьбы не только против власти императора Вильгельма II, но и против всего немецкого народа, 11 августа 1914 года разослало во все губернии циркуляр, объявлявший, что

отныне все германские и австро-венгерские подданные мужского пола от восемнадцати до сорока пяти лет, способные носить оружие, считаются военнопленными. Все подпадающие под эту категорию лица должны быть немедленно арестованы и перевезены, за их собственный счет, к местам ссылки в Восточной России, Сибири и Туркестане[90]. Множество австрийцев и немцев, на протяжении десятилетий живших в России, в надежде избежать применения к ним этого жестокого указа тут же обратились с просьбой о получении российского гражданства, многие направили свои петиции непосредственно императору[91].

Конечно, германофобия в среде простого народа представляла собой один из оттенков жизни России, равно как других союзных стран, в годы войны. Однако особенно явно ненависть ко всему германскому проявилась в среде образованных классов Российской империи, которым следовало бы быть умнее. Когда Московское литературно-художественное общество на своем собрании 10 октября проголосовало за исключение всех лиц с немецкими фамилиями, замечательный историк С.П. Мельгунов в виде протеста вышел из его состава — и уже вечером имел возможность прочесть о своем «предательском» поступке в правых газетах[92]. Самого невинного проявления любви к немецкой литературе, музыке или искусству было достаточно, чтобы вызвать потоки оскорблений, а иногда и похуже. В апреле 1915 года знаменитый оперный певец Дальгейм исполнил на частном концерте несколько арий на немецком языке. Один из слушателей донес на него в полицию, и та всерьез завела официальное расследование[93].

В конце концов общественная ненависть к «немцам» сфокусировалась на двух темах: во-первых, огромный вред, который высокопоставленные немцы якобы наносят военной экономике; и, во-вторых, необходимость ограничить идущее от немцев зло, лишив их земли и собственности. М.В. Родзянко, председатель Думы, был недоволен тем, что даже по прошествии пяти месяцев с начала войны немецкие подданные все еще занимают ответственные посты на государственных предприятиях, и обвинял в этом защищающих их великих княгинь, клику придворных и бюрократов. В воспоминаниях он писал: «Измена чувствовалась во всем, и ничем иным нельзя было объяснить невероятные события, происходившие у всех на глазах»[94].

Журналисты и политические памфлетисты заявляли, что пора России «сбросить немецкое иго», под которым она слишком дав-

но томится, а для этого необходимо конфисковать счета и состояния немецких граждан. Две принадлежавшие семейству Сувориных газеты — «Новое время» и «Вечернее время» — стали главным рупором адресованных правительству требований предпринять решительные действия для освобождения России от немецкого экономического засилья. В статье, напечатанной в «Новом времени» 6 января 1915 года, был дан список «немецких» фабрик, работающих в настоящее время в России, причем автор статьи давал понять, что их директора намеренно саботируют производство товаров, необходимых для военных целей. Шарк, Хервагер, Дих и Бонмюллер — все немецкие подданные — были директорами, совладельцами и управляющими крупными фабриками и ассоциациями. Приводились десятки других примеров[95]. «Вечернее время» завело еженедельную колонку оголтелого националиста Осендовского, изливавшего на правительство потоки критики за недостаточную решительность в борьбе против «немецкого засилья»[96].

Раздавались и другие, более спокойные голоса. В.Н. Шаховской, министр торговли и промышленности, предупреждал, что для отечественной экономики сплошное закрытие «немецкого» бизнеса будет иметь последствия отнюдь не полезные, а исключительно вредные; его позицию поддержал журнал Совета съездов представителей промышленности и торговли[97]. Однако ответственные голоса не могли заткнуть гейзер национальной истерии и ура-патриотизма. 11 января 1915 года Николай II одобрил разработанный Советом министров законопроект, запрещавший выдачу годичных лицензий на занятие предпринимательством подданным вражеских государств, а также любым коммерческим фирмам, с которыми эти лица могли быть связаны. Это был первый из целой серии законодательных актов, с помощью которых в последующие два года было изъято и частью ликвидировано множество фабрик, владельцами которых были иностранцы, а сами бывшие хозяева лишены права быть акционерами даже в российских концернах[98].

В феврале 1915 года настал черед сельского хозяйства. Опубликованные 2 февраля три закона запустили процесс конфискации не только земель «вражеских подданных», но и так называемых вражеских поселенцев — то есть тех, чьи семьи жили в России многие десятилетия, а то и столетия. К началу лета 1916 года подсчитали площади принадлежавших представителям последней категории земель, предназначенных к экспроприации, — их оказалось более 3,2 млн га[99]. К концу второго месяца 1917 года

по меньшей мере 6,4 млн «немецких» гектаров было объявлено подлежащими конфискации (хотя в действительности до Февральской революции, приостановившей программу, была конфискована лишь малая их часть)[100].

Весной 1915 года антигерманские страсти охватили Москву[101]. А.П. Мартынов, начальник Московского охранного отделения, предупредил градоначальника, что взрывоопасное сочетание высокой инфляции, перенаселенности и антигерманской агитации, которую ведет желтая пресса, легко может привести к массовым беспорядкам — однако его дальновидный совет был оставлен без внимания[102]. 29 мая озверевшая толпа захватила улицы города и принялась крушить магазины, принадлежащие немцам или просто названные на немецкий манер. Поощряемые явным бездействием полиции, погромщики перешли от швыряния камней в витрины к грабежам, поджогам и физическому насилию. Когда после двух дней этого жуткого антинемецкого погрома пыль рассеялась, 475 магазинов, контор и заводов оказалось разгромлено, 207 квартир ограблено и почти 700 человек избито, некоторые до смерти. Фабриканта по фамилии Шредер беснующаяся толпа выволокла из конторы, раздела донага и сбросила в канаву, где он утонул[103]. Поскольку среди объектов нападения обнаружилось несколько оружейных заводов, нашлись те, кто, как британский посол Джордж Бьюкенен, поверили, что эти беспорядки на самом деле были организованы самими «немцами» с целью навредить военному производству[104]. Более проницательные наблюдатели поняли, что имело место нечто обратное: отметив вялую реакцию полиции на эти акты насилия, они заподозрили, что первоначально местные власти собирались смотреть на погром сквозь пальцы, но в результате оказались бессильны перед его мощью[105]. Московский градоначальник и московский генерал-губернатор были вследствие этих беспорядков уволены.

Таким образом, мизансцена для русских шпионских дел 1915–1916 годов была создана резким ростом шовинизма, антисемитизма и германофобии, а также усилиями Ставки, правительства и определенных сил в прессе, поощрявших и эксплуатировавших все три названные тенденции. Конечно, участники процесса имели разные цели. Ставка стремилась оградить себя от критики и дать российскому обществу альтернативное объяснение военных поражений. Правительство, нанося удары по «немцам», желало про-

демонстрировать свою преданность национальным интересам, тщетно ища народной поддержки. А желтая пресса, разжигавшая огонь ксенофобии, хотела как роста тиражей, так и дополнительных очков в борьбе с правительством. Очевидно, впрочем, что эти грубые попытки манипулирования общественным мнением были чреваты опасностью. Жестокая политика армии по отношению к заложникам из числа еврейства, казни и депортации ввергли тыловые районы в хаос, способствовали крушению транспортной системы страны и довели сотни тысяч людей до ненависти к императору и всему политическому режиму. Правительственная политика секвестирования и экспроприации нанесла несколько тяжелейших ударов по военной экономике, не приведя при этом к умиротворению неистовых националистов, которые считали принимавшиеся меры вялыми и запоздалыми. Браня правительство за его слабость в борьбе с внутренним врагом, националистическая пресса ускорила процесс распада империи, начавшийся задолго до революции 1917 года. Имплицитная логика правой политической позиции состояла в том, что государство должно прежде всего защищать национальные интересы не взирая на другие, в том числе династические. Все эти обстоятельства — жестокость по отношению к евреям, конфискация «иностранной» собственности, разглагольствования прессы — усиливали общее впечатление повсеместной измены. Конечно, сформировавшиеся в массовом сознании образы предательства и предателя были делом рук политиков. Если евреи, немцы, австрийцы — поголовно изменники, следовательно, они все заслуживают жесткого наказания. Если правительство медлит с принятием необходимых карательных мер или препятствует армии очищать прифронтовые территории от нежелательных элементов, возможно, измена свила себе гнездо именно в нем? Но что, если евреи и «иностранцы» были по большей части невиновны? Если так, то действия в их отношении были не просто бесчеловечны, но и потенциально опасны для отечества, поскольку инициаторы преследований как в армии, так и в правительстве могли использовать эти группы населения в качестве «козлов отпущения» для сокрытия собственной измены. Параноидальная атмосфера, в которой политические силы слева, справа и из центра обрушивались на высших представителей государства и друг на друга с обвинениями в измене, не слишком способствовала стабильности режима и военным успехам.

Однако на фоне споров относительно того, кто же на самом деле истинные внутренние враги России, практически все, вне зависимости от политической ориентации, поверили в то, что Мясоедов — немецкий шпион. Поскольку в такой атмосфере обычное знакомство воспринималось как доказательство виновности, следующего акта трагедии было не избежать. Кто первым назначил Мясоедова в Военное министерство? По чьей рекомендации он попал во фронтовую разведку? В конце апреля 1915 года петроградская полиция переслала в штаб Северо-Западного фронта анонимное письмо с доносом на российского военного министра. Автор этой записки, которым был либо Андроников, либо Червинская, утверждал, что генерал Сухомлинов торгует Россией «оптом и в розницу», и требовал расследования деятельности как его, так и его супруги, для выяснения их связей с полковником Мясоедовым, позорнейшим изменником в российской истории[106].

Глава 7

ВЕЛИКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Весна и лето 1915 года принесли российской армии поражение столь сокрушительное, что по сравнению с ним ничтожными показались все прежние катастрофы этой войны. Есть некая ирония в том, что одним из факторов этого краха были военные успехи России. В марте 1915 года опорная крепость Перемышль, находившаяся в русской осаде уже шесть месяцев, наконец выбросила белый флаг: почти двенадцатитысячный австро-венгерский гарнизон вышел из крепости и сдался в плен. Это событие заставило Германию обратить внимание на степень бессилия своего союзника, империи Габсбургов. Оседлав одержанный в Перемышле успех, русские, казалось, были на шаг от вторжения в Венгрию, тогда как австрийцы не могли помешать их наступлению. Хуже того, все более вероятной становилась перспектива вступления в войну на стороне Антанты Италии, ранее предпочитавшей отсиживаться в углу, и открытие нового фронта против Австрии в Трентино.

В этих обстоятельствах австрийское верховное командование в отчаянии кинулось за помощью к Берлину: глава штаба австрийской армии Конрад фон Хётцендорф твердил, что без немедленной германской помощи падение Двойной монархии есть лишь дело времени. Именно на основании этого аргумента немецкий коллега Конрада Эрих фон Фалькенхайн, пусть с неохотой, согласился отправить подкрепления на Восточный фронт. Реорганизовав свои силы во Франции и Бельгии, Фалькенхайн выделил восемь дивизий, которые могли начать действовать на русском направлении. Переброшенные с Западного фронта немецкие силы при поддержке трех австрийских дивизий составили новую 8-ю немецкую армию, которая скрытно сосредоточилась в районе Кракова. Командовать новым формированием был поставлен талантливый генерал Август фон Макензен, получивший приказ атаковать и уничтожить русскую 3-ю армию вдоль 35-километровой линии фронта, протянувшейся от Горлице до Тарнува.

Макензен перешел в наступление утром 19 апреля (2 мая) 1915 года. К этому моменту его локальное численное превосход-

ство было более чем два к одному. Гораздо большую роль, однако, играло превосходство в артиллерии, поскольку он имел в своем распоряжении 144 орудия среднего или дальнего радиуса действия по сравнению с русскими четырьмя единицами. Начав с сокрушительной артподготовки, во время которой 700 стволов выпустили по русским позициям более полумиллиона снарядов, Макензен в ходе пятичасового боя практически стер с лица земли вражескую систему неглубоких, затопленных водой окопов, лежавших поперек оси его наступления, и уничтожил более трети сидевших в них солдат. Русские были захвачены врасплох — в течение четырех дней боевая 3-я армия практически перестала существовать как военная единица. Не имея возможности из-за недостатка резервов прикрыть образовавшуюся брешь, русская армия была вынуждена в спешке отступить. К концу лета прорыв на линии Горлице—Тарнув перерос в наступление немцев и австрийцев на протяжении всего Восточного фронта. В конце мая Перемышль был отвоеван у русских. К концу июня была отвоевана Галиция. К июлю опасность нависла над Курляндией, Литвой и российской частью Польши. 14 июля генерал Данилов, генерал-квартирмейстер российских полевых армий, телеграфировал в Петроград, советуя подготовить общественное мнение к известиям о новых и более крупных территориальных потерях: Россия вынуждена сократить свой фронт, чтобы поставить свои доблестные армии в более выгодные условия обороны[1]. В августе один за другим были эвакуированы Варшава, Ковно и Брест-Литовск. На этом этапе Россия располагала 1800 батальонами против 1550 вражеских, однако многие из русских «батальонов» были чисто номинальными, поскольку насчитывали не более двухсот-трехсот человек, то есть 20—30% от положенного по уставу[2].

К концу сентября наступательный порыв Центральных держав выдохся. Одной из причин был полный развал их военной логистики, нагрузка на которую становилась тем тяжелее, чем дальше войска отрывались от интендантских складов и железнодорожных баз. Начавшиеся в сентябре и октябре ливневые дожди еще более осложнили обстановку, превратив дороги в моря непроходимой грязи. Впрочем, нельзя не упомянуть и о той роли, которую сыграло российское верховное командование: спешно сформированная осенью конная армия смогла предотвратить новый прорыв немцев, на этот раз на Северном театре военных действий[3]. Линия фронта стабилизировалась — теперь она тянулась от окраин Риги

вдоль Двины к Двинску, далее на юг через Барановичи, Дубно и Черновцы. Вся российская Польша, а также Курляндия и значительная часть Литвы и Белоруссии были оккупированы противником — площадь этих территорий составляла добрую четверть Европейской части Российской империи. А тут еще весенняя и летняя кампании принесли шокирующие цифры потерь. С мая по сентябрь 1915 года российские армии теряли в среднем по триста тысяч человек в месяц убитыми и ранеными на поле боя, а также еще двести тысяч сдавшимися или взятыми в плен[4]. Более того, Великое отступление российской армии породило следовавший за ним поток беженцев из числа гражданского населения, численность которого доходила по меньшей мере до трех миллионов человек.

Серия поражений, которые Россия потерпела в 1915 году, имела несколько причин. Одной из них, несомненно, была превосходная работа германского военного командования и, напротив, заурядность оказавшихся на ключевых участках фронта российских генералов, на которых лежит вина за военные поражения. За Юго-Западный фронт отвечал тогда генерал Н.И. Иванов, с которым мы уже встречались, человек лишенный воображения и косный. Служивший в то время у Иванова генерал Алексей Брусилов, командир действительно блестящий, впоследствии точно охарактеризовал своего бывшего начальника как едва ли не пораженца, лишенного даже самых туманных представлений о стратегии[5]. Генерал Антон Деникин, впоследствии один из лидеров Белого движения, также той весной служивший в армии Иванова, относился с полным презрением к «весьма слабой военной квалификации» шефа[6]. Что касается Р.Д. Радко-Дмитриева, болгарина на русской службе, он хорошо себя показал в сражении при Сане в 1914 году, однако, столкнувшись с яростной германской атакой против его 3-го Кавказского корпуса, проявил фатальную нерешительность. «Нам страшны не немцы, а наши генералы», — сокрушался некий младший офицер в апреле 1915 года[7].

Свою роль сыграла и децентрализованность системы российского военного командования, позволявшая командующим квазиавтономными фронтами медлить с отправкой подкрепления на помощь своим товарищам. Относительная слабость транспортной инфраструктуры России — сети железных и автомобильных дорог — стала препятствием для быстрой перегруппировки войск, в результате чего российские командиры зачастую оказывались в незавидном положении, вынужденные либо рисковать быть обойденными

с флангов, либо в очередной раз отступать. Однако, при том что не следует недооценивать воздействия всех перечисленных факторов на исход боев в Галиции и Польше, главной и самой значительной причиной поражения России был острый дефицит вооружения и боеприпасов.

Эта проблема имела несколько аспектов. Во-первых, пехоте не хватало винтовок. Как уже говорилось в главе 5, страна просто не производила достаточного количества винтовок для вооружения всех призванных на службу в первые месяцы войны. Верховное командование с самого начала было осведомлено о проблеме. Уже 26 августа 1914 года Ставка приказала подбирать винтовки убитых и раненых. Два месяца спустя командующий Северо-Западным фронтом[8] объявил о выплате вознаграждения обывателям за сданные австрийские и германские винтовки, найденные на поле боя[9]. Предпринимались судорожные попытки пополнить российские арсеналы с помощью иностранных закупок, однако процедура заключения контрактов была длительной, а поставки приходили с опозданием и спорадически. В мае 1915 года 150 тыс. человек на Юго-Западном фронте по-прежнему не имели винтовок, а на Западном фронте 286 тыс. солдат оставались не вооруженными еще в январе 1916 года[10]. В общей сложности российским армиям, находившимся в Европе, недоставало около 666 тыс. винтовок — трети от положенного[11]. В результате, по словам одного высокопоставленного чиновника Военного министерства, армия тонула в собственной крови[12].

Второй, и более грозной причиной была острейшая нехватка артиллерийских орудий и снарядов. В начале немецкого наступления весны 1915 года запасы артиллерийского снаряжения в России были столь ничтожны, что, по воспоминаниям одного офицера, «отпускали их, как в аптеке, — по столовой ложке»[13]. О том, что эти слова — не пустая фигура речи, свидетельствуют те отчаянные меры, которые предпринимала Ставка для сохранения боеприпасов — в частности, был отдан приказ предавать военно-полевому суду всякого командира, чья батарея выпускала по врагу более пяти снарядов из одного орудия в день[14]. Нельзя забывать о том, что большая часть тех боезарядов, которыми Россия располагала, состояла из легких, противопехотных снарядов — Германия же в избытке имела снаряды любого калибра. Трудно преувеличить психологический эффект повторявшихся вновь и вновь ситуаций: русские солдаты беспомощно корчатся под шквальным огнем не-

мецкой артиллерии при молчащих орудиях на своей стороне. С фронта одна за другой летели депеши, подтверждавшие, что причиной коллапса русской линии обороны весной 1915 года было именно превосходство противника в тяжелой артиллерии. Командующий 8-й армией рапортовал: «враг не страшен лицом к лицу, а выбиваются почти поголовно целые части войск его многочисленной тяжелой артиллерией»[15]. В сложившихся условиях разительного дисбаланса артиллерийских сил российское Верховное командование расходовало людей там, где не хватало снарядов. У нас нет пушек, отметил в дневнике один генерал, поэтому «мы боремся человеческими телами»[16]. В противостоянии между сталью и человеческой плотью исход предопределен. Британский военный атташе сообщал Лондону 13 (26) мая, что у русских нет иного выхода, как отступить под невыносимым давлением немецкого артиллерийского огня[17].

Как случилось, что Россия оказалась столь несостоятельна в области артиллерии? Одна из причин, конечно, в том, что никто не мог представить себе ту скорость, с какой ад мировой войны пожирал снаряды — здесь обвинение в недостатке воображения можно предъявить генералитету всех европейских держав, а не только России. Однако Россия не смогла эффективно отреагировать на этот кризис введением ударной программы производства вооружения — промышленному сектору ее экономики не хватало для этого сил. Сложность была не столько в производстве оболочек снарядов, которые российские заводы как раз были в состоянии изготовлять в достаточных количествах. Слабым звеном стали запалы, химикаты и собственно артиллерийские орудия — именно здесь Россия не была способна удовлетворить нужды армии[18]. Так, накануне войны во всей империи было всего 126 заводов, занимавшихся производством станков и деталей для них, иными словами, даже на тот момент полных 53% внутренней потребности России в этой продукции приходилось удовлетворять путем иностранных закупок. Большая часть токарных станков по металлу, использовавшихся на российских заводах, была импортирована из Германии, и лишь треть произведена на месте[19]. Провалы были налицо как в машиностроении, так и в химической промышленности. Россия не располагала достаточным количеством сырья для производства серной кислоты, главной составляющей взрывчатых веществ, поэтому план их производства — 2600 т в месяц — в 1915 году так и не был выполнен[20]. Несмотря на все успехи, в конце концов дос-

тигнутые Россией за годы войны в производстве военной материальной части (об этом подробнее далее), структурные проблемы организации промышленности привели к тому, что до самого конца своего существования императорская армия испытывала дефицит крупнокалиберной артиллерии, пулеметов, взрывчатых веществ, отравляющих газов, дистанционных взрывателей и винтовок[21].

Настроение в стране

Едва ли можно удивляться тому, что кризис военного снаряжения и одновременное Великое отступление подлили масла в огонь острого общественного недовольства — «военного психоза», по определению одного исследователя[22], — охватившего Россию в 1915 году. Сотни тысяч людей искренне не могли найти иного объяснения постигшим Россию катастрофам, кроме одного — предательства. Конечно, можно припомнить пару эпизодов, придавших этой уверенности оттенок правдоподобия. Генерал В.Н. Григорьев, комендант Ковенской крепости, малодушно бросил свой пост, даже не вступив в бой, что многие приписали скорее предательству, чем трусости. В руки немцев, занявших Ковно, попало двадцать тысяч пленных и 1300 орудий[23]. Однако главной причиной той связи между поражением и изменой, которая сформировалась в массовом сознании, было то, каким образом военное командование провело разбирательство дела Мясоедова. Свалив на Мясоедова вину за поражение 20-го корпуса 10-й армии, власти внушили населению, что за каждым военным поражением России скрывается какой-нибудь Иуда. Теперь, когда сам Мясоедов был уже мертв и похоронен, приходилось предположить, что имелись другие, еще не разоблаченные предатели, возможно даже в самых высших эшелонах военного руководства. «Дело войны наше проиграно, — в отчаянии писал тем летом солдат Николаевского пехотного полка, — а главное, продано кругом»[24]. Подобные настроения явились почвой для множества диких россказней, самой нелепой из которых была легенда о «генералах-предателях». В конце 1915 года широко распространился слух о якобы существовавшей большой группе генералов, чье предательство было раскрыто, всех их провели по улицам русских городов закованными в цепи и перед каждым «несли блюдо с деньгами, которыми эти генералы были подкуплены»[25]. Конечно, виновниками провалов никак не

могли быть предатели на фронте. Тут поработали тыловики, которые то ли по неумению, то ли намеренно дезорганизовали подготовку России к войне. Поскольку полную ответственность за боеготовность империи несло Военное министерство, оно, естественно, стало объектом общественного подозрения. Что, если чиновники министерства, вплоть до самого военного министра Сухомлинова, состоят в заговоре, цель которого — ослабить русскую армию, особенно ее артиллерию? Разве это не является исчерпывающим объяснением недавних поражений на поле брани? Один автор, писавший из расположения 26-й пехотной артиллерийской бригады в июле 1915 года, сформулировал это подозрение следующим решительным образом: «Сукина сына, этого Сухомлинова давно надо четвертовать в Москве на лобном месте»[26].

Треволнения Сухомлинова

Итак, военный кризис на фронте породил политический кризис внутри страны. Стало очевидно, что необходимо реорганизовать производство боеприпасов и принять меры для усмирения общественного недовольства, вызванного военными провалами. Ради этого Николай II согласился на создание беспрецедентной Особой комиссии по артиллерии, в которую вместе с чиновниками вошли промышленники и думские политики. К августу она была заменена целой системой из четырех особых совещаний по обороне, по перевозкам, по продовольственному делу и по топливу. Эти новые учреждения имели такой же смешанный состав, как и предшествовавшая им артиллерийская комиссия: для решения самых острых проблем страны частные граждане и думские политики работали бок о бок с министерскими чиновниками. Другим проявлением большей открытости режима «обществу» было создание под руководством Александра Гучкова военно-промышленных комитетов — производственно-управленческих органов, призванных координировать производство продукции для фронта более мелкими предприятиями; а также учреждение национального союза сельских и городских органов самоуправления, Союза земств и городов, известного как Земгор, для обеспечения войск дополнительными запасами лекарств, питания, обуви, полевых телефонов, одежды и проч. Дабы еще более укрепить доверие народа к правительству, Николай II произвел перестановки в своем кабинете

и уволил ряд особенно непопулярных министров. Одним из первых в отставку был отправлен В.А. Сухомлинов.

Сухомлинов уже некоторое время чувствовал нависшую над ним опасность. Создавшаяся в ходе войны политическая обстановка не сулила ему благополучного продолжения службы. С самого начала войны Верховное командование перешло к великому князю Николаю Николаевичу, который, как мы знаем, всей душой ненавидел Сухомлинова. Когда председатель Думы Михаил Родзянко в ноябре 1914 года посетил Ставку, великий князь сказал, что не доверяет военному министру[27].

Кроме того, дело Мясоедова давало Сухомлинову более чем достаточно оснований опасаться, что его близкое знакомство с казненным жандармом скоро получит громкую и грозную огласку. Конечно, он разорвал отношения с Сергеем Николаевичем еще до начала войны, однако рано или поздно кто-нибудь обязательно вспомнит, что именно военный министр отдал приказ о проведении расследования, которое в 1912 году официально оправдало Мясоедова по подозрению в шпионаже. Потом припомнят всю историю его связей с Мясоедовым — министр опасался интриг своих врагов, Поливанова, Гучкова и Андроникова, которые используют эту историю, дабы еще более очернить его и без того плохую репутацию и отнять министерский портфель[28].

И, наконец, Сухомлинову не давали покоя коллеги-министры. К началу 1915 года для большинства членов правительства Сухомлинов стал серьезной помехой. В ситуации войны необходимо было завоевать доверие ответственных думских политиков, для чего Сухомлинов, известный своим презрительным отношением к парламенту, представлял явное препятствие. Не забудем и расхлябанности Владимира Александровича в делах управления — раздражающая в мирное время, в годы испытаний она была совершенно неприемлема. А если учесть, что в массовом сознании уже сформировалась тенденция винить Военное министерство в кризисе снабжения армии, отставка его главы способна была склонить мнение общества в пользу правительства.

По этим причинам в двадцатых числах мая 1915 года главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин, самый влиятельный на тот момент член кабинета, собрал секретное совещание с пятью своими коллегами-министрами для обсуждения вопроса о том, как убедить царя уволить Сухомлинова, а заодно министра внутренних дел Маклакова, министра юстиции

Щегловитова и обер-прокурора Синода Саблера, — всех их в обществе не любили за реакционные взгляды, а Саблера еще и за терпимость по отношению к Распутину[29]. Пригрозив коллективно подать в отставку, Кривошеин и его группа смогли убедить Николая II уволить Маклакова, приказ был подписан 3 июня. Однако заставить императора расстаться с Сухомлиновым оказалось гораздо сложнее. Во-первых, Николай по-прежнему отдавал ему предпочтение перед всеми другими своими министрами. Во-вторых, считал все обвинения против военного министра беспочвенным оговором — в немалой степени потому, что Сухомлинов сам его в этом убедил. Непревзойденный мастер бюрократической интриги, Сухомлинов в апреле предпринял свои меры и лично доложил императору о деле Мясоедова, естественно сняв с себя всякие подозрения и объяснив, что, хотя Мясоедов действительно был приписан к Военному министерству, назначен он был туда по настоянию Столыпина (!). Николай, полностью поверивший этой лжи, впоследствии говорил одному из своих родственников, что Сухомлинова («безусловно честного и порядочного человека») пытались уничтожить злобные интриганы, которые «хотели его вмешать в дело Мясоедова, но это им не удастся»[30].

В этих обстоятельствах Кривошеин решил прибегнуть к помощи великого князя Николая Николаевича. Зная, что император должен быть в Ставке 10 июня, Кривошеин прибыл туда днем ранее для личных переговоров с верховным главнокомандующим о судьбе военного министра. Мы не знаем, какие доводы были приведены на следующий день при свидании императора с великим князем, однако 11 июня Сухомлинов получил копию императорского рескрипта об отставке с министерского поста и назначении в Государственный совет:

> Владимир Александрович, после долгого раздумывания я пришел к заключению, что интересы России и армии требуют вашего ухода в настоящую минуту. Имев сейчас разговор с вел. князем Николаем Николаевичем, я окончательно убедился в этом. Пишу сам, чтобы вы от меня первого узнали... Столько лет проработали мы вместе и никогда недоразумений у нас не было. Благодарю вас сердечно за вашу работу и за те силы, которые вы положили на пользу и устройство родной армии. Беспристрастная история вынесет свой приговор, более снисходительный, нежели осуждение современников...[31]

Теплая интонация записки и выраженное в ней сожаление не избавили Сухомлинова от чувства унижения — как бы то ни было, его выгоняли. Узнав, что на его место по настоянию Николая Николаевича назначен А.А. Поливанов, Владимир Александрович впал в еще большее раздражение[32].

Если в отношении увольнения Сухомлинова царь испытывал смешанные чувства, то назначение Поливанова ему крайне претило. Дружба Поливанова с ненавистным Гучковым, которой Николай ему не забыл, компрометировала нового министра в глазах царя. Еще более, если это можно себе представить, была предубеждена против него императрица. Признавая, что Сухомлинову пришлось уйти из-за «колоссальной» злости против него в армейских рядах, она писала мужу 12 июня на своем странноватом английском:

> Извини меня, но я не одобряю твоего выбора военного министра — ты помнишь, как ты сам был против него, и наверное правильно... Я боюсь назначений Н[иколая Николаевича] — он далеко не умен, упрям, и им руководят другие... Мог ли этот человек [Поливанов] так измениться? Разошелся ли он с Гучковым? Не враг ли он нашего Друга [Распутина]?[33]

Несмотря на дурные предчувствия Александры Федоровны, необходимость, требовавшая от императора уступок общественному мнению, была в тот момент столь сильна, что Николай не мог ей противиться. Всякий день приносил вести о новых поражениях на фронте; страна, казалось, шла к неизбежному и тотальному военному коллапсу.

Скоро очередь дошла до Щегловитова и Саблера. Кривошеин, который к этому времени уже открыто перешел в лагерь сторонников кабинета общественного доверия, убедил императора назначить очередное (после длившегося с января перерыва) заседание Думы на июль этого года. Несмотря на сделанные уступки (или, возможно, именно из-за них), большинство депутатов собравшейся 19 июля Думы не склонно было поддерживать нынешнее правительство; ораторы один за другим, выходя на думскую трибуну, требовали отставки министров и замены их «правительством доверия»[34]. На закрытом секретном заседании 23 июля Дума проголосовала 245 голосами против 30 за возбуждение судебного преследования против Сухомлинова и всех остальных, на кого возлагалась ответственность за артиллерийский кризис[35]. С трибуны звучали пламенные речи. Депутат И.Ф. Половцов метал громы и молнии:

> А где злодей, который обманул всех лживыми уверениями кажущейся готовности нашей к страшной борьбе, который тем сорвал с чела армии ее лавровые венки и растоптал в грязи лихоимства и предательства, который грудью встал между карающим мечом закона и изменником Мясоедовым? Ведь это он, министр, головой ручался за Мясоедова. Мясоедов казнен, где же голова его поручителя? На плечах, украшенных вензелями[36].

24 июля Совет министров ответил на думское голосование приказом о тщательном расследовании проблемы армейской логистики. Кривошеин был весьма красноречив. Защищая интересы Думы, он говорил, что недовольство бывшим военным министром — это не бунт. По словам Кривошеина, в интересах правительства пролить свет на эту историю, которая, несомненно, была раздута, и показать, что кризис поставок — это следствие распространенного ошибочного представления, что война не будет долгой[37].

Императорским указом от 25 июля была учреждена «Верховная следственная комиссия для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов воинского снабжения армии»[38]. Во главе ее был поставлен восьмидесятилетний Н.П. Петров, генерал инженерных войск. В комиссию вошли трое товарищей Петрова по Государственному совету — И.И. Голубев, А.И. Пантелеев и А.Н. Наумов, а также сенатор Посников и думские депутаты В.А. Бобринский и С. Варун-Секрет[39].

Комиссии Петрова (далее я использую это название) удалось достичь одной из поставленных Кривошеиным целей — в июле и августе 1915 года общественное мнение заметно смягчилось[40]. Однако Кривошеин был наивен, полагая, что комиссия, беспристрастно проанализировав все обстоятельства, опровергнет слухи о том, будто кризис снабжения намеренно спровоцирован злодеями из Военного министерства. С самого начала существования комиссии ряд ее членов не церемонясь дали понять, что им нужна голова Сухомлинова. Генерал Петров, скучноватый, но аккуратный чиновник, вначале противился такому способу расследования, без предварительного сбора достаточного количества фактов для его возбуждения, однако ему пришлось сдаться, когда Бобринский пригрозил ему, на повышенных тонах: «Если мы тотчас же не приступим к разоблачению мясоедовщины и сухомлиновщины — я немедленно выхожу из состава В<ерховной> С<ледственной

К<омиссии> и всенародно оповещу о причине моего ухода!»[41] Сергей Варун-Секрет, правый октябрист, заместитель председателя Думы, друг Гучкова, безоговорочно поддержал Бобринского. Сухомлинов, поднимаясь по карьерной лестнице, не скрывал своего презрения к мнению общества — теперь общество собиралось ему отомстить.

Другие судебные дела

Ничего хорошего не сулило свергнутому министру и то, что вскоре после его отставки аресту были подвергнуты некоторые из его друзей и знакомых. Оскара Альтшиллера, сына Александра, несмотря на его российское подданство, еще в самом начале войны задержали как «подозрительную личность». Сухомлинов тогда же обратился в Министерство внутренних дел, чтобы Оскара отпустили. Теперь киевские власти, узнав об отставке Сухомлинова, тут же снова арестовали молодого Альтшиллера и заключили его в тюрьму[42]. Вечером 18 июля в своем номере в петроградской гостинице «Астория» была арестована Анна Гошкевич. Вскоре за ней в тюрьму отправились ее бывший муж, Николай Гошкевич, его агент в артиллерийском ведомстве полковник В.Г. Иванов; жена Иванова; бывший любовник Анны Максим Веллер и номинальный биограф Сухомлинова В.Д. Думбадзе.

Альтшиллер своим заключением был обязан тому, что его отец был австрийцем и накануне войны вернулся на родину. Анна Гошкевич как-то раз ехала в одном купе с Мясоедовым в поезде Варшава—Петроград — это оказалось достаточным основанием для ареста; у Николая Гошкевича при обыске был найден экземпляр секретного «Перечня важнейших мероприятий военного ведомства с 1909 года по 20 февраля 1914 года»; Иванов же был связан с Гошкевичем. Думбадзе (или, точнее, работавшие за него писатели-негры) использовал «Перечень» при работе над биографией военного министра; Веллер был знаком как с Ивановыми и Гошкевичами, так и с Думбадзе[43]. Немалую роль сыграло и то, что на Думбадзе и Веллера были получены анонимные письма, посланные князем Андрониковым, где их обвиняли в участии в мясоедовском шпионском заговоре[44].

Дела Гошкевичей, Ивановых, Веллера и Думбадзе были переданы в ведение военной юрисдикции Юго-Западного фронта. Всех

их обвиняли в том, что, начиная с 1909 года, они осуществляли шпионскую деятельность в пользу Германии и Австро-Венгрии. 21 февраля 1916 года военно-полевой суд в Бердичеве обнародовал результаты своей работы: обе находившиеся под судом дамы, Анна Гошкевич и Нина Иванова, были оправданы, четверых же мужчин признали виновными по всем пунктам обвинения. Иванов, Веллер и Думбадзе приговаривались к смерти через повешение, Гошкевич — к четырем годам каторги[45]. Суд полностью удовлетворил требования прокурора.

Однако судьи присовокупили к своему решению любопытное дополнение, свидетельствующее о том, что ничтожность представленных в ходе рассмотрения дела доказательств их сильно смущала. Суд просил пересмотреть все четыре приговора ввиду «смягчающих обстоятельств», заявляя, что Веллер, Думбадзе и Иванов с начала войны оказывали ценные услуги российскому государству и армии, а Гошкевич совершил свои преступления под влияниям других, из-за свойственной ему слабости характера. Командующий Северо-Западным фронтом, в чьи обязанности входило визирование приговоров военного суда, отметил здесь очевидные противоречия: как мог суд признать обвиняемых виновными в шпионаже в военное время, в одном из самых тяжелых преступлений, и при этом одобрительно отозваться о деятельности по крайней мере троих из них в годы войны? Единственно возможное объяснение заключается в том, что члены суда вовсе не были «твердо убеждены» в виновности осужденных, то есть недостаточно глубоко проработали материалы дела. В результате Северо-Западный фронт отклонил просьбу военно-полевого суда о смягчении наказания и оставил приговор в силе[46].

Родственники осужденных «шпионов» предприняли все возможное, чтобы вымолить милость для своих близких. Отец Николая Гошкевича, провинциальный доктор, просил находившийся в Бердичеве штаб освободить его сына от тягот каторги ради его собственных сорока лет беспорочной службы, в том числе в армейских медицинских частях во время Русско-турецкой и Русско-японской войн[47]. Однако власть осталась глуха к этой и подобным ей мольбам. Родственники Веллера и Думбадзе пытались даже привлечь к своему делу внимание самой императорской семьи. По свидетельству секретаря Распутина Арона Симановича, они целой делегацией пришли на встречу с самозваным старцем и настойчиво уговаривали его заступиться за осужденных узников перед ца-

рем. Если верить Симановичу (не всегда надежному свидетелю), Распутин согласился помочь и сумел убедить Николая II проявить милосердие ко всем четверым[48]. То ли благодаря вмешательству Распутина, то ли по каким-то иным причинам, но в начале марта император смягчил все бердичевские приговоры: Думбадзе казнь была заменена десятью годами принудительного труда; Иванов и Веллер приговаривались к ссылке в Сибирь; а Николай Гошкевич отделался шестнадцатью месяцами тюрьмы[49].

Все для фронта

Тем временем как состав правительства, так и направление военных усилий претерпевали значительные изменения. В начале августа 1915 года Николай II решил отставить Николая Николаевича и принять на себя верховное военное командование. Выведенный из себя непрерывными поражениями, которые терпела армия весной и летом, Николай решил, что долг требует от него быть рядом с войсками на поле боя. Министров намерение императора неприятно поразило. Николай II, хотя и прошел в юности кое-какую военную подготовку, не был, в отличие от великого князя, профессиональным военным. Более того, принимая на себя командование, он делал престиж династии заложником превратностей войны. Если бранные неудачи продолжатся (а кто мог гарантировать, что этого не произойдет?), это нанесет образу монархии непоправимый урон. Кроме того, в отсутствие Николая, находящегося в Ставке, надзор за повседневной деятельностью правительства оказался бы в руках императрицы Александры Федоровны, которая уже проявила свою опасную склонность действовать по указке Распутина. Сам старец прекрасно понимал, что отъезд императора из Петрограда способствует усилению его влияния, и потому советовал тому поскорее отправиться на фронт. Усилия кабинета министров, восемь членов которого пригрозили выйти в отставку, а также нескольких думских политиков, убеждавших императора переменить решение, пропали втуне. 22 августа 1915 года Николай отправился в Ставку, находящуюся в Могилеве; Николай Николаевич был вскоре переведен на Кавказ, где занял пост наместника и главнокомандующего армией, сражавшейся против Турции. Единственным лучом надежды среди общего уныния, вызванного сменой верховного командования, было то, что Николай, проявив несвойственный ему здравый смысл, признал свою неспособность

лично осуществлять военное руководство и назначил главой своего штаба М.В. Алексеева, военачальника в высшей степени компетентного, хотя с ограниченным кругозором. Так что именно Алексеев впоследствии направлял действия России в войне, Николай же играл роль чисто номинальную[50].

Пока совершались все эти перемены, в Петрограде Государственная дума готовилась предать гласности свои неслыханные доселе по дерзости требования политических реформ. Умеренные правые, центристы и умеренные левые депутаты создали альянс, известный под именем Прогрессивного блока, в который вошло более 70% всех членов парламента. 25 августа этот блок опубликовал всеобъемлющую программу, которая — помимо призывов к справедливому отношению к национальным меньшинствам, амнистии для политических заключенных, религиозной терпимости и глубокому реформированию органов местного управления — требовала создания правительства, состоящего из людей, пользующихся «доверием страны»[51]. В случае ее принятия программа, естественно, потребовала бы от Николая навсегда отказаться от прерогативы назначения своих министров. Ответом императора был декрет от 3 сентября о роспуске Думы. Снова собраться ей будет позволено только спустя пять месяцев.

Резкий отказ Николая рассмотреть программу Прогрессивного блока был, конечно, пощечиной образованному обществу. По мнению некоторых, решения, принимавшиеся императором в то лето — взятие на себя военного командования и резкий отпор Думе, — были, пожалуй, худшими за всю его жалкую политическую карьеру. Своими действиями он запустил процессы, которые в конце концов погубили престиж монархии и отвратили от нее всех возможных союзников и сторонников[52]. В любом случае, однако, не все министры разделяли позицию Николая. В результате кадровой перетряски весны и лета 1915 года был сформирован кабинет, в который входили лица, симпатичные образованному обществу и склонные к сотрудничеству с ним. Из них самым заметным и влиятельным был новый военный министр А.А. Поливанов.

В отличие от Сухомлинова, к Поливанову историки в общем относятся благожелательно, считая его принципиальным, ответственным сторонником реформ и блестящим администратором. Нет сомнения в том, что за время службы Поливанова в Военном министерстве была частично решена проблема пополнения армии людскими ресурсами и улучшены поставки вооружения и боеприпасов.

Как мы уже видели, разгром 1915 года практически обескровил российскую армию. Потери от смертей, ранений, плена и дезертирства были столь велики, что к зиме численность войск на фронте сократилась до каких-нибудь 650 тыс. человек[53]. Чтобы удерживать более чем тысячекилометровую линию окопов, необходимо было в срочном порядке провести дополнительную мобилизацию, снарядить, обучить и доставить новобранцев на фронт. Ответом Поливанова было поднятие призывных квот и призыв групп запасников, прежде освобожденных от службы, — единственных кормильцев, ратников второго класса, мужчин старше сорока лет и проч. В результате за восемь с небольшим месяцев русская армия получила дополнительно два миллиона человек. Эти новобранцы, которых стали называть «поливановцами», прибывали столь быстро, что к середине 1916 года на фронте было уже 1,75 млн войск плюс еще три четверти миллиона в резерве[54].

Ситуация с артиллерийским снабжением и прочей военной амуницией также улучшилась. Будучи военным министром, Поливанов возглавил Особое совещание по обороне, ставшее ключевым институтом в расширении участия российской промышленности в работе на нужды фронта. Между моментом создания особого совещания в 1915 году и сентябрем 1917 года было заключено военных контрактов на 15 млрд руб. — сумма, составлявшая почти треть всех военных расходов правительства за этот период[55]. Обильный денежный дождь стимулировал большой рост производства; в 1916 году общая стоимость (в довоенных рублях) продукции российской промышленности превысила показатели 1914 года более чем на 21%[56]. Кроме того, теперь, по примеру других воюющих стран, экономика (и практически вся тяжелая промышленность) страны была сосредоточена на удовлетворении потребностей армии. К концу 1916 года 1800 фабрик и заводов были заняты исключительно в военном производстве; 604 из них изготовляли боеприпасы, причем за год стоимость их продукции (с учетом инфляции) утроилась[57]. В 1916 году отечественной промышленностью было произведено 3721 трехдюймовое орудие по сравнению с 1349 в 1915 году. Столь же впечатляющие результаты были достигнуты в производстве снарядов — в 1915 году с конвейеров сошло почти 10 млн штук и почти 31 млн на следующий год[58].

В очевидном восстановлении сил российской армии сыграл свою роль следующий важный фактор — германский Восточный фронт с осени 1915 до весны 1916 года был относительно неподви-

жен, что явилось прежде всего следствием решения, принятого германским Верховным командованием. На протяжении всей войны немецкие стратеги спорили о том, какому из двух фронтов следует отдать приоритет в наступающем сезоне. План Шлиффена 1914 года, конечно, отводил первое место операциям против Франции и Бельгии на западе. Однако в 1915 году «восточники» получили временный перевес, и генералы Гинденбург и Людендорф попытались решить исход войны полным уничтожением русской армии. Тем не менее, несмотря на все понесенные Россией начиная с весны поражения и потери, сила ее сопротивления не была сломлена. В августе глава германского Генерального штаба Эрик фон Фалькенхайн решил, что окончательная победа над Россией в настоящий момент недостижима, поскольку, как он выразился, «невозможно уничтожить врага, далеко превосходящего вас по численности, которого приходится атаковать в лоб, который обладает прекрасными линиями связи и не ограничен во времени и пространстве»[59]. Это убеждение было в нем так твердо, что он настоял на переброске основных сил немецкой армии с востока на запад, поставив в центр своего плана военных действий на 1916 год массированное наступление на французские укрепления в Вердене. Поскольку в 1916 году Германия была ориентирована на Францию, инициатива на востоке осталась за Россией. И зная, как отчаянно армия нуждается в передышке, российские генералы той зимой и весной чаще предпочитали столкновениям бездействие.

Помимо благотворного влияния образовавшегося перерыва в боевых действиях, восстановление российской военной мощи традиционно приписывается государственной мудрости Поливанова, экономической рационализации, достигнутой созданием системы особых совещаний, а также патриотическому настрою и бескорыстному служению организаций гражданского общества. Экономический и военный подъем 1916 года часто приводят в качестве доказательства того тезиса, что царскому правительству следовало с самого первого дня войны подключить все общество к работе в интересах фронта, поскольку вовлеченность общества и единодушие с ним по вопросу реформ было единственным шансом императорской России на победу в войне и выживание. Не отрицая, что Поливанов, а также особые совещания и организации вроде Земгора сделали много хорошего, нельзя, однако, безоговорочно одобрить все их действия.

Возьмем, например, вопрос укрепления армии. Действительно, благодаря призывной программе Поливанова огромное число мужчин надели военную форму и отправились на фронт. Но насколько подготовлены были они к тяготам современной войны? Учитывая возраст многих новобранцев, можно не сомневаться, что далеко не все были в хорошей физической форме. Более того, путь от призывного пункта до маршевой роты и далее в окопы на передовую был столь стремительным, что новые рекруты успевали пройти лишь самую рудиментарную подготовку. Генерал А.А. Брусилов, самый стратегически одаренный из российских фронтовых командиров, уничижительно отозвался о военных качествах «поливановцев»: «...прибывавшие на пополнение рядовые в большинстве случаев умели только маршировать, да и то неважно; большинство их и рассыпного строя не знали, и зачастую случалось, что даже не умели заряжать винтовки, а об умении стрелять и говорить было нечего»[60]. Острый недостаток унтер-офицеров и офицеров (к началу 1916 года недокомплект в армии составлял почти шестнадцать тысяч офицеров) еще более ухудшил положение, поскольку в отсутствие компетентных инструкторов новые рекруты и на фронте едва ли могли чему-либо научиться[61].

Что можно сказать о деятельности общества в целом на примере Земгора, комитетов военной промышленности и системы особых совещаний? Поскольку служба в Земгоре освобождала от призыва, зачастую армейские смотрели на многочисленных функционеров (иронически именовавшихся «земгусарами») практически как на уклонистов[62]. Мнение это, однако, было в большой степени несправедливо, поскольку агенты Земгора превосходно себя проявили в организации медицинского обслуживания армии и в снабжении обмундированием и обувью. Уже к лету 1915 года Земгор снарядил более пятидесяти санитарных поездов, полностью укомплектованных врачами и медсестрами, с хорошо оборудованными операционными, палатами и аптечными пунктами[63]. Через год после создания Земгора под его началом находилась уже целая система прифронтовых столовых, клиник, магазинов и передвижных бань. Земгор так энергично заботился о здоровье и гигиене русского солдата, что, как отметил один генерал, во время войны солдат был даже здоровее, чем в мирное время[64].

Другое дело — военно-промышленные комитеты. По всем показателям их эффективность была несравнимо ниже, чем у Земгора, — они часто не выполняли свои задачи, участвовали в проти-

воправительственной политической деятельности и открыто соперничали с официальными государственными организациями, отвоевывая у них технический персонал и без того скудные запасы сырья[65]. Более того, поставляемая ими продукция зачастую была дрянного качества, а то и вовсе не годной. Так, хотя в 1915 и 1916 годах военно-промышленные комитеты действительно поставили на фронт более 14 млн ручных гранат — почти половину всех поставок за эти годы, — проведенные в 1916 году полевые испытания показали, что до 65% полученных армией гранат были браком: они не взрывались[66].

Что касается системы особых совещаний, то, первоначально создававшиеся по модели британского министерства вооружений, впоследствии они значительно отклонились от образца. Для оптимальной работы промышленности в условиях Первой мировой войны требовалась экономическая диктатура, тогда как система особых совещаний не столько координировала, сколько фрагментировала деятельность в сферах продовольствия, топлива, транспорта[67]. В результате эта система не привела ни к рационализации, ни к централизации экономики и, напротив, стала источником анархии, дублирования функций, злоупотреблений и непроизводительных расходов. Недостаток разумного централизованного планирования приводил к опасным нелепостям: так, в 1915 году множество железнодорожных ремонтных мастерских было принудительно перепрофилировано на производство снарядов, без учета последствий для транспортной системы страны[68]. Медленный упадок российской железнодорожной сети в конце концов оказался более разрушительным для военной мощи России, чем недостаток вооружения, поскольку в результате был ограничен доступ армии ко всем без исключения ресурсам, что подорвало нравственный дух и спровоцировало стихийное недовольство. Февральская революция 1917 года в Петрограде началась с голодных бунтов, вызванных не абсолютным дефицитом продуктов питания на территории империи, а скорее отсутствием необходимых локомотивов и подвижного состава для обеспечения снабжения столицы.

И, наконец, говоря о системе особых совещаний, следует остановиться на особом совещании по обороне. Поскольку оно преследовало сразу две цели — решить проблему с артиллерийскими боеприпасами и смягчить настроение образованной публики, то с самого момента своего возникновения это особое совещание было одновременно органом политическим и экономическим. Большая

часть из его двадцати семи членов (среди них одиннадцать думских депутатов, три представителя от военно-промышленных комитетов и два от Земгора) представляли «общество», а не чиновничество или высшие эшелоны правительства. Однако если экономические успехи этого совещания едва тянули на тройку, политическая его деятельность была просто никудышна. Принимавшиеся этим органом решения либо отражали общественную истерию, либо потворствовали ее росту, и чем дальше, тем больше. В унисон с раздававшимися в прессе воплями о «немецком засилье» совещания принялись преследовать этнических немцев и другие национальные меньшинства, отнимая их имущество и секвестируя собственность. Часто прибегали к внесудебному преследованию, даже если дело касалось, например, фабрики, производившей нужную фронту продукцию.

Среди жертв совещаний оказалось семейство промышленников Тильмансов, с которым мы уже встречались на страницах этой книги. Ковенский завод, принадлежавший Рихарду Тильмансу, был самым крупным в стране производителем деталей, необходимых для сборки винтовочных ящиков. Несмотря на это, в начале 1915 года завод был закрыт властями. В октябре Министерство промышленности и торговли предложило особому совещанию по обороне позволить Тильмансу перенести свое производство в Центральную Россию[69] и вернуться к работе: армия отчаянно нуждалась в продукции его фабрики; более опытного руководителя для нее не найти; поскольку Тильманс уже более тридцати лет является российским подданным, нет оснований сомневаться в его лояльности. Сначала особое совещание вроде бы склонялось в пользу просьбы министерства, однако влиятельная группа депутатов, в том числе председатель Думы Родзянко, убедила других членов совещания в том, что не только ни в коем случае нельзя открывать завод Тильмансов, но, напротив, необходимо его категорически секвестировать, передав помещения, станки и землю в казну. Резоны, приводившиеся в пользу такого порядка действий, иллюстрируют качество аргументации, зачастую господствовавшей в совещании по обороне. «Германский характер фирмы», как заявлялось, «представляется несомненным», а подозрение, что фирма замешана в некоей прямо не названной «преступной деятельности», «представляется весьма вероятным». Разрешение вести в самом сердце Великороссии бизнес, принадлежащий личности с подозрительной немецкой фамилией, может оказать «вредное влияние на психоло-

гию рабочих масс». И, наконец (это был последний, убийственный довод), «вполне установлено», что Тильманс и некоторые его сотрудники были знакомы с Мясоедовым и что Мясоедов печатал «конспиративные документы» в одной из контор компании. (Мясоедов в самом деле в годы своей вержболовской службы охотился в обществе Тильманса, а также как-то раз позаимствовал принадлежавшую фирме Тильмансов пишущую машинку, на которой напечатал письмо своей любовнице.) Голосование особой комиссии за наложение ареста было единодушным[70].

В.Н. Шаховского, служившего министром торговли и промышленности с первых месяцев 1915 по начало 1917 года, подобное идиотство приводило в отчаяние[71]. Бывший военный министр А.Ф. Редигер, необычайно проницательный свидетель, считал особые совещания фактически бесполезными, а блестящий химик В.Н. Ипатьев, лучше других представлявший себе организацию промышленности во время войны, считал, что их создание было чрезмерно острой реакцией на снарядный кризис, что их существование препятствовало централизованному планированию экономики и что их политика неразборчивого секвестирования была позорна и вредна для страны[72].

Петля затягивается

Если национальный шовинизм, демагогия и посторонние мотивы могли разложить особое совещание по обороне, стоит ли удивляться, что комиссия Петрова проявила еще большую предвзятость и неосмотрительность. Все-таки у особого совещания, помимо улучшения образа правительства, были и серьезные экономические задачи, тогда как комиссия Петрова с самого начала своего существования имела сугубо политический характер. Поскольку самые влиятельные ее участники заранее решили, кто именно виновен в неготовности России к войне, фактически ее работа шла в обратном порядке: вместо того чтобы сначала собрать факты, а потом сделать на их основании беспристрастные выводы, начали с выводов и подбирали факты в их поддержку. При ретроспективном взгляде становится очевидно, что большинство членов комиссии были заинтересованы не столько в том, чтобы выяснить истинные причины проблем со снабжением армии, сколько в том, чтобы собрать достаточно оснований для начала уголовного преследова-

ния Сухомлинова. При этом никто особенно не скрывал истинной цели — дискредитировать право императора назначать министров и тем самым помочь Прогрессивному блоку сформировать «правительство доверия».

Важнейшим актом подковерной политической борьбы, которую вела комиссия в интересах Прогрессивного блока, был ее финальный отчет. В этом документе, датированном 9 февраля 1916 года, утверждалось, что недостаток современного вооружения и боеприпасов, нанесший столь значительный вред российской армии, не был следствием ни случайности, ни невольной ошибки. Снарядный кризис есть «прискорбное следствие деятельности органов Военного министерства»[73]. Министерство занизило количество необходимого для войны вооружения, не уделяло достаточного внимания мобилизации промышленности, не смогло организовать работу и злоупотребляло средствами. Признавая, что определенную роль в кризисе сыграла та скорость, с какой боевые столкновения буквально пожирали парк артиллерии, авторы рапорта немедленно переключились на персону Сухомлинова. Вспомнили и необъяснимо большие средства на личных банковских счетах министра, однако особое внимание уделили определенной тенденции в карьере Сухомлинова — его дружбе и связям, прежде всего с казненным изменником Мясоедовым. Комиссия в подробностях изложила всю историю: как в Вержболово Мясоедов был теневым партнером Фрейдбергов, которые сами оказались предателями; как в Петербурге Сухомлинов, прибегнув к запрещенным методам, добился возвращения Мясоедова на службу и его назначения на особый пост в разведке; и как в круг Мясоедова/Сухомлинова постепенно вошли такие люди, как Альтшиллер, Гошкевичи, Веллер, Иванов и Думбадзе, — все преступники, признанные виновными в антигосударственной деятельности. В итоге было заявлено, что Сухомлинов в течение всех шести лет и трех месяцев своего пребывания на посту военного министра по меньшей мере серьезно уклонялся от исполнения своего долга[74].

Здесь, конечно, речь шла о чем-то более серьезном, чем дурная компания или личная дискредитация на основании косвенных намеков. В рапорте определенные темы были соотнесены и акценты расставлены таким образом, что становилось достаточно ясно (при этом прямо этого никто не говорил), что за проступками Сухомлинова стояла не беззаботность легкомысленного человека, а осознанная измена.

1 марта 1916 года Николай II — сделав примечание, что «приходится принести эту жертву», — подписал указ, дающий право Первому департаменту Государственного совета установить, следует ли отдать Сухомлинова под суд[75]. Император, поняв наконец, что придется бросить бывшего своего любимца парламентским волкам, вовсе не собирался капитулировать перед обществом, что и продемонстрировал практически тут же. 13 марта Николай II бесцеремонно уволил популярного военного министра Поливанова, уведомив его, что работа военно-промышленных комитетов не внушает императору уверенности и он находит недостаточно твердым поливановское руководство комитетами[76]. Из этого можно сделать вывод, что тесное сотрудничество Поливанова с Гучковым, о чем Александра Федоровна твердила в своих письмах из дома, явно продолжало вызывать неудовольствие императора[77]. Более того, Николай так и не смирился с тем, каким образом девятью месяцами ранее кандидатура Поливанова была фактически ему навязана, и не простил Поливанову враждебности к его предшественнику. После некоторых колебаний царь выбрал на место Поливанова Д.С. Шуваева, бесцветного военного управленца. Далее последовал период хронического правительственного кризиса, когда назначаемые и увольняемые министры сменялись как в калейдоскопе. Многие приписывали это бессистемное перетряхивание российского кабинета тому пагубному влиянию, которое оказывал на императрицу Распутин. Как бы то ни было, так называемая министерская чехарда продолжала определять жизнь российской монархии вплоть до ее падения годом позже.

Сухомлинов, возможно, злорадствовал при известии об изгнании своего вечного противника Поливанова, однако самому ему это никакой выгоды не принесло. Колесо закона, раз приведенное в действие, катилось вперед. За те месяцы, что прошли с момента его падения, Сухомлинов забыл о политике и обратился к радостям частной жизни. Освободив официальную резиденцию, Сухомлиновы жили некоторое время в меблированных апартаментах одного своего друга. В сентябре 1915-го они наконец перебрались в собственную небольшую квартиру на углу Офицерской и Английского проспекта. Тут Владимир Александрович поселился затворником. Манкируя заседаниями Государственного совета, он занимал себя работой над новыми выпусками рассказов Остапа Бондаренко, а также историей Русско-турецкой войны 1877—1878 годов и как будто не замечал сгущавшихся над его головою туч[78]. Поэто-

му визит главы городского охранного отделения в половине одиннадцатого утра 20 апреля с приказом о его аресте стал для Сухомлинова громом среди ясного неба. Пока взвод жандармов переворачивал вверх дном квартиру, роясь в частных бумагах экс-министра, самого его препроводили в Петропавловскую крепость. Был ли то случай или намеренная жестокость, но его поместили в ту же камеру (№ 43), где в свое время сидел генерал Стессель, обвиненный в измене государству за сдачу японцам крепости Порт-Артур в 1905 году[79].

Тем временем полиция тщательно обыскала комнаты Сухомлиновых и собрала четыре больших коробки документов, которые были опечатаны как вещественные доказательства и отосланы. Екатерина Викторовна осталась одна посреди разоренной квартиры. Менее чем через сутки после ареста мужа раздался телефонный звонок князя Андроникова, который, с характерной для него злобной язвительностью, пожелал пошутить над ее несчастьями[80]. Впрочем, как мы уже знаем, Екатерина была женщиной далеко не робкого десятка. Поборов уныние, она быстро собралась с духом и принялась выяснять, в чем обвиняют ее мужа и что можно сделать для его освобождения. Прежде всего оказалось, что расследование против Сухомлинова возглавляет сенатор И.А. Кузьмин из Гражданского кассационного департамента; именно его подпись стояла на ордере на арест. Ордер этот был выписан по прямому приказу А.А. Хвостова, преемника Щегловитова на посту министра юстиции.

Нетрудно представить, какое ликование охватило круги «общества» и Думы при известии об аресте бывшего министра. Реакция фронтового офицерства, впрочем, была не столь единодушной. Большинство одобрили арест Сухомлинова как меру для укрепления правительства, однако достаточно весомое меньшинство видело в этом подрыв самого принципа монаршей власти, выгодный только немцам и революционерам. Поговаривали и о том, что истинной причиной ареста было то, что правительство, понимая неизбежность поражения России в войне, искало «козла отпущения», чтобы отвлечь на него народный гнев. А самые прожженные циники говорили, что все это вообще дешевый трюк, придуманный для отвлечения публики[81].

Пиррова победа

Пока Екатерина планировала свою кампанию по спасению мужа, Сухомлинов мерил шагами каменный пол камеры, пока Кузьмин собирал доказательства, кончилась весна, и на смену ей пришло жаркое лето. В июне и июле 1916 года мир стал свидетелем поразительного примера превратностей военной фортуны — Брусиловского прорыва.

В марте 1916 года представители стран Антанты собрались в Шантильи на свою третью конференцию для выработки общей стратегии ведения войны. Пока немцы дрались у Вердена, все пришли к выводу о давно назревшей необходимости координации военных операций на всех фронтах. Конференция приняла решение об организации одновременных наступлений летом 1916 года как на западе, так и на востоке.

Поскольку эпицентр войны вновь сместился в направлении Франции, Россия теперь имела явное численное преимущество над Германией и Австро-Венгрией. Ее Северный и Западный фронты, состоявшие из четырех и трех армий соответственно, в общей сложности располагали 1,2 млн солдат против не более чем 620 тыс. личного состава немцев. Далее к югу соотношение сил было менее благоприятным, там 512-тысячный Юго-Западный фронт (четыре армии) противостоял 441 тыс. австро-венгерских, германских и турецких солдат. Исходя из этого, российский Генеральный штаб, практически уверенный в успехе наступательной операции, предложил нанести удар одновременно силами Северного и Западного фронтов в направлении Вильны. Роль Юго-Западного фронта ограничили отвлекающим маневром, призванным обмануть врага и помешать ему укрепить действительно угрожаемые северные секторы.

Так случилось, что в это время Юго-Западным фронтом командовал А.А. Брусилов, крайне напористый и склонный к ярким, неординарным решениям кавалерийский генерал. Общий план кампании, отводивший его фронту подчиненную роль, не только не сулил ему славы, но и мог оказаться фатальным. Заметив, что отвлекающий маневр будет иметь успех только в том случае, если у немцев действительно возникнут сомнения в направлении основного удара, Брусилов упросил Ставку позволить ему провести хотя бы одну настоящую атаку. Алексеев, предупредив Брусилова, что тот не получит ни дополнительных орудий, ни боеприпасов, скрепя сердце согласился.

С точки зрения Брусилова, одна из причин, почему тактические наступательные операции в ходе этой военной кампании были столь затратными и ничего в конечном счете не решали, заключалась в неспособности наших войск застать врага врасплох. Предшествовавшая каждому наступлению концентрация десятков тысяч войск подкрепления и тонн боеприпасов неизбежно привлекала внимание врага и предупреждала его о готовящемся нападении. Решив избегнуть этой ошибки, Брусилов предпринял все возможное, дабы скрыть свои истинные намерения. Примерно в двадцати точках вдоль фронта были построены учебные плацы, аэрофотосъемка детально зафиксировала вражеские оборонительные укрепления, артподготовка была сведена к минимуму, и также были подготовлены особые отряды, которые должны были, обходя укрепленные пункты противника, расширять прорывы в его обороне.

К середине мая Брусилов закончил свои приготовления. Первоначально он надеялся выступить согласованно с двумя другими русскими фронтами, а также с британской и французской армиями на западе, однако возникло непредвиденное обстоятельство, заставившее его начать раньше срока и в одиночестве. Этим обстоятельством была победа Австрии над Италией, в Трентино, из-за чего Рим обратился к русским с просьбой предпринять что-нибудь для облегчения практически невыносимого давления на итальянскую армию. По приказу Алексеева Брусилов передвинул дату своего наступления на 22 мая (4 июня) 1916 года.

Стремительно достигнутый военный успех полностью оправдал как тщательные приготовления Брусилова, так и его новаторскую тактику. Линия обороны австрийцев была прорвана в четырех местах, российские войска ворвались в образовавшиеся бреши, и противник стал сдаваться тысячами. За неделю добрая треть личного состава, первоначально введенного Австрией в район боев, перешла в разряд военнопленных. За один лишь месяц июнь Брусилов захватил почти четверть миллиона человек. Для предотвращения полного коллапса Восточного фронта Германии пришлось перебросить туда одиннадцать дивизий из Франции, а Австрии — шесть дивизий из Италии[82]. Брусиловская наступательная операция, пока окончательно не сошла на нет, нанесла врагу урон в полтора миллиона убитыми и ранеными, 450 тыс. пленными, было захвачено 581 орудие и завоевано 575 тыс. кв. км — территория, превосходящая по размеру Бельгию[83].

Однако Брусиловский прорыв, будучи тактическим триумфом, в стратегическом отношении оказался катастрофой. В августе в войну на стороне Антанты решилась вступить Румыния, однако быстро потерпела полное поражение, в результате чего в руки немцев попали огромные запасы горючего и пшеницы, а Россия была вынуждена растянуть свой фронт еще на пятьсот километров, до Черного моря. В ходе Брусиловского прорыва русская армия понесла громадные потери, до полумиллиона человек. Более того, несмотря на вновь отвоеванную Галицию и урон, нанесенный австро-венгерской армии, окончательная победа России после триумфальной брусиловской кампании казалась столь же недостижимой, как и раньше. Брусиловский прорыв не только не поднял дух русского солдата, но, напротив, усилил деморализацию и отчаяние в армии. Чудовищная цена и разочаровывающие результаты операции заставили многих офицеров усомниться, способна ли вообще Россия выиграть эту войну, вне зависимости от качества снабжения армии[84].

Освобождение Сухомлинова

12 октября 1916 года было официально объявлено, что в соответствии с желанием императора в 7 часов 45 минут вечера вчерашнего дня генерал Сухомлинов был освобожден из Петропавловской крепости. Проследовав в сопровождении отряда жандармов в свою квартиру в доме 53 по Офицерской улице, он был помещен под домашний арест. Весь Петроград был потрясен этой новостью. Что заставило Николая II принять столь непопулярное решение?

Возможно, причина была в том, что император продолжал испытывать симпатию к своему бывшему министру, уже полгода прозябавшему в тюрьме по обвинениям, в обоснованность которых Николай ни минуты не верил. Да и среди близких императору людей нашлись те, кто упрекал его за произвол в отношении Владимира Александровича. Одним из этих людей был П.А. Бадмаев, пожилой адепт тибетской медицины, специалист по лечению мужского полового бессилия[85]. Бадмаев, человек, близкий к Распутину, обратился к императору вскоре после ареста Сухомлинова, в письме он указывал, что вне зависимости от того, были ли выдвинутые против министра обвинения истинными или нет, он «во всяком случае был преданным и полезным вашему величеству слу-

гой» — человеком, который не заслужил такого отношения[86]. Вечно кипящая гневом Дума, политиканствующее гражданское общество и общественное мнение, именем которого Сухомлинов был принесен в жертву, — все это также, несомненно, склоняло императора в сторону бывшего министра. Совершенно ясно, однако, что прежде всего Сухомлинов был обязан своим освобождением вмешательству двух неожиданных заступников — Распутина и императрицы Александры Федоровны.

Их участие в судьбе Сухомлинова удивительно потому, что ни один из них никогда не отличался особенной любовью к Владимиру Александровичу или к кому-либо из его домочадцев. Распутин злился на военного министра за то, что тот когда-то отказался его принять, и открыто интриговал против него в комплоте с Червинской и Андрониковым. Что до Александры Федоровны, она, уважая Сухомлинова за преданность своему венценосному супругу, буквально не выносила Екатерину Викторовну, которую назвала в письме ноября 1914 года «весьма *mauvais genre*». Александра Федоровна была убеждена, что все несчастья Сухомлинова проистекли из его любовного рабства у этой грубой и напористой карьеристки, и писала Николаю в июне 1915-го, что «это его [Сухомлинова] авантюристка-жена окончательно погубила его репутацию, и за ее взятки он страдает»[87].

Переход императрицы в лагерь сторонников Сухомлинова произошел благодаря вмешательству Распутина. Его же превращение из врага бывшего министра в друга было, в свою очередь, обеспечено Екатериной Викторовной, дважды посетившей апартаменты посконного старца. Есть несколько версий того, что на самом деле произошло между сибирским крестьянином и супругой арестованного бывшего министра. По одной из версий, на Распутина произвела впечатление сама страстность, с какой Екатерина защищала супруга, а также ее правота. По другой — перемене настроения способствовали большие деньги. И наконец, ходил неприличный и настойчивый слух, будто Распутин согласился помочь Екатерине Викторовне исключительно в обмен на близость с ней. Слабость Распутина к красивым женщинам была притчей во языцех, а Екатерина Викторовна ему очень нравилась, возможно, он даже был в нее влюблен. Вспомним о сделанном им когда-то признании, что Екатерина была одной из двух женщин, которые «украли» его сердце[88]. А.А. Мосолов впоследствии писал, что Распутин требовал у женщин такой расплаты за услуги[89]. Следует в связи с этим доба-

вить, что, по донесениям полицейских агентов, следивших за Распутиным, в ответ на два нанесенных ему Екатериной визита он летом и осенью 1916 года посетил ее шестьдесят девять раз[90].

Старец был в силах предложить Екатерине немедленную и эффективную помощь. Он устроил ей встречу с Анной Вырубовой, любимой фрейлиной императрицы и его близкой конфиденткой (она была второй из тех двух женщин, которых Распутин, по его словам, по-настоящему любил). Вырубовой удалось убедить Александру Федоровну дать Екатерине аудиенцию. При встрече Екатерина передала императрице пространный меморандум о несчастьях мужа, ею же самой написанный. Поведение ее при этом, вероятно, произвело на императрицу достаточно благоприятное впечатление и победило былое предубеждение[91].

В результате всего этого, начиная с середины июля, письма Александры Федоровны к мужу в Ставку запестрели просьбами об освобождении Сухомлинова. Сентябрьские послания по большей части были посвящены именно этой теме. В одном из них императрица писала: «Наш Друг [Распутин] сказал, ген. Сухомл. надо выпустить, чтобы он не умер в темнице... У меня прошение m-me Сух. к тебе. Хочешь, я его тебе пришлю? Уже 6 месяцев он сидит в тюрьме — срок достаточный (*так как он не шпион*). За все его вины — он стар, надломлен и не проживет долго — было бы ужасно, если бы он умер в тюрьме»[92]. Вскоре после получения этого письма император распорядился перевести Сухомлинова в более комфортабельные условия домашнего ареста.

Чтобы понять, почему освобождение Сухомлинова вызвало столь необычайно сильное общественное возмущение, необходимо иметь в виду, что к этому моменту отношения между режимом и парламентом были не просто плохи, но безнадежно испорчены. Непрекращающаяся министерская чехарда лишила царское правительство последних остатков достоинства и надежности, чему способствовало и безобразное качество отбора кандидатов на министерские посты, что многие приписывали злодейскому влиянию Распутина. Чтобы не быть голословными, возьмем Б.В. Штюрмера, бывшего премьер-министром России с февраля по ноябрь 1916 года. Твердолобый реакционер, Штюрмер был на подозрении как тайный симпатизант Германии, интриговавший в пользу заключения сепаратного мира между Россией и Центральными державами[93]. Вспомним министра внутренних дел А.Д. Протопопова, бывшего думского депутата и раболепствующего оппортуниста, манера по-

ведения которого была столь странной, что многие (в том числе сам царь) подозревали душевное расстройство[94]. Визит Протопопова к Сухомлинову вскоре после возвращения последнего домой подлил масла в огонь спекуляций о личном участии Протопопова в освобождении генерала и окончательно погубил его репутацию[95]. На встрече между Протопоповым и лидерами Прогрессивного блока на квартире председателя Думы Родзянко вечером 19 октября члены Блока с презрением отвергли предложение Протопопова «поговорить по-товарищески». Павел Милюков, известный историк и видный деятель кадетской партии, четко сформулировал причины неприемлемости этого предложения: «Человек, который служит вместе со Штюрмером, человек, освободивший Сухомлинова, которого вся страна считает предателем, человек, преследующий печать и общественные организации, не может быть нашим товарищем»[96].

Недоверие Думы к режиму, стократно возросшее с освобождением Сухомлинова, достигло своего апогея 1 ноября, когда Милюков зачитал обращение, ставшее известным как речь о «глупости или измене». Ссылаясь на немецкие газеты, Милюков перемежал свой длинный каталог ошибочных действий правительства одним и тем же вопросом: «Что это, глупость или измена?» Диатриба электризовала слушателей, вразнобой откликавшихся громкими криками. Часть депутатов в ответ вопила «глупость», другие их перекрикивали: «измена», прочие же настаивали на том, что и то и другое. «Впечатление получилось, как будто, — вспоминал позже Милюков, — прорван был наполненный гноем пузырь...»[97]

Речь Милюкова вскоре стала известна в самых отдаленных уголках России. Знаком полной изоляции режима может служить тот факт, что ультрамонархист В.М. Пуришкевич, некогда яростный защитник монархии, лично отправил десятки тысяч экземпляров этой брошюры на фронт с санитарным поездом[98]. Речь эта вызвала в стране такое возбуждение, что многие современники впоследствии называли ее «сигналом» к началу революции и даже «первым ударом» революции. Это мнение разделяют по крайней мере некоторые современные историки, утверждающие, что после речи Милюкова бунт против самодержавия стал лишь делом времени. Милюков внятно дал понять, что измена столь глубоко вросла в самый механизм власти, что режим утратил всякую способность к управлению страной или ведению войны. Более того, из его слов все поняли, что сетью измены связаны фигуры, занима-

ющие самое высокое положение при дворе, возможно даже сама императрица Александра Федоровна. Как иначе можно объяснить непростительную снисходительность, недавно проявленную к одиозному Сухомлинову? Распространились слухи, будто Милюкову известно гораздо больше того, что он мог сказать, и что относительно безобидная статья в «Neue Freie Presse» о российской «придворной партии» вокруг «молодой царицы» (из которой он процитировал пассаж по-немецки) на самом деле представляла собой документ, свидетельствующий об участии императрицы в заговоре. Верно, что Распутин в самом деле считал выход из войны наилучшим для России решением, однако по этому вопросу между ним и императрицей отнюдь не было согласия. Александра Федоровна, урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская, тайно посылавшая деньги своим бедным немецким родственникам (прибегая для этого к услугам петроградского банкира Дмитрия Рубинштейна), была при этом искренне и страстно предана интересам России и не испытывала к Германской империи, где кайзер Вильгельм II насадил прусский дух, ничего, кроме ненависти и презрения[99]. Однако раз она вступилась перед императором за В.А. Сухомлинова, для сотен тысяч русских одно это служило достаточным доказательством ее вероломства.

Отчет Кузьмина

И вот на таком фоне социальных и политических волнений сенатор Кузьмин опубликовал результат *своего* расследования дела Сухомлинова. Датированный 7 ноября 1916 года отчет сенатора начинался со следующего утверждения: нет никаких сомнений в том, что опасный австро-германский шпионский заговор проник в самые важные военные секреты России, причем это началось еще до войны и продолжается поныне. Военная судебная система разоблачила и заговор, и заговорщиков, главарями которых были полковник Мясоедов, полковник Иванов и Александр Альтшиллер. Сухомлинов состоял в тесном контакте со всеми тремя негодяями, равно как и со многими их пособниками. Мясоедову генерал вообще оказывал протекцию, бывший министр не скрывал своего близкого знакомства с полковником, несмотря на разделявшую их разницу в звании и статусе, начиная с 1912 года пользовался его услугами в контрразведывательном ведомстве, игнорируя много-

численные официальные предупреждения о неблагонадежности Мясоедова, и выдал ему в 1914 году свидетельство для возвращения на военную службу в армию. Эти действия в обход закона слишком многочисленны, чтобы их можно было счесть совпадениями или случайными оплошностями. В отношениях генерала с казненным шпионом просматривается зловещая система — система, которая приводит к «несомненному заключению, что и Мясоедов, и генерал Сухомлинов действовали сообща к достижению одной преступной цели — измене России в пользу Германии»[100].

И это еще не все, поскольку связи отставленного с позором военного министра с другими ключевыми фигурами шпионского заговора не менее компрометирующие. Он вел дела с полковником Ивановым за спиной начальников последнего в Главном артиллерийском управлении и пытался, когда полковник был арестован, способствовать его освобождению. Он передал Думбадзе секретный документ о военных реформах России после Русско-японской войны под нелепым предлогом, будто это было необходимо для написания его биографии. Позже, в апреле 1915 года, Сухомлинов помог Думбадзе съездить в Германию, якобы для выполнения шпионского задания в пользу России, на самом же деле для передачи украденных документов и сведений своим германским кураторам. Не забудем и Альтшиллера, «старого друга» Сухомлинова по Киеву, который выдавал себя за предпринимателя, а на самом деле являлся одним из самых ценных австрийских агентов в Российской империи. При обыске в квартире Сухомлинова полиция не обнаружила ни одного письма Альтшиллера, что свидетельствует о том, что генералу, скрупулезно сохранявшему каждую попадавшую ему на стол бумажку, хватило ума сжечь всю опасную корреспонденцию. Надежным помощником Сухомлинова в его преступных деяниях была легкомысленная супруга, Екатерина Викторовна, чья алчность и страсть к роскоши, вероятно, заставила мужа стать взяточником и впоследствии изменником. Разве Бутович, ее первый муж, не свидетельствовал о том, что ей чужды всякие чувства национализма или патриотизма, что лозунг этой женщины «наше отечество там, где нам хорошо»? Недостаточно предъявить обвинение одному только Сухомлинову, ибо Екатерина Викторовна не менее его виновна и также заслуживает наказания[101].

Однако для продолжения уголовного расследования против одного или обоих Сухомлиновых требовалось согласие императора, который, по крайней мере сначала, не был склонен его давать.

Возможно памятуя о мнении начальника канцелярии Министерства императорского двора А.А. Мосолова, заметившего, что суд над Сухомлиновым неизбежно нанесет жестокий ущерб самому «монархическому принципу», Николай II телеграфировал министру юстиции А.А. Макарову, что, изучив отчет Кузьмина, не обнаружил в нем ничего, что могло бы оправдать уголовное преследование, и приказал закрыть дело против Сухомлинова[102].

Однако, как мы уже неоднократно убеждались, Николай, к несчастью, был склонен к колебаниям и легко поддавался влиянию. Вскоре после речи Милюкова царь уволил Штюрмера, заменив его на посту премьер-министра А.Ф. Треповым. 14 ноября Трепов с Макаровым вместе явились в Ставку умолять императора пересмотреть свое решение. Трепов напомнил, что комиссия Петрова, завершив в начале 1916 года свою работу, поставила правительство перед жестким выбором — продолжать судебное расследование против бывшего военного министра или бросить это дело. Тогда правительство решило заняться деятельностью Сухомлинова — теперь закрытие дела раздует опасную болтовню и сплетни. Шаг этот не найдет поддержки среди «широких слоев населения, усматривающих в генерале Сухомлинове главнейшего виновника постигших нашу доблестную армию летом минувшего года военных неудач». Далее Трепов намекнул, что, если судебное расследование не будет продолжено, его новый кабинет вряд ли сможет функционировать эффективно. Николай, хотя и с тяжелым сердцем, изменил свое прежнее решение и черкнул «согласен» на заранее подготовленном Треповым меморандуме, разрешавшем расследовать деятельность Сухомлинова[103]. Чиновники Министерства юстиции немедленно принялись за работу — это было только начало несчастий, выпавших на долю Сухомлинова.

Глава 8

РЕВОЛЮЦИЯ И ПОСЛЕДНИЙ АКТ

Дело В.А. Сухомлинова

В середине сентября 1916 года Сухомлинова известили о том, что против него официально возбуждено уголовное дело и ему следует готовиться предстать перед судом. В основание обвинения легли тысячи страниц устных и письменных показаний, собранных Кузьминым и его коллегами-сенаторами. Здесь уместно будет подробнее рассмотреть характер этого дела и качество доказательств, на которые оно опиралось.

Генерал обвинялся в преступлениях трех разных типов — должностном, в отношении снабжения российской армии; растрате и прочих финансовых нарушениях; а также в шпионаже в пользу Германии и Австро-Венгрии. Все они были взаимосвязаны.

Что касается снабжения армии и вообще подготовки к войне, такие спорные политические решения Сухомлинова, как попытка уничтожения крепостей в западных областях империи и расформирования крепостной артиллерии, были представлены в сугубо негативном свете, как намеренные попытки ослабить обороноспособность страны. На основании показаний великого князя Сергея Михайловича, генерал-инспектора артиллерии и непримиримого врага Владимира Александровича, ему также было предъявлено обвинение в препятствовании созданию резервов вооружения как до, так и после начала войны. Кроме того, он непростительно поздно обратился для решения проблемы вооружения к иностранной помощи. В сентябре 1914 года, например, он наложил запрет на закупку иностранных винтовок калибра, отличного от русского, хотя к тому времени армия испытывала хроническую нехватку как винтовок, так и патронов. Когда факт снарядного кризиса уже невозможно было отрицать, бывший военный министр не предпринял решительных шагов, необходимых для исправления ситуации,

и даже опрометчиво заявлял, будто Россия вовсе не испытывает никаких затруднений со снабжением армии — именно так это было сформулировано в его телеграмме маршалу Франции Жоффру 15 сентября 1914 года. Обратись он тогда без промедления за помощью к союзникам России, это могло бы иметь существенное влияние на исход военных операций в Галиции весной 1915 года[1].

Нет сомнений, что одним из мотивов такого поведения генерала было стремление к личному обогащению: бывший военный министр добывал военные контракты для фирм за вознаграждение, вывод этот подтверждался изучением его финансовой истории. Сухомлинов несомненно был взяточником. Когда в декабре 1908 года он возглавил Генеральный штаб, состояние его было весьма скромным: на банковском счете находилось всего 2908 рублей, общая стоимость акций и облигаций давала еще 54 тыс. Недвижимостью он не владел. В должности военного министра его ежегодный доход, жалованье плюс прочие выплаты, приближался к 63 тыс. руб. При этом в период с декабря 1908 по сентябрь 1915 года он положил на свои счета в различных петербургских банках 702 737 рублей наличными и в ценных бумагах. Снял он в общей сложности 279 311 рублей, из чего следует, что оставшийся капитал должен составлять 423 426 рублей. Однако фискальные следователи, как ни старались, не смогли обнаружить на генеральских счетах больше 80 тыс. руб.

Эта статистика заставляла задаться по меньшей мере тремя небезынтересными вопросами. Во-первых, куда пропала сумма в 340 тыс. руб.? Следователи отметили, что в июле и сентябре 1915 года Сухомлинов полностью опустошил сначала один, а потом и второй банковский сейф, арендовавшийся им в Обществе взаимного кредита, из чего следовало, что вклады по-прежнему находятся у генерала, однако хранятся в неизвестном месте. Во-вторых, на что бывший министр тратил свои сбережения? Достоверно установлено, что сам Владимир Александрович отнюдь не сорил деньгами. Его домоправительница, мадам Кюнье, вспоминала, что ей редко выдавалось на повседневные расходы больше ста рублей в месяц, да и то с настойчивыми просьбами быть экономной. Совсем другая история — траты Екатерины Викторовны. Допрошенная в тюрьме Анна Гошкевич показала, что Екатерина с легкостью проматывала по 100 тыс. руб. и более в год на оплату медицинских счетов, путешествия и новые наряды[2]. Червинская, перешедшая в лагерь злопамятного Андроникова, не осталась в стороне от обсуж-

дения расточительности Екатерины Викторовны и подтвердила нарисованный Анной Гошкевич образ разнузданной мотовки. И, наконец, как объяснить внезапное и фантастическое возникновение сухомлиновского состояния? Версию генерала — что все дело в его благоразумных вложениях — следователи отвергли, заметив, что доходы экс-министра от игры на бирже с 1908 по 1915 год составили не более 55 тыс. руб. Поскольку официальный доход Сухомлинова от государственного жалованья и инвестиций не мог объяснить возникновения его богатства, приходилось предположить, что оно по большей части было приобретено незаконно. Среди тех, кому Сухомлинов был обязан своим обогащением, несомненно были жадные поставщики Военного министерства и промышленники, однако почему бы не предположить, что тут не обошлось без иностранных разведок. Разве человек, настолько испорченный, чтобы принимать взятки от компаний и частных лиц, откажется от денег, предлагаемых враждебными иностранными правительствами?

Третий и последний ряд обвинений касался государственной измены — здесь обвинение было по большей части косвенным, основанным на умозаключениях и исходило, как мы знаем, из факта подозрительных связей генерала с осужденными или находящимися под судом шпионами и предателями. Однако имелись также показания двух свидетелей, утверждавших, что обладают неопровержимыми доказательствами шпионской деятельности Сухомлинова против России. Одним из этих двоих был Александр Машек, другим — некий Франц Мюллер.

Машек, этнический чех и австро-венгерский подданный, в 1901 году перебрался в Киев и в 1911 году получил российское подданство. Большую часть своей взрослой жизни он провел, мотаясь туда-сюда между Россией и Австро-Венгрией. В 1908 году он в очередной раз вернулся в Киев, где недолгое время служил в разведке Киевского военного округа, куда был принят, вероятно, благодаря своему знанию языков. В начале войны он был переводчиком при штабе контрразведки 10-й армии, однако скоро попросился на фронт и вступил в добровольный чехословацкий стрелковый полк, созданный под покровительством России.

В феврале 1916 года в штаб контрразведки 3-й армии, к которой был приписан чехословацкий полк, поступили донесения от солдат этого полка о том, что Машек — давний австрийский агент и провокатор, многие годы осуществляющий слежку за чешскими

националистами как в Австрии, так и в России. В мае Машек был арестован и допрошен военной полицией. Несмотря на то что твердых доказательств против него было недостаточно, штаб 3-й армии счел его личностью подозрительной и потенциально опасной и уже в мае отправил в административную ссылку в Сибирь[3].

Весьма вероятно, что о Машеке никто никогда бы уже не вспомнил, не начнись расследование дела Сухомлинова. В июле 1916 года Машек отправил сибирским военным властям рапорт, своевременно препровожденный к сенатору Кузьмину, в котором утверждал, что истинной целью его ссылки было воспрепятствовать ему дать показания об измене бывшего военного министра, о чем он имел сведения из первых рук. Ответом на письмо был перевод Машека из Сибири в Минск, где в течение сентября его подробнейшим образом допрашивали[4].

Машек сообщил, что с 1908 по 1913 год служил агентом киевской военной разведки и подчинялся непосредственно полковнику А.А. Самойло. По словам Машека, в 1908 году ему стало известно, что генерал В.А. Сухомлинов, в то время глава Киевского военного округа, на самом деле австрийский шпион. Неназванные агенты из российской военной разведки, проникнувшие в австрийское военное министерство, обнаружили свидетельствующие об этом документы, о чем и сообщили Машеку. Впрочем, у Машека был и кое-какой личный опыт, подтверждавший изменническую деятельность генерала. Машек клялся, будто дважды своими глазами видел, как Сухомлинов тайно входил в австрийское консульство, переодевшись кучером. Также в середине декабря 1908 года Машек лично был свидетелем того, как генерал посещал дом некоего Поляка, состоятельного колбасника и «чеха-ренегата». Машек добавил, что приблизительно за месяц до аннексии Австрией Боснии-Герцеговины (23 сентября / 6 октября 1908 года) Сухомлинов тайно встречался в Киеве с австрийскими официальными лицами, нелегально прибывшими из Перемышля[5].

Потом, конечно, Сухомлинов оставил Киев и перебрался в Петербург, чтобы возглавить Генеральный штаб, и Машек больше не имел возможности наблюдать за деятельностью генерала — однако утверждал, что располагает другими в высшей степени важными и секретными сведениями об австро-венгерском шпионаже в России, которыми он еще ни с кем не делился. Ему, например, было известно, что еще в довоенное время немцы держали в Варшаве специальную «конспиративную квартиру», соединенную

отдельной телеграфной линией непосредственно с кабинетом кайзера. Он также утверждал, что способен пролить свет на загадочный провал ценнейшего русского агента в Австрии полковника Альфреда Редля. В 1913 году Редля сдал австрийской полиции глава Киевского охранного отделения, о чем Машек, к сожалению, не смог Редля вовремя предупредить. Именно тогда Машек оставил службу в российской секретной службе, опасаясь, что сам может стать очередной жертвой влиятельных предателей, окопавшихся в Киеве. Машек добавил, что поручения, выполнявшиеся им во время войны, позволили ему быть в курсе многих других разведывательных операций Центральных держав — в штабе российской 3-й армии служит по меньшей мере двадцать восемь австрийских шпионов — так, во всяком случае, он уверял[6].

Если Машек выдавал себя за преданного России офицера разведки, павшего жертвой зловещего плана изменников родины, то Франц Мюллер был свидетелем совсем иного сорта. В сентябре 1915 года во время выполнения шпионского задания на русской территории были схвачены два австрийских шпиона, Покет и Якубец. Суд над обоими и казнь Покета вполне предсказуемым образом воздействовали на Якубца, пообещавшего, если ему сохранят жизнь, рассказать русским все, что ему известно об австрийской разведке, в частности раскрыть имена австрийских агентов. Среди тех, на кого он указал, был некий венгр по имени Сан-Кирали, работавший под вывеской парикмахера в Тарнополе. Контрразведка немедленно арестовала Сан-Кирали. При обыске в его квартире было обнаружено немалое количество свидетельств его виновности, в том числе фотография Сан-Кирали в австро-венгерской военной форме. Документы эти были ему предъявлены, и он сознался в шпионаже. Однако говорить подробнее отказался до тех пор, пока не получит твердых гарантий того, что, во-первых, не будет казнен и, во-вторых, ему позволят выехать в Бразилию, где, по его словам, он до войны служил военным инструктором. Все это ему было вскоре обещано, и Сан-Кирали получил новое имя, «Франц Мюллер» — это было сделано для того, чтобы австрийская разведка не смогла определить личность нового информатора русских, а также чтобы оградить его от будущей мести австрийцев.[7]

Информация, сообщаемая Мюллером, сперва казалась в высшей степени заслуживающей доверия, с ее помощью было раскрыто несколько австрийских шпионских сетей, из которых одна базировалась за стенами католического монастыря в Тарнополе (в

оккупированной русскими Восточной Галиции), а во главе другой стоял прапорщик Погорецкий из штаба российской 9-й армии. Полезные откровения Мюллера убедили в его искренности многих, в том числе шефа разведки 9-й армии подполковника Б.П. Петровича, не сомневавшегося в том, что Мюллер/Кирали «действительно офицер австрийской службы, очень опытный и ловкий в деле разведки»[8].

Однако со временем Мюллер необычайно занесся. Он стал утверждать, что служил не скромным австрийским оперативником, а старшим офицером австрийского Генерального штаба и что он с 1908 года был допущен к секретнейшим данным австрийской разведки и контрразведки. Доверие к нему начальства простиралось столь далеко, что он был одним из двух офицеров, получивших личный приказ Конрада фон Хётцендорфа, главы австрийского Генерального штаба, арестовать полковника Редля. Доверие это проявилось также в том, что он был выбран посредником для контактов с германской секретной службой. Находясь в этой должности, он посетил некое собрание в Берлине, на котором шла речь о сорока восьми важнейших немецких агентах в России. Одним из них был генерал П.К. Ренненкампф, позже командующий 1-й армией, которая так неудачно вторглась в Восточную Пруссию в 1914 году. Другим был ни много ни мало сам военный министр Сухомлинов. Сан-Кирали пояснил, что осторожные немцы не сносились с министром напрямую, а пользовались услугами десятка посредников, которые забирали поставляемые Сухомлиновым документы и передавали ему деньги, которые тот требовал в качестве вознаграждения. Сан-Кирали утверждал, что имел доступ ко многим из этих документов, поскольку их изучение составляло часть его подготовки к будущей работе под прикрытием в Галиции. Более того, немецкие начальники однажды дали ему в руки все досье на генерала Сухомлинова, в котором, как запомнил Кирали, содержались дословные записи разговоров военного министра с Николаем II[9].

Как относиться к тому, что рассказали Машек и Мюллер/Сан-Кирали? Сенатор Кузьмин, конечно, воспринял выдвинутые Машеком обвинения достаточно серьезно и приказал тщательно допросить Сухомлинова о его отношениях (если таковые имелись) с полковником Альфредом Редлем. В связи с показаниями Сан-Кирали сенатор даже дал себе труд съездить летом 1916 года в Бердичев, чтобы побеседовать с ним лично. Нельзя, однако, не заметить, что Кузьмину очень хотелось поверить в то, что Машек и Сан-

Кирали говорят правду. Менее ангажированный и более беспристрастный человек заметил бы, что оба они не заслуживают особого доверия.

В случае с Машеком это просто бросалось в глаза, поскольку его история представляла собой амальгаму прозрачной лжи и фантастических вымыслов. Мысль о том, что генерал-губернатор и командующий военным округом крадется по улицам ночного Киева в наряде извозчика, причем попадается на глаза только одному Машеку, просто не укладывается в голове, равно как и нелепая утка о варшавской квартире с прямой телеграфной линией до кабинета кайзера в Берлине. Более того, в рассказах Машека можно указать на множество деталей более обыденного свойства, которые абсолютно ничем не подтверждаются. Так, Сухомлинов не мог встречаться с упомянутым Машеком чешским ренегатом в середине декабря 1908 года, поскольку к этому времени он уже перебрался в Петербург. Далее, документы решительно опровергают утверждения Машека о том, что он якобы служил в разведке Киевского военного округа — на самом деле ему дали только пару поручений, после чего в 1908 году выгнали, а вовсе не держали на жалованье до 1913 года. Полковник Самойло из киевской разведки не только не считал Машека надежным и полезным сотрудником, но, напротив, знал его за человека «не вполне нормального, подозрительного и не вызывающего доверия»[10].

Нетрудно понять, в чем там на самом деле была интрига. Габсбургскую монархию с давних пор беспокоила лояльность ее этнических меньшинств, особенно многочисленного славянского населения, из среды которого, как опасалась Австрия, Россия могла вербовать шпионов. Беспокойство это никак не было безосновательным, поскольку в годы войны Россия действительно широко прибегала к услугам славянских подданных Вены для выполнения шпионских заданий, среди них был, например, профессор Томаш Масарик, будущий президент независимой Чехословакии[11]. Совершенно естественно, что австрийцы пытались предпринимать ответные меры, внедряя своих агентов в круги чешских националистов за границей и организовывая слежку за чешскими эмигрантами. Машек, очевидно, принадлежал к числу этих агентов, о чем и сообщали его сослуживцы по чехословацкому полку. Своими фантастическими разоблачениями Машек пытался выбраться из сибирской ссылки и одновременно отомстить штабу 3-й армии.

Утверждения Сан-Кирали, на первый взгляд более правдоподобные, чем домыслы Машека, также изобиловали откровенными вымыслами. Прежде всего Сан-Кирали никак не мог участвовать в захвате Альфреда Редля, ибо среди группы из пяти человек, столкновение которых с Редлем в мае 1913-го в отеле «Кломзер» подтолкнуло полковника к самоубийству, не было никого, кто по описанию или имени напоминал бы Сан-Кирали[12]. Более того, записи допросов Сан-Кирали содержат множество повторяющихся ошибок в датах, фактах и именах, как, например, неверное именование Александра Бауэрмейстера Баумайстером или Бурмейстером[13]. Если полковника Полякова Сан-Кирали удалось убедить в том, что он действительно тот, за кого себя выдает, то штабс-капитан Реек, допрашивавший его первым, отметил, что по-немецки Сан-Кирали пишет с грубыми ошибками, из чего следует, что он никак не мог быть офицером австрийской армии, не говоря уже о Генеральном штабе[14]. А значит, он не был посредником между австрийской и германской разведками, никогда не присутствовал на берлинском собрании по поводу русского шпионажа и в жизни не держал в руках «досье Сухомлинова». Мотивы этих уклонений от истины вполне понятны: Сан-Кирали боялся, что русские его повесят, как это обыкновенно делалось со шпионами, арестованными на их территории. При первой же беседе с капитаном Реем он вполне откровенно признался, что вся его надежда остаться в живых — в том, чтобы продолжать сообщать интересные сведения[15]. Поэтому у него были все основания притворяться важной фигурой в разведке, а не третьестепенным агентом, каковым он в действительности являлся. Ему также необходимо было говорить со своими следователями, говорить не переставая, рассказывать все, что ему действительно было известно, и развлекать выдумками после того, как подлинные сведения истощились. Это одно отделяло его от виселицы — во всяком случае, так он считал.

Показания Машека и Сан-Кирали, воспринятые как основательные доказательства шпионской деятельности и измены Сухомлинова, на самом деле отнюдь этим не являлись. Внутренние противоречия и грубая ложь дискредитировали их показания и бросали тень практически на все ими сообщенное. Государственное обвинение генерала в измене в действительности представляло собой не нерушимую крепость, а замок на песке. Однако это не имело никакого значения, поскольку, как с одобрением отметил Милюков в своей речи 1 ноября 1916 года, Сухомлинову уже был

вынесен обвинительный приговор «инстинктивным голосом всей страны и ее субъективной уверенностью»[16].

Защита Сухомлинова

Несмотря на то что надежды на честное рассмотрение дела в суде были весьма призрачны, Сухомлинов был полон решимости сделать все от него зависящее, чтобы опровергнуть выдвинутые против него обвинения. Целый ряд показаний, данных им весной и летом 1916 и зимой 1916/17 годов сначала из тюремной камеры, а позже из дома, позволяет в полной мере представить очертания его будущей стратегии защиты.

В отношении своей деятельности по подготовке российской армии к войне и реагирования на кризис вооружения в начале войны генерал заметил, что действительно не предвидел того, что европейская война будет столь продолжительной, однако это не удалось никому из российской военной верхушки[17]. Он мог бы добавить, что во всех воюющих странах практически никто не сумел предсказать реальный характер этого военного конфликта. Более того, наступление войны действительно застало Россию с недостаточным запасом орудий и снарядов, однако необходимо подчеркнуть, что он, Сухомлинов — не единственный, кто несет за это ответственность. Российская военная система была устроена таким образом, что значительной властью над артиллерийским ведомством обладал его инспектор, великий князь Сергей Михайлович, часто использовавший свое положение для блокирования инициатив собственно Военного министерства. Сухомлинов многие годы жаловался на невыносимые отношения с великим князем, однако последний принадлежал к императорской семье, и военный министр не имел над ним реальной власти[18]. Что до возникшего в ходе войны кризиса вооружения, Сухомлинов утверждал, что его попытки оперативно на него отреагировать пресекались Ставкой, которая, по воле его личного врага великого князя Николая Николаевича, скрывала от него истинное положение дел на фронте. Так, когда Сухомлинов приезжал вместе с императором в Ставку, Николай Николаевич лишал его возможности присутствовать при устных докладах. В конце концов, после нескольких подобных случаев, Николай II перестал брать своего военного министра в Ставку[19].

Если упреки Сухомлинова Ставке в утаивании информации не выдерживали критики (в конце концов, глава штаба Николая Николаевича Янушкевич практически ежедневно переписывался с военным министром), другие его аргументы были достаточно основательны. Во-первых, всякому здравомыслящему наблюдателю очевидно, что нельзя винить Сухомлинова в неспособности предсказать затяжной характер европейской войны. Проблема в том, что здравомыслящих наблюдателей больше не было. Когда предшественник Сухомлинова на посту военного министра А.Ф. Редигер (между прочим, отнюдь не дружески к нему относившийся) выразил протест против несправедливого обвинения Сухомлинова в том, что тот не предпринял мер для предотвращения кризиса снарядов прежде, чем узнал о его возможности, это в высшей степени разумное мнение вызвало вой возмущения членов комиссии Петрова[20]. Во-вторых, критика Сухомлиновым великого князя Сергея Михайловича и артиллерийского ведомства была в немалой мере справедлива. Еще до 1914 года между артиллерийским ведомством и Военным министерством шло нечто вроде холодной войны, и Сергей Михайлович сам это признавал. Однако ничто не подтверждает другое утверждение великого князя — что именно Сухомлинов препятствовал его конструктивным усилиям, а не наоборот. Размышляя по аналогии с Русско-японской войной, артиллерийское ведомство пришло к выводу, что в ходе следующего военного конфликта артиллерийская единица российской армии в среднем вряд ли сделает более пятисот залпов. В таком случае запаса в 1000 снарядов на орудие должно хватить с избытком. Сухомлинов и его Генеральный штаб оспаривали этот благодушный прогноз, и в конце концов им удалось увеличить предельную цифру до 1500 снарядов. Причина, по которой в августе 1914 года на каждую пушку приходилось лишь 850 снарядов, заключалась в том, что средства на закупку дополнительного вооружения были ассигнованы лишь в предшествующем году, в результате чего большая часть контрактов не была даже распределена, не говоря уже об их выполнении[21]. Конечно, исполняй Сухомлинов свои обязанности лучше, он бы с большей энергией занимался решением возникшей в конце 1914 года проблемы кризиса пушек, снарядов и винтовок. Однако следует отметить, что и само артиллерийское ведомство много времени спустя после начала войны настойчиво продолжало сообщать в своих рапортах, что недостаток снарядов сильно преувеличен. Генерал А.А. Брусилов, которого почти без натяжки мож-

но назвать гением тактики и оперативного искусства (но не стратегии), избрал техническую несостоятельность русской армии центральной темой своей книги, посвященной опыту войны. Однако, говоря об истоках кризиса снарядов, Брусилов гораздо резче отзывается о Сергее Михайловиче и артиллерийском ведомстве, чем о Сухомлинове, административную деятельность которого он по большей части одобряет[22].

Конечно, обвинение в финансовой коррупции было вопросом совсем иного рода, и в этом отношении Сухомлинову не удалось выстроить убедительную тактику защиты. Это было бы в любом случае трудно сделать, поскольку тут его вина была несомненна. Он, конечно, уверял, что никогда никаких подарков или денежных вознаграждений от каких бы то ни было фирм или частных лиц в связи с деятельностью Военного министерства не принимал, однако его утверждения, что в этих грехах он неповинен и что все состояние приобрел путем вложений в ценные бумаги, сегодня кажутся столь же сомнительными, как и сто лет назад. Приведенному им аргументу, что, распределяй он военные заказы в обмен на взятки, его состояние составляло бы «несколько миллионов рублей», а не пустяковые 400 тыс. или около того (то есть ту сумму, относительно которой следователи смогли доказать, что он по-прежнему ею владеет), также недоставало убедительности[23]. То обстоятельство, что работавшим на Петрова и Кузьмина аудиторам не удалось обнаружить более 400 тыс. рублей, не доказывает, что министр не обладал более значительными суммами — ведь ему предоставлялось множество возможностей спрятать свои сбережения как до, так и после того, как на него легло подозрение.

Однако самое серьезное из выдвинутых против Сухомлинова обвинений касалось шпионажа и государственной измены — если бы суд признал его виновным по этим пунктам, весьма вероятным приговором была бы смертная казнь. Оправдательная стратегия экс-министра была трехчастной: во-первых, он громко и настойчиво призывал обратить внимание на сущностную неправдоподобность многих обвинений; во-вторых, предлагал тем своим словам и поступкам, на которых основывались косвенные доказательства расследования, объяснения вполне невинные; и, наконец, он предложил несколько убедительных версий того, почему именно он стал жертвой этого ложного обвинения. Первая и третья части стратегии были весьма успешны, вторая — в меньшей степени.

Для примера возьмем ответ Сухомлинова на обвинение в том, что он стоял во главе обширной шпионской сети. Если он в самом деле был изменником России, зачем ему было действовать в сговоре? Разве не было бы более логичным (и значительно более безопасным) работать в одиночку? Реши он в самом деле продать государственные секреты, он бы сам обратился в посольства вражеских государств и «не прибегал бы к содействию таких личностей, как... подполковник Мясоедов, полковник Иванов и др.»[24]. Более того, какие могли быть у него мотивы для измены? Он русский патриот и офицер, преданный своей стране и своему монарху. Зачем ему желать, чтобы Германия стерла Россию в порошок? Следователи, настаивал он, не придумали никакой иной мотивировки его предательства, кроме корысти, однако торгуй он государственными секретами, он бы, очевидно, жил гораздо роскошнее, чем сейчас. У Екатерины Викторовны, конечно, большие расходы (хотя в отчетах они раздуты совершенно непропорционально), однако сам он всегда был ограничен в средствах. Как соотнести россказни о получении им огромных денежных вознаграждений с показаниями многих свидетелей, что у него хронически не было при себе наличных?[25]

Столь же презрительно Сухомлинов отозвался и о другой несообразности в нарисованной правительством картине шпионского заговора. Речь шла об Александре Альтшиллере. Альтшиллер накануне войны вернулся на родину, в Австрию, для поправки здоровья, и обвинение как агенту австрийской разведки ему было предъявлено in absentia. Собственно, центральным аргументом обвинения было именно то, что Альтшиллер — австрийский супершпион, коновод всех агентов Австрии в Российской империи, а Сухомлинов — его пособник. Анна Гошкевич показала, что домашний кабинет Сухомлинова сообщался с одной из комнат, где принимали гостей. Однажды, утверждала она, на ее глазах Альтшиллер вошел в кабинет и в течение нескольких минут рассматривал документы, легкомысленно разбросанные на письменном столе[26]. С точки зрения Сухомлинова, история эта представлялась абсолютно нелепой. Хорош тайный агент, который сует нос в документы Военного министерства на глазах у свидетеля! Кроме того, если он, Сухомлинов, был в доле с Альтшиллером, зачем последнему рыться в его бумагах? Контраргументы Владимира Александровича, хотя и не доказали, конечно, что Альтшиллер не работал на австрийскую разведку, все же чувствительно преуменьшили вес данных

Анной показаний: она либо не видела того, что, как утверждала, видела, либо если все же видела, то Альтшиллер, вероятнее всего, не шпион, следовательно, не мог быть в шпионском сговоре с Сухомлиновым[27].

Владимиру Александровичу также удалось ловко разобраться с инсинуациями Машека и Сан-Кирали о его якобы причастности к выдаче австро-венгерским властям российского шпиона Альфреда Редля. Согласившись с тем, что Редль действительно «крупная величина в деле шпионажа», Сухомлинов рассказал следователям, что Редль был завербован в то время, когда он, Сухомлинов, служил начальником штаба у Драгомирова в Киевском военном округе (1899—1902). Благодаря стараниям Редля русские военные получили доступ к ценнейшим отчетам австро-венгерского Генерального штаба и мобилизационным планам. Также с его помощью на территории России было схвачено несколько настоящих австрийских шпионов, в их числе Гримм, старший адъютант штаба Варшавского военного округа. Однако к разоблачению Редля Сухомлинов абсолютно непричастен, что подтверждают также показания Машека и Мюллера (пусть и недостоверные в других отношениях). Оба, Машек и Мюллер, уверяли, что человек, сообщивший тайную информацию австрийцам в 1913 году, проживал в это время в Киеве. Был ли этот человек главой киевской охранки, как утверждал Машек, или неким «русским генералом» по версии Мюллера, в любом случае это не мог быть Сухомлинов[28].

Однако когда настало время громить косвенные доказательства, которыми как стеной окружило его обвинение, Сухомлинову пришлось туго. Генерал твердо решил предстать перед своими прокурорами в облике полной невинности. Проблема заключалась в том, что, даже не будучи шпионом, он отнюдь не был безупречен. Ему следовало бы, пожалуй, признать факты заурядной коррупции или объяснить, каковы были его истинные цели, когда в 1911 году он устраивал Мясоедова на службу при Военном министерстве. Он же, выбрав другую стратегию, оказался вынужден искажать правду и отвечать на вопросы уклончиво или невнятно.

Например, сенатор Кузьмин и его команда придавали большое значение тому, что в переписке между полковником Ивановым, Николаем Гошкевичем и Александром Альтшиллером Сухомлинова именовали «тысячным» — как решили люди Кузьмина, это была конспиративная кличка. Когда Сухомлинову задали вопрос по этому поводу, он ответил, что «тысячный», напротив, безобидное

дружеское прозвище, произведенное от номера его счета (№ 1000) в Гвардейском экономическом обществе. Это забавное утверждение было дискредитировано: стало известно, что в действительности у генерала был номер 1007[29]. «Тысячный», конечно, было конспиративной кличкой, однако целью заговора был обман государственной казны, а не измена в пользу Германии.

Аналогичным образом утверждение Сухомлинова, будто он был едва знаком с полковником Ивановым, полностью опровергалось показаниями генерала Янушкевича, сообщившего, что после ареста Иванова Сухомлинов вступился за него и ходатайствовал о его освобождении[30]. Показания Янушкевича также полностью дезавуировали утверждение Сухомлинова, будто он всегда считал Альтшиллера по рождению лютеранином и не знал, что тот был евреем. Всем в окружении Сухомлинова было известно, что Альтшиллер еврей и что Сухомлинов в курсе этого, потому что он часто об этом упоминал[31]. И, напротив, то, как Сухомлинов объяснил, почему он позволил Думбадзе прочитать секретный «Перечень важнейших мероприятий военного ведомства с 1909 года по 20 февраля 1914 года» — мол, он передал этот документ только после того, как начавшаяся война лишила его всякой пользы для противника, — было, вероятно, технически точно, но при этом свидетельствовало об уму непостижимой безалаберности в обращении с документами, составляющими государственную тайну.

Однако сильнее всего Сухомлинову пришлось попотеть, когда настал момент объяснить его знакомство с полковником Сергеем Мясоедовым. Дело в том, что для подавляющего большинства населения России имя «Мясоедов» стало символом порока и измены. Поскольку Сухомлинову не были известны точные обстоятельства ареста Мясоедова и представленные в ходе процесса свидетельства, он не мог быть абсолютно уверен в невиновности своего бывшего протеже. В беседе со следователями в 1916 году Сухомлинову пришлось исходить из предположения, что Мясоедов действительно агент вражеской державы, и соответствующим образом модифицировать свои показания. А если Мясоедов и не был изменником, то все вокруг были уверены в обратном. Тут-то и возникали проблемы: как распишут газеты историю отношений между Мясоедовым и бывшим военным министром? Какие выводы сделает публика из факта приятельства Сухомлинова с самым ненавистным в России изменником?

Оправдывая свои контакты с Мясоедовым, Владимир Александрович прежде всего принялся перекладывать ответственность за оказанную жандарму поддержку на других. Да, он действительно принял Мясоедова на службу, однако сделал это исключительно по настоянию таких людей, как генерал П.П. Маслов, генерал С.С. Савич и барон Таубе, — всё люди с безупречной репутацией в военной и полицейской среде[32]. Сухомлинов также изо всех сил пытался опровергнуть ложное представление, будто Мясоедов занимал важную должность в Военном министерстве. Жандарм действительно настойчиво искал работы в разведке, однако Сухомлинов ему этого не позволил, и никаких секретов Мясоедову никогда не доверяли. По словам Сухомлинова, полковник был всего лишь мелким помощником по общим вопросам, хотя и с ложной претензией на величие[33]. (К несчастью для обвиняемого, полковники Ерандаков и Васильев были тут как тут и имели возможность опровергнуть это утверждение.)

Наконец, Сухомлинов нанял Мясоедова, но он же его и уволил. Владимир Александрович сообщил, что отправил жандарма в отставку в 1912 году не из-за письма по его поводу от Министерства внутренних дел, не из-за газетных нападок и даже не из-за сомнений, пусть туманных, в его лояльности — причиной был «тот публичный скандал, который Мясоедов учинил на бегах». Впоследствии Сухомлинов приказал провести расследование деятельности Мясоедова (что, по его признанию, было сделано для умиротворения прессы), однако оно не выявило никаких нарушений, вследствие чего у Сухомлинова не было никаких оснований подозревать полковника в шпионаже. Да, собственно, и самый безжалостный мучитель Мясоедова, А.И. Гучков, также явно не считал тогда полковника изменником — иначе разве он принял бы от него вызов на дуэль?[34]

Конечно, события весны 1912 года далеко развели Сухомлинова и Мясоедова. Они практически не виделись. Следователей это, похоже, озадачило. Если дело действительно обстояло таким образом, почему генерал согласился написать то письмо от 29 июля 1914 года — документ, с помощью которого Мясоедов пробрался в разведывательный отдел 10-й армии? В ответ Сухомлинов твердо настаивал на том, что и это письмо было истолковано неверно. Прежде всего, письмо не было официальным. Кроме того, это отнюдь не была восторженная рекомендация, а всего лишь свидетельство, что он, Сухомлинов, не имеет возражений против возвра-

щения полковника на службу. В довершение Владимир Александрович приврал, назвав письмо невинной услугой, какую естественно оказать знакомому[35].

Слабость сухомлиновской версии была не столько в том, что он манипулировал фактами, сколько в том, что, по сути, она вылилась в признание собственной некомпетентности, если не умственной неполноценности. Чтобы поверить в историю Сухомлинова, нужно было вообразить, что министр, несмотря на многочисленные предупреждения со всех сторон, все же решил допустить Мясоедова в Военное министерство и впоследствии не сумел разглядеть процветавший прямо у него под носом в течение месяцев шпионаж. Это была либо преступная небрежность, либо временное помешательство. Напрашивалось, конечно, третье объяснение: зачем признаваться в профессиональной несостоятельности или идиотизме, если не для того, чтобы скрыть нечто более серьезное?

Прочтя некоторые материалы по делу Мясоедова, в том числе стенограмму суда (которую он смог получить после Февральской революции 1917 года), Сухомлинов изменил показания. Теперь он утверждал, что, хотя Мясоедова казнили за дело, преступлением, в котором тот сознался, была кража, а не шпионаж. Из-за недостаточности доказательств суд признал полковника невиновным в передаче немцам сведений до начала зимних Мазурских боев; да и доказательства предъявленного обвинения в шпионаже — в 1907 году и с 1911 по 1912 год — были не просто слабыми, но практически нулевыми. Сухомлинов пришел к выводу, что обвинение в измене являлось дымовой завесой, за которой хотели скрыть ошибки высшего военного командования. «Характерная психологическая черта на этой войне, — заметил он в разговоре с сенатором Кузьминым, — всякие неудачи приписываются прежде всего измене. Сомнительная операция проваливается — измена, противник был осведомлен». Эту мысль он проиллюстрировал ссылкой на письма, которые слал ему из Ставки Янушкевич: однажды, например, тот писал, что крах карпатского наступления 1915 года заставил его задуматься, нет ли и на Юго-Западном фронте «своего Мясоедова»[36]. Зная о склонности военных искать «козлов отпущения» для сокрытия собственных грехов, Сухомлинов заключил, что, возможно, не только Мясоедов, но и *все* участники так называемого шпионского заговора — Гошкевичи, Альтшиллер, Иванов, Думбадзе, Веллер, Фрейнат и другие — были невиновны. Сообразив, что самым логичным и благородным способом защитить

себя от обвинения в измене будет отстаивать невиновность всех упомянутых или осужденных за участие в «заговоре» Мясоедова, Владимир Александрович, представ перед судом, мужественно шел к этой цели.

«Измена» и Февральская революция

В феврале 1917 года всего нескольких революционных дней оказалось достаточно, чтобы смести с лица земли российское самодержавие, а вместе с ним династию, более трехсот лет правившую в России. Собственно революцию можно уподобить мгновенному и разрушительному взрыву, однако подготовлен он был целым рядом опасных тенденций в экономической и общественной жизни страны, порожденных, в свою очередь, войной.

На первом месте стоял вопрос пополнения казны. С началом войны Российская империя разом лишилась двух важнейших источников дохода. Закрытие Черного и Балтийского морей для коммерческого пароходства означало приостановку взимания экспортно-импортных пошлин, а введение императором сухого закона закрыло прибыльную государственную монополию на алкоголь, которая до войны приносила около четверти государственного дохода[37]. В то же время война естественно вызвала значительный рост государственных расходов. В начале 1917 года министр финансов Барк докладывал Николаю II, что непосредственно связанные с войной траты государства превысили 25 млрд руб.[38] Как справиться с этим финансовым кризисом? Можно, конечно, обратиться к иностранным займам, однако почти 6 млрд руб., которые Петрограду удалось за годы войны получить из-за границы, были скорее паллиативом, чем лекарством[39]. Внутренние займы и государственные долговые обязательства принесли еще 10,4 млрд руб., однако оставался значительный дефицит, не покрывавшийся обычными налоговыми поступлениями[40]. В результате правительство решило оплатить часть военных расходов, напечатав дополнительно деньги: если в июле 1914 года в обращении было 1,6 млрд бумажных рублей, то к январю 1916 года эта цифра выросла до 5,5 млрд, а в январе 1917-го превысила 9 млрд[41]. Неизбежным следствием стал стремительный рост инфляции. Если городской потребительский индекс цен на 1913 год принять за 100, то накануне Февральской революции он поднялся до 259[42]. Рост потребности в рабочих ру-

ках и повышение нагрузки на промышленность привели, конечно, к росту окладов, однако они неизменно отставали от роста цен, что вызвало разительное падение уровня жизни в городах России. Проблему усугублял прирост городского населения, увеличившегося с 22 до 28 млн человек за счет крестьян, стремившихся из деревни в город в надежде найти новые рабочие места. Большая часть новоприбывших ютилась в антисанитарных ночлежках перенаселенных городских трущоб, требуя своей доли продовольствия, топлива и лекарств, запасы которых таяли на глазах.

В деревне условия были лучше, там крестьянин мог прокормить себя сам. Собственно, война даже принесла многим российским деревням определенное процветание. Объем средств, которые крестьяне хранили в крестьянских сберегательных банках, — 480 млн руб. в 1913 году — подскочил в 1915-м до 638 млн[43]. Это объяснялось множеством причин, в том числе тем, что государство выплачивало пенсии родственникам призванных на войну солдат. Другой причиной был сухой закон, благодаря которому крестьяне стали употреблять меньше алкоголя и у них появились свободные деньги. Однако при этом война привела к уменьшению производства продовольствия в сельскохозяйственных регионах России. Площадь обрабатывавшихся земель с 1914 по 1916 год сократилась более чем на 16%. Для этого также было несколько причин. Массовый призыв мужчин привел к сокращению работоспособного населения в деревнях, что затруднило обработку земли. Кроме того, продовольственная проблема вызвала дефицит товаров потребления. Поскольку большая часть российской промышленности переориентировалась на военное производство, уменьшилось число фабрик, производивших необходимые в крестьянском быту инструменты. Производство кос, например, — 8200 штук в 1916 году — составляло лишь 17% от довоенного показателя. Обнаружив, что ничего или почти ничего нельзя купить, многие крестьяне охладели к работе на своих полях, а некоторые, очевидно, вообще выпали из оборота рыночной экономики. Общий объем зерна 1916—1917 годов составил чуть более 71 млн т, почти на четверть меньше последнего довоенного показателя[44].

Перерастание проблемы с питанием в полномасштабный кризис произошло в результате коллапса транспортной системы России, прежде всего ее железнодорожной сети. Рельсы не выдерживали напряжения войны и буквально разваливались на куски, при этом в России не было достаточного числа заводов и мастерских,

способных производить рельсы, сигнальное оборудование и подвижной состав. Число локомотивов, находившихся в рабочем состоянии на январь 1917 года, составляло половину от показателя июля 1914-го. Доставка продовольствия и топлива голодным и мерзнущим все более осложнялась. Это коснулось даже армии. К концу 1916 года передовые отряды располагали всего лишь десятидневным запасом продовольствия, генерал Брусилов телеграфировал Министерству земледелия, что «в самом ближайшем будущем начнется буквальный голод в армиях»[45]. Непосредственно накануне революции Алексеев доносил императору, что, принимая во внимание ненадежность железнодорожного транспорта, единственным долгосрочным решением продовольственных проблем армии будет устройство в ближайшем тылу солдатских ферм, где солдаты сами будут выращивать для себя провизию[46] (к этой мере прибегнет Красная армия во время Гражданской войны).

Тяжелее всего кризис продовольствия ударил по распухшим от притока населения городам России, прежде всего по Петрограду. А тут еще зима 1916/17 года выдалась лютая. Весь январь 1917-го мели метели. Столбик термометра упал до —35° С и застыл. В такой холод было просто невозможно раскочегарить локомотивы, чтобы они могли тянуть мало-мальски тяжелый груз[47].

Обнищание городской России в большой степени спровоцировало начало Февральской революции 1917 года, однако оно не объясняет той легкости, с какой эта революция победила. Гибель царизма была столь скорой потому, что практически не нашлось желающих его спасать. Что, в свою очередь, было плодом политической обстановки, созданной тридцатью месяцами тотальной войны. Упрямый отказ Николая II проводить реформы, чехарда некомпетентных министерских назначений и все более явное ощущение, что судьба империи находится в грязных лапах развратного и низкого Распутина, — все это лишило монархию тайны, а вместе с ней достоинства и уважения. К концу 1916 года представители крайне правого политического направления окончательно уверовали в то, что стремительное сползание империи в бездну революции можно остановить только физическим устранением Распутина. Именно с этой целью небольшая группа заговорщиков, в которую входили аристократ и богач князь Феликс Юсупов, ультрареакционер В.М. Пуришкевич и двоюродный брат царя великий князь Дмитрий Павлович, задумала покушение на жизнь Распутина. Юсупов постарался сблизиться со старцем и уговорил его приехать в свой

дворец, где ранним утром 17 декабря 1916 года Распутин был наконец убит, что потребовало от заговорщиков исполинских усилий[48]. Хотя вся Россия шумно приветствовала это событие, политического разложения оно не остановило и даже, возможно, его ускорило. Николай II приказал арестовать всех причастных к этому убийству, в том числе своего кузена Дмитрия. Страна рассудила, что, очевидно, влияние Распутина было более глубоким и пагубным, чем казалось, — зачем в противном случае члену императорской фамилии пачкать руки кровью какого-то крестьянина?[49]

Таким образом, обстоятельства смерти Распутина способствовали укреплению в сознании русского общества образа двора, погрязшего в мерзости и измене. Алая нить предательства тянулась от Мясоедова к его покровителю Сухомлинову, далее — к Распутину, обеспечившему освобождение генерала из тюрьмы, и, наконец, — в самое сердце императорской семьи. Ибо если сам император и не изменник, то императрица, скорее всего, изменница, а муж и жена одна сатана. Как заметил известный либеральный политик В.Д. Набоков в своих написанных после революции воспоминаниях, «передовое русское общественное мнение, давно изверившееся в Николае II, постепенно пришло к сознанию, что... нельзя одновременно быть с царем и быть с Россией — что быть с царем значит быть против России»[50].

Это мнение было распространено не только среди политической элиты, которую описывал Набоков. Существуют отдельные свидетельства того, что идея полной скомпрометированности монархии проникла и в сознание низших классов. В конце 1916 года некий член кадетской партии, земский деятель, описывал другу свои впечатления от жизни в Лифляндии. В этом письме, перехваченном полицией, отмечалось, что «теперь... в деревне уже не верят в успех войны». Впрочем, автор добавлял, что ему доводилось встречать крестьян, настроенных в определенном смысле более позитивно — эти говорят, что «надо повесить Сухомлинова и вздернуть 10—15 генералов, и мы бы стали побеждать»[51]. Мысль о том, что высокопоставленные изменники предали и продали армию, отозвалась также в рабочих кругах, если судить по свидетельствам современников. 23 февраля на заводе «Арсенал» в Петрограде состоялась масштабная забастовка. Управляющие попробовали пристыдить рабочих тем, что они помогают врагам, германцам, и являются тем самым предателями. Но их заглушили ответные крики: «А Мясоедов? Сухомлинов? Императрица сама германская шпион-

ка!»[52] Можно предположить, что эта перепалка не была спонтанной, а отражала успехи левых политических партий в распространении своей пропаганды — известно, что социалистические организации в Петрограде, в том числе большевистские, специально в листовках, разбросанных в те дни по всему городу, акцентировали тему шпионства в придворных кругах[53]. Однако это не столь важно. Раз сотни тысяч россиян стали видеть в самодержавии воплощение шпионажа и измены, его уже ничто не могло спасти.

Если в столице трутом для вспыхнувшей революции послужил недостаток хлеба, то воспламенило его неожиданное потепление. Хлеба не выпекали не только из-за отсутствия муки, но и потому, что многим пекарням не хватало топлива на растопку печей. Пустые полки в булочных порождали и голод, и озлобление, особенно в рабочих кварталах Выборгской стороны и Васильевского острова. Когда 23 февраля волна холодного воздуха схлынула и температура подскочила до +8° С, на улицы высыпали толпы демонстрантов[54]. К середине дня бастовало до сотни тысяч рабочих, требовавших немедленных улучшений в снабжении продовольствием. На следующий день забастовочное движение разрослось и к 25-му охватило весь город. Посланный Николаем II из Ставки приказ в случае необходимости подавлять беспорядки с помощью военной силы оказался контрпродуктивным, потому что расквартированные в Петрограде солдаты практически сразу же начали открыто игнорировать приказ стрелять в демонстрантов. Именно бунт практически всего 180-тысячного Петроградского гарнизона распалил революцию и обеспечил ее победу. Причины солдатского бунта были многообразны и сложны, однако очевидно, что одной из основных была утрата частью военных всякого почтения к царской власти — свою роль в этом сыграли слухи о Распутине, императрице-«немке» и шпионаже[55]. При этом бездействие или дезертирство гарнизона не сделало революцию бескровной. В последующие пять дней анархии весь город дрожал от выстрелов, тут и там на улицах происходили перестрелки, избиения и линчевание полицейских; подобно эпидемии, распространялись грабежи и оргии вандализма, насилия и пьянства. В ходе беспорядков по меньшей мере полторы тысячи человек было убито или ранено, по другим сведениям — до семи с половиной тысяч[56]. 27 февраля для восстановления порядка был сформирован Временный комитет Государственной думы, который вскоре объявил об образовании Временного правительства. Одновременно группа представителей всех активных социа-

листических партий столицы объявила о создании Совета рабочих и солдатских депутатов и призвала пролетариат столицы делегировать в него своих представителей.

Тем временем император наконец осознал серьезность положения и двадцать восьмого числа отправился на поезде в Царское Село, где находилась его супруга с детьми. Когда оказалось, что железная дорога забита толпами солдат, императорский поезд повернул на Псков, где находился штаб Северного фронта. Николай прибыл туда 1 марта, и командующий фронтом генерал Рузский немедля стал обсуждать с монархом политические уступки, которые, как он считал, дадут шанс России продолжить войну. Утром 2 марта начальник штаба Алексеев из Ставки произвел телеграфный опрос ведущих армейских генералов по поводу отречения императора и выяснил их единодушное согласие. 2 марта император согласился подписать акт об отречении. Как известно, беспокойство о здоровье сына Алексея, больного гемофилией, заставило императора внести изменения в подготовленный документ так, чтобы отречься и за себя, и за наследника. Корона должна была перейти брату императора, Михаилу Александровичу. Принятое из лучших побуждений решение императора было вопиюще незаконным, поскольку он не обладал властью отказываться от трона за своего сына. Это решение было также фатально для самого существования монархии, поскольку Михаил вскоре отказался принять корону, пока она не будет передана ему Учредительным собранием, которое планировалось избрать в обозримом будущем. Поскольку это было равносильно отречению Михаила, самодержавие как политическая система перестало функционировать. В 1 час ночи 3 марта 1917 года поезд бывшего императора вышел из Пскова по направлению к Ставке в Могилев. «Кругом, — записал Николай в дневнике, — измена и трусость и обман»[57].

Сухомлинов снова в тюрьме

Для Сухомлинова Февральская революция имела последствия мгновенные и разительные. 1 марта восставшие солдаты и рабочие заполнили Таврический дворец, где заседали параллельно Временное правительство и Петроградский Совет. К толпе обратился с речью Александр Керенский, социалист, радикальный адвокат и думский депутат, который принял портфель министра юстиции в

новом правительстве. «Товарищи! — кричал Керенский. — В моем распоряжении находятся все бывшие председатели Совета министров и все министры старого режима. Они ответят, товарищи, за все преступления перед народом согласно закону»[58]. Истинной целью пламенного выступления Керенского было, конечно, умиротворение толпы и предотвращение поголовного линчевания всех сколько-нибудь известных слуг царского режима. Если на поиски одних, как, например, бывшего министра юстиции Щегловитова, отправились импровизированные вооруженные отряды, другие, как Протопопов, сдались добровольно, надеясь этим спасти себе жизнь. На протяжении последующих нескольких дней бывших нотаблей старого режима десятками препровождали в Таврический дворец, где для них была устроена временная тюрьма.

Вечером 1 марта Сухомлинов был захвачен небольшой группой матросов в своей квартире на Офицерской. С браунингом у виска его отвезли в Таврический дворец на грузовике. Весть о том, что везут Сухомлинова, гальванизировала сотни бродивших по залам дворца солдат. По приезде он должен был пройти сквозь строй озверевшей толпы, требовавшей немедленной расправы. Этого удалось избежать только благодаря вмешательству нескольких членов Временного правительства, прежде всего Керенского, который объявил, что генерал находится под защитой государства, и предупредил особо крикливых, что если они позволят себе, из законной ненависти к бывшему министру, совершить над ним наказание, которому он подлежит по суду, или осуществят насилие, то тем самым они помогут ему избежать той кары, которую определит ему суд. Понимая, впрочем, что какую-то кость толпе нужно кинуть, Керенский велел срезать погоны с военной формы и шинели бывшего министра, причем эту операцию генерал произвел сам, собственным перочинным ножом[59].

Полчаса спустя после этого акта публичного унижения Сухомлинова снова посадили в грузовик и отправили в Петропавловскую крепость. В скором времени он оказался в той же камере, где уже был пять месяцев назад. Тюремный режим, введенный Министерством юстиции Керенского, был, впрочем, гораздо жестче прежнего. Экс-министру выдали драное нижнее белье и заношенный халат — обноски из военного госпиталя. На воздух выпускали лишь на несколько минут в день, кормили самой грубой солдатской пищей — черный хлеб, гречневая каша, щи. В довершение несчастий окно в камере генерала всю зиму то замерзало, то оттаивало, в ре-

зультате вода стекала на пол и по стенам пошла плесень. Стоит ли удивляться, что его здоровье ухудшилось[60]. Журналист, которому позволили обойти казематы и взглянуть на узников Трубецкого бастиона, увидел Сухомлинова изможденным, обросшим бородой — репортер добавил, что подавленный вид экс-министра, бессмысленным неподвижным взглядом уставившегося на дверь своей камеры, произвел на него болезненное впечатление[61].

Сухомлинов не был единственным страдальцем. Той же ночью, когда его поместили в тюрьму, начался процесс перевода в Петропавловскую крепость других важных царских чиновников. Вскоре все камеры крепости были заняты, и не только бывшими коллегами генерала по министерским постам — волной арестов также была захвачена и помещена в Трубецкой бастион его жена, Екатерина Викторовна. В соседней камере сидела Анна Вырубова, конфидентка императрицы и ее посредница в сношениях с Распутиным. Об этом сочувствующий охранник сообщил Сухомлинову через два дня после их водворения.

Что бы мы ни думали о Екатерине, она была человеком несомненной храбрости и сильного характера, качества эти особенно ярко проявлялись во времена испытаний. Ничто не могло ее сломить, даже тюрьма. Понимая, сколь опасна может быть праздность, она распланировала каждый час своего времени. Когда можно было достать книги и бумагу, она читала и писала. Если это было невозможно — мастерила искусственные цветы из сухих корок тюремного хлеба, раскрашивая их красками, изготовленными из обоев и упаковок от чая. Она освоила тюремную азбуку и научила перестукиваться Вырубову. Тайком передавала ободряющие записки мужу; бомбардировала тюремные власти требованиями лучшего питания, условий содержания, медицинской помощи для всех заключенных тюрьмы и отчасти даже сумела, одной силой своей настойчивости, добиться послаблений. Профессор Г.Е. Рейн, также находившийся тогда в заточении, позже назвал Екатерину за ее хлопоты «ангелом»[62]. Кроме того, она была наделена удивительной и неотразимой нравственной силой, с которой считались даже тюремщики и солдаты. По выражению Вырубовой, «ее стойкость и самообладание не раз спасали нас от самого худшего: солдаты уважали ее и боялись безобразничать»[63].

Неожиданным образом именно весть о том, что его жена тоже в тюрьме, вывела Сухомлинова из меланхолического оцепенения. Свойственная ему энергия и несгибаемый нрав требовали прило-

жения. Он изобрел простейшую дренажную систему для осушения камеры. Старательно трудился над изготовлением из обрывков бумаги двух миниатюрных колод карт, одну из которых послал в подарок Екатерине, а другую оставил себе для пасьянса. Начал всерьез размышлять о стратегии защиты для будущего суда, где ему будут предъявлены обвинения в измене. Сухомлинов потребовал у властей предоставить ему возможность ознакомиться со стенограммами военно-полевых судов, рассматривавших дела Мясоедова и Иванова. В конце концов материалы действительно были доставлены, и он работал с ними в специально отведенной для этого в крепости комнате. Несмотря на то что температура там была ниже 0° С, Владимир Александрович скрупулезно изучил все бумаги, делая обширные выписки[64].

Временное правительство и его заботы

Наиболее влиятельными фигурами во Временном правительстве были Керенский, который, как мы знаем, занял пост министра юстиции; Милюков, ставший министром иностранных дел; Гучков, удовлетворивший свою давнюю амбицию возглавить военное министерство; и князь Г. Львов, либеральный аристократ из земского движения, игравший роль премьера. Пытаясь наладить эффективное управление страной, они и их коллеги столкнулись с трудностями почти непреодолимыми. Некоторые от них не зависели, другие они усугубили сами.

Отчасти по причине отсутствия мандата Временное правительство фактически вынуждено было делить власть с Петроградским Советом, который с самого начала поставил свою поддержку правительства в зависимость от удовлетворения своих требований. По соглашению с Советом Временное правительство публично пообещало амнистировать всех политических заключенных царского режима и даровать свободу слова и собраний, а также рабочим — право на забастовки. Кроме того, Временное правительство было вынуждено упразднить старые органы местной власти, распустить царскую полицию и гарантировать всем военным подразделениям, участвовавшим в Февральском восстании, право постоянно находиться в Петрограде и освобождение от отправки на фронт. Последствия этих мер были катастрофическими. Поскольку земства и волостные комитеты оказались не в состоянии заменить собой ста-

рую систему местного управления, деревню охватила анархия. Роспуск полиции лишил правительство всякого надежного инструмента государственного принуждения, поскольку заменившая ее народная милиция была не профессиональна, не организована и не слишком лояльна. Более того, присутствие в столице десятков тысяч мятежных солдат представляло латентную угрозу стабильности и порядку.

И это еще не все. Совет свободно издавал собственные прокламации и декреты, дополнявшие правительственные акты или, напротив, вступавшие с ними в противоречие. Один из самых известных примеров — «Приказ № 1», подписанный Советом 1 марта. Адресованный войскам Петроградского гарнизона, но впоследствии интерпретированный как обращение ко всей армии, приказ предписывал всем военным подразделениям приступить к избранию солдатских комитетов по образцу рабочих советов, разоружить всех офицеров, а также утверждал, что приказам правительства следует подчиняться *только* в случае, если они не противоречат решениям Совета. Не трудно себе представить, что следствием этого приказа стала дезорганизация армии, крах дисциплины и падение нравов. О разложении в армии свидетельствует тот факт, что к сентябрю 1917 года по российским дорогам бродило не меньше миллиона дезертиров, блокировавших железнодорожные станции и вливавшихся в среду городских низов, занимаясь попрошайничеством, бродяжничеством и совершая преступления[65].

Помимо необходимости выстраивать непростое сотрудничество с Петроградским Советом (который к концу марта был преобразован во Всероссийский Совет рабочих и солдатских депутатов и претендовал на представительство всей страны), Временному правительству приходилось иметь дело с общественными и политическими фантомами, выпущенными революцией. Сотни лет российское крестьянство грезило о «черном переделе» — захвате всей помещичьей земли. Многие крестьяне восприняли падение монархии как сигнал. Начиная с весны и во все большем масштабе с наступлением лета крестьяне по всей стране захватывали в свое общинное владение помещичьи, церковные и казенные земли. Временное правительство и само готово было провести земельную реформу, однако при условии, что ее масштаб и содержание будут определены будущим Учредительным собранием, и только после длительного процесса изучения проблемы и общественного мнения. Откладывание решения о земельной политике лишило Вре-

менное правительство поддержки и доверия деревни, что стало очевидно, когда в мае того же года в Петрограде собрался Всероссийский крестьянский съезд. Столь же малоудачны были попытки правительства справиться со все возраставшей воинственностью рабочих. Совет гарантировал рабочему классу империи восьмичасовой рабочий день, однако этого было недостаточно для его усмирения. Измученные сумасшедшей инфляцией, рабочие требовали все нового и нового повышения зарплат. Начинали поговаривать о том, что правительству или, возможно, самим рабочим пора установить прямой контроль над фабриками и заводами. Недовольство рабочих выражалось в забастовках: за восемь месяцев существования Временного правительства их было более тысячи, с участием 2,4 миллиона человек[66].

Кроме того, Временное правительство унаследовало множество проблем от своего предшественника, царизма: революция не облегчила продовольственного, топливного и транспортного кризисов — собственно, в чем-то она их даже усугубила. Правительству никак не удавалось решить эти проблемы, а часть предпринятых им мер была даже контрпродуктивной. Введение тотальной монополии на зерно в мае, что теоретически означало монополизацию всего урожая, было решением практически нереализуемым, оно еще более ожесточило крестьянство и не привело к улучшению снабжения городов. К августу 1917 года дневная норма хлеба в Москве упала до 220 граммов[67].

И, наконец, перед Временным правительством стояла проблема войны, которую надо было как-то решать. Сразу после Февральской революции практически все политические партии, за исключением большевиков, стояли за войну. Правительство не только считало важным для новорожденной российской демократии продолжать борьбу против германского милитаризма, но также полагалось на союзнические займы и субсидии, в обмен на которые союзники требовали от России скорейшего начала наступления на фронте. Российская военная элита также поддерживала идею наступления, ошибочно считая его лучшим лекарством от поразивших армию напастей. Вести, приходившие из российских разведывательных бюро в Скандинавии, также подтверждали разумность наступления. Глава российской разведки в Христиании (Осло) уверенно доносил, что, по его мнению, Германии не пережить еще одну военную зиму. «Только полная пассивность русского фронта, будто бы, дает им возможность успешно вести оборонительную

войну на англо-французском и итальянском фронтах»[68]. Конечно, имея в виду то состояние, в каком находилась российская армия, генеральное наступление ей было крайне некстати. При ретроспективном взгляде становится ясно, что гораздо более разумной была бы оборонительная стратегия. В случае же невозможности такого выбора Ставке следовало бы, вероятно, разработать локальную, периферийную операцию, вроде плана комбинированной атаки сухопутных и морских сил в верхнем течении Босфора[69]. В сложившихся обстоятельствах массированное сухопутное наступление летом 1917 года было величайшей ошибкой командования, совершенной Россией за все время войны.

Генерал Брусилов, сменивший Алексеева на посту главнокомандующего, 18 июня, после четырехкратного переноса, наконец перешел в наступление. Основной удар должен был быть нанесен четырьмя армиями Юго-Западного фронта, которые, разбив укрепления противника на правом берегу Злоты Липы, далее должны были повернуть на север и взять Львов. Несмотря на то что в момент атаки российская армия обладала явным превосходством в артиллерии и втрое превосходила противостоявшие ей немецкие, австрийские и турецкие войска по численности личного состава, операция катастрофически провалилась[70]. Через два дня после ее начала немцы нанесли ответный удар и прорвали русский фронт на правом фланге. Последовало беспорядочное бегство тысяч русских солдат, в панике покидавших поле боя. В течение двух недель фронт стабилизировался, однако русская армия была вновь выбита из Галиции. В этом наступлении Россия потеряла 200 000 человек убитыми и ранеными, что предсказуемо привело к еще большему упадку боевого духа[71]. Такие плоды принес Приказ № 1, ставший токсичной дозой демократии для традиционно иерархически организованной российской армии. В августе 1917 года российское Верховное командование признало, что на восстановление боеготовности армии уйдут месяцы, и то только при условии возврата к суровой военной дисциплине[72]. Однако Временное правительство в Петрограде не обладало нужной для этого волей. Провал наступательной операции привел к массовому разочарованию в войне как на фронте, так и в тылу, что в конце концов оказалось на руку прежде всего Ленину и большевикам.

Временное правительство и идея измены

Ленину принадлежит знаменитый афоризм: Временное правительство за короткое время превратило Россию из разлагающейся деспотии в «самую свободную страну в мире», что предоставило ему и его партии простор для подготовки второй русской революции 1917 года[73]. В этом суждении много верного, поскольку Временное правительство было в равной мере политически бессильно и (в общем и целом) щепетильно в соблюдении гражданских прав — и в результате оказалось лишено способности и воли защитить себя. (Исключение было сделано для В.А. Сухомлинова, чьи гражданские права, как мы увидим, попирались без зазрения совести.) Например, после поражения большевистского восстания в июле 1917 года руководство партии не было немедленно арестовано в большой степени потому, что, по замечанию историка, правительство боялось «обидеть социалистов небольшевистского толка, чье представление о гражданской свободе включало право исповедовать вооруженное восстание, бунт и дезертирство во время войны»[74]. Конечно, терпимость по отношению к подобным явлениям едва ли можно назвать убедительной стратегией политического выживания, не говоря уже о военной победе.

Помимо стандартного набора свобод — слова, собраний, совести и объединений — Временное правительство фактически гарантировало населению право на бунт. Русский народ также получил иные свободы — мародерствовать, отбирать недвижимость, участвовать в погромах и убивать без суда и следствия. Кроме того, возникает такое впечатление, будто буквально вся Россия 1917 года имела право, так сказать, на параноидальный бред. Как либералов, так и консерваторов волновало будущее гражданского общества в России, возможно, даже судьба самой русской цивилизации, разлагавшейся в серной кислоте революционных эксцессов. Рабочим и социалистам за каждым кустом мерещился контрреволюционер, который спит и видит, как бы свергнуть демократию и восстановить монархию или ввести военную диктатуру. А правительство и его военная разведка подозревали, что во всем виноваты вражеские шпионы и доморощенная пятая колонна. Эти беспокойства были, конечно, *до некоторой степени* укоренены в реальности, однако раздуты до фантастических, безумных размеров. Особенно это относилось к двум страхам — контрреволюции и шпионажа.

Опасаться прежде всего контрреволюции справа интеллектуалы из числа русских социалистов стали под влиянием популярных параллелей с Французской революцией. Ведь первую Французскую республику уничтожил Бонапарт, а его племянник Наполеон III — вторую. Соблазненные подобными аналогиями, русские социалисты со страхом ожидали появления харизматичной фигуры, вероятнее всего из числа военных, которая объединит реакционные силы страны и уничтожит революцию. В самом деле, нельзя отрицать того факта, что на фронте многие генералы не могли смириться с тем хаосом, который воцарился в Вооруженных силах после революции. На совете, собравшемся 16 июля в Ставке, самые видные из командиров российской армии говорили Керенскому, что для восстановления армии необходимо запретить политическую агитацию в войсках, упразднить солдатские комитеты и восстановить смертную казнь в тылу[75]. Не забудем и печально знаменитую историю с Корниловым. Речь идет о приказе, отданном в конце августа генералом Лавром Корниловым, сменившим Брусилова на посту главнокомандующего, идти на Петроград и установить военный порядок. Приказ этот был спровоцирован ложными вестями о том, что над Временным правительством нависла острая угроза со стороны большевиков. Дабы заручиться симпатией народа, Керенский намеренно исказил это событие, представив его как попытку контрреволюционного государственного переворота. Во всяком случае, в 1917 году левые радикалы были склонны преувеличивать мощь правых. Правые были плохо организованы, не имели всеобъемлющей политической программы и, что важнее всего, не обладали сколько-нибудь широкой поддержкой снизу. Корниловские войска двинулись на Петроград для защиты Временного правительства и прекратили движение, узнав, что новой власти не угрожает опасность. Однако социалисты небольшевистского толка, в том числе сам Керенский, продолжали оставаться в ложной уверенности, что угроза контрреволюции все возрастает. Им следовало бы с большей серьезностью отнестись к угрозам совсем с другой стороны.

Боялись контрреволюции, преувеличивая ее силу, — и так же относились к опасности шпионажа. Мы помним, что еще в 1915 году российская военная разведка выработала привычку повсюду видеть шпионские заговоры. Февральская революция с этим паттерном мышления не покончила — напротив, она усугубила его. Видные офицеры контрразведки, такие как Бонч-Бруевич, давно

пришли к выводу, что в обрушившихся на Россию несчастьях в большой степени виноваты шпионы, которым, в свою очередь, удавалось действовать столь успешно благодаря покровительству влиятельных фигур царского режима. Теперь, после падения монархии, контрразведка получила идеальную возможность вытравить самое их семя. Однако все не так просто — немцы, конечно, постараются воспользоваться плодами революции в своих интересах.

Германия действительно видела для себя определенные возможности в пореволюционном политическом ландшафте России. В 1917 году война ударила по всем воюющим странам — не в последнюю очередь потому, что правительства наконец осознали (и стали действовать в соответствии с этим пониманием), что эта война не просто столкновение армий, но конфликт народов. Британская морская блокада Германии способствовала успеху союзников не только тем, что остановила поставки вооружения и взрывчатых веществ, но и потому, что Германия была таким образом лишена продовольствия и сельскохозяйственных удобрений. Это негативно отразилось на коллективной воле нации к победе. Аналогичным образом, возобновление Германией неограниченной подводной войны (1 февраля 1917 года) должно было, по задумке, за шесть месяцев принудить голодом британский народ к повиновению. Правила войны изменились, и в этих новых условиях у Германии были все основания обратиться к оружию, которое можно применять не только против британцев, но и против русского народа.

Оружие это было под рукой, потому что в России существовали политические группы, стоявшие за выход страны из войны. Самой значительной из них была партия большевиков. Вернувшись в апреле 1917 года в Петроград из своего швейцарского изгнания, Ленин обнародовал знаменитые «Апрельские тезисы», в которых обвинял Временное правительство, требовал роспуска регулярной армии и призывал к немедленному окончанию войны. Именно потому, что немцам были известны взгляды Ленина на войну, они позволили ему на пути на родину проехать по их территории. Они также оказывали большевистской партии финансовую поддержку, рассчитывая на успех ее антивоенной агитации. Временное правительство было отлично осведомлено об этой договоренности, включая подробности, полученные от источников внутри германской социал-демократической партии. Более того, российское Министерство иностранных дел неохотно оценило ловкость Германии, использовавшей партию большевиков для рас-

пространения антивоенной пропаганды, и лоббировало идею ответной любезности — переправки денег для пацифистов и пораженцев внутри самого Германского рейха[76]. Именно тайный сговор большевиков с имперской Германией в конце концов послужил Временному правительству основанием для приказа об аресте некоторых их лидеров и ограничении, после июльского восстания, деятельности партии[77]. Однако в «чрезвычайный» момент корниловского наступления эти приказы были отменены, государство освободило ряд видных большевиков, в том числе Троцкого, и роздало членам партии и ее сторонникам более сорока тысяч винтовок и револьверов. После окончания чрезвычайного положения это оружие осталось на руках — таким образом Временное правительство вооружило единственную политическую партию в России, которая планировала его насильственное свержение.

Временное правительство не только как следует не разобралось в связях между большевиками и немцами — самым серьезным и несомненным случаем тайного германского вмешательства, какое имело место за время его правления, — но и абсолютно неверно организовало деятельность военной контрразведки. Одним из последствий революции было тотальное разрушение аппарата контрразведки. В Петрограде, например, восставшая толпа сожгла конторы местной контрразведки (вместе с их архивами). Одновременно всеобщая амнистия освободила большое число людей, которые были заключены в тюрьму или подвергнуты ссылке по приказу контрразведки. В апреле Временное правительство произвело реорганизацию армейской контрразведки: из нее были изъяты все офицеры, ранее служившие в жандармском корпусе или охранке. В том же месяце был арестован ряд наиболее значительных фигур контрразведки старого режима, в их числе генерал Батюшин и несколько членов его комиссии, по обвинениям в коррупции и злоупотреблении властью[78]. Вскоре правительство создало комиссию для расследования преступлений военной контрразведки[79].

Эти действия, дезорганизовав контрразведку и лишив ее самых опытных офицеров и агентов, нимало не исправили ее институциональную культуру. В послефевральские месяцы контрразведывательная служба все более и более подпадала под привычку приписывать любое неприятное происшествие, даже самое ничтожное, вражеским проискам[80]. Германских и австрийских шпионов винили во всем — от пожара на складе до пропавшего железнодорожного костыля или некачественно изготовленной пары обуви.

К такому типу мышления поощряли и полевых агентов контрразведки, поэтому в своих отчетах они запросто обвиняли врага даже в том, что неоспоримо было простой случайностью[81]. В августе контрразведывательный отдел Генерального штаба телеграфировал военным округам о недопустимости для их контрразведывательных органов ограничивать свои задачи охраной военной тайны. Враги России «настойчиво работают в области не только военного шпионажа в чистом его виде, но всеми мерами стараются разрушить военную мощь России путем шпионской деятельности в торговле, провозом контрабанды, пацифистской, национальной, политической и всеми иными пропагандами, поджогами и взрывом заводов и других сооружений». Контрразведка обязана выявлять и предотвращать вражеские поползновения во всех этих областях[82]. В этой умопомрачительно амбициозной программе отразилось основополагающее заблуждение контрразведки, что вражеский шпионаж и подрывная деятельность достигли таких чудовищных размеров, что контрразведка просто обязана совать свой нос во всякий уголок жизни страны, дабы выжечь их там каленым железом. В последние месяцы пребывания Временного правительства у власти военная контрразведка, похоже, стремилась стать чем-то вроде советского НКВД, но никак не могла осуществить эту метаморфозу.

Не на пользу Временному правительству было и то, что газеты больших городов пестрели пасквилями и россказнями о шпионаже. Отчасти это было следствием введенной революцией полной свободы печати, когда можно было публиковать любую ложь и небылицы. Однако также это было следствием решения, принятого Военным министерством, — организовать более широкое оповещение публики об успехах власти в борьбе с иностранным шпионажем[83]. Теми, кто принимал это решение, вероятно, руководило желание поразить читающую публику той бдительностью и энергией, с какой новое правительство взялось за дело выявления шпионов, однако если так, то инициатива эта имела неожиданные и неприятные последствия. В прессе появилось столько сенсационного материала, что публике не оставалось ничего иного, как прийти к выводу, что при Временном правительстве шпионаж и измена распустились еще более пышным цветом, чем при царизме. Это представление подтачивало последние законные основания права Временного правительства на управление страной[84].

Временное правительство и суд над Сухомлиновым

С каждым следующим месяцем 1917 года слабость центральной власти, продовольственный кризис, забастовочное движение, захваты земель и ощущение бессмысленности войны все более и более радикализировали российское население, как в городе, так и в деревне. Казавшийся необратимым поворот влево в политической жизни с запозданием отразился на составе Временного правительства. К началу мая были изгнаны Гучков и Милюков, в большой степени из-за поддержки ими аннексионистских целей войны (включая захват Россией Константинополя вместе с Босфором и Дарданеллами). Подобная традиционная для царизма внешнеполитическая программа к этому моменту утратила свою привлекательность для населения. По соглашению с Советом было создано коалиционное правительство, где Керенский, единственный социалист в старом кабинете, получил портфель военного министра, также министерские посты получили пятеро представителей от социалистических партий. В начале июля большевистское восстание спровоцировало новую встряску — кадеты отказались поддерживать правительство, оставив большую часть министерств в руках социалистов разных мастей. Сохранив за собой пост военного министра, Керенский одновременно стал премьером. Так продолжалось менее двадцати дней — 22 июля Керенский объявил о формировании нового коалиционного правительства. В него все члены были назначены им лично, в стремлении к политическому примирению во власть было возвращено несколько кадетов. Керенский также объявил, что его правительство по-новому будет подходить к многообразным проблемам России, в частности будет исходить из суровой необходимости продолжения войны, поддержки боеготовности армии и восстановления экономических сил страны[85]. Риторические витиеватости, характерные для всех выступлений Керенского 1917 года, имели реальный осмысленный подтекст: премьер обещал, что отныне правительство будет делать все, что в его силах, для победы над анархией и восстановления дисциплины. Как выяснилось, силы эти были совсем не велики.

Как бы то ни было, именно этот состав Временного правительства решил в августе 1917 года продолжить публичный суд над Владимиром Александровичем Сухомлиновым и его супругой Екатериной Викторовной. Это был первый важный показательный процесс в России XX века. Решение Керенского инсценировать это

действо именно в тот момент и с максимальной публичностью, вероятно, основывалось на нескольких соображениях. Во-первых, Сухомлинов был столь непопулярен, что обвинительный приговор представлялся делом практически решенным. Таким образом, экс-министр мог быть использован как заместитель, воплощение всей системы царизма: вынесение приговора Сухомлинову будет равносильно обвинению старого режима. Это продемонстрирует всей стране, что революция одержала окончательную победу и возврата к монархическому прошлому нет. Во-вторых, судебный процесс укрепит образ Временного правительства как власти закона, уважающей права обвиняемых и предоставляющей им возможность должного процессуального разбирательства — по контрасту с административным произволом и закрытостью, которые были столь часто характерны для решения политических дел при самодержавии. И наконец, в-третьих, Керенский явно рассчитывал, что это судебное шоу повысит его личный статус и статус его правительства в глазах русского народа. В отличие от предателей монархистов и не меньших изменников большевиков, Временное правительство и его сторонники — истинные патриоты, преданные делу возрождения нации. Разоблачение правительством злоупотреблений старого Военного министерства, а также проявляемая правительством забота о благополучии армии и победе в войне должны в особенности понравиться солдатам в серых шинелях. По крайней мере, Керенский на это надеялся.

Не сомневаясь, что судебное разбирательство привлечет толпы зрителей, которые обычный зал судебных заседаний вместить не сможет, правительство решило перенести процесс в просторный концертный зал петроградского Дома армии и флота (внушительная постройка конца XIX века на углу Литейного и Кирочной). Утром 10 (23) августа 1917 года суд собрался на свое первое заседание.

В 11 часов 45 минут Сухомлиновых ввели в зал и усадили в кресла, установленные позади длинного стола, предназначенного для их защитников. На Владимире Александровиче был генеральский мундир, на который он гордо надел Георгиевский крест, полученный почти сорок лет назад за доблесть в бою с турками, Екатерина Викторовна была в скромном черном платье и шляпе. Супруги казались подавленными, но не утратили присутствия духа, время от времени они коротко переговаривались. Через пять минут один за другим в зал вошли судьи, и процесс начался.

Форма судебного заседания была несколько необычной, пожалуй даже нескладной, поскольку дело рассматривалось судом присяжных в присутствии судей апелляционного суда. Все судьи — Юршевский, Лядов, Чебышев, Меншуткин и председатель Н.Н. Таганцев — были сенаторами и юристами Уголовного кассационного департамента Сената. Однако им привычнее было рассматривать дела при закрытых дверях, в судейском кабинете, поскольку департамент уголовной кассации был исключительно судом процедурных прошений, не предполагавшим участия присяжных. Прокуроры В.Н. Носович, М.Д. Феодосьев и позже Д.Д. Данчич представляли государство. Сухомлинова защищали два адвоката, Захарьин и Тарховский, Екатерину Викторовну — М.Г. Казаринов. В списке свидетелей со стороны государства было 130 человек, из которых присутствовало только 69. Сухомлиновым повезло еще меньше. В суд явилось менее половины из 67 вызванных их адвокатами свидетелей[86].

Именно это обстоятельство стало первым основанием для сомнения в легитимности суда, выдвинутым защитой. Утверждая, что показания отсутствующих свидетелей имеют исключительную важность для их клиентов, адвокаты Сухомлиновых подали судебный запрос, требуя снятия обвинений, — запрос этот не был удовлетворен. Тогда Казаринов немедленно высказал второе сомнение, утверждая, что суд в настоящем его виде является импровизированным органом, который, в соответствии с законом, принятым самим Временным правительством, не обладает правом допрашивать обвиняемых. Он напомнил суду, что этот закон предписывает проводить допрос бывших министров и других видных фигур царского режима судом из состава членов Первого сенатского департамента и Кассационного департамента. Казаринов заметил, что речь здесь идет не о технической казуистике, поскольку материалы, собранные при расследовании дела Сухомлинова, переданы Временному правительству — институту скорее политическому, чем юридическому, и именно правительство, а не суд отдало приказ начать разбирательство. Давая таким образом понять, что мотивы суда были более политическими, чем юридическими, Казаринов вновь попытался закрыть дело. Носович выдвинул возражение: Временное правительство, имея «всю полноту государственной власти», пользуется в силу этого «даже большими привилегиями, чем бывший монарх». Поэтому оно вольно передать дело Сухомлинова любому суду по своему усмотрению, даже специально учреж-

денному для этой цели. Явно недовольный намеками на свою судебную некомпетентность, Таганцев принял сторону Носовича. Запрос Казаринова был отклонен. Остаток дня прошел в выборе присяжных. Покончив с этим, суд разошелся до утра. Присяжным были отведены комнаты в Доме армии и флота, где им следовало пребывать до окончания слушаний[87].

Второй день суда был почти целиком посвящен зачитыванию выдвинутых против Сухомлинова обвинений, составивших 116 убористых страниц. Сухомлинова обвиняли в десяти уголовных преступлениях, его супругу — в двух. В 7.30 вечера, когда охрипший и измученный секретарь наконец завершил свой чтецкий марафон, суд объявил, что слово для защиты предоставляется обвиняемым. Сухомлинов сказал, что ни в чем не виновен. Екатерина, кажется, держалась лучше мужа. Когда пришла ее очередь отвечать, она спокойно, но убедительно произнесла: «Безусловно не признаю себя виновной. Только сознание абсолютной невиновности помогло мне перенести все ужасы последних двух лет»[88]. Зрители, сидевшие на галерее, ответили громкими восклицаниями.

Когда шум стих, старшина присяжных попросил разрешения подать просьбу от имени коллегии. Присяжные выслушали обвинительный акт со всем возможным вниманием, однако из-за сложности предъявленного обвинения и большого объема в нем содержавшейся фактической информации им никак невозможно удержать все это в памяти. Нельзя ли выдать присяжным для изучения два экземпляра обвинительного акта? Заметив, что это будет техническим нарушением российского законодательства, Носович объявил, что, учитывая особые обстоятельства дела, он не видит причин отказать коллегии в возможности изучить один экземпляр обвинительного заключения — конечно, в строго ограниченных временных рамках. Тут со своего места вскочил Казаринов. «Это будет неслыханное нарушение закона», — горячо возразил он. В России обвинительный акт представляет собой интерпретацию дела с точки зрения обвинения. Позволить присяжным ознакомиться с ним, даже на самое краткое время, будет грубым нарушением принципа справедливости. В конце концов, государство обязано *доказать* правильность своей версии в законном судебном порядке. Единственная возможность придать этому решению минимальную легитимность — предоставить ему и его коллегам право подготовить контрзаключение для присяжных, опровергающее аргументы обвинения и указывающее на грубейшие фактические

ошибки. После страстного выступления Казаринова даже столь предубежденный суд вынужден был отклонить просьбу присяжных, поскольку в рамках российского варианта состязательного судопроизводства его адвокатская интерпретация требований закона была точна[89].

Представление доказательств началось 12 августа, на третий день суда, и продолжалось до 5 сентября. В течение этих двадцати пяти дней было вызвано более сотни свидетелей. Суд заслушал показания таких высокопоставленных военных, как Янушкевич, Поливанов, Иванов, Данилов и Алексеев. Великий князь Сергей Михайлович говорил об истоках артиллерийского кризиса, о том же говорили генералы Вернандер, Кузьмин-Караваев и Смысловский. Показания дали старый ненавистник Сухомлинова В.Н. Коковцов и адмирал Григорович, бывший морской министр; С.И. Тимашев, бывший министр торговли и промышленности, и А.А. Макаров, который, будучи министром внутренних дел, в 1912 году послал Сухомлинову официальное письмо с обвинениями против Мясоедова. Савич, Родзянко, Милюков и Гучков, отвечавший на вопросы несколько часов кряду, представляли Думу. Князь Андроников, мадам Червинская, Клара Мясоедова, бывшие адъютанты Сухомлинова, Николай и Анна Гошкевичи и Оскар Альтшиллер — все предстали в качестве свидетелей; кроме того, были вызваны полицейские чиновники, бывшие военные атташе и следователи уголовной полиции. Присяжным было вслух зачитано большое количество письменных материалов — среди них расшифровка допросов Мясоедова, выдержки из дневников Сухомлинова, переписка Сухомлинова с Янушкевичем первых месяцев войны, показания свидетелей, не имевших возможности быть в Петрограде по причине пребывания на фронте или болезни, а также письма Андроникова Екатерине Викторовне и бывшей императрице Александре Федоровне.

6 сентября начались прения сторон. Первым выступил Носович. Кем окружил себя военный министр? Почему Сухомлинов водил дружбу с такими негодяями и явными шпионами, как Мясоедов, Думбадзе, Альтшиллер, Андроников и прочие? Носович прибег к наглядному пособию, развернув перед присяжными гигантскую «картограмму шпионажа»: это была схема, состоявшая из сорока двух кружочков, в каждый из которых было аккуратно вписано чье-нибудь имя. Имена Сухомлинова и Мясоедова помещались в самом центре, от них шли линии, прямо или косвенно со-

единявшие их со всеми другими лицами — этакое декоративное солнце измены. Кружочки также были покрашены в определенные цвета: розовый означал, что данное лицо подозревается в шпионаже, красный — что он или она обвиняются как шпионы, а алый с маленькой черной точкой указывал на осужденного в этом преступлении. В шести кружках имелись большие черные точки, символизировавшие казнь[90]. Если, добавил Носович, этой зловещей карты недостаточно для уличения Сухомлинова в измене, имеется еще свидетельство Франца Мюллера, австрийского шпиона, поклявшегося, что видел в Вене документы, которые доказывают, что Сухомлинов был агентом Австро-Венгрии.

Обратившись к вопросу о подготовке страны к войне, Носович нарисовал подробную картину страданий и поражений, которые претерпела русская армия из-за недостатка оружия. За это несет ответственность Сухомлинов, и совершенно неверно, будто «все» рассчитывали, что общеевропейская война будет короткой. Его безразличие к подлинным нуждам государственной обороны красноречиво проявилось в пренебрежительном отношении к Думе до войны. «Перед русским военным министром, — гремел Носович, — стояли два пути: один путь — работа на усиление боевой мощи армии, рука об руку с Гос. Думой, но под опасностью опалы; другой путь — удержание во что бы то ни стало власти. И генерал Сухомлинов пошел по последнему пути, он открыто объявил себя врагом Гос. Думы»[91]. Выбор, сделанный Сухомлиновым, продолжал приносить свои ядовитые плоды и после его отставки и в большой степени был причиной того бедственного военного положения, в каком находится в настоящее время Россия. В заключение своей речи Носович обратился к присяжным:

> Перед вами обвиняемый в предательстве. Задумайтесь — доказано ли оно? Если доказано, господа, то пусть голос суда русской общественной совести скажет свое грозное слово против измены. Пусть он задавит и змею прежнюю, пресмыкавшуюся у трона, и змею теперешнюю, поднимающую свою голову и готовую задушить в своих объятиях нашу родину, истекающую кровью, нашу опозоренную мать Россию![92]

Речь второго обвинителя, Д. Д. Данчича, была значительно более сдержанной, что составило отрадный контраст с лицедейством Носовича. Данчич заметил, что драматические события лета и осени (вероятно, он имел в виду июльские дни, неудачное на-

ступление и корниловское выступление) отвлекли внимание публики от дела Сухомлинова. Однако рассмотрение этого дела жизненно важно. Достоинство и честь армии и народа зависят от того, какой будет вынесен приговор. Присяжные должны понимать, утверждал Данчич: «...когда вы вынесете приговор по делу Сухомлинова, мы будем знать, что вы выносите приговор по делу старого режима»[93].

Наступил черед защиты представить свои аргументы. 9 сентября заявление сделал главный защитник Сухомлинова Захарьин. Выступление не слишком ему удалось — адвокат довольно быстро свел всё к нападкам на А.И. Гучкова. Захарьин утверждал, что его клиенту было предъявлено обвинение исключительно на основании махинаций октябриста. Большая часть представленных государством «доказательств» относится к знакомству Сухомлинова с Мясоедовым. Но ведь «создателем» шпионского дела Мясоедова был не кто иной, как Гучков, именно он отравил отношения между Думой и Сухомлиновым, именно он спровоцировал злобные газетные нападки на военного министра. Зачем он все это сделал? Ответ прост: из неудовлетворенного желания самому стать военным министром. Единственным результатом этой речи, которую репортер охарактеризовал как «сумбурную по форме и ретроградную по содержанию», было отрицательное впечатление, произведенное на присяжных[94]. Тарховский, младший адвокат в команде защитников Сухомлинова, дела не поправил. Большую часть отведенного ему времени он потратил, пытаясь оспорить компетентность варшавского военно-полевого суда, который вынес Мясоедову обвинение в шпионаже, как будто желая намекнуть на то, что, раз жандарма обвинили незаконно, то и бывший министр невиновен[95].

Речь М.Г. Казаринова в защиту Екатерины Викторовны произвела совсем иное впечатление. Его итоговое выступление, сделанное 10 сентября, так часто прерывалось аплодисментами публики, что председатель суда Таганцев в конце концов приказал очистить зал суда от зрителей. Реакция, которую удалось вызвать Казаринову, была результатом не только его острого ума и логики, но также сокрушительного риторического мастерства и почти идеального эмоционального контакта с публикой.

О чем, спросил Казаринов, собственно, идет речь на этом суде? Поскольку не было представлено никаких доказательств конкретных изменнических действий, следует сделать вывод, что обвинительное заключение основывалось на фактах, свидетельствовавших

о неадекватной подготовке русской армии к большой европейской войне. Если так, то какую роль в этом могла играть Екатерина Викторовна? Она не принимала военных решений, не председательствовала в Военном совете, не утверждала военного бюджета и не распределяла государственных контрактов на вооружение. Далее, она, даже если бы хотела, не могла оказывать пагубного влияния на мужа, поскольку по состоянию здоровья проводила значительную часть каждого года за границей. Следует сделать вывод, что «доказательства», представленные правительством о ее разводе, тратах и проч., были не просто топорными, безосновательными и лживыми, но и совершенно *не относящимися к делу*, поскольку, даже будь они правдивыми, в этом нет преступления. «Говорят, что жена военного министра, она себе заказывала 10 шляпок в сезон, она носила бриллиантовые колье. Так что же такое? Ведь она — жена военного министра, вот если бы сам военный министр носил колье и бриллианты и так одевался, тогда я понимаю». Казаринов вел к тому, что, хотя правительство и намекало, будто именно расточительность Екатерины подтолкнула Сухомлинова к махинациям и измене, доказано это не было.

Далее Казаринов обратился к характеру Екатерины, который, утверждал он, был в предшествующие недели процесса злонамеренно представлен в искаженном виде. Утверждение, сделанное ее скаредным бывшим мужем Бутовичем, будто она была лишена патриотических чувств к России, полностью опровергается данными о ее деятельности во время войны. Казаринов напомнил о благородных поступках Екатерины — она организовывала госпитальные и банные поезда, привозила подарки для раздачи на фронте и лично собрала более 2,5 млн руб. для покупки предметов первой необходимости для солдат. Вряд ли это можно назвать поступками легкомысленной сибаритки, а уж на изменницу такая женщина совсем непохожа. Более того, с тех пор как у ее мужа начались неприятности, она вела себя совершенно безупречно. Оставаясь рядом с супругом, она оказывала ему полную моральную и духовную поддержку. Будь она действительно в чем-либо виновата, она бежала бы за границу. Однако она этого не сделала, потому что «совесть ее была чиста, и она спокойно выжидала будущее».

Что же в таком случае можно сказать о сомнительных личностях, окружавших ее мужа? Обвинение согласилось с тем, что Екатерина может быть признана виновной, только если будет доказано, что она знала о шпионах и предателях среди ее друзей и

знакомых. Однако единственное свидетельство того, что ей это было известно, исходит от этого распутника, князя Андроникова — а если настоящий суд что и продемонстрировал, так это то, что заявлениям Андроникова доверять нельзя.

Закончил Казаринов красноречивой апологией верховенства закона: «Представитель обвинения вам говорил... что вы должны вынести обвинительный вердикт для того, чтобы успокоить взволнованное общественное мнение, и во имя этого общественного мнения требовал от вас осуждения... но суд должен выносить приговоры на основании фактов, а не под давлением якобы общественного мнения. В этом деле нет улик, нет обличающих фактов, и страшно становится за будущность новой России, когда слышишь требования обвинять во что бы то ни стало на основании таких безосновательных данных, какие принесены обвинителями на этот процесс»[96].

11 сентября Сухомлинову и его жене было предоставлено последнее слово. В нескольких сжатых убедительных фразах бывший министр обрисовал свое служение российской армии в годы, когда он был у власти. Он рассказал об ослаблении армии после войны с Японией и подробно остановился на основных предпринятых им шагах для восстановления ее боеспособности. Говоря о введенной им системе резервистов, которая привела к увеличению численности армии как в мирное, так и в военное время, а также о значительном улучшении системы мобилизации в России, экс-министр справедливо отметил, что Германия была поражена темпами мобилизации и концентрации российских войск в 1914 году. Дрожащим от волнения голосом он закончил: «Я мог ошибаться... у меня могли быть промахи, но преступлений я не совершал. Если Господь Бог помог мне перенести все ужасы последних двух лет, всю тяжесть клеветы, если я вынес все это до сих пор, то лишь потому, что перед Богом и перед родиной, и перед бывшим верховным вождем моя совесть чиста»[97]. Следует отметить, что трезвое и достойное уважения заявление Сухомлиновым своей невиновности резко контрастировало с той до странности неуклюжей защитой, которую вели его адвокаты на протяжении всего процесса. Когда настала очередь выступать Екатерине Викторовне, самообладание и спокойствие, которое она выказывала во все время процесса, ее покинуло. «Ни я, ни мой муж не преступники, — заявила она, — у меня в жизни ничего не осталось. Мне все равно». Тут ее стали душить рыдания, и она не могла произнести больше ни слова[98].

Суд вновь собрался 12 сентября в три часа пополудни. На протяжении последующих четырех с половиной часов председатель суда Таганцев читал наставления присяжным. В 19.30 присяжные были отпущены для вынесения своего мнения. В 8 утра следующего дня присяжные вернулись в комнату суда с вердиктом. Генерал Сухомлинов был признан виновным в девяти из десяти предъявленных ему обвинений, включая измену. Екатерину присяжные полностью оправдали. Суд тут же вынес Сухомлинову приговор. Поскольку смертная казнь существовала только на фронте, он был приговорен к самому суровому из возможных наказаний — полной утрате прав и бессрочной каторге. Сухомлинова, который, по отзывам свидетелей, выслушал вердикт и приговор «спокойно», увезли в Петропавловскую крепость, где он должен был содержаться временно, до определения места его постоянного заключения. Екатерина, в сопровождении нескольких родственников, тут же покинула Дом армии и флота[99]. Судебное разбирательство продолжалось тридцать три дня. До свержения большевиками Временного правительства оставалось менее месяца.

Анатомия поражения

Хотя Керенского и его соратников весть о приговоре Сухомлинову (но не об оправдании его жены), несомненно, обрадовала, в целом процесс не достиг ни одной из поставленных целей. Пожалуй, в некоторых отношениях суд даже обернулся против правительства и дал результаты, ровно противоположные тем, которых от него ожидали.

Прежде всего Данчич справедливо отметил, подводя итоги, что публику дело Сухомлинова совершенно не заинтересовало. К этому времени накопилось слишком много других поводов для беспокойства: вероятность захвата немцами столицы, угроза демократии слева и справа, изматывающая повседневная борьба за существование. Хотя в предпоследний день суда, когда Таганцев инструктировал присяжных, зал был набит битком, это был единственный раз за все время процесса, когда часть публики пришлось не пустить из-за недостатка места. Опубликованные отчеты свидетельствуют, что все остальное время на зрительской галерее было достаточно свободных мест. Граждане Петрограда проигнорировали суд, и, таким образом, то, что должно было стать ослепительным триумфом

пиара, кончилось жалким пшиком, наподобие отсыревшей петарды. Это, должно быть, стало тяжелым разочарованием для правительства, которое, по выражению одного журналиста, придавало делу Сухомлинова «огромное общественное значение»[100].

Во-вторых, несмотря на обещание правительства, что суд откроет русскому народу всю правду без прикрас об измене во власти и о неподготовленности страны к войне, было сказано одновременно слишком много и слишком мало. Первым свидетелем был Янушкевич, глава Генерального штаба во время июльского кризиса 1914 года. Во время перекрестного допроса 12 августа он рассказал об обстоятельствах мобилизации империи во время этого кризиса, объясняя, что император, надеясь предотвратить всеобщую войну, хотел мобилизовать армию только против Австро-Венгрии, а не Германии, однако Сухомлинов с Сазоновым убедили его начать общую мобилизацию, утверждая, что частичная мобилизация, в случае если Вена не отступит, стопроцентно приведет к поражению России[101]. Поскольку процесс освещало агентство Рейтер, рассказ Янушкевича прозвучал на весь мир. Берлинское пресс-бюро ухватилось за него с особым удовольствием и заявило, что это снимает с Германского рейха всякую вину за начало войны. Поскольку именно всеобщая мобилизация в России *вынудила* Германию к войне, вина лежит только на русских. Немецкая интерпретация откровений Янушкевича была неудобной как для России, так и для ее союзников. Лондонская «Таймс», например, опубликовала статьи, опровергающие претензии немцев, а журналист немецко-швейцарского происхождения Р. Греллинг спешно выпустил целую книжечку, преследовавшую эту же цель[102]. Несмотря на все усилия такого рода, идея о том, что российская мобилизация каким-то образом «вызвала» Первую мировую войну, прижилась, и ее до сих пор можно встретить в исторической литературе[103].

Однако если публикация показаний вроде тех, что дал Янушкевич, поставила в неудобное положение Временное правительство и обострила его отношения с союзными державами, другие показания были губительны самим своим отсутствием. Возьмем, например, выступление в суде полковника В.А. Ерандакова. Ерандаков был вызван стороной обвинения 24 августа, дабы установить, что Сухомлинов, хотя и утверждал обратное, на самом деле доверял Мясоедову секретные документы разведки. От полковника также ждали экспертного суждения об измене Мясоедова и шпионской деятельности разных его ближайших знакомых. Однако когда на-

ступило время для перекрестного допроса, Казаринов попросил Ерандакова ответить на вопросы о других лицах, которых военная контрразведка подозревала в шпионаже как до, так и после 1914 года. Что, например, мог сообщить Ерандаков об американке, супруге некоего генерала императорской свиты? Не подозревали ли в ней возможного агента врага? Если да, то почему она не была арестована? Перепуганный Ерандаков пролепетал, что ничего об этом не знает, и председатель суда немедленно прекратил допрос[104]. Казаринов, конечно, имел в виду графиню Магдалену Ностиц, бостонскую авантюристку, которая, вероятнее всего, с момента своего второго замужества работала на немцев. Он знал, что суд хотел бы избежать упоминания ее имени из-за невероятной популярности графини среди американской общины Петрограда. В планы Временного правительства не входило ссориться с Вашингтоном, лишь четыре месяца назад вступившим в войну на стороне союзников. Эта тактика произвела как раз тот эффект, на который рассчитывал защитник: стало очевидно, что кто-то приказал Ерандакову держать язык за зубами по поводу графини. Что, в свою очередь, означало, что суд, якобы беспристрастный, оказывал тайное давление на свидетелей и что процесс, вопреки уверениям Временного правительства, вовсе не был выяснением истины. Что скрывало правительство? Если оно покрывает шпионов и предателей — то есть делает то, что, по его утверждению, делал его самодержавный предшественник, — обладает ли оно нравственным авторитетом для рассмотрения этого дела? На протяжении всех долгих недель суда Казаринов не упускал случая опровергнуть претензии правительства на моральное превосходство.

Третьей причиной осечки была несусветная бессвязность обвинения. Как явствует из опубликованного репортажа и еще более очевидно из стенографической записи, в форме и в последовательности представленных обвинением свидетельств не было ни толку, ни проку[105]. Один свидетель рассказывал о дефиците патронов в 1915 году, а сразу вслед за ним другой сообщал о деятельности Мясоедова в Вержболово в 1906 году, после чего разговор заходил о круге общения военного министра в 1911 году. Документальные свидетельства государство, если это можно себе представить, использовало еще нелепее — невозможно было понять, чем руководствовались при их отборе и почему для их зачитывания выбирали то, а не иное время. 24 августа корреспондент «Нового времени» заметил: «Процесс движется медленно. Очень много времени зани-

мает оглашение всевозможных писем и документов. Иногда даже является недоумение, зачем все оглашается»[106]. Это наблюдение говорит о том, что обвинению не удалось внятно выстроить последовательность разрозненных письменных и устных показаний либо объяснить их связь. В результате представленное обвинением дело не имело логического развития, что оказалось фатальным из-за сугубо косвенного характера и невероятной запутанности обвинительного заключения в целом. Обвинение, конечно, подготовилось к процессу крайне небрежно и невнимательно.

В-четвертых, даже будь обвинение подготовлено идеально, невозможно было бы скрыть, что все доказательства, какие оно способно было предоставить, никак не могли служить основанием для предъявленных обвинений. Дабы показательный процесс имел нужный эффект, он должен внушить хотя бы относительную уверенность в виновности осужденного. Для этого доказательства, пусть даже фальсифицированные и ложные, должны казаться броней. Дело Сухомлинова было совсем иного рода. Прежде всего свидетельства противоречили одно другому. Конечно, среди свидетелей обвинения был, например, генерал Величко, клявшийся, что именно Сухомлинов несет полную ответственность за военную неподготовленность страны в 1914 году и что именно он — главный виновник «всех неудач текущей войны». Но были и другие заслуживавшие доверия свидетели, например бывший генерал-квартирмейстер Данилов, который это отрицал, утверждая, что, по его мнению, дефицит орудий и боеприпасов объяснялся «целым рядом несчастных условий, не зависевших от воли генерала Сухомлинова»[107].

Более того, показания большого числа свидетелей были явно дискредитированы их предвзятостью, своекорыстием или стремлением к самооправданию. Это бросалось в глаза. Величко, к примеру, возглавляя армейский комитет, в ведении которого находились крепости, так и не простил Сухомлинову роспуска этого органа и своего увольнения. Свидетелям из артиллерийского ведомства необходимо было переложить вину за нехватку снарядов на Сухомлинова, чтобы отвести подозрение от своего учреждения.

Аналогичным образом представители военной контрразведки и полиции, обвинявшие Сухомлинова в том, что тот пригрел шпионов, неизменно поспешно добавляли, что, конечно, не их вина, что этих негодяев-изменников давным-давно не разоблачили. Мы подошли к теме шпионажа и предательства. Как уже отмечалось,

на суде не было представлено ни одного доказательства отдельных, конкретных актов шпионажа или измены. Вместо этого обвинение многократно называло то или иное лицо шпионом, надеясь простым повторением обратить подозрение в факт. Прием, однако, не сработал. Вот, например, как обвинение представило «шпионскую деятельность» Альтшиллера. Одним из экспертов, вызванных для освещения этого дела, был М.В. Алексеев, бывший начальник штаба российской армии. Однако в 1907—1908 годах Алексеев возглавлял штаб Киевского военного округа, то есть руководил там разведывательными и контрразведывательными операциями. Алексеев показал, что в определенный момент за Альтшиллером, как за внушавшей подозрения личностью, была установлена слежка, однако когда обвинители, радостно ухватившись за эту информацию, спросили Алексеева, каковы же были результаты наблюдения, генерал огрызнулся: если бы результаты были, то Альтшиллера бы арестовали. Однако Альтшиллер остался на свободе, потому что «реального ничего замечено не было»[108].

Еще хуже обвинению удался семнадцатый день процесса, полностью отданный маловажным показаниям по поводу Альтшиллера. Как сообщала газета, «допрос этот не дал ровно никаких данных как для того, чтобы заподозрить Альтшиллера в шпионских сношениях с Австрией, так и для того, чтобы установить что-либо преступное в отношениях Альтшиллера к Сухомлинову»[109]. Собственно, в конечном счете обвинение самого Сухомлинова в измене и шпионаже основывалось почти исключительно на «картограмме шпионажа», обладавшей, со всеми своими кружками, линиями и стрелочками, не большим доказательным весом, чем детские каракули.

И, наконец, последнее, пятое обстоятельство суда над Сухомлиновым, которое следует отметить. Суд был так плохо организован, так неуклюже выстроен и беспомощно проведен, что в результате произошло то, во что еще в конце июля 1917 года никто бы не поверил: он вызвал симпатию к опозоренному экс-министру, прежде предмету ненависти и презрения всей России. В заключительном слове Казаринов, блестяще высмеяв слабость обвинений, выдвинутых против Екатерины, проделал тем самым бреши и в деле против Сухомлинова. То, что его речь вызвала громкие одобрительные крики и аплодисменты публики, стало для Временного правительства зловещим сигналом — доказательством, что публичный суд обернулся серьезной ошибкой. Сухомлинова, конечно, призна-

ли виновным, что, вероятно, было неизбежно, поскольку большинство присяжных были из числа государственных чиновников. Однако удар, который власть хотела нанести по Сухомлинову, рикошетом поразил ее саму. 15 сентября Н.П. Окунев, московский бизнесмен средних лет, записал в своем дневнике следующие строки: «Беднягу Сухомлинова законопатили в каторгу без срока. Подлоги, превышение и бездействие были безусловно, но была ли измена государству — это такой вопрос, который разберет впоследствии история, а не теперешние заседатели, которые, боясь, вероятно, всяческого самосуда, изрекли свои "да, виновен" не без колебания совести»[110].

Кода

Большевистская Октябрьская революция застала Сухомлинова в Петропавловской крепости. Сначала ленинский режим мало чем облегчил жизнь заключенного. Ему разрешили, например, чаще гулять на воздухе и позволили посещать службы в Петропавловском соборе. Несмотря на эти послабления, тюремная жизнь подорвала здоровье генерала. После нескольких месяцев ходатайств Екатерине Викторовне удалось добиться перевода мужа в Кресты, специальную тюрьму для политических преступников. Там имелась больница, камеры были значительно светлее, суше и просторнее, чем в крепости. По требованию предоставляли баню и душ, и, во что едва можно поверить, заключенным даже предлагались услуги умелого массажиста[111].

Празднуя в 1918 году Первомай, большевистское правительство издало декрет об амнистии определенным категориям заключенных: Сухомлинов, которому было уже за семьдесят, попал в их число и был в тот же день освобожден. Он не поехал в скромную городскую квартиру, которую удалось снять Екатерине, а поселился у друзей. Следующие несколько недель он вел бродячее существование, ночуя там, где его готовы были принять, и нигде не задерживаясь подолгу. В конце лета 1918 года появились слухи, что коммунисты планируют большую облаву и убийство всех бывших царских министров. Сухомлинов отнесся к этому достаточно серьезно и начал планировать побег из страны. Вечером 22 сентября (5 октября) он отправился на Финляндский вокзал, где сел в поезд на Белоостров. Прибыв на место, он пошел вдоль берега Финского залива на

северо-запад, пока не забрался в такую глушь, где было безопасно. К счастью, он наткнулся на заброшенную избушку, где переночевал и провел следующий день. 24 сентября он продолжил свое путешествие, пока не добрался до реки Сестры, естественной границы между Финляндией и Россией. Там рыбак перевез его через реку и прочь из страны. Финские власти без промедления удовлетворили просьбу Сухомлинова о предоставлении ему убежища.

Екатерины с ним не было, поскольку к тому времени она начала процедуру развода. В ее решении несомненно сыграли свою роль физические и душевные страдания долгих месяцев расследования, тюрьма и суд — впрочем, она обрела новый романтический интерес и политическую защиту в лице грузинского инженера Габаева, который, по крайней мере временно, был в хороших отношениях с новой властью. К 1919 году Габаев и Екатерина поженились. Инженер руководил кооперативной сахарной фабрикой в Петрограде, он также получал значительный доход от импорта, закупая за границей различные необходимые в России товары. По словам гостя их дома, Габаевым удалось устроить себе удобную, даже роскошную жизнь. Пока большинство русских боролось с голодом, ставшим прямым результатом идиотских экономических решений новой власти, у Габаевых подавали обильные, прекрасно приготовленные обеды с отличным вином. Перемена участи, впрочем, была стремительной и драматичной. В 1920 году Габаев был арестован и казнен как финский шпион. Екатерина также была арестована и этапирована в Москву, где, видимо, в 1921 году ЧК ее расстреляла[112].

Какой была судьба других участников этой трагедии?

Князя Андроникова большевики расстреляли в 1919-м.

Александр Гучков бежал из России и эмигрировал сначала в Берлин, а потом в Париж. Он умер в 1936 году на юге Франции от рака гортани.

Николай II, его супруга Александра Федоровна и все их дети были убиты большевиками в Екатеринбурге в июле 1918 года.

Великий князь Николай Николаевич в марте 1919-го уехал из России в Италию, а в 1921-м перебрался во Францию. Он оставался главой династии Романовых в изгнании вплоть до своей смерти на зимнем курорте в Антибах в январе 1929 года.

Василий Думбадзе эмигрировал в Соединенные Штаты и умер в Нью-Йорке в 1950 году.

Октябрьская революция способствовала возвращению из ссылки Клары Мясоедовой. Она, по всей видимости, вернулась в Вильно, где и осела. По свидетельству польского романиста Юзефа Мацкевича, она прожила долгую жизнь и успела увидеть захват города (в межвоенный период он принадлежал Польше) сначала Красной армией при Сталине, а потом фашистской Германией[113].

Сухомлинов перебрался в Берлин, где прозябал в жуткой нищете, собачился с другими эмигрантами и работал над мемуарами. Его воспоминания были опубликованы на немецком языке в 1924 году, а вскоре в советской России вышло их русскоязычное издание — вероятно, тут ко двору пришлись диатрибы генерала против либералов, буржуазии и Временного правительства. Однажды ранним февральским утром 1926 года полицейский патруль нашел на скамейке в берлинском Тиргартене замерзшего старика. Это был Сухомлинов, умерший от холода. Говорят, что отставной немецкий генерал граф Редигер фон дер Йолтс обратился к генералу Курту фон Шляйхеру с просьбой устроить Сухомлинову похороны со всеми военными почестями, в знак уважения к высокому военному положению, которое тот занимал в императорской России. Просьба удовлетворена не была.

Заключение

ПАТРИОТЫ И ПРЕДАТЕЛИ

На протяжении почти всей истории императорской России политическая лояльность определялась достаточно просто. Лояльный подданный предан правящей династии Романовых. Юридический статус, социальная принадлежность, этническое происхождение и национальность не важны — вассальная верность короне выше всякой иной зависимости и принадлежности. Из этого следовало, что всякая идеология или система убеждений, провозглашавшая иной принцип лояльности, представляла угрозу традиционной монархии. Одной из таких идеологий был аграрный социализм того рода, какой проповедовали эсеры, мечтавшие о свержении монархии и установлении государства, в центре интересов которого был бы крестьянин. Другой — марксизм, с его призывом к международной солидарности и братству рабочего класса. Имелась, впрочем, еще одна идеология, возникшая ранее обеих упомянутых выше и представлявшая не меньшую угрозу существующему порядку, — национализм.

Национализм угрожал российской монархии точно так же, как и прочим консервативным монархиям континентальной Европы. Причина в том, что националисты добивались создания в Европе национальных государств, в которых справедливые границы политических сообществ определялись бы не божественным правом династий и правителей, а этнической принадлежностью, языком и культурой. До 1860 года, впрочем, Европа в целом организовывалась по иным принципам. Италия была раздроблена; люди, для которых родным был немецкий язык, проживали более чем в сорока различных государствах; Австрия и Россия являлись огромными многонациональными империями. Национализм бросал вызов всем этим типам политического устройства.

В начале XIX века консерваторы и монархисты рассматривали национализм как фактор крайне дестабилизирующий, легковоспламеняющийся и разрушительный. Считалось, что Наполеон своим успехом был в большой степени обязан своему умению эксплу-

атировать и нужным образом направлять французский национализм. После его поражения в 1815 году общей целью континентальных держав стало сохранение установившегося порядка и обеспечение всеобщего мира посредством подавления национализма и шедшего с ним рука об руку либерализма. Понадобился Отто фон Бисмарк, чтобы совершить в прусской лаборатории алхимическую трансмутацию, превратившую национализм из левой силы в правую. Он добился этого, присвоив националистический проект и объединив Германию, однако объединение это было особенное, под властью консервативной прусской монархии Гогенцоллернов. Новый германский император из Гогенцоллернов сохранял все свои права, включая право власти над своими негерманскими подданными. Таким образом Бисмарк пересоздал национализм и жестко отделил его от германского либерализма.

Учитывая историю Российской империи и большое число национальных групп, поглощенных ею в ходе территориальной экспансии, развитие национального сознания в среде любой из этих нерусских народностей представляло очевидный повод для беспокойства. Поляки, например, яростно восставали против российского правительства в 1830 и 1863 годах. Во время революции 1905—1907 годов серьезные национальные движения в таких регионах, как Закавказье и балтийские губернии, поставили под угрозу сохранение императорской власти. Нетрудно понять, почему Петербург с ужасом и отвращением взирал на все проявления нерусского национализма. Впрочем, большую часть XIX века царское правительство с неудовольствием воспринимало и национализм *русский*[1]. Это было вызвано тем, что некоторые русские националисты не меньше, чем все иные, стремились к изменению status quo. Среди русских националистов были, например, сторонники идеи панславизма, утверждавшие, что Петербург должен посылать войска в крестовые походы для освобождения славян Центральной и Южной Европы от турецкого и австрийского господства, приводя их под политическую власть России. Вредным элементом этой грандиозной имперской фантазии была мысль о необходимости для России агрессивной внешней политики, причем не в том смысле, какой был по душе режиму; более того, агрессивной внешней политики, чреватой войной.

Однако в последней четверти XIX века российские консервативные круги начали смотреть на русский национализм с большим почтением. Государство само способствовало этой тенденции сво-

ими программами русификации имперских окраин и все более жесткими ограничениями культурной жизни и возможностей таких групп населения, как поляки, латыши и евреи. Николая II, вступившего на трон в 1894 году, националистическая идея скорее привлекала, чем отталкивала. Свойственная ему разновидность национализма ориентировалась одновременно на воображаемое будущее и воображаемое прошлое. С одной стороны, он верил в то, что судьба России — прирастать во влиянии и мощи, с другой — способствовал популяризации бессильной ностальгии по русскому средневековью, ставшей характерной чертой культуры конца века.

Как мы уже видели, начало Первой мировой войны вызвало сильный прилив русских национальных чувств и патриотизма. Многие русские видели в войне справедливую борьбу, объединившую и электризовавшую народ, — победа в войне будет свидетельством превосходства русской цивилизации. При этом для миллионов неграмотных крестьян национализм в его модерном варианте был совершенно непонятен. Кроме того, были еще политические правые, кого война ужаснула и кто считал решение России войти в конфликт с Центральными державами фатальной ошибкой. Среди них — бывший министр внутренних дел П.Н. Дурново, автор прозорливой записки февраля 1914 года, предсказавший, что последствием общеевропейской войны для России будет социальный коллапс, хаос и революция[2]. Подобные чувства питал граф Витте, бывший министр финансов, барон Розен, бывший императорский посланник в Японии, и Распутин, который, узнав об объявлении мобилизации, телеграфировал конфидентке императрицы Вырубовой, что войну нельзя объявлять, так как это будет конец всему[3]. Были, наконец, и представители крайне левых взглядов, отвергавшие войну и отказавшие ей в поддержке как продукту империалистического эгоизма. Социалисты этого толка имелись во всех воюющих странах, их именовали «циммервальдцами», по названию швейцарского городка, где в 1915 году собралась антивоенная конференция европейских социалистов. Представителями этого направления в русской политике были, в частности, Ленин и большевики.

В общем, однако, большинство политически сознательного населения России с воодушевлением восприняло войну и пришедшие с ней новые разновидности воинствующего патриотизма. Патриотизм военного времени выходил за рамки обычной любви к своей родине — в 1914—1917 годах разные изводы патриотизма конкурировали в интерпретации целей войны. По одной из версий,

война велась в интересах русского народа, по другой — для защиты российского государства; с третьей точки зрения — чтобы ввести наконец Россию в сообщество прогрессивных и демократических народов. Однако все разновидности патриотизма имели общее мнение по вопросу о победе в войне. Все были согласны в том, что для триумфа России необходимо одолеть внешних врагов — Германскую, Австро-Венгерскую и Османскую империи. Любопытно, однако, что согласие царило и относительно того, что России не победить, пока не будут уничтожены или нейтрализованы ее внутренние противники. Во время Первой мировой войны обсессией русских патриотов всех оттенков стало разоблачение и уничтожение внутреннего врага.

Причина этого лежала во всеобщей уверенности в том, что все или почти все отступления и катастрофы России в этой войне могут быть отнесены на счет измены. Измена была главным и исчерпывающим объяснением любых явлений. Со времени мазурских боев в начале 1915 года вести с фронта приходили почти исключительно дурные. Один рапорт о военном поражении сменялся другим. Говорили о катастрофическом кризисе вооружения и боеприпасов, о позорных отступлениях и о невероятных потерях. Даже такие триумфы России, как Брусиловский прорыв, достигались ценой чудовищных потерь. Что, кроме тайной измены, могло объяснить эти катастрофы? Все знали, что Россия обладает достаточной мощью и возможностями для победы, однако страна платила чрезмерную цену, и дело даже при этом могло кончиться поражением. Многим казалось самоочевидным, что тут не обошлось без предательства.

По этой логике, предатели столь подробно информировали противника, что все военные приготовления и планы России лежали перед ним как на ладони, противник заранее был осведомлен обо всех военных планах, концентрации и передвижениях войск. Нашлись газеты, вроде московского «Русского слова», приписавшие не менее половины германских побед деятельности изменников и шпионов[4]. И это еще не все. Считалось, что изменники действуют и на внутреннем фронте, занимаясь саботажем в военной промышленности, подрывая поставки топлива, продовольствия и вооружения. Они даже вынашивают тайные планы сдачи врагу всей страны. Массовая культура подпитывала эти фантазии. Вездесущий иностранный шпион стал центральной фигурой многих русских фильмов, пьес, романов и даже постановок кабаре 1914—1917 годов[5].

Инстинктивная вера в то, что в конечном счете именно измена повинна в военных неудачах России, давала ее сторонникам из патриотического лагеря глубокое эмоциональное и психологическое удовлетворение — простой ключ к пониманию переживаемой Россией глубочайшей травмы. Возникал образ страны как жертвы, обманом и вероломством лишенной победы, принадлежавшей ей по праву. Это также было созвучно конспирологическим увлечениям, сформировавшимся за несколько веков самодержавного правления. Как мы уже видели, при царском режиме конспирация процветала как стиль ведения политики. От представления о конспирации как разновидности политики был один шаг до веры в то, что вся политика — это конспирация. Для русских 1915 года аксиомой было то, что политические следствия не являются результатом очевидных политических причин. Политические следствия порождаются оперирующими под покровом ночи тайными силами. Только скрытое может быть истинным. «Конспиративные теории истории, — как удачно сформулировал это Уолтер Лакер, — на протяжении долгого времени были частью русской политической психологии»[6]. В результате вера в то, что «всюду измена», стала одной из самых ярких отличительных черт русского патриотизма военного времени. В этой уверенности был также призыв к действию. Обязанность патриота — разоблачать изменников и карать их, лишая возможности нанести еще больший вред отечеству.

Не все, разделявшие эту позицию, одинаково рисовали себе образ главного российского изменника. Патриоты правого националистического толка самую опасную измену видели в среде нелояльных национальных меньшинств, то есть этнических и религиозных групп населения, сопротивлявшихся российской власти. Хотя к этой категории относились мусульмане, армяне, грузины и украинцы, главными ее представителями были евреи и немцы. Правые националисты свято верили в то, что польские, украинские и белорусские евреи с самого первого дня войны отслеживают передвижения русской армии и продают сведения врагу. В сердце России богатые евреи-банкиры и промышленники, разбогатевшие на военных спекуляциях, специально взвинчивают цены на продовольствие и другие товары первой необходимости.

Принималось за доказанное, что немецкие подданные Российской империи, сколь бы долго они или их предки ни жили в стране и что бы они сами ни говорили по этому поводу, на самом деле питают преданность исключительно Берлину, а не Петрограду. Им

удалось подмять под себя большую часть российской экономики, что оказывает пагубное воздействие на развитие страны. Однако тут не просто алчность, а тайные и зловещие мотивы. Кто усомнится в том, что немцы внедрялись в определенные отрасли промышленности в предчувствии будущей войны, возможно даже следуя прямым указаниям германского Генерального штаба? Разве таким образом они не приобретали возможность нанести максимальный вред военным приготовлениям России? В русских газетах разоблачались «немецкие фабрики в России», а популярная брошюра о германском шпионстве утверждала, что «только война показала, какое количество немецких офицеров было водворено в России под видом различного рода служащих на заводах, фабриках, в конторах и т.п. предприятиях»[7]. Тайный немецкий саботаж наносил огромный вред — что же тогда можно сказать об императорском дворе? Разве туда не просочились люди с немецкими фамилиями? Разве сама императрица не была немкой?

Для патриотов из левого националистического лагеря, напротив, измена не была отчетливо маркирована этнически. Изменники и шпионы могли скрываться под самыми разными этническими и религиозными одеждами. Конечно, измена процветала среди евреев и немцев — но также поляков, литовцев, узбеков и даже русских. Однако чем дальше, тем большее распространение получало мнение, что подозрительным, возможно даже изменническим институтом является сама монархия. В конце концов, главная обязанность всякого политического режима — защищать своих подданных от врагов, как внешних, так и внутренних. Российской же монархии не удалось ни то ни другое — как тут не заподозрить измену? Ее неспособность вести войну с Центральными державами не в последнюю очередь была связана с отказом от политического и экономического сотрудничества с прогрессивной частью общества. Кроме того, самодержавие стояло на пути уничтожения врага внутреннего. Снова и снова публике напоминали о том, какие опасные предатели таятся под сенью трона. Вот, например, Сухомлинов. Николай II лично поставил этого изменника во главе Военного министерства, именно император парализовал юридическое расследование злодеяний Сухомлинова и спас негодяя от заслуженного заключения в Петропавловской крепости. Следовательно, монархизм есть прямая противоположность патриотизма. Даже правые патриоты, в теории поддерживавшие монархический принцип, вынуждены были признать, что эта конкретная монар-

хия и ее двор представляют угрозу национальной безопасности. Вот что имел в виду В.Д. Набоков, говоря, что «быть с царем значит быть против России».

Конечно, призыв «бороться с внутренним врагом», кто бы его ни брал на вооружение, мог служить эффективной политической тактикой. С началом мировой войны Россия наконец вступила в эру массовой политики. Армия, правительство и фракции Государственной думы проявляли острый интерес к мобилизации и мотивации населения. Одной из техник было превознесение доблести и жертвенности военных героев. В начале войны на всю страну прославился казак Козьма Крючков, в одиночку сражавшийся с одиннадцатью немецкими уланами и уничтоживший их всех, несмотря на полученные им самим шестнадцать тяжелых ран. Крючков стал героем газет и народных лубков, тысячами распространявшихся среди солдат и крестьян. Однако оборотной стороной поклонения героям было возбуждение ненависти — она тоже могла быть мощным инструментом мобилизации народа. Клеймя евреев, российских немцев или монархистов-традиционалистов предателями и изменниками, можно было вызвать ярость, легко переводимую в чувство определенной и общей цели. Огульные оговоры также имели и неявные политические цели. Обвинение евреев западных областей России в военных поражениях российской армии ограждало русское военное руководство от критики. Поношение немцев и требование экспроприации их земель и бизнеса играло на руку этническому русскому национализму: германское экономическое господство наконец будет уничтожено, и немецкое богатство потечет в русские руки. Многие левые политики так или иначе стремились к свержению российской монархии. Как же кстати пришлось уравнивание традиционного монархизма с изменой!

Нельзя однозначно утверждать, что все организаторы кампаний преследования внутренних врагов были насквозь прожженными циниками, хладнокровными манипуляторами, ни минуты не сомневающимися в невиновности большинства своих жертв. Гучков действительно знал, что обвиняет Мясоедова в шпионстве безо всяких на то оснований. Однако Янушкевич, например, одержимый особенно тупоумной разновидностью антисемитизма, действительно вполне мог искренне верить в сплошную порочность всего российского еврейства. Если среди евреев и можно было отыскать такого, кто пока не совершил предательства, всякий из них при первой же возможности продаст Россию. Следовательно,

изгнание сотен тысяч евреев из западных областей России — оправданная и необходимая мера предосторожности. Иными словами, многие из тех, кто в годы войны заразил народное сознание фантазиями об измене, сами искренне в них верили. Однако в конечном счете трудно преувеличить ту травму и тот вред, которые причинила эта фиксация на внутреннем враге. Тысячи людей прямо пострадали от этого, однако в определенном смысле вся Россия стала жертвой шпионской истерии. Вера в то, что Российская империя насквозь источена изменниками и шпионами, подорвала легитимность власти. Более того, уверенность в пандемии предательства лишала людей надежды на победное окончание войны, сеяла пораженческие настроения и обессмысливала индивидуальную жертву во имя родины. Зачем русским проливать на полях сражений потоки крови, если их жертва обесценивается тыловым предательством?

Не будь дела Мясоедова/Сухомлинова, эти пагубные вымыслы вряд ли пустили бы столь глубокие корни. Одна из самых поразительных черт этого дела — то, как идеально Мясоедов и Сухомлинов соответствовали образу изменника, жившему в сознании как правых, так и левых. Конечно, оба, Мясоедов и Сухомлинов, по рождению были стопроцентно русскими. Но кто были их друзья? Немцы и евреи. Обширность и интимность связей Мясоедова и Сухомлинова среди этих групп населения была воспринята как доказательство их порочности. Честный, патриотичный русский офицер с такой публикой водиться не станет. Мясоедов был женат на женщине, происходившей из еврейской семьи, работал с еврейскими дельцами и был у них на жалованье. В письме к любовнице он именовал Бориса Фрейдберга «начальником»[8]. Во всех официальных отчетах по делу Мясоедова эти формулы использовались для описания его деятельности после отставки из жандармского корпуса: Мясоедов «совсем погрузился в еврейско-немецкие дела и сблизился с многими подозрительными лицами, а особенно с семьей еврея Фрейдберга»[9].

А как интерпретировать эту странную тягу Мясоедова к немцам? В списке его немецких знакомцев множество имен. Тут и Тильмансы, семейство промышленников, и балтийский барон Гротгус, входивший вместе с Мясоедовым в совет директоров «Северо-западной русской пароходной компании», и Отто Фрейнат, который, будучи чиновником российского Министерства внутренних дел, защищал «Северо-западную» от обвинений в нарушени-

ях, а позже оказывал юридические услуги контролировавшимся немцами целлюлозной компании «Вальдорф» и химическому концерну «Шеринг». Мясоедов был даже близок с кайзером Вильгельмом II — в его обществе охотился, ужинал и ходил в церковь.

Что до Сухомлинова, о его недостойном пристрастии к еврейскому обществу много говорилось еще во времена его службы командующим войсками Киевского военного округа. Вот, например, его неприглядные отношения с Александром Альтшиллером. Альтшиллер был одновременно евреем и австрийским подданным — и человек с таким ненадежным происхождением был ближайшим другом и доверенным лицом военного министра!

Конечно, для патриотов и левых националистов важнейшее значение имело то обстоятельство, что Мясоедов и Сухомлинов были *русскими*. Эти двое — самые отвратительные изменники своего времени, и из их вероломства следует извлечь урок: измена живет не только среди национальных меньшинств. И кое-что еще: до начала войны Сухомлинов посвятил Мясоедова в важнейшие тайны российской разведки. Когда война уже началась, Мясоедов, как считали левые националисты, с одобрения Сухомлинова проник в Действующую армию, на фронт, и обеспечил немцам победу в мазурских боях. Сухомлинов, следовательно, несет ответственность за все преступления Мясоедова, а не только за свои личные. Сухомлинов, в свою очередь, всем обязан своему самодержавному патрону, императору, выделявшему его как одного из самых преданных и честных своих министров. Однако маска преданного монархиста скрывала совсем иную реальность. Под тонкой оболочкой преданности династии копошились навозные жуки.

Но все же *почему* Мясоедов и Сухомлинов решили продать свою родину? Что их на это подвигло? Ответ — моральная испорченность. Предателями обоих сделало распутство. Ни тот ни другой не умели обуздывать свои сексуальные влечения. Шпионское дело провоняло горьким запахом секса. Многим в воюющей России это было эмоционально внятно благодаря распространенности мнения, что неограниченная потребность в эгоистическом физическом наслаждении прямо противоречит служению народу и общему благу[10]. В определенном смысле, полная капитуляция перед похотью была первым шагом к предательству. Мясоедов — известный сладострастник, несомненно обратившийся к шпионажу, чтобы достать денег на содержание своей любовницы Столбиной, женщины столь низкой, что ее почти уже можно назвать обычной

шлюхой. Сухомлинов, конечно, тоже брал деньги у своих заграничных хозяев, чтобы удовлетворить страсть своей молодой жены к расточительству и роскоши. Генерал стал рабом своей постыдной страсти к расчетливой и жадной женщине, среди грехов которой также числилось полное отсутствие даже подобия национального чувства. Разве не приводил Бутович дерзкое замечание своей экс-супруги: «Наше отечество там, где нам хорошо»?[11] Таким образом, дело Мясоедова/Сухомлинова приоткрыло перед русским обществом дверь в антиобщество, ценности и обычаи которого представляли собой издевательские пародии на общепринятые: это был мир, в котором евреи начальствуют над русскими дворянами и где иностранцы покупают и продают министров. Измена Мясоедова и Сухомлинова доказала, что предатели есть везде. «Ни один круг общества не гарантирован от шпиона или изменника», — писал в 1915 году военный прокурор Резанов[12].

Если везде измена, значит, любой может быть изменником. Однако, возможно, Мясоедов и Сухомлинов не были особями, как-то исключительно подверженными порче? Возможно, все люди или, по крайней мере, все русские люди столь же слабы и подвержены заблуждениям? В конце концов российская контрразведка приняла это как рабочую гипотезу, то есть стала исходить из того, что всякий человек — предатель, пока не доказано обратного. В идеологии русского контрразведчика периода Первой мировой войны — зародыш будущего сталинистского сознания, в котором слились левая и правая концепции измены, сознания, завороженного призраками вероломных национальных меньшинств и вездесущих предателей.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] *Фрейнат О.Г.* Правда о деле Мясоедова. Вильна, 1918. С. 36—37.

[2] *Б-аго Б. [Бучинский Б.]* Суд над Мясоедовым // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 145.

[3] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 104. Л. 69—70.

[4] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 104. Л. 89—93, 96—97 (Показания Еремева и Кристанера. Протокол от 26 марта 1915 г.); *Kryl S.* Cytadela Warzawska. Warszawa, 1978. P. 217.

[5] Мясоедов был казнен в 3 часа 50 минут по петроградскому времени. Варшавское время отставало от столичного на 27 минут.

[6] *Bauermeister A.* Spies Break Through: Memoirs of a German Secret Service Officer / Trans. Hector Bywater. New York, 1934. P. 6.

[7] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 170. Л. 30 (Письмо П.К. Карповой, 26 апреля 1915 г.).

[8] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1073. Л. 87 (Список арестованных, 24 апреля 1915 г.).

[9] *Falls C.* The Great War, 1914—1918. New York, 1959. P. 124.

[10] *Хольмсен И.А.* Мировая война: Наши операции на Восточно-Прусском фронте зимою 1915 г. Париж, 1935. С. 278—279; *Родзянко М.В.* Крушение империи. Харьков, 1990. С. 105.

[11] *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. М., 1956. С. 65—66. Двое других активных участников расследования дела Мясоедова также много лет спустя продолжали настаивать, что он все же был предателем. См.: Генерального штаба генерал-майор Батюшин. М., 2002. С. 138—139; *Орлов В.Г.* Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М., 1998. С. 45—48. Впрочем, аргументы Батюшина в пользу виновности Мясоедова малоубедительны, а рассказ Орлова очень часто грешит против исторической правды, что полностью его дискредитирует.

[12] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. М., 1991. С. 11.

[13] *Фрейнат.* Правда о деле Мясоедова. С. 121.

[14] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 662—663; *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. Париж, 1933. Т. 2. С. 61—62; *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк, 1955. С. 317—319.

[15] *Paléologue M.* La Russie des Tsars pendant La Grande Guerre. 20 Juillet 1914 — 2 Juin 1915. Paris, 1921. P. 319.

[16] *Wilton R.* Russia's Agony. London, 1918. P. 224.

[17] *Pares B.* The Fall of the Russian Monarchy. New York, 1939. P. 221.

[18] *Miliukov P. et al.* History of Russia: Reforms, Reaction, Revolutions / Trans. Charles Lam Markmann. Vol. 3. New York, 1969. P. 325.

[19] *Rowan R.W.* Spy and Counterspy: The Development of Modern Espionage. New York, 1929. P. 162-169.

[20] *Kaledin V.K.* 14-O.M. 66 K: Adventures of a Double Spy. New York, 1932; *Idem.* F.L.A.S.H. D 13. New York, 1930. P. 42, 263—268. Цит. на с. 266.

[21] Например, П.П. Ищеев, автор сочинения «Осколки прошлого. Воспоминания 1889—1959» (Нью-Йорк, б.г.), на с. 100 сообщает, что Мясоедов по линии жены принадлежал к семейству германских промышленников Тильмансов; Владимир Коростовец (*Korostovets V.* Seed and Harvest / Trans. Dorothy Lumby. London, 1931. P. 247) прибегает к прямой лжи, утверждая, что проштудировал все дело Мясоедова.

[22] Популярный историк Уорд Рутерфорд в своей книге 1972 года (переизданной в 1992 году), посвященной российской армии, рассказывая об интересующем нас вопросе, допускает ошибки практически в каждом предложении (*Rutherford W.* The Tsar's War 1914—1917. Cambridge, 1992. P. 27—28, 155, 278). Рутерфорд сообщает, помимо прочего, что арест Мясоедова, суд над ним и обвинение имели место в 1912 году, что он был любовником Екатерины Сухомлиновой, что Сухомлинов после революции эмигрировал в Швейцарию, что он посвятил свои мемуары кайзеру и проч. Все эти утверждения ложны. Даже в серьезные научные труды закрались ошибки; см.: *Lincoln W. Bruce.* Passage through Armageddon: the Russians in War and Revolution, 1914—1918. New York, 1986. P. 112. В этой в остальном замечательной книге есть неточности: неверно, что Мясоедова «увольняли из армии в 1907 и снова в 1912 году, потому что начальство имело основания сильно подозревать, что он находится на содержании немцев».

[23] *Лемке М.* 250 дней в царской Ставке (25 сент. 1915 — 2 июля 1916 г.). Пг., 1920. С. 190.

[24] *Курлов П.Г.* Гибель императорской России. М., 1992. С. 187.

[25] *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция. Нью-Йорк, 1960. Т. 1. С. 110.

[26] См.: *Фрейнат.* Правда о деле Мясоедова.

[27] *Катков Г.* Февральская революция. М., 2006. С. 151, 153—154.

[28] *Шацилло К.Ф.* «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4. С. 103—116.

[29] *Тарсаидзе А.* Четыре мифа. Нью-Йорк, 1969. [Недавнее переиздание: *Тарсаидзе А.* Четыре мифа о Первой мировой: Дело о мобилизации 1914 г.; Дело Мясоедова; Дело Сухомлинова; Дело Протопопова. М., 2007. — *Прим. ред.*]

[30] *Seton-Watson H.* The Russian Empire, 1801—1917. London, 1967. P. 710—711. Следует отметить недавний историографический выпад против версии о невиновности Мясоедова. Последние несколько лет были отмечены появлением ряда публикаций на русском языке, ориентированных на приукрашивание репутации советской и царской разведки и контрразведки. Пример — сочинение Батюшина «Тайная военная разведка». Батюшин — следователь, имевший близкое касательство к делу, о чем в этом пособии по разведывательной работе периодически упоминается. В книгу включена биография Батюшина, рисующая его преимущественно в благоприятном свете, с комментариями, разделяющими его версию событий. См. также: *Васильев И.И., Зданович А.А.* Генерал Н.С. Батюшин // Генерального штаба генерал-майор Батюшин. Тайная военная разведка и борьба с ней. М., 2002. С. 190—257. Эта исследовательская тен-

денция отозвалась по меньшей мере в одном недавнем труде западного историка: *Marshall A.* Russian Military Intelligence, 1905—1917 // War in History. 2004. Vol. 11. № 4. P. 393—423. Вот что пишет Маршалл: «Вспомним сомнительное прошлое Мясоедова... весьма вероятно, что русская разведка в 1915 году схватила кого следовало, хотя и прибегнув для этого к бесчестным приемам» (P. 412).

[31] См., например: *Stone N.* The Eastern Front, 1914—1917. New York, 1975. P. 24—34, 197—199; *Wildman A.K.* The End of the Russian Imperial Army. Princeton, 1980. P. 65—68, 92—93; *Fuller W.C., Jr.* Civil-Military Conflict in Imperial Russia 1881—1914. Princeton, 1985. P. 237—244; *Menning B.W.* Bayonets before Bullets. The Imperial Russian Army, 1861—1914. Bloomington, 1992. P. 221—234.

[32] Здесь и далее дела Мясоедова и Сухомлинова я буду обозначать как одно «дело».

[33] *Haskegawa Ts.* The February Revolution: Petrograd 1917. Seattle, 1981. P. 574.

[34] *Готье Ю.В.* Мои заметки. М., 1997. С. 287.

[35] Хасегава справедливо осуждает либералов за их роль в деле Мясоедова/Сухомлинова (*Haskegawa.* The February Revolution. P. 28—29). Впрочем, как будет видно далее, порицания заслуживали не только либералы.

[36] Сэр Сэмюэл Хоар, находившийся во время процесса на службе в России, в отличие от многих иностранцев относился к происходившему с большой сдержанностью, он провел прямую аналогию между русскими событиями и «шпиономанией, захлестнувшей Англию в первый год войны» (*Hoare S.* The Fourth Seal: The End of a Russian Chapter. London, 1930. P. 54).

Глава 1

[1] *Бобринский А.* Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи. Ч. 1. СПб., 1890. С. 552.

[2] О других ветвях рода см. статью «Мясоедовы»: БЭ. Т. 20. С. 386.

[3] *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция. Париж, 1960. Т. 1. С. 108.

[4] *Ишеев П.П.* Осколки прошлого. Воспоминания 1889—1959. Нью-Йорк, б.д. С. 106.

[5] Такое перемещение по службе вовсе не было необычным: к началу 1890-х годов резкое сокращение финансирования армии привело к тому, что чиновники и служащие других министерств и ведомств стали получать более высокое жалованье, чем военные аналогичных чинов. См.: *Fuller W.C., Jr.* Civil-Military Conflict in Imperial Russia, 1881—1914. Princeton, 1985. P. 14—15.

[6] Жандармы // БЭ. С.-Петербург, 1894. Т. 22. С. 718—719.

[7] *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М., 1998. Т. 1. С. 122.

[8] См. послужной список Мясоедова от 6 февраля 1915 года: РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 163. Л. 44.

[9] *Pares B.* My Russian Memoirs. London, 1931. P. 56.

[10] См.: *Сухова Е.К.* Провинциальная стража и контрабанда в России начала XX века // Вопросы истории. 1991. № 7/8. С. 234—237.

[11] Супруги имели троих детей: Марию (р. 29 ноября 1896 года), Сергея (р. 2 марта 1898 года) и Николая (р. 31 октября 1901 года). См. Приказ об отставке Мясоедова, 1912 г.: РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 164. Л. 258.

[12] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 114. Л. 106—107 (Банковский документ, 26 ноября 1913 г.).

[13] Вся Вильна. Вильна, 1915. С. 197; РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 166. Л. 99 (Письмо Клары Мясоедовой Францу Ригерту, 23 октября 1914 г.); РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 113. Л. 324 (Юридический документ, 30 ноября 1904 г.).

[14] *Ишеев.* Очерки прошлого. С. 106.

[15] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1063. Л. 246.

[16] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 165. Л. 186 (Допрос В.О. Родзевича, 16 мая 1915 г.).

[17] *Wood R.K.* The Tourist's Russia. New York, 1912. P. 17; *Baedeker K.* Russia with Teheran, Port Arthur and Peking: A Handbook for Travellers. Leipzig, 1914; repr. New York, 1970. P. 34.

[18] *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. М., 1957. С. 62.

[19] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 164. Л. 256 (Приказ об отставке Мясоедова, 1912 г.).

[20] *Kohut T.A.* Wilhelm II and the Germans. New York, 1991. P. 10.

[21] *Topham A.* Memories of Kaiser's Court. London, 1914. P. 243.

[22] РГВИА. Ф. 801. Оп. 21. Д. 163. Л. 43 (Запись Мясоедова, 21 сентября 1905 г.).

[23] Накануне Первой мировой войны Россия каждый год предоставляла Германии по четыреста тысяч таких рабочих-мигрантов (British Foreign Office. Russian Poland, Lithuania and White Russia: Foreign Office Publications. № 44. London, 1920. P. 68). В годы Первой мировой войны, когда Британия установила морскую блокаду Германии, одной из причин, приведших кострому недостатку продуктов питания внутри Рейха, было отсечение потока сельскохозяйственной рабочей силы с территории России.

[24] *Chankowski S.* The Attitude of the Jewish Population of Augustow Province toward the January (1863) Insurrection // Landsmen. 1991—1992. № 2/3. P. 35—36.

[25] Мотивы эти были столь сильны, что, как свидетельствуют подсчеты, за полвека до начала Первой мировой войны Россию покинуло около четверти литовского населения (*Wandycz P.S.* The Lands of partitioned Poland, 1795—1918. Seattle, 1974. P. 243).

[26] *Rubinow I.M.* Economic Conditions of the Jews in Russia. Washington, 1907; repr.: New York, 1975. P. 488.

[27] *Joseph S.* Jewish Immigration to the United States from 1881 to 1910. New York, 1914. P. 62.

[28] *Рууд Ч., Степанов С.* Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993. С. 280—281.

[29] *Rogger H.* Jewish Policies and the Right-Wing Politics in Imperial Russia. Berkeley, 1986. P. 33, 38.

[30] *Рууд Ч., Степанов С.* Фонтанка, 16. С. 295; *Дубнов С.М.* Книга жизни. Воспоминания и размышления. СПб., 1998. С. 240—272.

[31] *Joseph.* Jewish Immigration. P. 164.

[32] *Hyde F.E.* Cunard and the North Atlantic 1840—1973. Atlantic Highlands, N.J., 1975. P. 81.

[33] *Huldermann B.* Albert Ballin / Trans. W. J. Eggers. London, 1922. P. 23, 31, 33.

[34] *Cecil L.* Albert Ballin: Business and Politics in Imperial Germany 1888—1918. Princeton, 1967. P. 46—47.

[35] *Szajkowski Z.* Sufferings of Jewish Emigrants to America in Transit Through Germany // Jewish Social Studies. 1977. Vol. 39. № 1/2. P. 106.

[36] *Fabre R.* Les Grandes Lignes de Paquebots Nord-Atalntique. Paris, 1928. P. 52; *Cecil.* Albert Ballin. P. 25.

[37] *Rogger.* Jewish Policies. P. 183—184.

[38] *Sorin G.* A Time for Building: The Third Migration, 1880—1920 // The Jewish People in America. Vol. 3 / Ed. Henry L. Feingold. Baltimore, 1992. P. 42—43.

[39] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 112. Л. 413 (Доклад Мясоедова, 20 мая 1903 г.).

[40] Там же. Л. 383—384, 409, 415.

[41] Там же. Л. 415—417.

[42] Там же. Л. 415—417.

[43] Падение царского режима / Ред. П.Е. Щеголев. Т. 4. Л., 1925. С. 517.

[44] О связях Мясоедова с Гринбергом см. записку от 6 февраля 1915 г.: РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 160. Л. 26.

[45] Там же. Д. 112. Л. 423; Ф. 801. Оп. 28. Д. 168. Л. 35 (Письмо помощника начальника курляндских жандармов, 20 февраля 1915 г.).

[46] *Fuller W.C., Jr.* The Russian Empire // Knowing One's Enemies: Intelligence Assessment Before the Two World Wars / Ed. Ernest R. May. Princeton, 1984. P. 103—108.

[47] *Алексеев.* Военная разведка. Т. 1. С. 122.

[48] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 160. Л. 58—60, 100 (Показания И.П. Васильева, помощника начальника контрразведки, Генеральный штаб).

[49] *Самойло А.А.* Две жизни. Л., 1963. С. 102—103.

[50] *Алексеев.* Военная разведка. Т. 1. С. 123.

[51] Там же. Т. 2. С. 181, 183.

[52] *Nicolai W.* The German Secret Service / Trans. George Renwick. London, 1924. P. 27.

[53] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 163. Л. 54 (Доклад о деятельности Мясоедова, 12 февраля 1915 г.).

[54] В тот момент для этих сомнений у российского военного командования имелись серьезные основания. План Шлиффена, разработанный Германией в качестве реакции на то положение, которое сложилось в Европе к 1905 году, никогда не рассматривался немецким командованием в качестве единственного и окончательного плана действий империи в будущей войне. См.: *Bucholz A.* Moltke, Schlieffen and Prussian War Planning. New York, 1991. P. 195—196. См. также: *Fuller W.C., Jr.* Strategy and Power in Russia, 1600—1914. New York, 1992. P. 442. Однако в 1912 году российские стратеги были убеждены, что Великобритания вступит в войну на стороне Франции и что вследствие этого немцы,

скорее всего, соответствующим образом модифицируют свой первый сокрушительный удар по Франции (сообщение профессора Брюса Меннинга, сделанное в личной беседе с автором 26 мая 2000 г.).

[55] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 160. Л. 58—60 (Показание И.П. Васильева, помощника главы контрразведки, Генеральный штаб).

[56] В апрельском 1914 года докладе генерал-лейтенант Ю.Н. Данилов, заместитель начальника штаба российской армии, сделал точный прогноз относительно того, что в начальной фазе общеевропейской войны Германия основную свою военную мощь бросит против Франции, однако он рассматривал и возможность наличия у Германии альтернативного плана, в соответствии с которым главный удар будет нанесен России. См.: *Гилензен В.М.* Германская военная разведка против России (1871—1917 гг.) // Новая и новейшая история. 1991. № 2. С. 159—162.

[57] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 166. Л. 22—23.

[58] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 160. Л. 26—27 (Запись от 6 февраля 1915 г.); Д. 121. Л. 1—2.

[59] *Мартынов А.П.* Моя служба в отдельном корпусе жандармов // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. М., 2004. Т. 1. С. 72; *Рууд Ч., Степанов С.* Фонтанка, 16. С. 334.

[60] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 101. Л. 3.

[61] *Грузенберг О.О.* Вчера: Воспоминания. Париж, 1938. С. 54.

[62] *Заварзин П.П.* Работа тайной полиции: Воспоминания. Париж, 1924. С. 35.

[63] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 101. Л. 4 (Письмо Мясоедова Сухомлинову, сентябрь 1909 г.); Д. 112. Л. 503 (Письмо Мясоедова Н.А. Маклакову, июнь 1912 г.).

[64] Там же. Д. 66. Л. 60 (Меморандум, военно-судебное управление, 18 апреля 1915 г.).

[65] Там же. Д. 101. Л. 4; см. также: *Шацилло К.Ф.* «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. №4. С. 106.

[66] Судебные вести // Новое время. 1907. 7 (20) апр. С. 3.

[67] *Грузенберг.* Вчера. С. 53.

[68] Дума и Корнет Пономарев // Речь. 1907. 8 (21) апр. С. 2.

[69] *Geifman A.* Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894—1917. Princeton, 1993. P. 21, 74—75.

[70] Взгляды Столыпина на способы подавления революционных движений: *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978. С. 19—20.

[71] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 160. Л. 27 (Заметка к послужному списку Мясоедова, 6 февраля 1915 г.); *Шацилло.* «Дело». С. 107.

[72] Падение царского режима. Л., 1925. Т. 3. С. 371 (свидетельство С.П. Белецкого). Об участии Палицына см. письмо Мясоедова Столыпину, 1 сентября 1909 г.: РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 101. Л. 2.

[73] *Грузенберг.* Вчера. С. 55—56.

[74] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 167. Л. 29 (Письмо Мясоедова Кларе, 4 февраля 1907 г.).

[75] *Fabre.* Les Grandes Lignes. P. 51—52; *Huldermann.* Albert Ballin. P. 65—66, 111—112.

[76] В России всякая новая компания с акционерным капиталом должна была получить разрешение сначала от министерства, наиболее близкого к профилю ее деятельности, а потом от Совета министров в целом. См.: The Russian Year-Book for 1912 / Ed. Howard P. Kennard. London, 1912. P. 29.

[77] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1063. Л. 109—110; Ф. 962. Оп. 2. Д. 112. Л. 423 (Доклад Фрейната о деятельности Северо-западной русской пароходной компании, 1909 г.).

[78] *Фрейнат О.Г.* Правда о деле Мясоедова и др. По официальным документам и личным воспоминаниям. Вильна, 1918. С. 11.

[79] Оба судна были построены в 1888 году «Бурмейстером и Вайном», старейшим датским производителем кораблей с металлическими и стальными корпусами. См.: *Holm-Petersen F., Rosendahl A.* Fra Sejl til Diesel. Dansk Skibsfart, Suhandel og Skibsbygning. Vol. 3. n.p., n.d. P. 231, 244. См. также: Lloyd's Register of Shipping: From 1 July 1914 to 30 July 1915. Vol. 1. London, 1914. «Регистр пароходов», О номер 93 и S номер 595.

[80] *Lange O.* Den Hvide Elefant. H.N. Andersen Eventyr og ШК 1852—1914. Viborg, 1986. P. 57—59.

[81] *Bonsor N.R.P.* North Atlantic Seaway. Vol. 3. Jersey, Channel Islands, 1979. P. 1350—1351.

[82] *Lange.* Den Hvide Elefant. P. 170.

[83] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 101. Л. 5, 8—9, 11 (Доклад губернатору Курляндии, 12 сентября 1911 г.).

[84] О денежном содержании служащих армии и полиции см.: Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник / Сост. А.М. Анфимов и А.П. Корелин. СПб., 1995. С. 289—290.

[85] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1073. Л. 111 (Рапорт Жижина, 30 мая 1915 г.).

[86] Там же. Л. 109.

[87] Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 66. Л. 14 (Письмо Мясоедова А.А. Макарову, 1912 г.).

[88] Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1073. Л. 109—110.

[89] Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 101. Л. 3 (Письмо Мясоедова Столыпину, 1 сентября 1909 г.).

[90] Там же. Д. 160. Л. 107 (Допрос Клары Мясоедовой, 12 мая 1915 г.).

Глава 2

[1] *Hamm M.F.* Kiev: A Portrait, 1800—1917. Princeton, 1995. P. 103, 128, 230.

[2] Ibid. P. 44, 48.

[3] *Pintner W.M.* Russian Economic Policy under Nicholas I. Ithaca, 1967. P. 224—225.

[4] Подсчитано по материалам статьи «Киевская губерния» в: БЭ. СПб., 1895. Т. 15. С. 258.

[5] Подсчитано на основании материалов: Россия. 1913 год. С. 11—13.

[6] Эти подробности взяты из его личного дела. См.: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. ДП 362—573. Л. 1—3.

[7] *Edelman R.* Proletarian Peasants: The Revolution of 1905 in Russia's Southwest. Ithaca, 1987. P. 94—97.

[8] *Сабрей В.Г. и др.* История Украинской ССР. Киев, 1983. Т. 5. С. 122—123.

[9] *Hamm.* Kiev. P. 191.

[10] *Дубнов С.М.* Книга жизни. Воспоминания и размышления. СПб., 1998. С. 267.

[11] *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. М., 1996. С. 372.

[12] *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. М.; Л., 1926. С. 109.

[13] *Сидоров А.А.* В Киеве // Голос минувшего. 1918. № 1—3. С. 224.

[14] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 164. Л. 118 (Отчет комиссии Петрова, 1916 г.).

[15] РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1505. Л. 5, 8 (Письмо Веретенникова В.Д. Фредериксу, 25 мая 1910 г.; вырезка из газеты «Русское слово», январь 1910 г.).

[16] *Курлов П.Г.* Гибель императорской России. М., 1992. С. 74.

[17] *Курлов.* Гибель. С. 74, 79; *Гучков А.И., Базили Н.А.* Александр Иванович Гучков рассказывает. М., 1994. С. 60.

[18] *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 1. С. 263.

[19] *Kalmykow A.D.* Memoirs of a Russian Diplomat. New Haven, 1971. P. 257.

[20] РГВИА. Ф. 962. Оп. 1. Д. 52. Л. 296 (Показания В.Н. Коковцова, 19 декабря 1916 г.).

[21] *Епанчин.* На службе. С. 369.

[22] Там же. С. 370.

[23] *Самойло А.С.* Две жизни. Л., 1963. С. 91.

[24] *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 496.

[25] О втором браке Сухомлинова см. также: *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 660.

[26] Об этом эпизоде см.: *Сидоров.* В Киеве. С. 225; РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 164. Л. 118 (Отчет комиссии Петрова, 1916 г.); *Лемке М.* 250 дней в царской Ставке. Пг., 1920. С. 260.

[27] *Шульгин В.* Годы. Дни. 1920. М., 1991. С. 249. Кстати, этот Рузский приходился дядей Н.В. Рузскому, отличившемуся на фронтах Первой мировой.

[28] Там же. С. 248.

[29] Второй была Анна Вырубова, фрейлина императрицы Александры Федоровны, представившая Распутина при дворе. См.: *Тарсаидзе А.* Четыре мифа. Нью-Йорк, 1969. С. 261.

[30] *Kalmykow.* Memoirs. P. 257.

[31] *Сухомлинов.* Воспоминания. С. 254.

[32] *A Russian.* Russian Court Memoirs. 1914—1916. London, 1917. P. 142.

[33] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 164. Л. 85 (Отчет комиссии Петрова, 1916 г.).

[34] *Шульгин.* Годы. С. 253.

[35] Практически все последующие подробности взяты нами из писем Бутовичу, датированных 10 и 28 июля 1908 года. Их автором была Фани Рочат, бывшая гувернантка Юрия. См.: РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 90. Л. 73—74.

[36] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 52. Л. 324 (Сухомлинов — Неметти, 16 мая 1908 г.).

[37] *Апушкин В.А.* Генерал от поражений В.А. Сухомлинов. Л., 1925. С. 26.

[38] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 90. Л. 20—21 (Бутович — Н.М. Гошкевич, 16 июня 1908 г.).

[39] *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907—1916 гг.. М., 1924. Т. 1. С. 50.

[40] О разводе в России см.: *Freeze G.L.* Krylov vs. Krylova: «Sexual Incapacity» and Divorce in Tsarist Russia // The Human Tradition in Modern Russia / Ed. William B. Husband. Washington, Del., 2000. P. 5—17. См. также статью «Развод»: БЭ. СПб., 1899. Т. 26. С. 135.

[41] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 70. Л. 2 (Письмо Сухомлинова в Синод, 3 октября 1908 г.).

[42] Там же. Д. 52. Л. 231.

[43] *Freeze G.L.* The Orthodox Church and Emperor Nicholas II: A Confrontation over Divorce in Late Tsarist Russia // Страницы русской истории: Проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича / Сост. В. Панеях и др. СПб., 2003. С. 198. Хочу поблагодарить профессора Фриза, предоставившего мне копию своей статьи, где дан прекрасный анализ бракоразводного процесса Буговича, основанный на церковных документах.

[44] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 52. Л. 231.

[45] Там же. Д. 146. Л. 6 (Показание Оскара Альтшиллера (сына Александра и его партнера по бизнесу), 26 августа 1917 г.).

[46] *Hamm.* Kiev. P. 129.

[47] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 48. Л. 123.

[48] *Лось Ф.Е.* Революция 1905—1907 гг. на Украине. Сборник документов и материалов: В 2 т. Киев, 1955. Т. 2, ч. 1. С. 118—119.

[49] Революционные выступления на Южно-русском машиностроительном заводе подробно рассматриваются в: *Hamm.* Kiev (см. особ. с. 33, 178, 180, 187, 231).

[50] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 134. Л. 33 (Допрос Гошкевича, 25 июля 1915 г.); Д. 146. Л. 5—6 (Показание О. Альтшиллера, 26 августа 1917 г.).

[51] Там же. Д. 134. Л. 31 (Допрос Гошкевича, 25 июля 1915 г.).

[52] Там же.

[53] Там же. Д. 136. Л. 36.

[54] Там же. Д. 52. Л. 68 (Допрос Екатерины Сухомлиновой, 16 ноября 1916 г.).

[55] Там же. Л. 24 (Допрос Сухомлинова, 9 ноября 1916 г.).

[56] Там же. Д. 55. Л. 70 (Показание В.А. Березовского, 9 ноября 1916 г.).

[57] Там же. Д. 52. Л. 22, 26.

[58] Там же. Д. 88. Л. 67 (Нотариально заверенное заявление Гибандо, 13 мая 1909 г., франц. яз.).

[59] Бутович также обращал внимание Святейшего синода на прочие неправильные и противозаконные аспекты дела. См.: *Freeze.* Orthodox Church and Emperor. P. 198.

[60] Ibid. P. 199—200.

[61] *Поливанов.* Из дневников. С. 76, 78—79.

[62] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 51. Л. 242 (Заявление Анны Гошкевич, 26 июля 1915 г.).

[63] Там же. Д. 134. Л. 19 (Заявление Н.М. Гошкевича, 23 июля 1916 г.).

[64] Там же. Д. 164. Л. 261—262 (Отчет комиссии Петрова, 1916 г.); *Поливанов.* Из дневников. С. 85.

[65] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 35. Л. 70—71.

[66] *Поливанов.* Из дневников. С. 85.

[67] РГВИА. Ф. 280. Оп. 1. Д. 8. Л. 54 (Воспоминания Редигера).

Глава 3

[1] *Шульгин В.* Годы. Дни. 1920. М., 1991. С. 235.

[2] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 135. Л. 55 (Показания Анны Гошкевич, 18 октября 1916 г.).

[3] Там же. Д. 55. Л. 74 (Показания А.Н. Березовского, 3 февраля 1917 г.).

[4] *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. М., 1957. С. 66.

[5] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 160. Л. 102 (Допрос Клары Мясоедовой, б.д.).

[6] Там же. Д. 55. Л. 73 (Показания Березовского, 3 февраля 1917 г.).

[7] Там же. Д. 135. Л. 56 (Показания Анны Гошкевич, 18 октября 1916 г.).

[8] См., например, корпус писем, посланных Екатериной Кларе весной 1910 года: Там же. Д. 51. Л. 89—93.

[9] Там же. Д. 160. Л. 104 (показание Клары Мясоедовой, май 1915 г.).

[10] Там же. Л. 96.

[11] Там же. Д. 134. Л. 35—36 (показание Николая Гошкевича, 25 июля 1915 г.).

[12] Там же. Л. 108 (показание П.Г. Курлова, 8 августа 1916 г.).

[13] *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Париж, 1933. Т. 2. С. 62; РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 112. Л. 429 (показание В.Н. Коковцова, декабрь 1916 г.).

[14] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 112. Л. 429 (Объявление о продаже, 30 сентября 1910 г.).

[15] Там же. Д. 134. Л. 65 (Показание Н. Гошкевича, 26 июля 1916 г.).

[16] Там же. Д. 160. Л. 107 (Показание Клары Мясоедовой, май 1915 г.); Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1073. Л. 219 (Помощник прокурора Варшавы в Ставку, 5 февраля 1916 г.).

[17] Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 52. Л. 288 (Показание Коковцова, декабрь 1916 г.).

[18] Там же. Л. 93; Д. 136. Л. 45 (Показание Екатерины Сухомлиновой, 21 ноября 1916 г.).

[19] В англоязычной историографии этому посвящена прекрасная работа: *Geifman A.* Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894—1917. Princeton, 1993. P. 238—240.

[20] Наиболее убедительное на сегодня объяснение таково: Богров надеялся этим ярким террористическим актом развеять ходившие среди эсеров слухи о том, что он предатель, сообщающий партийные тайны местному охранному отделению. См.: *Pipes R.* The Russian Revolution. New York, 1990. P. 188—190.

[21] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 135. Л. 23 (Письмо Екатерины Сухомлиновой Мясоедову, 15 ноября 1911 г.).

[22] Там же. Д. 169. Л. 122.

[23] Там же. Д. 134. Л. 36 (Показание Н. Гошкевича, 25 июля 1915 г.).

[24] Там же. Д. 55. Л. 75 (Показание В.А. Березовского, 3—8 февраля 1914 г.).

[25] Там же. Д. 66. Л. 23 (Письмо Мясоедова Сухомлинову, 16 июня 1912 г.); Ф. 801. Оп. 28. Д. 164. Л. 258 (Послужной список Мясоедова, 1912 год).

[26] *Рууд Ч., Степанов С.* Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993. С. 234.

[27] См. свидетельство С.П. Белецкого, впоследствии ставшего главой Департамента полиции: Падение царского режима. Л., 1925. Т. 4. С. 516.

[28] РГВИА. Ф. 962. Оп. 1. Д. 43. Л. 140.

[29] Там же. Д. 51. Л. 73 (Письмо Мясоедова Сухомлинову, б.д.).

[30] *Алексеев.* Военная разведка. Т. 2. С. 49—51.

[31] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 164. Л. 208—209 (Отчет комиссии Петрова).

[32] Там же. Л. 213.

[33] Там же. Д. 47. Л. 249—251 (Показание В.А. Ерандакова, 5 мая 1916 г.); Там же. Д. 145. Л. 58—59.

[34] Там же. Д. 47. Л. 249 (Показание Ерандакова, 5 мая 1916 г.).

[35] Там же. Д. 66. Л. 24 (Письмо Мясоедова Сухомлинову, 16 июня 1912 г.).

[36] *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М., 1998. Т. 1. С. 126.

[37] Падение царского режима. Л., 1925. Т. 4. С. 519.

[38] *McDonald D.M.* United Government and Foreign Policy in Russia 1900—1914. Cambridge, 1992. P. 177.

[39] Слова Анны Вырубовой приводятся по: *Радзинский Э.* Распутин: жизнь и смерть. М., 2000. С. 375. По донесениям полицейских осведомителей, Андроников держал «открытый дом» и принимал гостей из самых разных слоев общества в любое время дня и ночи. Среди его посетителей были царские чиновники, юнкера, кадеты, рядовые солдаты и гимназисты. См. отчет комиссии Петрова, 1916 г.: РГВИА. Ф. 280. Оп. 2. Д. 164. Л. 112.

[40] См. мемуары Редигера: Там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 918; Ф. 962. Оп. 2. Д. 136. Л. 51 (Допрос Екатерины Сухомлиновой, 21 ноября 1916 г.); *Поливанов А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907—1916 гг. М., 1924. Т. 1. С. 77.

[41] См.: *Резанов А.С.* Немецкое шпионство. Пг., 1915. С. 279—280.

[42] *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. М.; Л., 1926. С. 317—318.

[43] РГВИА. Ф. 280. Оп. 1. Д. 8. Л. 931 (Мемуар А.Ф. Редигера).

[44] *Fuller W.C., Jr.* Strategy and Power in Russia 1600—1914. New York, 1992. P. 418—423.

[45] Интеллектуальной основой этой программы реформ был объемный доклад о военных нуждах империи, подготовленный в августе 1908 года предшественником Сухомлинова на посту начальника штаба Ф.Ф. Палицыным и талантливым помощником последнего М.В. Алексеевым. См.: *Шацилло К.Ф.* От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000. С. 131—134.

[46] *Menning B.* Bayonets before Bullets: The Imperial Russian Army 1861—1914. Bloomington, 1992. P. 226—227; *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в начале XIX века. М., 1986. С. 13—14.

[47] *Fuller.* Strategy and Power. P. 341—343.

[48] Об этом см.: Ibid. P. 427—432; *Menning.* Bayonets before Bullets. P. 223—227.

[49] Падение царского режима. Л., 1924. Т. 2. С. 23.

[50] *Hermann D.G.* The Arming of Europe and the Making of the First World War. Princeton, 1996. P. 132—136.

[51] Об особом интересе Сухомлинова к автомобилям см.: Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 192—193.

[52] *Бескровный.* Русская армия и флот. С. 87—91; *Gatrell P.* Government, Industry and Rearmament in Russia, 1900—1914. Cambridge, 1994. P. 132—134.

[53] *Fuller W.C., Jr.* Civil-Military Conflict in Imperial Russia 1881—1914. Princeton, 1985. P. 227.

[54] *Gatrell.* Government, Industry and Rearmament. P. 155—156.

[55] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 137. Л. 26 (Показание М.И. Коломниной, январь 1917 г.).

[56] Там же. Д. 52. Л. 69 (Показание Екатерины Сухомлиновой, 16 ноября 1916 г.); Д. 48. Л. 124 (Заявление Екатерины Сухомлиновой, 21 ноября 1916 г.); Д. 136. Л. 45.

[57] Там же. Д. 55. Л. 72.

[58] Там же. Д. 134. Л. 156—157 (Показание Н.Н. Янушкевича, 14 сентября 1916 г.).

[59] Там же. Ф. 801. Оп. 28. Д. 164. Л. 108.

[60] Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 136. Л. 37—38 (Сообщение В.-Н. З. Финна, б.д.).

[61] См., например: Падение царского режима. Т. 6. С. 64; РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 134. Л. 23; *Гучков А.И., Базили Н.А.* Александр Иванович Гучков рассказывает. М., 1994. С. 96.

[62] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 164. Л. 152 (Отчет комиссии Петрова, 1916 год).

[63] Там же. Д. 51. Л. 236 (Показания Анны Гошкевич, 9 июля 1915 г.); Д. 134. Л. 46 (Показания Николая Гошкевича, 23—25 июля 1916 г.).

[64] Там же. Д. 134. Л. 113 (Показания М.И. Веллера, 9 августа 1916 г.); Д. 51. Л. 242 (Показания Анны Гошкевич, 26 июля 1915 г.).

[65] Там же. Д. 164. Л. 133; Д. 134. Л. 113—114 (Показания Веллера, 9 августа 1916 г.).

[66] Там же. Д. 134. Л. 47—48 (Показания Гошкевича, 23—25 июля 1916 г.).

[67] Там же. Д. 164. Л. 133 (Отчет комиссии Петрова, 1916 год).

[68] Там же. Д. 167. Л. 24.

[69] Там же. Д. 101. Л. 7—12 (Рапорт губернатору Курляндии, 12 сентября 1911 г.).

[70] О Еремине см.: *Мартынов А.П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов: Воспоминания / Ред. Ричард Врага. Стэнфорд, 1972. С. 160, 334; РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 66. Л. 20 (Письмо Мясоедова Коковцову, 5 июня 1912 г.); Д. 101. Л. 15 (Записка Мясоедова, сентябрь 1911 г.).

[71] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8230. Л. 8—9 (Меморандум Генерального штаба).

[72] Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 43. Л. 158 (Письмо Министерства юстиции в комиссию Петрова, август 1915 г.).

[73] *Гучков, Базили.* Гучков рассказывает. С. 93.

[74] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 164. Л. 190 (Отчет комиссии Петрова, 1916 год).

[75] *Мосолов А.А.* При дворе последнего российского императора. М., 1993. С. 165.

[76] *Miliukov P.* Political Memoirs, 1905—1917 / Ed. A.P. Mendel; trans. C. Goldberg. Ann Arbor, 1967. P. 236—237.

[77] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 52. Л. 288, 296 (Показания Коковцова, 19—24 декабря 1916 г.).

[78] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 615.

[79] *Зайончковский А.М.* Введение // Поливанов. Из дневников. С. 12—14; *Теляковский В.А.* Воспоминания. М.; Л., 1965. С. 176—177.

[80] *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 509. Следует отметить, что, по мнению К.Ф. Шацилло, император решил упразднить Совет прежде всего потому, что он явно не проявлял никакого интереса к перестройке российского морского флота — делу, которому Николай лично глубоко сочувствовал. *Шацилло.* От Портсмутского мира. С. 146—147.

[81] Падение царского режима. Л., 1924. Т. 1. С. 372.

[82] Показания от 21 декабря 1916 г. (РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 52. Л. 301) содержат описание отношения Иванова к Сухомлинову. Следует отметить, что Норманн Стоун, характеризуя противостояние внутри российской армии между аристократией, сторонниками великого князя Николая Николаевича, и плебеями, собравшимися на стороне Сухомлинова, значительно упрощает сложные реальные отношения. Более того, часть сведений, которые Стоун приводит в подтверждение своей гипотезы, прямо неверны. Так, он пишет, что Иванов принадлежал к клике Сухомлинова. См.: *Stone N.* The Eastern Front, 1914—1917. New York, 1975. P. 27.

[83] *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров: Воспоминания. М., 1996. С. 372, 375.

[84] *Cion-Pinchuk B.* The Octobrists in the Third Duma 1907—1912. Seattle, 1974. P. 148—150; *Hosking G.* The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907—1914. Cambridge, 1973. P. 137—147; *Emmons T.* The Formation of Political Parties and the First National Election in Russia. Cambridge, 1983. P. 104—105.

[85] *Gleason W.* Alexander Guchkov and the End of the Russian Empire // Transactions of the American Philosophical Society. Vol. 73. Part 2. Philadelphia, 1983. P. 79.

[86] *Гучков, Базили.* Гучков рассказывает. С. 7.

[87] Там же. С. 56, 59—60. См. также: ГАРФ. Ф. ДП ОО. Д. 144. 1913. Л. 119.

[88] *Кобылин В.* Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. Нью-Йорк, 1970. С. 80—82.

[89] *Гучков, Базили.* Гучков рассказывает. С. 58.

[90] Там же. С. 95.

[91] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 164. Л. 191—192 (Отчет комиссии Петрова, 1916 год).

[92] Там же. Д. 145. Л. 38 (Показания Еремина, 23 августа 1917 г.).

[93] Там же. Д. 66. Л. 33 (Письмо Мясоедова Н.А. Маклакову, 24 февраля 1913 г.); Д. 112. Л. 503 (Письмо Мясоедова Маклакову, июнь 1912 г.).

[94] Там же. Д. 51. Л. 71 (Анонимное письмо Сухомлинову, 27 апреля б.г.).

[95] *Сухомлинов.* Воспоминания. С. 189.

[96] См., например: *Бонч-Бруевич.* Вся власть Советам. С. 67. Мнение министра финансов Коковцова см.: РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 52. Л. 297.

[97] Полный текст письма см.: Там же. Д. 66. Л. 11.

[98] *Поливанов.* Из дневников. С. 111.

[99] Падение царского режима. Т. 6. С. 63.

[100] См. вырезки из газет: РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 66. Л. 66.

[101] Суворинскую версию событий см. в его показаниях от 24 августа 1917 г.: РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 145. Л. 93—95. См. также: *Гучков, Базили.* Гучков рассказывает. С. 96; *Коковцов.* Из моего прошлого. Т. 2. С. 61.

[102] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 60. Л. 55.

[103] Там же. Д. 113. Л. 6—7 (Письмо Фрейдберга Мясоедову, 19 апреля 1912 г.).

[104] Там же. Д. 51. Л. 148—149 (Секретный протокол заседания комитета).

[105] Там же. Д. 66. Л. 12 (Письмо Сухомлинова Макарову, 13 апреля 1912 г.).

[106] Там же. Л. 13 (Письмо Мясоедова Сухомлинову, 14 апреля 1912 г.).

[107] Там же. Л. 16 (Мясоедов Сухомлинову, 15 апреля 1912 г.).

[108] ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 4. Л. 2—3.

[109] *Поливанов.* Из дневников. С. 86.

[110] См. протокол встречи секундантов: РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 112. Л. 439.

[111] «Дуэль» между А.И. Гучковым и С.Н. Мясоедовым // Речь. 1912. №110.

[112] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 164. Л. 257 (Приказ об отставке Мясоедова, 1912 г.).

[113] *Шульгин В.* Годы. С. 271; *Ольденбург С.С.* Царствование Николая II. М., 2003. С. 538.

[114] *Грузенберг О.О.* Вчера: Воспоминания. Париж, 1938. С. 56.

[115] *Коковцов.* Из моего прошлого. Т. 2. С. 62—64.

[116] Г.Е. Распутин, сибирский крестьянин и самозваный «старец», был представлен царствующей чете в 1905 году. Своим влиянием на императора и императрицу он был в большой степени обязан своей чудесной способности останавливать кровотечение у их сына, Алексея, страдавшего гемофилией. Кроме того, оба, Николай и Александра, склонны были видеть в Распутине воплощение российского народа. См.: *Lieven D.* Nicholas II: Twilight of Empire. New York, 1993. P. 164—167.

[117] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 145. Л. 93 (Показания Суворина, 24 августа 1917 г.).

[118] *Гучков, Базили.* Гучков рассказывает. С. 97.

[119] См., например, секретный российский документ, изъятый российской разведкой в австро-венгерской армии: РГВИА. Ф. 400. Оп. 323. Д. 38. Л. 48—50.

[120] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 164. Л. 129 (Отчет комиссии Петрова, 1916 год).

[121] Там же. Д. 134. Л. 97 (Допрос Сухомлинова, 4 августа 1916 г.).

[122] О Редле см. также: *Herwig H.H.* The First World War: Germany and Austro-Hungary 1914—1918. London, 1997. P. 65, 74. В лучшем из новейших исследований шпионской деятельности Редля, основанном на австрийских источниках, высказывается предположение о более поздней дате его вербовки, что подтверждается данными его банковского счета; см.: *Schindler J.* Redl — Spy of the Century? // International Journal of Intelligence and Counterintelligence. 2005. Vol. 18. № 3. P. 483—507. Я хотел бы поблагодарить профессора Шиндлера за предоставленную мне возможность ознакомиться с его статьей в рукописи и за разрешение сослаться на нее. Об Ауффенберге см. показание генерала Иванова, 21 декабря 1916 г.: РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 52. Л. 301.

[123] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 52. Л. 301. См. также: *Гучков, Базили.* Гучков рассказывает. С. 95.

[124] Там же. Д. 112. Л. 446 (Письмо Мясоедова Гучкову, 30 апреля 1912 г.).

[125] Там же. Д. 66. Л. 25 (Письмо Мясоедова Сухомлинову, 16 июня 1912 г.).

Глава 4

[1] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 66. Л. 19 (Мясоедов — Коковцову, 5 июня 1912 г.).

[2] Там же. Д. 134. Л. 56 (Белецкий — министру внутренних дел, 23 ноября 1912 г.).

[3] Там же. Д. 112. Л. 506 (Мясоедов — Маклакову, ноябрь 1912 г.); Там же. Д. 66. Л. 31—33 (Мясоедов — Маклакову, февраль 1913 г.).

[4] Там же. Д. 101. Л. 20 (Клара Мясоедова — Николаю II).

[5] Там же. Д. 66. Л. 23—26. Цит. на л. 26 (Мясоедов — Сухомлинову, 16 июня 1912 г.).

[6] Там же. Д. 51. Л. 95 (Мясоедов — Кларе, 18 июня 1912 г.).

[7] Там же. Д. 135. Л. 26, 28 (Письма Сергея Кларе, 16 июня и 20 июля 1912 г.).

[8] Там же. Д. 164. Л. 195—200, 202 (Отчет комиссии Петрова, 1916 год); Д. 171. Л. 1 (Меморандум Генерального штаба, май 1912 г.).

[9] Там же. Д. 112. Л. 453 (Мясоедов — А.Н. Константинову).

[10] Там же. Д. 134. Л. 92 (Показания Сухомлинова, 3 августа 1916 г.).

[11] Там же. Д. 164. Л. 222—224 (Отчет комиссии Петрова, 1916 год). Барон Эдуард Рудольфович Унгерн-Штернберг, офицер в отставке, пописывавший в газетах, проживал в Петербурге в стесненных обстоятельствах. В 1910 году граф Спаннокки обратился к нему с предложением использовать его думские связи для получения отчетов об уничтожении западных крепостей, что входило в тогдашнюю программу Военного министерства. Альфред Редль сообщил об этом русским, Унгерн-Штернберг был арестован и после разбирательства осужден за шпионаж. Любопытно, что одним из главных свидетелей со стороны обвинения был тот самый П.М. Михайлов, назначенный Гучковым на должность секретаря думской комиссии по обороне. См.: *Markus G.* Der Fall Redl. Vienna, 1984. S. 137—139.

[12] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 47. Л. 252—253 (Показания Ерандакова, 5 мая 1916 г.).

[13] Там же. Д. 43. Л. 143 (Министр юстиции — комиссии Петрова, 11 августа 1915 г.).

[14] Там же. Д. 47. Л. 253.

[15] PRO. Foreign Office (далее FO) 371. Vol. 1469. Об этом споре, а также об увольнении Поливанова см. стр. 301 отчета подполковника Нокса, британского военного атташе.

[16] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 136. Л. 55; Новое время. 1912. 8 мая.

[17] Там же. Д. 88. Л. 41 (Анонимная записка из консистории, Синод — Бутовичу).

[18] Там же. Д. 164. Л. 132 (Отчет комиссии Петрова, 1916 г.).

[19] См. отчет Нокса, 27 мая 1912 г.: PRO. FO 371/1469. № 301; *Шульгин В.* Годы. Дни. 1920. М., 1991. С. 259—262.

[20] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 164. Л. 88 (Отчет комиссии Петрова, 1916 год).

[21] Там же. Д. 134. Л. 34 (Показания Н. Гошкевича, 25 июля 1915 г.).

[22] См., например, письмо Сухомлинова Екатерине от 13 октября 1910 г.: Там же. Д. 60. Л. 10.

[23] См., например: Там же. Д. 164. Л. 88—86 (Отчет комиссии Петрова, 1916 год); Д. 135. Л. 54 (Показания Анны Гошкевич, 18 октября 1916 г.).

[24] См., например: *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. М., 1957. С. 66.

[25] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 133. Л. 1 (Справка о Сухомлинове, 1916 г.).

[26] Там же. Д. 164. Л. 6; Д. 43. Л. 125 (Материал о военной неподготовленности, 11 августа 1915 г.).

[27] Там же. Д. 134. Л. 34 (Показания Н. Гошкевича, 25 июля 1915 г.).

[28] См., например: *Noel-Baker P.* The Private Manufacture of Armaments. London, 1936. Vol. 1. P. 72, 142, 152—153.

[29] *Lewinsohn R.* The Mystery Man of Europe: Sir Basil Zaharoff. Philadelphia, 1929. P. 95—98, 114—119; *Allfrey A.* Man of Arms: The Life and Legend of Sir Basil Zaharoff. London, 1989. P. 57—58, 74—76, 82—83.

[30] PRO. FO. 371/1469. № 77. Согласно Corrupt Practices Act 1906 года, обращение любой британской компании для получения иностранных заказов к подкупу считалось преступлением; это был один из парламентских законодательных актов, которые «Викерс» систематически игнорировал.

[31] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 48. Л. 120.

[32] Там же. Л. 119.

[33] Там же. Д. 133. Л. 2 (Материалы комиссии Петрова, 1916 г.); Д. 164. Л. 6 (Отчет комиссии Петрова, 1916 год).

[34] Там же. Д. 164. Л. 14 (Отчет комиссии Петрова, 1916 год).

[35] Там же. Д. 164. Л. 40; Д. 48. Л. 122—123.

[36] Там же. Д. 48. Л. 124 (Показания Н. Гошкевича, 23—26 июля 1916 г.).

[37] Там же. Д. 134. Л. 63; Д. 136. Л. 38 (Показания В.-Н. З. Финна, б.д.); Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1063. Л. 66 (Доклад Ставки).

[38] Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 146. Л. 20; Д. 164. Л. 124; Д. 134. Л. 30 (Показания Н. Гошкевича, 25 июля 1915 г.).

[39] Там же. Д. 146. Л. 19, 27; Д. 134. Л. 28—29, 40, 44, 48, 64 (Показания Н. Гошкевича, 1916 г.).

[40] Там же. Д. 134. Л. 114—116 (Показания М.И. Веллера, 9 августа 1916 г.).

[41] Там же. Л. 78 (Показания В.Г. Иванова, 31 июля 1916 г.).

[42] Там же. Л. 26—27 (Показания Н. Гошкевича, 24 июля 1916 г.); Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1063. Л. 67 (Записка о наблюдении, б.д.).

[43] Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 134. Л. 1—3 (Показания В.М. Воблого, 19 июля 1916 г.); Д. 164. Л. 241—242 (Отчет комиссии Петрова, 1916 год); Д. 48. Л. 144—145; *Думбадзе В.Д.* Генерал-адъютант Владимир Александрович Сухомлинов. Пг., 1914.

[44] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 52. Л. 71 (Показания Екатерины Сухомлиновой, декабрь 1916 г.).

[45] Там же. Д. 145. Л. 18 (Показания Андроникова, 23 августа 1917 г.).

[46] Там же. Д. 136. Л. 52 (Показания Екатерины Сухомлиновой, 21 ноября 1916 г.).

[47] *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. М.; Л., 1926. С. 256—257.

[48] Падение царского режима. Т. 1. Л., 1924. С. 373—374.

[49] Там же. Т. 2. С. 56.

[50] РГВИА. Ф. 280. Оп. 1. Д. 8. Л. 918 (Мемуар А.Ф. Редигера).

[51] Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 136. Л. 53. Среди многочисленных неточностей и ошибок, содержащихся в книге Э. Радзинского о Распутине, имеется ложное утверждение, будто «Червинская возненавидела его [Сухомлинова], после того как 62-летний Сухомлинов бросил ее сестру и женился на молоденькой». Мы знаем, что Червинская приходилась родственницей Бутовичу, а не Елизавете Николаевне Корейш; кроме того, Екатерина Николаевна не была «брошена» Сухомлиновым, поскольку брак их продолжался до самой ее смерти. См.: *Радзинский Э.* Распутин: жизнь и смерть. М., 2000. С. 318.

[52] *Сухомлинов.* Воспоминания. С. 258.

[53] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 167. Л. 20.

[54] Там же. Д. 112. Л. 458—501.

[55] Там же. Л. 467—468 (Мясоедов — минскому губернатору, 4 мая 1914 г.).

[56] *Holm-Petersen F., Rosendahl A.* Fra Sejl til Diesel. Dank Skibsfart, Søhandel og Skibsbygning. Vol. 3 (n.p., n.d.). P. 442, 467. Русские источники ошибочно датируют эту сделку 1913 годом. См.: РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 168. Л. 63 (Петроградское охранное отделение — Департаменту полиции, 21 февраля 1915 г.).

[57] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 113. Л. 27 (Фрейдберг — Мясоедову, 14 июля 1914 г.).

[58] Там же. Ф. 801. Оп. 28. Д. 167. Л. 23—24 (Доклад Матвеева, 30 апреля 1915 г.).

[59] Там же. Д. 172. Л. 23—24 (Глава контрразведки, Генеральный штаб — Матвееву, 24 июня 1915 г.).

[60] Там же. Л. 33, прим. Так, 1 января 1915 г. на банковском счете Мясоедова оставалось всего 120 рублей 87 копеек.

[61] Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1073. Л. 219—220 (Помощник прокурора, Варшава — Ставке, 5 февраля 1916 г.).

[62] См., например, письмо Мясоедова Столбиной: Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 112. Л. 225, 266.

[63] Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1073. Л. 222 (Помощник прокурора, Варшава — Ставке, 5 февраля 1916 г.).

[64] Там же. Ф. 801. Оп. 28. Д. 167. Л. 29 (Разыскания Матвеева, 30 апреля 1915 г.).

[65] Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 112. Л. 19—20 (Николай Мясоедов — Сергею Мясоедову, 30 ноября 1912 г.).

[66] Там же. Ф. 801. Оп. 28. Д. 166. Л. 99—100 (Клара — Ригерту, 23 октября 1914 г.).

[67] Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 160. Л. 107—108 (Допрос Клары Мясоедовой).

[68] Там же. Ф. 801. Оп. 28. Д. 167. Л. 29 (Расследование Матвеева, 30 апреля 1915 г.).

Глава 5

[1] См.: *Писарев Ю.А.* Тайны Первой мировой войны: Россия и Сербия в 1914—1915 гг. М., 1990. С. 40.

[2] Из всего сказанного можно уже заметить, что я категорически не согласен с точкой зрения на причины войны, представленной Н. Фергюсоном в его книге «Скорбь войны» (*Ferguson Niall.* The Pity of War: Explaining World War I. New York, 1999). Фергюсон — очень одаренный историк, автор незаурядной книги. Однако в своем стремлении полностью опровергнуть традиционное представление о войне он предложил некоторые версии событий, которые мне представляются, прямо сказать, дикими. Возьмем, например, аргумент, выдвинутый им против тезиса Фишера о том, что в конечном счете именно Германия была виновна в войне и стремилась к гегемонии в Европе, а может быть, и в мире. Фергюсон утверждает, что только после начала войны в Германии созрели планы решительных аннексий («сентябрьская программа» Бетмана). Например, планы по захвату и удержанию французских и бельгийских территорий были разработаны только через два месяца после начала войны, из чего следует, что начиная войну Германия не преследовала этих целей. Более того, если бы Британия сохранила нейтралитет (что, по мнению Фергюсона, ей непременно следовало сделать), немцы никогда бы не дошли до столь крайних территориальных амбиций (Ibid. P. 169—173).

Эта аргументация игнорирует то неудобное обстоятельство, что, независимо от масштабов немецких планов аннексий, Германия начала войну с целью навсегда склонить европейский баланс сил в свою сторону, стремясь добиться доминирования на Европейском континенте. Возможно, Британская империя могла бы смириться с таким раскладом сил, однако я в этом глубоко сомневаюсь. Германия, обладающая гораздо большими, чем до 1914 года, экономическими, военными и морскими ресурсами, представляла бы постоянную угрозу безопасности Британских островов. Далее: решение Германии использовать в начале войны план Шлиффена неизбежно предполагало нарушение нейтралитета Бельгии. Однако Фергюсон не может объяснить, на каком основании кто бы то ни было в Британии мог верить в обещания Берлина, что немецкие войска покинут Бельгию сразу же после победы в войне.

И, наконец, даже если бы Британия считала намерения немцев на континенте неопасными, ни у России, ни у Франции не было причин придерживать-

ся такой точки зрения. Россия не имела к Германии территориальных претензий, и немецкой секретной службе об этом было известно. Франция со своей стороны, конечно, была заинтересована в переделе территорий, поскольку Париж желал возвращения Эльзаса и Лотарингии. Однако Франция не могла действовать против Германии без поддержки России, а Россия никогда бы не взялась за оружие лишь для того, чтобы поддержать французскую мечту о реванше. Из этого следует, что в 1914 году Россия сражалась за сохранение status quo, а Германия — за его изменение.

[3] Впрочем, в семнадцати из пятидесяти губерний Европейской России были отмечены значительные стихийные выступления с протестами против военного призыва. См. об этом: *Sanborn J.* The Mobilization of 1914 and the Question of the Russian Nation: A Reexamination // Slavic Review. 2000. Vol. 59. № 2. P. 267—289. К сожалению, в этой острой и спорной статье не приводится достаточно доказательств в поддержку утверждения автора, что война «была непопулярна с самого своего начала» (P. 289).

[4] *Pares B.* The Fall of the Russian Monarchy. New York, 1961. P. 187.

[5] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 68. Л. 13 (Суворин — Мясоедову, 26 июля 1914 г.).

[6] Там же. Д. 66. Л. 34, 35 (Мясоедов — Сухомлинову, 29 июля 1914 г.; Сухомлинов — Мясоедову, 29 июля 1914 г.).

[7] Там же. Ф. 801. Оп. 28. Д. 166. Л. 153 (Мясоедов — П.Г. Курлову, 13 августа 1914 г.).

[8] Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 55. Л. 61 (Допрос В.В. Крыжановского, 3 февраля 1917 г.).

[9] *Occleshaw M.* Armour Against Fate: British Military Intelligence in the First World War. London, 1989. P. 217.

[10] *Ронге М.* Разведка и контрразведка. 2-е изд. М., 1939. С. 239.

[11] *Snowden N.* Memoirs of a Spy: Adventures Along the Eastern Front. London, 1933. P. 4, 11, 37, 45, 130.

[12] *Showalter D.E.* Tannenberg: Clash of Empires. Hamden, Conn., 1991. P. 101.

[13] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 166. Л. 159 (Мясоедов — начальнику разведки, штаб 10-й армии, январь 1915 г.).

[14] Там же. Л. 157.

[15] Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1063. Л. 117—119.

[16] Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 113. Л. 380 (Командир Иоганнесбургского отряда — начальнику штаба, X армия, 20 января 1915 г.).

[17] *Höhne H.* Der Krieg im Dunkeln. Macht und Einfluss der deutschen und russischen Geheimdienstes. Munich, 1985. S. 177.

[18] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 166. Л. 11—12. Цит. на л. 12 (Клара — Сергею, 18 декабря 1914 г.).

[19] Там же. Д. 164. Л. 261 (Мясоедов — Русско-азиатскому банку, 16 февраля 1915 г.); Д. 165. Л. 123 (Показания Н.П. Магеровской, 16 апреля 1915 г.).

[20] Там же. Д. 169. Л. 137 (Гостиничные квитанции).

[21] Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1073. Л. 203 (Министр юстиции — М.В. Алексееву, 13 ноября 1913 г.); Ф. 801. Оп. 28. Д. 163. Л. 53, 55 (Отчет о наблюдении, 12 февраля 1915 г.). Именно последняя любовная связь Столбиной породила

устойчивый, но ложный слух о том, что Мясоедова казнили по обвинению в шпионаже потому, что некое «высокопоставленное лицо» захотело уничтожить соперника в сердечных делах. Этот сюжет мы рассмотрим в следующей главе.

[22] Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1073. Л. 222 (Помощник варшавского прокурора — Ставке, 5 февраля 1916 г.).

[23] Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 112. Л. 148.

[24] Там же. Ф. 801. Оп. 28. Д. 167. Л. 47 (Фрейдберг — Мясоедову, 24 декабря 1914 г.); Ф. 962. Оп. 2. Д. 160. Л. 94—95 (Допрос Мясоедова, 15 марта 1915 г.).

[25] Там же. Ф. 801. Оп. 28. Д. 167. Л. 33 (Разыскания Матвеева, 30 апреля 1915 г.).

[26] В своей блестящей статье Брюс Меннинг дал исчерпывающее описание обстоятельств, приведших к принятию этого плана в мае 1912 года. См.: *Меннинг Б.* Фрагменты одной загадки. Ю.Н. Данилов и М.В. Алексеев в русском военном планировании в период, предшествующий Первой мировой войне // Последняя война императорской России / Сост. О.Р. Айрапетов. М., 2002. С. 65—87.

[27] О причинах поражения Самсонова см.: Восточно-прусская операция. Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте. М., 1939. С. 559—560. Русскую армию достаточно критиковали за привычку передавать сообщения по радио *en clair*. Часто, однако, игнорируется тот факт, что и германская 8-я армия во время Танненбергской кампании делала то же самое; см.: *Showalter*. Tannenberg. P. 169. Одной из причин, объясняющих эту практику русских, была исключительная сложность полевых шифров. Кодирование и расшифровка сообщений были, видимо, столь трудоемки и отнимали так много времени, что армии, полки и штабы дивизий принуждены были в выборе между быстротой и безопасностью связи склоняться в пользу первой. См.: *Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX века. М., 1986. С. 148.

[28] *Knox A.* With the Russian Army 1914—1917: Being Chiefly Extracts from the Diary of a Military Attaché. Vol. 1. London, 1921. P. 91—92; *Wilton R.* Russia's Agony. London, 1918. P. 221.

[29] *Showalter*. Tannenberg. P. 327; *Herwig H.H.* The First World War: Germany and Austria-Hungary 1914—1918. London, 1997. P. 94.

[30] *Белой А.* Галицийская битва. М., 1929. С. 321.

[31] *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 20.

[32] См.: *Петров П.П.* Роковые годы 1914—1920. California [sic], 1965. С. 23—24. В начале сентября Ставка попыталась организовать сбор оружия на поле боя; два месяца спустя генерал Рузский, командующий Северо-Западным фронтом, объявил о программе выплаты вознаграждений гражданским лицам за сдачу российских или вражеских винтовок. См.: *Лемке М.* 250 дней в царской Ставке. Пг., 1920. С. 97.

[33] *Ростунов И.И.* Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976. С. 186—187; *Хольмсен И.А.* Мировая война: Наши операции на Восточно-прусском фронте зимою 1915 г. Париж, 1935. С. 17; Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 17, 32.

[34] *Хольмсен.* Мировая война. С. 277—280; *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 30—32; *Lincoln W.B.* Passage through Armageddon: The Russians in War and Revolution, 1914—1918. New York, 1986. P. 118—120; *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне. М., 2007. С. 69.

[35] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 163. Л. 13 (Заявление Колаковского, 25 декабря 1914 г.).

[36] Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 160. Л. 47 (Показания Колаковского, 26 декабря 1914 г.). О Скопнике как офицере немецкой разведки см. также: *Орлов В.Г.* Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М., 1998. С. 28—30.

[37] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 163. Л. 16 (Показания Колаковского, 23 декабря 1914 г.).

[38] Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 160. Л. 7—15, 20—21, 30—35, 42—49 (Показания Колаковского, 26 декабря 1914 г.).

[39] Там же. Ф. 801. Оп. 28. Д. 164. Л. 35 (Военный атташе, Швеция, Генеральному штабу, 12 декабря 1914 г.). Я также внимательно изучил документы, хранящиеся в конверте, подшитом в папке дела 164 после л. 36. Прусский паспорт № 741, датированный 12 декабря 1914 года, выдан на имя данцигского торговца Антона Кулаковского.

[40] Там же. Л. 161 (Справка штаба Северо-Западного фронта, 8 марта 1915 г.).

[41] Там же. Д. 163. Л. 56—57 (Меморандум контрразведки, февраль 1915 г.).

[42] *Bauermeister A.* Spies Break Through: Memoirs of a German Secret Service Agent / Trans. Hector A. Bywater. New York, 1934. P. 7.

[43] *Höhne.* Der Krieg im Dunkeln. S. 170.

[44] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 169. Л. 102 (Отчет Матвеева о Рудницком, 28 января 1915 г.).

[45] *Herwig H.H.* The First World War: Germany and Austro-Hungary 1914—1918. London, 1997. P. 111.

[46] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1073. Л. 50 (Начальник штаба, Северо-Западный фронт — Янушкевичу, 9 марта 1915 г.).

[47] Там же. Ф. 801. Оп. 28. Д. 163. Л. 52—55 (Отчет о наблюдении за Мясоедовым и его знакомыми, 12 февраля 1915 г.).

[48] *Фрейнат О.Г.* Правда о деле Мясоедова и др. По официальным документам и личным воспоминаниям. Вильна, 1918. С. 50.

[49] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 166. Л. 17 (Карандашная записка Мясоедова).

[50] Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 160. Л. 36 (Прокурор Варшавы — Матвееву, 16 марта 1915 г.).

[51] *Фрейнат.* Правда о деле Мясоедова. С. 58.

[52] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 164. Л. 47 (Николай Мясоедов — генералу Рузскому, 6 марта 1915 г.).

[53] Там же. Л. 19 (Бонч-Бруевич — Матвееву, 11 марта 1915 г.).

[54] Материалы допроса Мясоедова см.: Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 160. Л. 91—101. Цит. на л. 100. Мясоедов действительно отправил доску Столбиной на сохранение, сопроводив посылку письмом, в котором объяснил, что впоследствии этот предмет должен быть передан в музей: Там же. Ф. 801. Оп. 28. Д. 169. Л. 138 (Мясоедов — Столбиной, 21 января 1915 г.).

[55] *В-аго В. [Бунинский В.]* Суд над Мясоедовым // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 145.

[56] Война. От Штаба Верховного Главнокомандующего // Новое время. 1915. 21 марта (3 апреля). С. 1.

[57] *Родзянко М.В.* Крушение империи. Харьков, 1990. С. 105.

[58] ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1005. Л. 1—2 (Письмо от 10 апреля 1915 г.).

[59] *Abraham R.* Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution. New York, 1987. P. 86.

[60] См.: *Shapiro L.* The Communist Party of the Soviet Union. New York, 1960. P. 142.

[61] ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 923. Л. 11 (Керенский — Родзянко, 25 февраля 1915 г.).

[62] Там же. Л. 3.

[63] См.: *A Russian.* Russian Court Memoirs. 1914—1916. London, 1917. P. 144; *Pares B.* The Fall of the Russian Monarchy. New York, 1961. P. 213.

[64] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1042. Л. 135.

[65] *Marye G.T.* Nearing the End in Imperial Russia. Philadelphia, 1929. P. 116—117.

[66] *A Russian.* Russian Court Memories. P. 144; *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники. Париж, 1964. Т. 1. С. 192.

[67] *Каррик В.В.* Война и революция // Голос минувшего. 1918. № 1—3. С. 13.

[68] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 168. Л. 61 (Список арестованных лиц, 19 февраля 1915 г.).

[69] Там же. Л. 9 (Приказ петроградского градоначальника, 24 февраля 1915 г.).

[70] *Грузенберг О.О.* Вчера: Воспоминания. Париж, 1938. С. 60—61.

[71] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1073. Л. 87 (Список арестованных лиц, 24 апреля 1915 г.).

[72] Там же. Л. 264, 291 (Письмо помощника прокурора Варшавы в Ставку, апрель 1915 г.).

[73] *Фрейнат.* Правда о деле Мясоедова. С. 49.

[74] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 172. Л. 88 (Меморандум контрразведки, 19 июня 1915 г.).

[75] Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1073. Л. 219 (Помощник прокурора Варшавы — Ставке, 5 февраля 1916 г.).

[76] Там же. Ф. 801. Оп. 28. Д. 164. Л. 306 (Начальник контрразведки Генерального штаба — штабу Северо-Западного фронта, 16 марта 1915 г.).

[77] Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 160. Л. 50—51 (Донесение И.П. Васильева).

[78] Там же. Ф. 801. Оп. 28. Д. 168. Л. 35, 63 (Помощник начальника жандармского управления, Курляндия — помощнику начальника жандармского управления, Ковно, 20 февраля 1915 г.).

[79] PRO. FO. Russian Correspondence 371. Vol. 2444. № 3396. P. 232.

[80] Там же. P. 236.

[81] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1073. Л. 154—156 (Приговоры полевого суда, 17 июня 1915 г.).

[82] Там же. Л. 149 (Телеграмма Николаю Николаевичу).

[83] Там же. Л. 146 (Телеграмма от 20 июня 1915 г.).

[84] Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 112. Л. 170 (Письмо от 18 июня 1915 г.).

[85] Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1073. Л. 140 (Трубин — Гулевичу, 25 июня 1925 г.).

[86] *Фрейнат.* Правда о деле Мясоедова. С. 100.

[87] Там же. С. 113—115. Цит. на с. 113.

Глава 6

[1] National Archives. Microfilm T-77. P. 149, 156 (*Gempp A.L.F.* Geheimer Nachrichtendienst und Spionabwehr der Heeres (неопубликованная рукопись, Берлин, 1927 г.)). Гемпп, служивший в немецкой военной разведке, вероятно, составил эту летопись — где дословно цитируются многие ведомственные документы — в качестве пособия для новой германской армии в создании собственного разведывательного аппарата. Об организационной структуре немецкой военной разведки см. также: *Buchheit G.* Der deutsche Geheimdienst. Geschichte der militärischen Abwehr. Munich, 1967. S. 17—24.

[2] Лицо это — полковника регулярной армии — никоим образом нельзя идентифицировать с Мясоедовым. Мясоедов вторично вышел в отставку в 1912 году и между этим моментом и ноябрем 1914 года не имел доступа к военной информации.

[3] *Gempp.* Geheimer Nachrichtendienst. S. 165, 174. Об этом полковнике см.: *Gross F.* I Knew Those Spies. London, 1940. P. 211.

[4] *Gross.* I Knew Those Spies. P. 10.

[5] *Gempp.* Geheimer Nachrichtendienst. S. 165—166, 173, 174, 175. Цит. на с. 175.

[6] *Kuhl K.* Der Deutsche Generalstab in Vorbereitung und Durchführung des Weltkrieges. Berlin, 1920. S. 82.

[7] *Bauermeister A.* Spies Break Through: Memoirs of a German Secret Service Officer / Trans. Hector C. Bywater. New York, 1934. P. 89.

[8] *Nicolai W.* The German Secret Service / Trans. George Renwick. London, 1924. P. 123—124.

[9] О ситуации в Одессе см.: *Заварзин П.П.* Работа тайной полиции. Воспоминания. Париж, 1924. С. 164—168. О личности офицера из нейтральной страны см.: *Snowden N. (Soltész M.).* Memoirs of a Spy: Adventures Along the Eastern Front. London, 1933. P. 130.

[10] *Höhne H.* Der Krieg im Dunkeln. Macht und Einfluss des deutschen und russischen Geheimdienstes. Munich, 1985. S. 168—169.

[11] *Gross.* I Knew Those Spies. P. 18.

[12] *Nicolai.* German Secret Service. P. 123.

[13] *Ронге М.* Разведка и контрразведка. 2-е изд. М., 1939. С. 239.

[14] *Höhne.* Der Krieg im Dunkeln. S. 174—176.

[15] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 165. Л. 194 (Показания Райнерт, 26 мая 1915 г.).

[16] Там же. Д. 171. Л. 23 (Допрос Кедыс, 21 апреля 1915 г.).

[17] Обо всем вышесказанном см. отчет о показаниях, 30 мая 1915 г.: Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1073. Л. 99—108.

[18] Там же. Ф. 801. Оп. 28. Д. 170. Л. 82 (Министерство юстиции — Варшавскому окружному суду, 5 мая 1915 г.).

[19] Свидетельство о ее смерти см.: Там же. Л. 152.

[20] Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1063. Л. 17 (Рапорт Орлова).

[21] Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 117. Л. 1, 230 (Бумаги, найденные у Бенсона); Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1063. Л. 10—16 (Рапорт Орлова).

[22] Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1063. Л. 15 (Рапорт Орлова).

[23] Там же. Л. 13.

[24] Там же. Л. 13-14; Ф. 962. Оп. 2. Д. 49. Л. 186—189.

[25] *A Russian.* Russian Court Memoirs. 1914—1916. London, 1917. P. 293—294. О действиях, предпринимавшихся графиней Ностиц, дабы затушевать первоначально создавшееся о ней в российском обществе отрицательное впечатление, см.: *Богданович А.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 468.

[26] См., например: *Игнатьев А.А.* 50 лет в строю. М., 1952. Т. 1. С. 498—499.

[27] Дневник великого князя Андрея Владимировича. 1915 год / Сост. В.П. Семеникова. Л.; М., 1925. С. 69.

[28] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 134. Л. 154—156 (Показания Янушкевича, 13 сентября 1916 г.).

[29] *Marye G.T.* Nearing the End in Imperial Russia. Philadelphia, 1929. P. 396.

[30] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1063. Л. 370 (Письмо Ностица, 16 июля 1915 г.).

[31] Там же. Л. 368 (Письмо Янушкевича, 18 августа 1915 г.).

[32] Императрица Александра Федоровна была возмущена тем, что великий князь Николай Николаевич, верховный главнокомандующий, осмелился отстранить Ностица от служебных обязанностей, не спросив предварительно разрешения у императора. Будучи, вероятно, уверена, что чета Ностиц пала жертвой низких и темных интриг, она советовала супругу в письме от 11 мая 1915 года довести расследование до конца и «восстановить справедливость» (Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1915 гг. М.; Пг., 1923. С. 194).

[33] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 164. Л. 284 (Анонимный донос, март 1915 г.).

[34] Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 797. Л. 1, 5—6, 10 (Корреспонденция и рапорт о взрыве).

[35] *Nicolai.* German Secret Service. P. 28.

[36] Об этих тенденциях см.: *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. Л., 1977. С. 131—146; *Милюков П.* Воспоминания. М., 1991. С. 410—417.

[37] *Каррик В.В.* Война и революция // Голос минувшего. 1918. № 1—3. С. 11.

[38] *[Cantacuzene-Speransky]. Princess Cantacuzene, Countess Speransky, née Grant.* Revolutionary Days. Boston, 1919. P. 51.

[39] Адмирал Бубнов, также служивший в Ставке, разделял сомнения Янушкевича в лояльности двора. См.: *Бубнов А.* В царской Ставке. Нью-Йорк, 1955. С. 13.

[40] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 104. Л. 22 (Телеграмма Бонч-Бруевича, 15 марта 1915 г.).

[41] Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1073. Л. 346—347, 352, 365.

[42] Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем // Красный архив. 1923. № 3. С. 44.

[43] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1073. Л. 81 (Янушкевич Гулевичу, 4 апреля 1925 г.).

[44] Там же. Л. 157—158 (Замечание по поводу обвиняемых).

[45] *Самойло А.С.* Две жизни. Л., 1963. С. 167.

[46] *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. М., 1957. С. 56—104, passim.

[47] *Тарсаидзе Александр.* Четыре мифа. Нью-Йорк, 1969. С. 98.

[48] *Курлов П.Г.* Гибель императорской России. М., 1992. С. 181—182. Цит. на с. 182.

[49] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1063. Л. 375 (Бонч-Бруевич — Ставке, 5 июля 1915 г.).

[50] Там же. Л. 393. См. также: *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire: The Campaign Against Enemy Aliens During World War I. Cambridge, 2003. P. 79—82; *Греков Н.В.* Русская контрразведка в 1905—1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М., 2000. С. 252—260.

[51] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1063. Л. 469 (Заметка о решении Совета министров от 18 сентября 1915 г.).

[52] Взлеты и падения карьеры Батюшина в годы войны также небезынтересны. В апреле 1915 года, по не совсем ясным причинам, он был уволен из контрразведки и назначен командовать кавалерийским отрядом. Однако в августе 1915 года Батюшин получил генеральский чин и перевод в штаб только что созданного Северного фронта в должности главы разведки и контрразведки, где в мае 1916 г. он возглавил особую комиссию по расследованию экономических преступлений. Комиссия Батюшина выбрала своей мишенью ряд известных людей из среды финансистов и сахарозаводчиков, в том числе банкира Дмитрия Рубинштейна, которому было предъявлено обвинение в спекуляции. В июле 1916 года Рубинштейна арестовали и заключили в псковскую тюрьму. Однако в декабре 1916 года по настоянию императрицы Рубинштейн был отпущен под домашний арест. (Рубинштейн был связан с Распутиным и служил Александре Федоровне посредником для переправки денег ее немецким родственникам — обстоятельство, которое императорская семья, по понятным причинам, желала сохранить в тайне.) После убийства Распутина Рубинштейн был снова арестован и накануне Февральской революции приговорен к административной высылке в Сибирь, однако вскоре освобожден Временным правительством. По свидетельству одной из жертв Батюшина, с мая по декабрь 1916 года тот использовал свою комиссию, чтобы сделаться «диктатором России». См.: *Цехановский М.Ю.* Генерал Батюшин и его комиссия // *Орлов В.* Двойной агент. М., 1998. С. 179—181 (приложение к книге Орлова); *Васильев И.И., Зданович А.А.* Генерал Н.С. Батюшин // Генерального штаба генерал-майор Батюшин. М., 2002. С. 218—134; *Marshall A.* Russian Military Intelligence 1905—1917: The Untold Story Behind Tsarist Russia in the First World War // War in History. 2004. Vol. 11. № 4. P. 415—418.

[53] *Busch T.* Secret Service Unmasked / Trans. Arthur V. Ireland. London, n.d. P. 91—92. Несмотря на все предпринятые усилия, из всех 250 000 обработанных писем цензорам удалось выявить лишь два настоящих шпионских донесения.

[54] *Armour I.D.* Colonel Redl: Fact and Fancy // Intelligence and National Security. 1987. Vol. 2. № 1. P. 179.

[55] О волнении в среде русской разведки после 1913 года см. замечание современного австрийского оперативника в: *Busch.* Secret Service Unmasked. P. 58.

[56] См.: *Павлов Д.В., Петров С.А.* Японские деньги и русская революция // Тайны Русско-японской войны. М., 1993. С. 68.

[57] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 165. 1915 г. Л. 24 (Телеграмма, 13 марта 1915 г.).

[58] Немецкий историк разведки Хайнц Хёне считает, что Колаковского вынудили назвать имя Мясоедова на допросах русские следователи. См.: *Höhne H.* Der Krieg im Dunkeln. S. 194. Однако этому не отыскивается подтверждения в исчерпывающем изложении допросов.

[59] *Nicolai.* German Secret Service. P. 26—27.

[60] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1063. Л. 237.

[61] *Wilson T.* The Myriad Faces of War: Britain and the Great War 1914—1918. Cambridge, 1986. P. 170—171, 402—403.

[62] *Gross.* I Knew Those Spies. P. 12.

[63] *Ferrell R.H.* Woodrow Wilson and World War I. New York, 1986. P. 205.

[64] *Showalter D.* Tannenberg: Clash of Empires. Hampton, Conn., 1991. P. 102.

[65] *Дубнов С.М.* Книга жизни. Воспоминания и размышления. СПб., 1998. С. 341.

[66] *Gross.* I Knew Those Spies. P. 9.

[67] Об отношении к евреям до войны см.: *Weeks T.R.* Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863—1914. DeKalb, Ill., 1996. P. 34—36, 61—62.

[68] *A Russian.* Russian Court Memoirs. P. 113.

[69] *Резанов А.С.* Немецкое шпионство. Петроград, 1915. С. 203.

[70] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1083. Л. 40 (С. 6—8).

[71] Там же. Оп. 1. Д. 494. Л. 23 (Рапорт, 14 августа 1914 г.).

[72] *Duker A.C.* The Jews in the World War. New York, 1929. P. 5.

[73] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 494. Л. 101 (Командующий I армией — командующему Северо-западным фронтом, 26 сентября 1914 г.).

[74] Там же. Л. 71 (Янушкевич — Иванову, 30 сентября 1914 г.).

[75] *Грузенберг О.О.* Вчера: Воспоминания. Париж, 1938. С. 89—95.

[76] Документы о преследовании евреев // Архив русской революции. Hague, 1970. Т. 19. С. 247—248.

[77] *Фрумкин Я.* Из истории русского еврейства (Воспоминания, материалы, документы) // Книга о русском еврействе: от 1860-х годов до революции 1917 г. М., 2002. С. 93.

[78] *Greenberg L.* The Jews in Russia: The Struggle for Emancipation. New Haven, 1951. Vol. 2. P. 98.

[79] *Duker.* Jews in the World War. P. 7.

[80] *Фрумкин Я.* Из истории русского еврейства. С. 94—96; *Greenberg.* Jews in Russia. Vol. 2. P. 99.

[81] Симанович, не всегда заслуживающий доверия секретарь Распутина, считал, что причной ненависти Янушкевича к евреям был некий случай, когда банкир-еврей отказал ему в ссуде для покупки имения (*Симанович А.* Распутин и евреи. М., 1991. С. 49).

[82] *Игнатьев П.А.* Моя миссия в Париже. М., 1999. С. 10.

[83] *Cherniavsky M.* Prologue to Revolution: Notes of A.N. Iakhontov on the Secret Meetings of the Council of Ministers, 1915. Englewood Cliffs, N.J., 1967. P. 57.

[84] АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 25:12. Л. 2.

[85] Там же. Д. 71:60. Л. 20—21.

[86] PRO. FO. Russian Correspondence. 371. Vol. 2445. № 121172. P. 305—306.

[87] *Cherniavsky.* Prologue to Revolution. P. 69.

[88] *Gatrell P.* A Whole Empire Walking: Refugees in Russia During World War I. Bloomington, Ind., 1999. P. 148—150.

[89] *Greenberg.* Jews in Russia. Vol. 2. P. 96, 101.

[90] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1066. Л. 34.

[91] *Мамонтов В.И.* На государевой службе. Воспоминания. Таллин, 1926. С. 27. Мамонтов, главноуправляющий е.и.в. канцелярии по принятию прошений, отметил, что одной из причин, часто останавливавших иностранцев от принятия российского гражданства до 1914 года, было требование записаться при этом в крестьяне или мещане.

[92] *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники. Париж, 1964. Т. 1. С. 187.

[93] Там же. С. 193.

[94] *Родзянко М.В.* Крушение империи. Харьков, 1990. С. 111.

[95] *Резанов А.С.* Немецкое шпионство. Петроград, 1915. С. 203—208.

[96] *Шаховской В.Н.* «Sic Transit Gloria Mundi» 1893—1917 гг. Париж, 1952. С. 172.

[97] Там же. С. 171—175; *Nolde B.E.* Russia in the Economic War. New Haven, 1928. P. 77—78.

[98] *Nolde.* Russia in the Economic War. P. 81—100 passim.

[99] Там же. P. 107—115.

[100] *Lohr.* Nationalizing the Russian Empire. P. 108.

[101] Эрик Лор дает блестящий и убедительный анализ всего этого эпизода, см.: *Lohr.* Nationalizing the Russian Empire. P. 31—54.

[102] *Мартынов А.П.* Моя служба в отдельном корпусе жандармов. Воспоминания / Сост. Р. Врага. Palo Alto, Cal., 1972. С. 267—271.

[103] *Nolde.* Russia in the Economic War. P. 82; *Мельгунов.* Воспоминания. С. 195.

[104] PRO. FO. 371. Vol. 2452. P. 345, 349 (Бьюкенен — Грею, 12 и 14 июня 1915 г.).

[105] *Мельгунов.* Воспоминания. С. 194—195.

[106] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 164. Л. 5—6.

Глава 7

[1] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 165 (1915 г.). Л. 55.

[2] *Данилов Ю.Н.* Россия в мировой войне. 1914—1915 гг. Берлин, 1924. С. 382.

[3] *Ростунов И.И.* Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976. С. 272—273.

[4] *Петров П.П.* Роковые годы. 1914—1920. Калифорния [так!], 1965. С. 31.

[5] Брусилов писал об Иванове: «Что же касается не только выигрыша войны, но даже остановки наступления врага — в это он не верил» (*Брусилов А.А.* Воспоминания. М., 1963. С. 194).

[6] *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М., 1991. С. 286.

[7] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1042. Л. 130 (Письмо А.Е. Орлова, 22 апреля 1915 г.).

[8] Россия разделила свои военные силы на группы армий, называвшиеся фронтами. Первоначально их было два, Северо-Западный и Юго-Западный. В 1915 году добавились Северный и Западный фронты, а в 1916-м — Румынский.

[9] *Лемке М.* 250 дней в царской Ставке. Пг., 1920. С. 97.

[10] Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем // Красный архив. 1923. № 3. С. 70; *Лемке.* 250 дней. С. 459.

[11] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1165. Л. 105 (Рапорт Ставки).

[12] Слова генерала М.А. Беляева цит. в: *Lincoln W.B.* Passage Through Armagedon: The Russians in War and Revolution 1914—1918. New York, 1986. P. 145.

[13] *Гиацинтов Э.* Записки белого офицера. СПб., 1992. С. 54.

[14] *Бубнов А.* В царской Ставке. Нью-Йорк, 1955. С. 100.

[15] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 120. Л. 71.

[16] *Палицын Ф.Ф.* В штабе Северно-Западного фронта (с конца апреля 1915 года по 30 августа того же года) // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Белград, 1922. Т. 3. С. 164.

[17] PRO. FO. 371.2450. P. 213.

[18] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 379 (1914 г.). Л. 53 (Ставка — военному атташе, Париж, 26 декабря 1914 г.).

[19] Доклад совета съездов о мерах к развитию производительных сил России. Пг., 1915. С. 172, 175—176.

[20] Журналы Особого совещания по обороне государства 1915 года / Сост. Л.Г. Бескровный и др. М., 1975. С. 164.

[21] *Лукомский А.С.* Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 1. С. 68. В мае 1917 года русское Верховное командование продолжало втуне взывать к своим французским союзникам, требуя поставок артиллерийских орудий. Деникин писал, что положение с тяжелой артиллерией в России столь плохо, что ей нужны любые орудия с калибром более 6 дюймов (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1767. Л. 73).

[22] *Smilg-Benario M.* Der Zusammenbruch der Zarenmonarchie. Zurich, 1928. S. 29.

[23] Немецкая секретная служба в самом деле обращалась к Григорьеву и обещала ему в обмен на сдачу Ковно вознаграждение в один миллион марок, а также политическое убежище в Германии. Григорьев, видимо, принял предложение, однако потом изменил свое решение. Денег он так и не получил. Он бежал из Ковно 15 августа 1915 года, вероятно опасаясь быть отрезанным не-

мецкими войсками. См.: *Höhne H.* Der Krieg im Dunkeln. Macht und Einfluss des deutschen und russischen Geheimdienstes. Munich, 1985. S. 187—188. См. также: *Каррик В.В.* Война и революция // Голос минувшего. 1918. № 1—3. С. 20, 24; *Лемке.* 250 дней. С. 252—255. В сентябре 1915 года Григорьев был обвинен в преступной халатности и приговорен к пятнадцати годам каторжного труда. Впрочем, следует отметить, что Ковно было крайне слабо укреплено и взятие его немцами было фактически неизбежно. Именно по этой причине еще до начала войны Николай Николаевич грубо пошутил, что Ковно следует переименовать в Говно (*Knox A.* With the Russian Army 1914—1917: Being Chiefly Extracts from the Diary of a Military Attachй. London, 1921. Vol. 1. P. 326).

[24] Солдатские письма в годы мировой войны (1915—1917 гг.) // Красный архив. 1934. № 4/5 (65/66). С. 128.

[25] *Каррик.* Война и революция. С. 37.

[26] Солдатские письма. С. 128.

[27] *Родзянко М.В.* Крушение империи. Харьков, 1990. С. 101.

[28] Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем. С. 45—46, 48.

[29] *Шаховской В.Н.* «Sic transit Gloria mundi» 1893—1917 гг. Париж, 1952. С. 92.

[30] Дневник великого князя Андрея Владимировича. 1915 год / Сост. В.П. Семенникова. Л.; М., 1925. С. 31—32.

[31] *Апушкин В.А.* Генерал от поражений В.А. Сухомлинов. Л., 1925. С. 104.

[32] *Кривошеин К.А.* А.В. Кривошеин (1857—1921 г.). Его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973. С. 231—232; *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. М.; Л., 1926. С. 260.

[33] Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Пг., 1923. Т. 3. С. 207.

[34] *Miliukov Paul.* Political Memoirs, 1905—1917 / Ed. by Arthur P. Mendel. Transl. by Carl Goldberg. Ann Arbor, 1967. P. 328.

[35] *Шульгин В.В.* Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 283.

[36] *Родзянко.* Крушение империи. С. 147—148.

[37] *Chemiavsky M.* Prologue to Revolution: Notes of A.N. Iakhontov on the Secret Meetings of the Council of Ministers, 1915. Prentice Hall, New Jersey, 1967. P. 30.

[38] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1081. Л. 1.

[39] *Наумов А.А.* Из уцелевших воспоминаний. 1868—1917. Нью-Йорк, 1955. С. 310.

[40] Там же. С. 335.

[41] Там же. С. 315.

[42] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 48. Л. 136.

[43] Там же. Л. 143—146.

[44] *Симанович А.* Распутин и евреи. М., 1991. С. 76.

[45] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 167. Л. 104 (Командующий Юго-Западным фронтом — Ставке, февраль 1916 г.).

[46] Там же.

[47] Там же. Л. 157.

[48] *Симанович.* Распутин. С. 76—77.

[49] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 167. Л. 163 (Командующий Юго-Западным фронтом — В.В. Фредериксу, 8 марта 1916 г.).

[50] *Алексеева-Борель В.* Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000. С. 411.

[51] *Pares Bernard.* The Fall of the Russian Monarchy: A Study of the Evidence. New York, 1961. P. 272—273; *Pipes R.* The Russian Revolution. New York, 1990. P. 226—227.

[52] См. изящный парафраз этого тезиса в: *Pipes R.* The Russian Revolution. P. 228. По мнению генерала Брусилова, принятие императором военного командования привело к краху монархии (*Брусилов А.А.* Воспоминания. М., 1963. С. 179).

[53] *Knox.* With the Russian Army. Vol. 1. P. 348.

[54] *Lincoln.* Passage Through Armageddon. P. 242; *Jones D.* Imperial Russia's Forces at War // The First World War // Military Efficiencies. Vol. 1 / Ed. Allan R. Millet and Williamson Murray. Boston, 1988. P. 279—280.

[55] *Stone N.* The Eastern Front 1914—1917. New York, 1975. P. 205.

[56] *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 350.

[57] Там же. С. 369.

[58] *Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX в. М., 1986. С. 91, 105.

[59] *Falkenhayn E.* The German General Staff and Its Decisions 1914—1916. New York, 1920. P. 142.

[60] *Брусилов А.А.* Воспоминания. М., 1963. С. 126.

[61] *Jones.* Imperial Russia's Forces. P. 283.

[62] *Петров.* Роковые годы. С. 35. Петров говорит, что к концу деятельности Земгора в нем состояло 150 000 молодых людей.

[63] *Polner T., Obolensky V. and Turin S.P.* Russian Local Government During the War. New Haven, 1930. P. 195.

[64] *Gourko B.* War and Revolution in Russia. New York, 1919. P. 157.

[65] *Сидоров.* Экономическое положение. С. 193—201; *Siegelbaum L.* The Politics of Industrial Mobilization in Russia 1914—1917: A Study of the War-Industries Committees. New York, 1983. P. 104, 118, 156, 158, 192.

[66] *Siegelbaum.* The Politics. P. 95; Журналы особого совещания. С. 252.

[67] *Наумов.* Из уцелевших воспоминаний. С. 377.

[68] *Ipatieff V.N.* The Life of a Chemist: Memoirs of Vladimir N. Ipatieff / Ed. Xenia Joukoff Evdin, Helen Dwight Fisher and Harold H. Fisher; trans. Vladimir Haensel and Mrs. Ralph H. Lusher. Palo Alto, Calif., 1946. P. 192.

[69] На череду поражений 1915 года, начавшуюся в августе, Россия, в частности, отреагировала расформированием целых промышленных предприятий в таких угрожаемых городах, как Рига, Ревель и Минск, и переводом всего их оборудования и основной группы работников во внутренние области страны, например в Саратов и Самару. См.: *Румянцев Е.Д.* Рабочий класс Поволжья в годы Первой мировой войны и Февральской революции (1914—1917 гг.). Казань, 1989. С. 51.

[70] Журналы особого совещания. С. 328, 339—341, 391—394.

[71] *Шаховской.* Sic transit. С. 171—175.

[72] Мнение Редигера см. в его воспоминаниях: РГВИА. Ф. 280. Оп. 1. Д. 8. Л. 56; *Ipatieff.* The Life of a Chemist. P. 191—195, 212.

[73] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 43. Л. 4 (Отчет комиссии Петрова, 6 февраля 1916 г.).

[74] Там же. Л. 2—26, passim. Комиссия также обвинила незначительное число других бывших чиновников Военного министерства в невыполнении или ненадлежащем выполнении долга, среди них были Я.Г. Жилинский, глава Генерального штаба с 1911 по 1914 год, и Кузьмин-Караваев, возглавлявший Главное артиллерийское управление с начала 1909 до весны 1915 года.

[75] *Родзянко.* Крушение империи. С. 150.

[76] *Pares.* The Fall of the Russian Monarchy. P. 327.

[77] Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. С. 463.

[78] *Сухомлинов.* Воспоминания. С. 261—263.

[79] Русское чтение. 1916. 20 апр. С. 2—3.

[80] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 136. Л. 53 (Допрос Екатерины Сухомлиновой, 21 ноября 1916 г.).

[81] *Лемке.* 250 дней. С. 773.

[82] *Брусилов А.А.* Воспоминания. М., 1963. С. 224—239.; *Stone.* Eastern Front. P. 254; *Емец В.А.* Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны. М., 1977. С. 275—277.

[83] *Ростунов.* Русский фронт. С. 325.

[84] *Лукомский.* Воспоминания. Т. 2. С. 105.

[85] *Радзинский Э.* Распутин: жизнь и смерть. М., 2000. С. 169.

[86] За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева / Сост. В.П. Семенников. Л., 1925. С. 25.

[87] Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. С. 73—74, 203.

[88] Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов / Сост. П.Е. Щеголев. Л., 1924. Т. 2. С. 13, 56.

[89] *Мосолов А.А.* При дворе последнего российского императора. М., 1993. С. 228—229.

[90] *Платонов О.А.* Терновый венец России. Заговор цареубийц. М., 1996. С. 190.

[91] Падение царского режима. Т. 2. С. 13.

[92] Цит. по: *Тарсаидзе А.* Четыре мифа. New York, 1969. С. 246.

[93] См., например: *[Cantacuzene-Speransky]. Princess Cantacuzene, Countess Speransky, neé Grant.* Revolutionary Days. Boston, 1919. P. 87.

[94] *Pares.* Fall of the Russian Monarchy. P. 378—379, 394.

[95] В этом разговоре с Сухомлиновым Протопопов сообщил ему, что царь по-прежнему не верит в его измену, однако опечален финансовыми махинациями бывшего министра. См.: Падение царского режима. Л., 1925. Т. 4. С. 29.

[96] *Шульгин.* Годы. С. 314.

[97] *Милюков П.* Воспоминания. М., 1991. С. 445. См. также крайне отрицательную оценку этой речи у А.С. Резанова, посвятившего ей в эмиграции целую книгу (*Резанов А.С.* Штурмовой сигнал П.Н. Милюкова. Париж, 1924). Резанов, профессиональный военный юрист, утверждает, что с точки зрения сложного российского законодательства об измене, принятого 5 июля 1912 года,

произнесение Милюковым этой речи само по себе являлось актом измены. По закону 1912 года человек мог быть обвинен в измене в том случае, если он проявил преступное равнодушие к характеру своих действий, последствия которых могли нанести вред обороноспособности страны (с. 43).

[98] *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция. Нью-Йорк, 1960. Т. 2. С. 173.

[99] Об антигерманских настроениях императрицы см.: *Steinberg M.D., Khrustalev V.M.* The Fall of the Romanovs. New Haven, 1995. P. 27—28.

[100] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 52. Л. 2—3. Цит. на л. 3 (Выводы сенатора И.А. Кузьмина, 9 ноября 1916 г.).

[101] Там же. Л. 4—14. Цит. на л. 11—12.

[102] Там же. Д. 24. Л. 2 (Телеграмма Николая II министру юстиции, 10 ноября 1916 г.). О Мосолове см.: *Тарсаидзе.* Четыре мифа. С. 218.

[103] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 124. Л. 3 (Памятная записка, 14 ноября 1916 г.).

Глава 8

[1] РГВИА, Ф. 962. Оп. 2. Д. 48. Л. 128—132 (Обвинительный акт, ноябрь 1916 г.).

[2] Там же. Д. 135. Л. 53—54 (Показания Анны Гошкевич, 18 октября 1916 г.).

[3] Там же. Д. 49. Л. 20—21 (Рапорт, 7 мая 1916 г.).

[4] Там же. Д. 51. Л. 21—22 (Рапорт Машека, 7 июля 1916 г.).

[5] Там же. Л. 22, 47, 56 (Допрос Машека, 19 сентября 1916 г.).

[6] Там же. Л. 45, 62, 208.

[7] Там же. Д. 49. Л. 174—176 (Допрос Б.П. Полякова, 24 июня 1916 г.).

[8] Там же. Л. 177.

[9] Там же. Л. 89—94, 130—133, 136—137 (Допросы Мюллера, 2 февраля, 11 и 16 июня 1916 г.).

[10] Там же. Д. 51. Л. 206 (Письмо из разведывательного отдела, Западный фронт, 20 октября 1916 г.).

[11] О Масарике см. секретную телеграмму от агента в Берлине, 21 марта (4 апреля) 1915 г.: АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 57:49. Л. 7.

[12] Этими людьми были генерал-майор Хёфер, полковник Урбанский, полковник Ронге, подполковник Кунц и доктор Ворличек. См.: *Markus G.* Der Fall Redl. Mit Unveröfflichen Geheimedokumenten zur Folgenschwersten Spionage-Affair des Jahrhunderts. Vienna, 1984. S. 227.

[13] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 49. Л. 89, 131 (Допросы Мюллера, 2 февраля, 15 июня 1916 г.).

[14] Там же. Д. 134. Л. 137 (Показания Н.А. Реека, 28 августа 1916 г.).

[15] Там же. Л. 136.

[16] Речь П.Н. Милюкова, произнесенная на заседании Государственной думы 1 ноября 1916 г. // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 183.

[17] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 55. Л. 358 (Допрос Сухомлинова, 28 марта 1917 г.).

[18] Сухомлинов точно отразил характер своих отношений с Сергеем Михайловичем в своих письмах. См., например: Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем // Красный архив. 1923. №3. С. 34. В мемуарах его критика Сергея Михайловича еще жестче. См.: *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. М.; Л., 1926. С. 213.

[19] *Сухомлинов.* Воспоминания. С. 242, 250.

[20] РГВИА. Ф. 280. Оп. 1. Д. 8. Л. 54—55, 57 (Мемуар Редигера).

[21] *Лукомский А.С.* Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 1. С. 35—37. Взгляды Лукомского на этот предмет на редкость основательны. Блестящий военный администратор, он служил в 1910—1914 годах в отделе мобилизации Генерального штаба, прежде чем возглавить канцелярию Военного министерства, где служил с 1914 до лета 1915 года. Далее до апреля 1916 года он был товарищем министра при А.А. Поливанове.

[22] *Брусилов А.А.* Воспоминания. М., 1963. С. 63—65.

[23] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 55. Л. 46.

[24] Там же. Д. 52. Л. 18—19 (Допрос Сухомлинова, 9 ноября 1916 г.).

[25] Там же. Д. 134. Л. 34 (Допрос Николая Гошкевича, 25 июля 1915 г.).

[26] Там же. Д. 135. Л. 56 (Допрос Анны Гошкевич, 18 октября 1916 г.).

[27] *Сухомлинов.* Воспоминания. С. 315. В своих воспоминаниях Сухомлинов без всякой утайки воспроизводит аргументы, которые он приводил как во время предварительного следствия, так и на суде.

[28] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 49. Л. 137 (Допрос Мюллера, 11 июня 1916 г.); Д. 51. Л. 45 (Допрос Машека, 12 сентября 1916 г.); Д. 134. Л. 137—138 (Показания Рика, 28 августа 1916 г.). До сих пор не известно, было ли разоблачение Редля следствием предательства, его собственной неосторожности или проницательности австрийского почтового служащего, который, как считается, обратил внимание на конверт, адресованный до востребования, который был явно набит иностранной валютой, и сообщил об этом контрразведке.

[29] Там же. Д. 52. Л. 22 (Допрос Сухомлинова, 9 ноября 1916 г.).

[30] Там же. Л. 19; Д. 134. Л. 150 (Показания Янушкевича, 13 сентября 1916 г.).

[31] Там же. Д. 52. Л. 27 (Допрос Сухомлинова, 9 ноября 1916 г.).

[32] Там же. Д. 134. Л. 69 (Допрос Сухомлинова, 28 июля 1916 г.). Также см.: *Сухомлинов.* Воспоминания. С. 311.

[33] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 134. Л. 83 (Показания Сухомлинова, 29 июля 1916 г.).

[34] Там же. Л. 70, 81, 92 (Показания Сухомлинова, 28 и 29 июля, 3 августа 1916 г.).

[35] Там же. Л. 93 (Данные Кузьмина, 7 февраля 1916 г.); Там же. Д. 52. Л. 2.

[36] Там же. Д. 55. Л. 358—360 (Показания Сухомлинова, 28 марта 1917 г.).

[37] *Michelson A.M., Apostol P.N., Bernatzky M.W.* Russian Public Finance During the War. New Haven, 1928. P. 39—40. В среднем доход от алкогольной монополии с 1909 по 1914 год составлял 500 миллионов рублей в год, при объеме государственного бюджета в 2 миллиарда рублей.

[38] *Френкин М.* Русская армия и революция. 1917—1918. Мюнхен, 1978. С. 12.

[39] *Китанина Т.М.* Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России 1914 — октябрь 1917 г.). Л., 1985. С. 18.

[40] Подсчитано на основании данных из: *Michelson, Apostol, Bernatzky.* Russian Public Finance. P. 323—326.

[41] Ibid. P. 379.

[42] Ibid. P. 259.

[43] *Keep J.L.H.* The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization. New York, 1976. P. 31.

[44] Ibid. P. 29—34.

[45] *Китанина.* Война, хлеб и революция. С. 217—218.

[46] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 674. Л. 1 (Алексеев — Николаю II, 25 февраля 1917 г.).

[47] См.: *Gourko B.* War and Revolution in Russia 1914—1917. New York, 1919. P. 256.

[48] У Юсупова Распутину поднесли сладкий пирог и мадеру, и то и другое было отравлено цианистым калием. Кроме того, в него трижды выстрелили и минут десять били по голове двухфунтовой каучуковой гирей. Потом его тело было сброшено с моста в Неву. Вероятно, смерть наступила только под водой: легкие трупа, как выяснилось, были полны воды.

[49] *Maylunas A., Mironenko S.* A Lifelong Passion: Nicholas and Alexandra: Their Own Story. New York, 1997. P. 510—511.

[50] *Набоков В.* Временное правительство и большевистский переворот. Лондон, 1988. С. 95—96.

[51] Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении // Красный архив. 1926. № 17. С. 18.

[52] Цит. по: *Hasegawa Ts.* The February Revolution: Petrograd 1917. Seattle, 1981. P. 220.

[53] *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту (заговоры перед революцией 1917 года). Париж, 1931. С. 29.

[54] *Pipes R.* The Russian Revolution. New York, 1990. P. 274.

[55] *Wildman A.K.* The End of the Russian Imperial Army: The Old Army and the Soldiers' Revolt (March—April 1917). Princeton, 1980. P. 156.

[56] *Figes O.* A People's Tragedy: The Russian Revolution 1891—1924. New York, 1998. P. 321.

[57] Дневник Николая Романова // Красный архив. 1927. № 1. С. 137.

[58] Цит. по: *Спирин Л.М.* Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 73.

[59] The Russian Provisional Government 1917. Documents. Vol. 1 / Ed. by Robert Paul Browder and Alexander F. Kerensky. Stanford, 1961. P. 48—49.

[60] *Сухомлинов.* Воспоминания. С. 295.

[61] *Спирин.* Россия 1917 год. С. 83.

[62] *Шульгин В.* Годы. Дни. 1920. М., 1991. С. 289.

[63] *Танеева А.А. (Вырубова).* Страницы моей жизни. М., 2000. С. 128.

[64] *Сухомлинов.* Воспоминания. С. 296.

[65] *Френкин.* Русская армия. С. 197.

[66] *Orlovsky D.T.* Russia in War and Revolution // Russia: A History / Ed. Gregory Freeze. Oxford, 1997. P. 244.

[67] *Keep.* Russian Revolution. P. 178.

[68] АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 188:182 (1917 г.). Л. 145 (Рапорт от 12 мая 1917 г.).

[69] Мартовский 1917 года план капитана Бубнова предполагал экономящую силы операцию: три великолепно обученные русские дивизии совершают внезапную высадку в укрепленном районе Босфора, при поддержке всего Черноморского флота. Идея Бубнова вовсе не была безумной, как часто считают. К весне 1916 года Турция перевела большое число военных подразделений, базировавшихся в Константинополе, для укрепления своих армий на Кавказе и Ближнем Востоке. С другой стороны, к этому моменту активная кораблестроительная политика значительно изменила баланс сил на Черном море в пользу России. Кроме того, российский Черноморский флот обладал достаточным количеством транспортных судов для единовременной перевозки всех войск, а действуя против турецкого порта Трапезунд, приобрел опыт успешных военных операций на суше и море. К весне 1917 года Турция подвергалась столь сильному давлению на других театрах военных действий, что для обеспечения безопасности всего района Босфора у нее оставалось лишь две дивизии. Более того, под Одессой стояло три готовых к бою русских дивизии, которые в течение многих месяцев занимались исключительно подготовкой к этой операции. См.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1133. Л. 358—360; *Бубнов А.* В царской Ставке. Нью-Йорк, 1955. С. 215, 279; АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 472/492. Д. 13 (Ставка Министерству иностранных дел, 16 февраля 1915 г.); *Halpern P.* A Naval History of World War I. Annapolis, 1994. P. 238—245.

[70] *Knox A.* With the Russian Army 1914—1917: Being Chiefly Extracts from the Diary of a Military Attachй. Vol. 2. London, 1921. P. 641.

[71] *Якупов Н.М.* Революция и мир (солдатские массы против империалистической войны 1917 — март 1918 гг.). М., 1980. С. 91.

[72] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1242. Л. 24.

[73] *Daniels R.* Red October: The Bolshevik Revolution of 1917. New York, 1967. P. 4.

[74] *Shub D.* Lenin: A Biography. Baltimore, 1966. P. 242.

[75] *Wildman A.K.* The End of the Russian Imperial Army: The Road to Soviet Power and Peace. Princeton, 1987. Vol. 2. P. 153—156.

[76] АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 188:182 (1917 г.). Л. 161, 189, 193—194, 197.

[77] Тот факт, что большевики принимали финансовую поддержку Берлина, не делает их, впрочем, вопреки обвинениям некоторых их противников, «германскими агентами». Скорее в тот момент у них с немцами была общая цель — выход России из войны. Однако большевики крайне болезненно воспринимали обвинения в том, что они пользовались поддержкой Германии, и неизменно это отрицали. В этом отношении любопытны мемуары видного петроградского большевика А. Шляпникова «Канун семнадцатого года» (Ч. 2. М., 1920). Шляпников утверждает, что, хотя германские и австрийские агенты с самого начала войны делали попытки внедриться и «помочь» большевикам, эти предложения неизменно отвергались (с. 77—78).

[78] *Васильев И.И., Зданович А.А.* Генерал Н.С. Батюшин // Генерального штаба генерал-майор Батюшин. М., 2002. С. 254. Батюшин, остававшийся в заключении до Октябрьской революции, конечно, был виновен в злоупотреблении властью, но не в финансовых нарушениях. Имелись, однако, убедительные свидетельства того, что вымогательством занимались другие члены его комиссии, прежде всего А.С. Манасевич-Мануйлов.

[79] *Зданович А.А.* Как «реконструировали» контрразведку в 1917 году // Военно-исторический журнал. 1998. № 3. С. 54—55.

[80] Там же. С. 53—54; *Алексеев М.* Военная разведка России. Первая мировая война. М., 2001. Кн. 3, ч. 2. С. 198—200.

[81] См., например, рапорт Орлова, 3 апреля 1917 г.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 797. Л. 137 (прим.).

[82] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8319. Л. 79 (Циркуляр Военного министерства военным округам, 12 августа 1917 г.).

[83] Один из многочисленных образчиков преданного Гучковым публичности материала см.: Арест германского шпиона // Новое время. 1917. 9(13) марта. С. 3.

[84] В августе генерал Корнилов сам, очевидно, уверовал в то, что вражеские агенты просочились во Временное правительство. См.: *Pipes.* Russian Revolution. P. 464.

[85] *Abraham R.* Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution. New York, 1987. P. 239.

[86] Суд над Сухомлиновым // Новое время. 1917. 11 (24) авг. С. 3.

[87] Там же.

[88] Там же. 1917. 12 (25) авг. С. 4.

[89] Там же.

[90] Эта таблица сохранилась в архиве. См.: РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 120.

[91] Суд над Сухомлиновым // Новое время. 1917. 9 (22) сент. С. 4.

[92] Там же.

[93] Там же.

[94] Там же. 1917. 10 (23) сент. С. 4.

[95] Там же.

[96] Там же. 1917. 12 (25) сент. С. 4.

[97] Там же.

[98] Там же.

[99] Конец дела Сухомлиновых // Новое время. 1917. 14 (27) сент. С. 3.

[100] Суд над Сухомлиновым // Новое время. 1917. 13 (26) авг. С. 3.

[101] Там же.

[102] См., например: The Mobilized Chancellor: A Futile Campaign // The Times. September 6, 1917. P. 5f; *Grelling R.* Die «Enthüllungen» der Prozesses Suhomlinow. Bern, 1917. Греллинг, ненавидевший режим императора Вильгельма, отрицал, что мобилизация была актом войны, и на с. 63 пришел к выводу, что «Германия и Австрия единственно и исключительно виновны, и останутся виновны, в этой общеевропейской войне».

[103] См., например: *Turner L.C.F.* The Russian Mobilization of 1914 // The War Plans of the Great Powers 1880—1914 / Ed. Paul M. Kennedy. Boston, 1979. P. 252—268. Международный резонанс суда над Сухомлиновым был столь сильным, что его отклики даже проникли в беллетристику. В одном из романов Джона Бьюкена о подвигах неустрашимого Ричарда Хэннея, «Мистер Стандфаст» (1919), Хэнней получает приказ внедриться в круги германофилов, лидер которых утверждает, что «откровения процесса над Сухомлиновым в России... показали, что

Германия не несет ответственности за войну» (*Buchan J.* Mr. Standfast. Ware, U.K., 1994. P. 23).

[104] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 145. Л. 72 (Показания Ерандакова, 24 августа 1917 г.).

[105] Стенографический отчет см.: Там же. Д. 139—155.

[106] Суд над Сухомлиновым // Новое время. 1917. 24 авг. (6 сент.). С. 3.

[107] Там же. 1917. 15 (28) авг. С. 3.

[108] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 145. Л. 12—13.

[109] Суд над Сухомлиновым // Новое время. 1917. 27 авг. (9 сент.). С. 3.

[110] *Окунев Н.П.* Дневник москвича (1917—1924). Париж, 1990. С. 84.

[111] *Сухомлинов.* Воспоминания. С. 322.

[112] *Ipatieff V.N.* The Life of a Chemist. Stanford, 1946. P. 291—293.

[113] *Mackiewicz J.* Sprawa pulkownika Miasojedowa. London, 1992. Мацкевич утверждает, что его роман основан на фактах, включая свидетельства, полученные у информантов в Вильнюсе (см. с. 9).

Заключение

[1] Конечно, «самодержавие, православие, народность» было официальной идеологией правления Николая I (1825—1855). Однако «народность» в понимании консервативных придворных кругов того времени означала прославление покорности и богобоязненности русского народа, а не принятие мессианской программы по воплощению в жизнь превосходства определенной нации. См.: *Riazanovsky N.* Nicholas I and Official Nationality in Russia, 1825—1855. Berkeley, 1969. P. 137—140.

[2] *Дурново П.Н.* Записка Дурново // Красная новь. 1922. № 6. С. 187—189, 194—197.

[3] *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 385; *Радзинский Э.* Распутин: жизнь и смерть. М., 2000. С. 294.

[4] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1020. Л. 867 (Письмо редактору «Русского слова», 5 мая 1915 г.).

[5] *Jahn H.F.* Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca, 1995. P. 112—113, 162—163.

[6] *Laquer W.* Black Hundred: The Rise of the Extreme Right in Russia. New York, 1993. P. 43.

[7] *Резанов А.С.* Немецкое шпионство. Пг., 1915. С. 203.

[8] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 167. Л. 47 (Данные Матвеева, 30 апреля 1915 г.).

[9] Там же. Ф. 962. Оп. 1. Д. 43. Л. 169 (Отчет комиссии Петрова, 1916 г.).

[10] См.: *Sanborn J.A.* Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics 1905—1925. DeKalb, Ill., 2003. P. 162—163, где приводятся любопытные замечания об обеспокоенности русских «несдержанным сексом» — угрозе «гражданской добродетели».

[11] РГВИА. Ф. 962. Оп. 1. Д. 52. Л. 8 (Данные Кузьмина, 7 ноября 1916 г.).

[12] *Резанов.* Немецкое шпионство. С. 115.

Литература

I. Архивы

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), Москва.
Ф. 133 — Канцелярия Министерства иностранных дел (содержит большой объем переписки со Ставкой).
Ф. 134 — «Военный» архив.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Москва.
Ф. ДП ОО — Особый отдел, Департамент полиции.
Ф. 102 — Департамент полиции.
Ф. 110 — Штаб Отдельного корпуса жандармов.
Ф. 555 — А.И. Гучков.
Ф. 601 — Николай II.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Москва
Ф. 280 — А.Ф. Редигер.
Ф. 801 — Главная администрация военной юстиции (оп. 28, ошибочно соединенная с документами 1917 года; содержит практически все материалы, обнаруженные при исследовании дела Мясоедова).
Ф. 962 — Верховная следственная комиссия для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов воинского снабжения армии (комиссия Петрова) (содержит доклады о проведенных расследованиях, записи допросов, статистические исследования, переписку лиц, связанных с делом, данные под присягой показания, стенографические отчеты судебных заседаний, вещественные доказательства).
Ф. 970 — Императорская военно-полевая канцелярия.
Ф. 2000 — Главное управление Генерального штаба.
Ф. 2003 — Ставка, I мировая война.

Public Records Office, London
FO. Бумаги Министерства иностранных дел (Foreign Office), переписка с Россией.

National Archives, Washington D.C.
Generalmajor A.L.Fritz Gempp. Geheimer Nachrichtendienst und Spionabwehr der Heeres. Неопубликованная рукопись. Берлин, 1987, NARS микрофильм T-77.

II. Основные источники

Богданович А. Три последних самодержца. М., 1990.
Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1957.
Брусилов А.А. Мои воспоминания. Минск, 2003.
Бубнов А. В царской Ставке. Нью-Йорк, 1955.
Бунинский Б. Суд над Мясоедовым // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 132—147.
Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3.
Восточно-прусская операция. Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте. М., 1939.
Вся Вильна. Вильна, 1915.
Генерального штаба генерал-майор Батюшин. Тайная военная разведка и борьба с ней. М., 2002.
Гиацинтов Эраст. Записки белого офицера. СПб., 1992.
Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997.
Грузенберг О.О. Вчера: Воспоминания. Париж, 1938.
Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
Гучков А.И., Базили Н.А. Александр Иванович Гучков рассказывает. М., 1994.
Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль—сентябрь 1917 г. Репринт: М., 1991.
Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991.
Дневник б. великого князя Андрея Владимировича. 1915 год / Сост. В.П. Семенников. Л.; М., 1925.
Доклад Совета съездов о мерах к развитию производительных сил России. Пг., 1915.
Документы о преследовании евреев // Архив русской революции. Т. 19. С. 245—284. Репринт: The Hague, 1970.
Дубнов С.М. Книга жизни. Воспоминания и размышления. СПб., 1998.
Думбадзе В.Д. Генерал-адъютант Владимир Александрович Сухомлинов. Петроград, 1914.
Дурново П.Н. Записка Дурново // Красная новь. 1922. № 6. С. 187—189, 194—197. С. 178—199.
Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996.
Журналы Особого совещания по обороне государства. 1915 год / Сост. Л.Г. Бескровный и др. М., 1975.
За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева / Сост. В.П. Семенников. Л., 1925.
Заварзин П.П. Работа тайной полиции. Воспоминания. Париж, 1924.
Игнатьев А.А. 50 лет в строю. М., 1952. Т. 1.
Игнатьев П.А. Моя миссия в Париже. М., 1999.
Ишеев П.П. Осколки прошлого. Воспоминания 1889—1959. Нью-Йорк, б.г.
Каррик В.В. Война и революция // Голос минувшего. 1918. № 1—3. С. 5—75.
Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания, 1903—1919: В 2 т. Париж, 1933.
Курлов П.Г. Гибель императорской России. Репринт: М.,1992.
Лемке М. 250 дней в царской Ставке (25 сент. 1915 — 2 июля 1916 г.). Петроград, 1920.

Лукомский А.С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 1.
Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. М., 2007.
Мамонтов В.И. На государевой службе. Воспоминания. Таллин, 1926.
Мартынов А.П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов / Ред. Ричард Врага. Пало Алто, 1972.
Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. Париж, 1964. Т. 1.
Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991.
Мосолов А.А. При дворе последнего российского императора. М., 1993.
Наумов А.Н. Из исторических воспоминаний, 1868—1917. Нью-Йорк, 1955.
Окунев Н.П. Дневник москвича (1917—1924). Париж, 1990.
Орлов В.Г. Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М., 1998.
Падение царского режима. Л., 1924—1925. Т. 1—4.
Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 6.
Палицын Ф.Ф. В штабе Северо-Западного фронта (с конца апреля 1915 года по 30 августа того же года) // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Белград, 1922. Т. 3. С. 158—185.
Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1915 гг. М.; Пг., 1923. Т. 3.
Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем // Красный архив. 1923. № 3. С. 209—262.
Петров П.П. Роковые годы 1914—1920. Калифорния [так!], 1965.
Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении // Красный архив. 1926. № 17. С. 3—35.
Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907—1916 гг. М., 1924. Т. 1.
Резанов А.С. Немецкое шпионство. Петроград, 1915.
Резанов А.С. Штурмовой сигнал П.Н. Милюкова. Париж, 1924.
Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков, 1990.
Ронге Макс. Разведка и контрразведка. 2-е изд. М., 1939.
Самойло А.С. Две жизни. Л., 1963.
Сидоров А.А. В Киеве // Голос минувшего. 1918. № 1—3. С. 221—229.
Симанович Арон. Распутин и евреи. М., 1991.
Солдатские письма в годы мировой войны (1915—1917 гг.) // Красный архив. 1934. № 4/5 (65/66). С. 118—165.
Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция: В 2 т. Нью-Йорк, 1960.
Сухомлинов В.А. Воспоминания. М.; Л., 1926.
Танеева А.А. (Вырубова). Страницы моей жизни. М., 2000.
Теляковский В.А. Воспоминания. М.; Л., 1965.
Фрейнат О.Г. Правда о деле Мясоедова и др. По официальным документам и личным воспоминаниям. Вильна, 1918.
Фрумкин Я. Из истории русского еврейства (Воспоминания, материалы, документы) // Книга о русском еврействе: от 1860-х годов до революции 1917 г. М., 2002. С. 54—114.
Хольмсен И.А. Мировая война: Наши операции на Восточно-прусском фронте зимою 1915 г. Париж, 1935.
Шаховской В. Н. «Sic Transit Gloria Mundi» 1893—1917 гг. Париж, 1952.
Шавельский Георгий. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 1. Репринт: М., 1996.

Шляпников А. Канун семнадцатого года. М., 1920. Ч. 2.
Шульгин В. Годы. Дни. 1920. М., 1991.

Baedeker Karl. Russia with Teheran, Port Arthur and Peking. A Handbook for Travelers. Leipzig, 1914. Reprint, New York, 1970.
Bauermeister A. Spies Break Through: Memoirs of a German Secret Service Officer / Transl. by Hector Bywater. New York, 1934.
British Foreign Office. Russian Poland, Lithuania and White Russia: Foreign Office Publication. № 44. London, 1920
Busch Tristan. Secret Service Unmasked / Transl. by Arthur V. Ireland. London, n.d.
[Cantacuzene-Speransky] Princess Cantacuzene, Countess Speransky, née Grant. Revolutionary Days. Boston, 1919.
Doumbadze V.D. Russia's War Minister: the Life and Work of Adjuntant-General Vladimir Alexandrovitch Soukhomlinov. London, 1915.
von Falkenhayn, General. The German General Stuff and Its Decisions 1914—1916. New York, 1920.
Gourko Basil. War and Revolution in Russia 1914—1917. New York, 1919.
Grelling Richard. Die «Enthüllungen» des Prozesses Suchomlinow. Bern, 1917.
Gross Felix. I Knew Those Spies. London, 1940.
Hoare Samuel, Sir. The Fourth Seal: The End of a Russian Chapter. London, 1930.
Ipatieff Vladimir N. The Life of a Chemist: Memoirs of Vladimir N. Ipatieff / Ed. by Xenia Jouloff Evdin, Helen Dwight Fisher, and Harold H. Fisher. Transl. by Vladimir Haensel and Mrs. Ralph H. Lusher. Palo Alto, 1946.
Kalmykow A.D. Memoirs of a Russian Diplomat: Outposts of the Empire, 1893—1917 / Ed. by Alexandra Kalmykow. New haven, 1971.
Knox Alfred, Sir. With the Russian Army 1914—1917: Being Chiefly Extracts from the Diary of a Military Attaché. London, 1921. 2 vols.
Korostovets Vladimir. Seed and Harvest / Transl. by Dorothy Lumby. London, 1931.
Marye George Thomas. Nearing the End in Imperial Russia. Philadelphia, 1929.
Malunas Andrei, and Sergei Mironenko. A Lifelong Passion: Nicholas and Alexandra: Their Own Story. New York, 1997.
Miliukov Paul. Political Memoirs, 1905—1917 / Ed. by Arthur P. Mendel. Transl. by Carl Goldberg. Ann Arbor, 1967.
Nicolai W. The German Secret Service / Transl. by George Renwick. London, 1924.
Paléologue Maurice. La Russie des Tsars pendant La Grande Guerre. 20 Juillet 1914 — 2 Juin 1915. Paris, 1921.
Pares Bernard. My Russian Memoirs. London, 1931.
A Russian. Russian Court Memoirs. 1914—1916. London, 1917.
Smilg-Benario Michael. Der Zesammenbruch der Zarenmonarchie. Zurich, 1928.
Snowden Nicholas. Memoirs of a Spy: Adventures along the Eastern Front. London, 1933.
Topham Anne. Memories of the Kaiser's Court. London, 1914.
Wilton Robert. Russia's Agony. London, 1918.
Wood Ruth Kenzie. The Tourist's Russia. New York, 1912.

III. Литература

Алексеев Михаил. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М., 1998. Т. 1, 2.

Алексеев Михаил. Военная разведка России. Первая мировая война. М., 2001. Т. 3, ч. 2.

Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000.

Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999.

Апушкин В.А. Генерал от поражений В.А. Сухомлинов. Л., 1925.

Белой А. Галицийская битва. М., 1929.

Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XIX века. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.

Бобринский Александр. Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи. СПб., 1890. Ч. 1.

Васильев И.И., Зданович А.А. Генерал Н.С. Батюшин. Портрет в интерьере русской разведки и контрразведки // Генерального штаба генерал-майор Батюшин. Тайная военная разведка и борьба с ней. М., 2002.

Гилленсен В.М. Германская военная разведка против России (1871—1917 гг.) // Новая и новейшая история. 1991. № 2. С. 133—177.

Греков В.Н. Русская контрразведка в 1905—1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М., 2000.

Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне 1914—1915 гг. Берлин, 1924.

Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978.

Емец В.А. Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны. М., 1977.

Зданович А.А. Как «реконструировали» контрразведку в 1917 году // Военно-исторический журнал. 1998. № 3. С. 50—58.

История Украинской ССР. Т. 5 / Сост. В.Г. Сарбей и др. Киев, 1983.

Катков Г. Февральская революция. М., 2006.

Китанина Т.М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917 г.). Л., 1985.

Кобылин В. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. Нью-Йорк, 1970.

Кривошеин К.А. А.В. Кривошеин (1857—1921). Его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973.

Меннинг Брюс В. Фрагменты одной загадки. Ю.Н. Данилов и М.В. Алексеев в русском военном планировании в период, предшествующий Первой мировой войне // Последняя война императорской России / Сост. О.Р. Айрапетов. М., 2002. С. 65—87.

Набоков В.Д. Временное правительство и большевистский переворот. Лондон, 1988.

Ольденбург С.С. Царствование Николая II. М., 2003.

Писарев Ю.А. Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914—1915 гг. М., 1990.

Платонов О.А. Терновый венец России. Заговор цареубийц. М., 1996.

Радзинский Э. Распутин: жизнь и смерть. М., 2000.

Революция 1905—1917 гг. на Украине. Сб. док. и матер.: В 2 т. Т. 2, ч. 1 / Сост. Ф.Е. Лось. Киев, 1995.

Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник / Сост. А.М. Анфимов и А.П. Корелин. СПб., 1995.
Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). М., 1925.
Ростунов И.И. Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976.
Румянцев Е.Д. Рабочий класс Поволжья в годы Первой мировой войны и Февральской революции (1914—1917 гг.). Казань, 1989.
Рууд Чарльз и Степанов Сергей. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993.
Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973.
Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. Нью-Йорк, 1960. Т. 2.
Спирин Л. М. Россия 1917 г.: Из истории борьбы политических партий. М., 1987.
Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. Л., 1977.
Сухова Е. К. Пограничная стража и контрабанда в России начала XX века // Вопросы истории. 1991. № 7/8. С. 234—237.
Тарсаидзе Александр. Четыре мифа. Нью-Йорк, 1969.
Френкин М. Русская армия и революция 1917—1918 гг. Мюнхен, 1978.
Цехановский М.Ю. Генерал Батюшин и его комиссия // Владимир Орлов. Двойной агент. М., 1998.
Шацилло К.Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4. С. 103—116.
Якупов Н.М. Революция и мир (солдатские массы против империалистической войны. 1917 — март 1918 г.). М., 1980.

Abraham Richard. Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution. New York, 1987.
Allfrey Anthony. Man of Arms: The Life and Legend of Sir Basil Zaharoff. London, 1989.
Armour Ian D. Colonel Redl: Fact and Fancy // Intelligence and national Security. 1987. Vol. 2. № 1.
Bonsor N.R.P. North Atlantic Seaway. Vol. 3. Jersey, Channel Islands, 1979.
Buchheit Gert. Der deutsche Geheimdienst. Geschichte der militärischen Abwehr. Munich, 1967.
Cecil Lamarr. Albert Ballin: Business and Politics in Imperial Germany 1888—1918. Princeton, 1967.
Chankowski Stanislaw. The Attitude of the Jewish Population of Augustow Province Toward the January (1863) Insurrection // Landsmen. 1991—1992. Nos. 2, 3. P. 35—42.
Cherniavsky Michael. Prologue to Revolution: Notes of A.N. Iakhontov on the Secret Meetings of the Council of Ministers, 1915. Englewood Cliffs, N.J., 1967.
Cion-Pinchuk Ben. The Octobrists in the Third Duma 1907—1912. Seattle, 1974.
Daniels Robert V. Red October: The Bolshevik Revolution of 1917. New York, 1974.
Documents of Russian History 1914—1917 / Ed. Golder Frank Alfred. Gloucester, Mass., 1964.
Dubnow S.N. History of the Jews in Russia and Poland from the Earliest Times until the Present day / Transl. by I. Friedlander. 3 vols. Philadelphia, 1920. Reprint, New York, 1975.
Duker Abraham C. The Jews in the World War. New York, 1939.

Edelman Robert. Proletarian Peasants: The Revolution of 1905 in Russia's Southwest. Ithaca, 1987.
Emmons Terrence. The Formation of Political parties and the First National Elections in Russia. Cambridge, Mass., 1983.
Fabre René. Le Grandes Lignes de Paquebots Nord-Atlantique. Paris, 1928.
Falls Cyril. The Great War, 1914—1918. New York, 1959.
Ferguson Niall. The Pity of War. New York, 1999.
Ferrell Robert H. Woodrow Wilson and World War I. New York, 1986.
Figes Orlando. A People's Tragedy: The Russian Revolution 1891—1924. New York, 1998.
Freeze Gregory L. «Krylov vs. Krylova»: «Sexual Incapacity» and Divorce in Tsarist Russia // The Human Tradition in Modern Russia / Ed. by William B. Husband. Wilmington, Del., 2000. P. 5—17.
Freeze Gregory L. The Orthodox Church and Emperor Nocholas II: A Confrontation over Divorce in Late Tsarist Russia // Страницы русской истории. Проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича / Сост. В.М. Панеях и др. СПб., 2003. С. 195—203.
Fuller William C., Jr. Civil-Military Conflict in Imperial Russia 1881—1914. Princeton, 1984.
Fuller William C., Jr. The Russian Empire // Knowing One's Enemies" Intelligence Assessments before the Two World Wars / Ed. by Ernest R. May. Princeton, 1984. P. 98—126.
Fuller William C., Jr. Strategy and Power in Russia, 1600—1914. New York, 1992.
Gatrell Peter. Government, Industry and Rearmament in Russia, 1900—1914: The Last Argument of Tsarism. Cambridge, 1994.
Gatrell Peter. A Whole Empire Walking: Refugees During World War I. Bloomington, Ind., 1999.
Geifman Anna. Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894—1917. Princeton, 1993.
Gleason William. Alexander Guchkov and the End of the Russian Empire // Transactions of the American Philosophical Society. Philadelphia, 1983. Vol. 73. Pt. 2.
Greenberg Louise. The Jews in Russia: The Struggle for Emancipation. New Haven, 1951. Vol. 2.
Halpern Paul. A Naval History of World War I. Annapolis, 1994.
Hamm Michael F. Kiev: A Portrait, 1800—1917. Rev. ed. Princeton, 1995.
Haskegawa Tsuyoshi. The February Revolution. Petrograd 1917. Seattle, 1981.
Herrmann David G. The Arming of Europe and the Making of the First World War. Princeton, 1996.
Herwig Holger H. The First World War: Germany and Austro-Hungary 1914—1918. London, 1997.
Höhne Heine. Der Krieg im Dunkeln. Macht und Einfluss der deutschen und russischen Geheimdienstes. Munich, 1985.
Holm-Petersen F., A. Rosendahl. Fra Sejl til Diesel. Dansk Skibsfart. Sшhandel og Skibsbygning. N.p., n.d.
Hosking Geoffrey. The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907—1914. Cambridge, 1973.
Huldermann Bernhard. Albert Ballin / Transl. by W.J. Eggers. London, 1922.
Hyde Frances E. Cunard and the North Atlantic 1840—1973: A History of Shipping and Financial Management. Atlantic Highlands, N.J., 1975.

Jahn Hubertus. Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca, 1995.
Jones David. Imperial Russia's Forces at War // Military Effectiveness / Ed. by Allan R. Millet and Williamson Murray. Vol. 1. The First World War. Boston, 1988. P. 249—328.
Joseph Samuel. Jewish Immigration to the United States from 1881 to 1910. New York, 1914.
Kaledin Viktor K. F.L.A.S.F. D. 13. New York, 1930.
Kaledin Viktor K. 14-O.M.66.K: Adventures of a Double Spy. New York, 1932.
Keep John L. H. The Russian Revolution: A Study of Mass Mobilization. New York, 1976.
Kohut Thomas August. Wilhelm II and the Germans. New York, 1991.
Kryl Stefan. Cytadela Warsawska. Warszawa, 1978.
Lange Ole. Den Hvide Elefant. N.H. Andersen Eventyr og IIIK 1852—1914. Viborg, 1986.
Lacquer Walter. Black Hundred: The Rise of the Extreme Right in Russia. New York, 1993.
Lewinsohn Richard. The Mystery Man of Europe: Sir Basil Zaharoff. Philadelphia, 1929.
Lieven Dominic. Nicholas II: Twilight of the Empire. New York, 1993.
Lincoln W. Bruce. Passage through Armageddon: The Russians in War and Revolution, 1914—1918. New York, 1986.
Lloyd's Register of Shipping From 1 July 1914 to 30 July 1915. Vol. 1. London, 1914.
Lohr Eric. Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens During World War I. Cambridge, Mass., 2003.
McDonald. United Government and Foreign Policy in Russia 1900—1914. Cambridge, Mass., 1992.
Mackiewicz Jyzef. Sprawa pulkownika Miasojedowa. Powiesc. London, 1992.
Markus Georg. Der Fall Redl. Mit Unveröffichten Geheimedokumenten zur Folgeschwersten Spionage-Affair des Jahrhunderts. Vienna, 1984.
Marshall Alex. Russian Military Intelligence, 1905—1917: The Untold Story behind Tsarist Russia in the First World War // War in History. 2004. Vol. 11. № 4. P. 393—423.
Menning Bruce W. Bayonets before Bullets: The Imperial Russian Army, 1861—1914. Bloomington, Ind., 1992.
Michelson Alexander P., Paul N. Apostol, and Michael W. Bernatzky. Russian Public Finance During the War. New Haven, 1928.
Miliukov Paul, et al. History of Russia: Reforms, Reaction, Revolutions / Transl. by Charles Lam Markmann. Vol. 3. New York, 1969.
Noel-Baker Philip. The Private Manufacturer of Armaments. Vol. 1. London, 1936.
Nolde Boris E. Russia in the Economic War. New Haven, 1928.
Occleshaw Michael. Armour against Fate: Military Intelligence in the First World War. London, 1989.
Orlovsky Daniel T. Russia in War and Revolution // Russia: A History / Ed. by Gregory Freeze. Oxford, 1997. P. 231—262.
Pares Bernard. The Fall of the Russian Monarchy. New York, 1939.
Pinter Walter McKenzie. Russian Economic Policy under Nicholas I. Ithaca, 1967.
Pipes Richard. The Russian Revolution. New York, 1990.
Polnek Tikhon, Vladimir Obolensky, and Sergius P. Turin. Russian Local Government during the War. New Haven, 1930.

Riazanovsky Nicholas. Nicholas I and Official Nationality in Russia, 1825—1855. Berkeley, 1969.

Rogger Hans. Jewish Policies and Right-Wing Politics in Imperial Russia. Berkeley, 1986.

Rowan Richard Wilmer. Spy and Counterspy: The Development of Modern Espionage. New York, 1929.

Rubinow Isaac M. Economic Conditions of the Jews in Russia. Washington, 1907. Reprint, New York, 1975.

Russian Jewry (1860—1917) / Eds. Frumkin Jacob, Gregor Aronson, and Alexis Goldenweiser. Transl. by Mira Ginsburg. New York, 1966.

The Russian Provisional Government 1917: Documents / Eds. Browder Robert Paul, and Alexander F. Kerensky. Stanford, 1961. Vol. 1.

The Russian Year-Book for 1912 / Ed. Kennard Howard P. London, 1912.

Rutherford Ward. The Tsar's War 1914—1917. Cambridge, 1992.

Sanborn Josh. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics 1905—1925. DeKalb., Ill. 2003.

Sanborn Josh. The Mobilization of 1914 and the Question of the Russian Nation: A Reexamination // Slavic Review. 2000. Vol. 59. № 2. P. 267—289.

Schindler John. Redl — Spy of the Century? // International Journal of Intelligence and Counterintelligence. 2005. Vol. 18. Issue 3. October. P. 483—507.

Shub David. Lenin: A Biography. Baltimore, 1966.

Siegelbaum Louis. The Politics of Industrial Mobilization in Russia 1914—1917: A Study of the War-Industries Committees. New York, 1983.

Seton-Watson Hugh. The Russian Empire, 1801—1917. London, 1967.

Shapiro Leonard. The Communist Party of the Soviet Union. New York, 1960.

Showalter Dennis E. Tannenberg: Clash of Empires. Hamden, Conn., 1991.

Sorin Gerald A. A Time for Building: The Third Migration, 1880—1920 // The Jewish People in America. Vol. 3 / Ed. by Henry L. Feingold. Baltimore, 1992.

Steinberg Mark and Vladimir M. Khrustalev. The Fall of the Romanovs. New Haven, 1995.

Stone Norman. The Eastern Front, 1914—1917. New York, 1975.

Szajkowski Zosa. Sufferings of Jewish Emigrants to America in Transit Through Germany // Jewish Social Studies. 1977. Vol. 39. № 1/2. P. 105—116.

Turner L.C.F. The Russian Mobilization of 1914 // The War Plans of the Great Powers 1880—1914 / Ed. by Paul M. Kennedy. Boston, 1979. P. 252—268.

Wandycz Piotr S. The Lands of Partitioned Poland, 1795—1918. Seattle, 1974.

Weeks Theodore. Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863—1914. DeKalb, Ill., 1996.

Wildman Allan. The End of the Russian Imperial Army: The Old Army and the Soldiers' Revolt (March—April 1917). Princeton, 1980.

Wildman Allan. The End of the Russian Imperial Army: The Road to Soviet Power and peace. Princeton, 1987. Vol. 2.

Wilson Trevor. The Myriad Faces of War: Britain and the Great War 1914—1918. Cambridge, 1986.

Список сокращений

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи
БЭ — Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. В 84-х т. СПб., 1881—1907
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
PRO — Public Record Office, London

Именной указатель

Абелов В.Д. 111
Абрехт Ф.-Л. 172
Александр I, император 143, 166
Александр III, император 23, 53
Александра Федоровна, императрица 13, 193, 229, 233, 242, 247, 248, 250, 290, 320, 326, 336, 337
Алексеев М.В. 100, 177, 183, 234, 244, 245, 271, 274, 280, 290, 299, 301, 323
Алексей, царевич 274, 326
Альтшиллер А. 66--73, 75, 91--95, 116, 122, 128--130, 133, 134, 231, 241, 250, 251, 264—266, 268, 290, 299, 311
Альтшиллер О. 92, 128, 129, 231, 290
Андроников М.М. 85, 86, 93, 100, 132—135, 227, 231, 247, 254, 290, 294, 301
Антоний, митрополит 72
Арнольд 180
Аурих А. 163
Ауффенберг 327

Бадмаев П.А. 246
Байрашевский, имам 210
Балинский П. 127
Баллин А. 29, 45—47
Барк П.Л. 212, 269
Батюшин Н.С. 163, 194, 197, 284, 337, 347
Бауэрмайстер А. 160—162, 202, 207, 260
Бауэрмайстер П. 162, 207
Белецкий С.П. 118, 323
Беляев М.А. 340
Бем Э. 161
Бенкендорф А.К. 212, 213
Бенсон Л. 185
Бенсон П.А. 171, 184—186, 188
Березовский В.А. 60, 63, 69, 72, 73, 76, 80, 92
Беренд Г.З. 175, 177
Бисмарк Б. фон 181
Бисмарк О. фон 304
Бобринский В.А. 230, 231
Богданов Е.В. 131
Богданова 180
Богданович Е.В. 74
Богров Д. 79, 122, 322
Бонмюллер 216

Бонч-Бруевич В.Д. 197
Бонч-Бруевич М.Д. 12, 156, 164—166, 194, 197—199, 282
Боршнева Е. 172
Борткевич, капитан 179
Боткин В.С. 80, 97, 189
Боткин Е.С. 97
Брауншгейны 31—34
Брауншгейн Ф. 203, 204
Бродские 67, 68
Брусилов А.А. 222, 237, 244—246, 262, 263, 271, 280, 282, 340, 342
Бруштейн 173
Бубнов А.Д. 336, 347
Булацель Л. 80, 97, 104, 134, 189
Бут А. 173
Бутович В.Н. 62—66, 69—73, 122—124, 251, 293, 312, 320, 321, 329
Бутович Е.В. *См.* Сухомлинова Е.В.
Бутович Ю. 63—65, 69, 320
Буш Т. 200
Бьюкен Дж. 348
Бьюкенен Дж. 173, 174, 217

Валентини Э. 22, 77, 79, 121, 163
Варун-Секрет С.Т. 134, 230, 231
Васильев 267
Васнецов В.М. 62
Величко К.И. 298
Веллер М.И. 93—95, 130, 131, 231—233, 241, 268
Веретенников А.П. 57, 58
Вернандер А.П. 290
Викторов Д.А. 75
Викторова Л.Н. 75, 119
Вильгельм II, император 25, 26, 36, 142, 214, 250, 311, 348
Винавер М.М. 214
Витте С.Ю. 60, 305
Войцеховский М.Д. 10
Ворличек 344
Вырубова А.А. 248, 276, 305, 320, 323

Габаев 301
Ганин А. 7
Гемпп Ф. 180, 335
Генрих VIII, король 142
Георг V, король 132
Гершанович 210
Гибандо А. 69, 71, 72
Гинденберг П. 157, 236

Гогенцоллерны, династия 304
Голубев И.И. 230
Гольдштейн А.С. 22, 35
Гольдштейн К.С. *См.* Мясоедова К.С.
Гольдштейн М.С. 22
Гольдштейн П.С. 22, 171, 190
Гольдштейн С. 22
Горленко И.В. 134
Готье Ю.В. 16
Гошкевич А.А. 71—73, 75, 76, 79, 94, 95, 123, 130, 132, 231, 232, 241, 254, 255, 264, 268, 290
Гошкевич В.И. 61
Гошкевич К.Н. 61, 62
Гошкевич Н.М. 71—73, 75, 79, 93—95, 129—132, 231—233, 241, 265, 268, 290
Грей Э. 173
Грейфан, генерал 121
Греллинг Р. 296, 348
Гренсах, капитан 179
Григорович И.К. 290
Григорьев В.Н. 225, 340, 341
Гримм 265
Гринберг О. 32—34, 317
Гринман 31, 33
Гротгус О.О. 46, 49, 163, 170, 172, 175—178, 310
Грузенберг О.О. 42—45, 113, 171
Губонин А.С. 105
Гулевич А.А. 164, 174—176, 194—196
Гурко В.И. 102
Гучков А.И. 70, 101—116, 118, 120, 122, 144, 163, 166, 167, 189, 226, 227, 229, 231, 242, 267, 277, 286, 290, 292, 301, 309, 327, 348
Гучков Н.И. 97

Дальгейм 215
Данилов Ю.Н. 115, 156, 221, 290, 298, 318
Данчич Д.Д. 288, 291, 292, 295
Дашков Д.Я. 150
Деклассэ Т. 90
Деникин А.И. 12, 222, 340
Дистергоф 163—165, 168
Дих 216
Дмитриев, капитан 173
Дмитрий Павлович, вел. кн. 271, 272
Донцов 41
Достоевский Ф.М. 40, 125
Драгомиров М.И. 53, 54, 59—61, 87, 265
Дубнов С.М. 56, 207

Думбадзе И. 131
Думбадзе В.Д. 131, 132, 231—233, 241, 251, 266, 268, 290, 301
Дурново П.Н. 305
Дурылин 129

Епанчин Н.А. 59, 158
Ерандаков В.А. 81—83, 120, 121, 163, 186, 187, 267, 296, 297
Еремев Д.М. 10
Еремин А.М. 96, 97, 104, 105, 114, 117, 324
Ермолинский Н.Н. 184

Жилинский Я.Г. 82, 83, 87, 107, 109, 343
Жоффр Ж. 254

Зальцман А. 171, 174, 175, 182—184, 195
Зальцман Ш. 171, 174, 175, 182—184, 195
Захаров (Захарофф) Б. 127, 128
Захарьин 288, 292
Звегинцев А.И. 111
Зейдлиц И. 185, 186, 188
Зотимов А.И. 94, 120
Зуев Н.П. 80

Иванов В.Г. 94, 95, 130, 131, 231—233, 241, 250, 251, 264, 265, 266, 268, 277, 290, 325, 327, 340
Иванов Н.И. 100, 116, 222
Иванова Н. 232
Игнатьев П. 211
Израиль О. 78
Ипатьев В.Н. 240
Ищеев П.П. 23, 314

Йолц Р. фон дер 302

Кавтарадзе А.Г. 8
Казаринов М.Г. 288—290, 292—294, 297, 299
Каледин В. 13, 14
Каменев Н.М. 79
Кан И. 137, 172
Каплан, певица 61
Каплан, торговец 172
Карас И. 57
Карпов И.К. 171
Катков Г.М. 14, 15
Каценеленбоген И. 107, 114
Квислинг В. 16

Кедыс А. 171, 181—184, 188
Кельпин 198
Керенский А.Ф. 168, 169, 192, 274, 275, 277, 282, 286, 287, 295
Клаузевиц К. фон 204
Клигельс Н.В. 56
Козловиц М. 180
Коковцов В.Н. 58, 59, 77, 98, 107, 113, 114, 117, 118, 290
Колаковский Я.П. 159—163, 189, 202—204, 338
Коломнин, лейтенант 97, 114
Комаров М.А. фон 115
Константин Константинович, вел. кн. 150, 191
Корейш Е.Н. 60, 68, 69, 329
Корнилов Л.Г. 282, 348
Коростовец В. 314
Корф Л.Ф. 60
Кривошеин А.В. 227, 228, 230
Кристанер В.В. 10
Крупенский П.Н. 111
Крыжановский В.В. 145
Крючков Козьма 309
Кудрявцев Л. 42
Кудрявцев П. 42
Кузьмин И.А. 243, 244, 250, 252, 253, 256, 258, 263, 265
Кузьмин-Караваев В.Д. 290, 343
Кулаковский А. 333
Кулл Э. 180
Кулябко Н.Н. 122
Курлов П.Г. 50, 58, 77, 144, 151, 197, 198
Кунц, подполковник 344
Кшесинская М.Ф. 127
Кюнье М.Ф. 126

Лакер У. 307
Лалонг 187
Ланцер Ф. 107, 114
Левитан И.И. 21
Ленин В.И. 168, 197, 280, 281, 283, 305
Линк 32, 33
Липшиц А.И. 171, 172, 175, 177
Лор Э. 8
Лоранс В. 69, 123
Лукирский С.Г. 9
Лукомский А.С. 103, 345
Львов Г.Е. 277
Людендорф Э. 157, 236
Людовик XIV, король 142

Люсетт 92, 129
Лядов 288

Маврин А.А. 59
Магеровская Н.П. 137, 150, 170, 172
Макаров А.А. 98, 107, 108, 110, 114, 116—118, 135, 252, 290
Макензен А. фон 220, 221
Маклаков Н.А. 118, 192, 227
Мамонтов В.И. 339
Манасевич-Мануйлов А.С. 347
Манташев А.И. 133
Марголин 57
Мари Дж. 170
Мария Федоровна, императрица 44
Мартынов А.П. 217
Маршалл А. 315
Масарик Т. 259, 344
Маслов П.П. 75, 267
Матвеев П.Н. 165, 166, 171, 174, 195
Мацкевич Ю. 302, 349
Машек А. 255—260, 265
Мельгунов С.П. 215
Меннинг Б. 7, 318, 332
Меншуткин 288
Микулис М. 171, 174, 175, 177, 182, 183, 195
Милюков П.Н. 13, 111, 249, 250, 252, 260, 277, 286, 290, 344
Михаил Александрович, вел. кн. 274
Михайлов П.М. 105, 106, 327
Монкевиц Н.А. 81, 83
Морган Дж.П. 29
Мосолов А.А. 247, 252
Мышлаевский А.Л. 71, 86, 103
Мюллер Ф. 255, 257, 258, 260, 265, 291
Мясоедов Д.Н. 111, 168
Мясоедов Н. 18
Мясоедов Н.Н. 138, 165, 196
Мясоедов Н.С. 50
Мясоедов С.Н. 9—26, 31—50, 52, 73, 75—87, 95—97, 104—122, 135—139, 144—151, 158—172, 178, 181—184, 188—207, 213, 214, 219, 225, 227, 228, 230, 231, 240, 241, 250, 251, 264—269, 272, 277, 290, 292, 296, 297, 309—315, 317, 318, 332, 333, 335, 338
Мясоедов Я. 18
Мясоедова К.С. 10, 22, 45, 46, 49, 50, 75—78, 118, 119, 137, 138, 149, 150, 170, 171, 175—178, 195, 290, 302, 322
Мясоедова М.С. 10, 138, 149

Набоков В.В. 60
Набоков В.Д. 60, 272, 309
Набоков Д.Н. 60
Набокова М.Ф. 60
Наполеон I Бонапарт, император 142, 282, 303
Наполеон III, император 282
Наумов А.Н. 230
Неверов А.Н. 59
Нелидов А.И. 186
Неметти В.Е. 65, 72
Николаи В. 36, 37, 181, 191, 203
Николай I, император 19, 349
Николай II, император 11, 15, 16, 37, 53, 55, 65, 66, 69—72, 77, 78, 97, 98, 103, 106, 113, 141, 143, 207, 212, 216, 226, 228, 229, 233, 234, 242, 246, 247, 252, 261, 269, 271—274, 301, 305, 326
Николай Николаевич (Младший), вел. кн. 69, 99, 100, 154, 159—163, 174, 175, 192—194, 196, 210, 211, 227—229, 233, 261, 262, 301, 325, 336, 341
Нимпш 186
Ницше Ф. 205
Нокс А. 328
Носович В.Н. 288, 289, 290, 291
Ностиц Г.И. 186, 336
Ностиц М. (Лилли) 186—188, 193, 297, 336

Окунев Н.П. 300
Орлов В.Г. 313
Орловски Д. 7
Остен-Сакен В.Ф. 43
Оуэн Т. 7

Палеолог М. 12
Палицын Ф.Ф. 44, 70, 318, 323
Пантелеев А.И. 230
Петров Н.П. 230, 240, 252, 262, 263
Петрович В.П. 258
Пеэрз Б. 13
Пётр I, император 26, 207
По П.-М. 170
Погорецкий 258
Подушкин, полковник 48, 96, 114
Покет 257
Поливанов А.А. 65, 86, 99, 102—107, 113, 114, 116, 122, 227, 229, 234, 235—237, 242, 290, 328, 345
Поливанов Н. 209
Полли-Поллачек А. 185, 186, 188
Поллок Дж. 212

Половцов И.Ф. 229
Поляков, полковник 260
Пономарев 40—43, 48, 105, 118
Посников А.С. 230
Прагер 172
Принцип Г. 140
Протопопов А.Д. 248, 249, 275, 343
Пупков 180
Пуришкевич В.М. 249, 271

Радзинский Э. 329
Радко-Дмитриев Р.Д. 222
Райнерт Э. 182
Распутин Г.Е. 15, 16, 62, 114, 118, 134, 193, 228, 232, 233, 242, 246—250, 271—273, 276, 305, 320, 326, 329, 337, 339, 346
Редигер А.Ф. 70, 86—88, 99, 104, 240, 262, 323, 343
Редль А. 115, 200, 257, 258, 260, 265, 327, 345
Резанов А.С. 209, 312, 343
Реек 260
Рейн Г.Е. 276
Ренненкамф П.К. 152, 153, 184, 258
Ригерт Ф. 22, 138, 171, 174—177, 182, 183, 195
Рицлер К. 162
Рован Р.У. 13
Родзянко М.В. 12, 168, 169, 215, 227, 239, 249, 290
Розен Р.Р. 305
Романовы, династия 205, 301, 303
Ромер С. 13
Ронге М. 344
Рочат Ф. 320
Рубин 38
Рубинштейн Д. 250, 337
Рузский Н.В. 9, 145, 156, 165, 194, 274, 332
Рутерфорд У. 314
Руцинский Ф. 162

Саблер В.К. 228, 229
Савич С.С. 267, 290
Сазонов С.Д. 141, 212, 296
Самойло А.А. 36, 196, 256, 259
Самсонов А.В. 153, 159, 332
Сан-Кирали. *См.* Мюллер Франц
Сандей Б. 206
Свентицкий 129
Свирский Н. 128
Сергей Михайлович, вел. кн. 127, 253, 261—263, 290, 345

Сиверс Ф.В. 13, 158
Симанович А. 232, 233, 339
Скопник Р. 159—161, 172, 333
Смородский П.А. 150
Смысловский Е.К. 290
Сольская, графиня 118
Солтеш М. 146
Спаннокки Л. 121, 327
Спиридович А.И. 14
Сталин И.В. 17
Станиславски М. 7
Стессель И.Г. 243
Столбина Е. 78, 79, 137—139, 149, 150, 166, 170, 172, 177, 191, 311, 333
Столетов Н.Г. 54
Столыпин П.А. 43, 44, 49, 50, 58, 77, 79, 98, 101, 122, 228, 318
Стоун Н. 325
Суворин А.С. 97
Суворин Б.А. 108, 109, 111, 114, 120, 144, 166
Суворины 216
Сухомлинов В.А. 10—17, 52—135, 141, 163, 166, 170, 189, 192, 195, 203, 205, 219, 226—231, 234, 241—269, 272, 274—277, 281, 286—296, 298—302, 310—312, 315, 323—325, 329, 343, 345, 348
Сухомлинова Е.В. 10, 61—79, 92, 95, 109, 122—125, 129, 132—134, 170, 243, 244, 247, 248, 251, 254, 255, 264, 276, 277, 286, 288, 289, 292—295, 299—301, 312, 314, 322

Таганцев Н.Н. 288, 289, 292, 295
Тарсаидзе А.Г. 14, 15
Тарховский 288, 292
Таубе М.А. 267
Тильманс Р. 239, 240
Тильмансы 239, 310, 314
Тимашев С.И. 290
Толубаев М.И. 176
Трепов А.Ф. 252
Троцкий Л.Д. 284
Трубин А. 175, 176
Трусевич М.И. 40, 43, 44, 49

Уваров А.А. 111
Уилтон Р. 12
Унгерн-Штернберг Э. 121, 327
Урбан Г.А. 171, 175, 177
Урбанский А. 344
Урвич П. 207

Фальк Р. 46, 48, 49, 87, 151, 175—178, 195
Фалькенхайн Э. фон 220, 236
Фальцер 57
Феодосьев М.В. 288
Фергюсон Н. 330
Филипп II, король 142
Финн В.-Н.З. 93
Фишер Ф. 142
Фишман 57
Флек Г. 204
Франц Иосиф I, император 68, 115
Франц Фердинанд, эрцгерцог 140
Фрейберг Б. 34, 45—49, 96, 109, 135, 136, 139, 148, 151, 166, 171—175, 178, 195, 203—205, 241, 310
Фрейдберг Д. 46, 139, 148, 151, 166, 171, 173—178, 195, 203—205, 241
Фрейдберг М. 175
Фрейдберг С. 33, 34, 45—49, 96, 107, 135, 136, 139, 148, 151, 166, 171, 173—175, 241
Фрейдберг Я. 33
Фрейнат О.Г. 14, 171, 172, 175—178, 268, 310
Фрид И. 46, 177, 195
Фриз Г. 7, 321
Фукс Э. 22
Фурман 57

Харитонов П.А. 213
Хасегава Ц. 315
Хвостов А.А. 243
Хервагер 216
Хёне Х. 338
Хётцендорфф К.Ф. фон 220, 258
Хёфер, генерал-майор 344
Хоар С. 315

Цихотский В. 57

Чебышев 288
Червинская Н.И. 73, 134, 135, 247, 254, 290, 329

Шавельский Г. 58
Шарк 216
Шаховской В.Н. 216, 240
Шацилло К.Ф. 14, 15, 325
Шиндлер Дж. 327
Ширинов П. 194. 195
Шишкин 170

Шлейхер К. фон 302
Шлиффен А. фон 38, 142, 236, 317, 330
Шлихтер А.Г. 56
Шляпников А.Г. 347
Шпейер, полковник 21, 78
Шрейдер 217
Штайн 185
Штюрмер Б.В. 248, 249, 252
Шуваев Д.С. 242
Шувалов А. 184
Шулер 41, 42
Шуринов П.М. 23

Щегловитов И.Г. 228, 229, 243, 275
Щербатов Н.Б. 211. 212

Эрнест, герцог Гессен-Дармштадтский 193

Юршевский 288
Юсупов Ф.Ф. 271, 346

Якубец 257
Янушкевич Н.Н. 92, 103, 109, 176, 187, 193—196, 211, 212, 262, 266, 268, 290, 296, 309, 336, 339
Ярузельская М.А. 185

Содержание

Благодарности 7

ВВЕДЕНИЕ. КАЗНЬ В ВАРШАВЕ 9

Глава 1

ВЕРЖБОЛОВО 18

Ворота в Россию 24

Северо-западные окраины и проблема еврейской эмиграции 26

Мясоедов и военная разведка 35

Неприятности начинаются: миссия корнета Пономарева ... 39

«Северо-западная русская пароходная компания» 44

Мясоедов, «Северо-западная компания» и Министерство внутренних дел 48

Глава 2

КИЕВ 51

Владимир Александрович Сухомлинов 52

Екатерина Викторовна Бутович 61

Александр Альтшиллер 66

Глава 3

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 74

Мясоедовы и Сухомлиновы 76

Альтшиллер и его круг 91

Мясоедов, Сухомлинов и их враги 95

Интриги зимы и весны 1912 года 104

Дуэль 110

Последствия 113

Реконструкция механизма заговора 114

Глава 4

ПЕРЕГРУППИРОВКИ И ПРЕДАТЕЛЬСТВА 117
Горести Сухомлинова 122
Как был коррумпирован Сухомлинов 126
Круг Сухомлинова после 1912 года 128
Удачи и поражения Мясоедова 135

Глава 5

ПЕРВАЯ ФАЗА ВОЙНЫ 140
Начало войны 143
Мясоедов в армии 144
Россия в войне 151
Подпоручик Колаковский 159
Арест Мясоедова 163
Отклики на казнь Мясоедова 168
Другие аресты 170
Суды 174

Глава 6

КОРНИ ШПИОНОМАНИИ
Были ли виноватые? 178
Почему именно Мясоедов? 189
«Шпионаж» и психология масс: анатомия шпиономании .. 205
Антисемитизм 210
Германофобия 214

Глава 7

ВЕЛИКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ 220
Настроение в стране 225
Треволнения Сухомлинова 226
Другие судебные дела 231
Петля затягивается 240
Пиррова победа 244
Освобождение Сухомлинова 246
Отчет Кузьмина 250

Глава 8

РЕВОЛЮЦИЯ И ПОСЛЕДНИЙ АКТ 253
Дело В.А. Сухомлинова 253
Защита Сухомлинова 261
«Измена» и Февральская революция 269

Сухомлинов снова в тюрьме 274
Временное правительство и его заботы 277
Временное правительство и идея измены 281
Временное правительство и суд над Сухомлиновым 286
Анатомия поражения 295
Кода 300

Заключение

ПАТРИОТЫ И ПРЕДАТЕЛИ 303

Примечания 313
Список сокращений 359
Именной указатель 360

Уильям Фуллер

ВНУТРЕННИЙ ВРАГ

ШПИОНОМАНИЯ И ЗАКАТ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

Дизайнер серии
Д. Черногаев
Редакторы
М. Долбилов, И. Жданова
Корректор
Э. Корчагина
Компьютерная верстка
С. Петров

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «Новое литературное обозрение»

Адрес издательства:
129626, Москва, И-626, а/я 55
Тел.: (495) 976-47-88
факс: (495) 977-08-28
e-mail: real@nlo.magazine.ru
http://www.nlobooks.ru

Формат 60x90/16
Бумага офсетная № 1
Печ. л. 23,5. Тираж 1500. Заказ № 5802
Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс
"Ульяновский Дом печати"»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14